

СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛА РАБОТАТЬ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. И. Голованова

Челябинский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются характерные для современной военной коммуникации изменения в семантике и сочетаемости глагола «работать» и его производных. Автор утверждает, что отмеченные изменения влияют на употребление соответствующей лексики в медийных текстах в связи со значимостью данной сферы профессиональной коммуникации в период проведения Россией специальной военной операции.

Ключевые слова: профессиональная военная коммуникация, семантика, сочетаемость, русский язык, специальная военная операция.

Abstract: the article examines the changes in the semantics and compatibility of the verb “to work” and its derivatives characteristic of modern military communication. The author claims that these changes affect the use of appropriate vocabulary in media texts due to the importance of this sphere of professional communication during the period of Russia’s special military operation.

Keywords: professional military communication, semantics, compatibility, Russian language, special military operation.

Глагол «работать» вошел в качестве одного из основных лексических средств в профессиональные подязыки. Так, например, в речи музыкантов, актеров и представителей других творческих профессий, связанных со сценой, прочно употребляются сочетания *работать концерт, отработать программу (сцену, эпизод, дубль* и пр.). В спортивной коммуникации глагол *работать* используется в значении ‘вести бой, тренировку’ [1, 120]. В устной коммуникации сотрудников правоохранительных органов данный глагол используется в устойчивых сочетаниях *работать на земле* (т.е. на участке, участковым, непосредственно с людьми), *работать под прикрытием* (о деятельности сотрудника, внедренного в криминальную среду с оперативной легендой) [2]. Императив *Работаем!* повсеместно используется в силовых структурах в качестве сигнала к началу операции. Во всех приведенных примерах глагол «работать» реализует основное значение ‘исполнять свои трудовые, профессиональные обязанности’. Некоторые устойчивые выражения с этим глаголом, возникнув в профессиональной среде, вошли в общелитературный язык: *работать без выходных, работать в две смены, работать сутки через двое*.

В коммуникации сотрудников силовых структур с рассматриваемым глаголом связаны прецедентные феномены. Так, например, широкую известность получила фраза «Работайте, братья!», произнесенная лейтенантом полиции Магомедом Нурбагандовым

10 июля 2016 года непосредственно перед тем, как его расстреляли боевики. Эти слова для сотрудников силовых структур звучат как символ мужества, героизма и верности долгу. Ответом на них стало устойчивое выражение: «Работаем, брат!», которое воспроизводится в песнях и стихах, а с началом специальной военной операции стало еще более востребованным и актуальным. Примечательно, что во время одного из недавних интервью подполковник запаса Александр Ванюшкин (автор песни «Триста тридцать три», ставшей неофициальным гимном СВО) показал подаренную ему росгвардейцами футболку, где изображена бабушка с флагом Победы в руках и сделана надпись: «Работаем, мать!». Глагол *работаем* здесь выражает решимость военнослужащих идти до конца в борьбе против нацизма (тем самым акцент делается на объекте деятельности, хотя данный объект эксплицитно не выражен).

Именно в связи с проведением специальной военной операции весьма заметным новшеством в русском языке стало употребление префиксального деепричастия *отработать*. Указанный глагол и раньше мог употребляться в медийных текстах в сочетаниях *отработать нанесение ударов, отработать поражение*, заимствованных из коммуникации военных. Такое употребление не противоречит общеязыковой сочетаемости данного глагола: *отработать навык, отработать движение, отработать технику* и т.д., где у него актуализируется отмеченное словарями значение ‘упражняться, освоить’ [3, 595]. При этом в информационных сообщениях, связанных с воен-

ной тематикой, речь, как правило, шла об учениях, проводимых российской армией.

В новых условиях в общелитературное пространство проникло типичное для военной коммуникации употребление глагола *отработать* с предлогом *по* либо без предлога в сочетании с существительным «цель» (реже с другими словами). В качестве примера можно привести следующие заголовки медиасообщений: «ПВО отработала по целям над Мелитополем», «Отработали две цели»: как применяются «Грады» в ходе СВО», «В Авдеевке российские СУ-25 отработали по противнику фугасными авиабомбами ФАБ-500». Во всех этих сообщениях речь идет не о военных учениях, а о ведении боевых действий. Разумеется, эта особенность не могла не обратить на себя внимание. Возникает вопрос: какое из значений русского глагола получило свое развитие в данном словосочетании? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться ко всему семантическому кластеру соответствующего слова (подробнее см. [4]).

В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова приводятся четыре значения глагола «отработать»: 1. *что*. Возместить трудом (полученную плату, пропущенное рабочее время, пользование имуществом и т.п.). *О аванс*. 2. *что*. Проработать условленное количество времени (разг.). *Отработал восемь часов*. 3. *без доп.* Кончить работу. *Отработал — можно и отдохнуть*. 4. *что*. Произвести работу, упражнения на чем-н., над чем-н. или с чем-н. (спорт.). *О оба повода при выезде лошади* [5].

Аналогичные значения рассматриваемого глагола даются и в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой. Различие касается грамматической и стилистической характеристики употребления слова. В частности, первое из значений сопровождается добавочным указанием «и без дополнения», у второго значения отсутствует помета «разговорное», третье значение, наоборот, имеет эту помету и дополнено значением «Оставить работу, состарившись на работе, проработав длительное время»; четвертое значение дано в следующей формулировке: «Разг. Окончательно отделать что-л., придать чему-л. законченный вид. *Отработать пьесу*. <...> // *Упражняюсь, добиться искусного выполнения чего-л. Отработать повороты. Отработать технику движения. И оружейные расчеты каждый день по многу часов обучались стрельбе, добываясь того, чтобы все приемы были отработаны до секунды и совершались с механической точностью*. Н. Чуковский, Балтийское небо» [6, 703]. Любопытно, что в последнем случае приводится пример, связанный с военной тематикой.

Первые два значения в указанном академическом словаре иллюстрируются примерами из классической литературы, в частности контекстами из произведений Л. Н. Толстого и Н. В. Гоголя. Сходные контексты употребления представлены и в основном корпусе Национального корпуса русского языка [7],

отражающем современную речь, например: *Фадеев отработает этот аванс «Разгромом»* (В. О. Авченко. Фадеев, 2017); *Из-за пробок он опоздал, но готов отработать эти часы в какой-нибудь другой день* (А. Ромашин. Жизнь на века, 2019).

В первом значении глагола актуализируется семантика приставки *от-*, указывающая на действие в ответ на другое действие (ср. посл. *Как аукнется, так и откликнется; Каков привет, таков и ответ* и др.). Иными словами, глагол «отработать» и его производное «отработка» традиционно используются в русском языке в тех контекстах, когда требуется обозначить ситуацию ответных действий на получение чего-либо (аванса, гонорара, отгула и т.п.). Например, при вручении Герберту Ефремову, разработчику российского гиперзвукового оружия, государственной награды в 2013 году им были произнесены следующие слова: «За награду спасибо. Это еще нужно *отработать*». Мы видим, что говорящий использует глагол в традиционном значении, подчеркивая, что он воспринимает высокую оценку своего труда как желание работать еще больше и лучше. Существительное *отработка* используется в устном общении преподавателей со студентами, например при указании на необходимость возмещения пропущенных занятий для получения зачета по дисциплине («в качестве отработки предлагается проанализировать тексты»). Здесь, скорее, отработка пропусков выступает условием получения чего-либо. Сравните: «Для получения специализации <...> необходимо сначала отработать три года».

Второе значение глагола содержит указание на временные ограничения и широко представлено в современном русском языке, что проявляется в типичной сочетаемости: *отработать день, неделю, месяц, год, положенный срок* и т.д. Особенно характерным такое употребление было в советские годы, когда выпускники вузов получали направление на работу по распределению и должны были отработать по специальности обязательное количество времени (как правило, три года). В современных контекстах глагол «отработать» нередко используется синонимично глаголу «проработать»: *отработал 20 (30, 40 и т.д.) лет на заводе (фабрике, в институте)*. При этом акцентируется внимание на значимом отрезке в жизни человека, посвященном труду на одном предприятии, в учреждении или организации.

Третье значение, на наш взгляд, сегодня воспринимается как менее актуальное. Чаще всего оно представлено в разговорной речи и реализуется в тех случаях, когда человеку требуется подчеркнуть, что его трудоспособное время уже в прошлом: «Мы свое *отработали*».

Что касается четвертого значения, то оно, напротив, весьма актуально в современном употреблении. И характерно не только для разговорной речи, но и для любых книжных текстов. Приведем примеры из На-

ционального корпуса русского языка: ...закрепить пройденный материал и отработать навыки письма (2018); И эту партию Осиповой пришлось учить по видео, что вообще-то в балете неприемлемо: визуально (по видео) невозможно отработать па и почувствовать контакт с партнером (Татьяна Кузнецова. Пермская сказка Натальи Осиповой // Сноб, 2018).

Развитием отмеченного в словаре А. П. Евгеньевой семантического оттенка в рамках четвертого значения глагола является в современном русском языке значение 'выполнить действие с высокой интенсивностью' (и это может быть как физическое, так и интеллектуальное действие), например: *отработать все детали, отработать версии* (в ходе следствия), *отработать проблемы*. Не случайно употребление в подобных контекстах наречий *на совесть, полностью, по полной (программе), честно, хорошо*. Иными словами, за этим глаголом стоит представление о тщательной работе, выполняемой с вниманием к деталям. Не случайно в сфере спорта, а именно в боксе, названный глагол употребляется в значении 'отбоксовать с полной отдачей' [1, 97], а в бодибилдинге сочетанием *рельефная работа* обозначается 'тренировка, направленная на достижение выделенности и проработанности мышц тела' [1, 120].

Относительно новым значением, не отмеченным словарями, является значение 'выполнить определенный объем работы'. Это значение представлено, например, в сочетаниях *отработать заказ, отработать контракт, отработать свой номер*. В подобных случаях актуализируется завершенность и результативность действия в рамках запланированного.

Как нам представляется, в военной коммуникации важен именно этот аспект выполнения боевых задач, т.е. активность, целенаправленность и контролируемость совершаемого действия. Сравните: *Расчеты самоходных и переносных ПТРК Западного военного округа отработали по целям в ходе СВО; В Херсоне системы ПВО отработали по воздушным целям; На Южно-Донецком направлении российские войска отработали по целям в Угледаре, Новомихайловке и Времьевке; По целям отработают «кинжалами».*

По аналогии с глаголом *отработать* в военной коммуникации стал использоваться и глагол *работать*, например: «Танк готов работать по противнику». При этом сочетание *боевая работа* в настоящее время воспринимается как одно из самых востребованных: оно используется и в речи военнослужащих, и в речи военных корреспондентов, и в речи тех, кто комментирует происходящие на фронте события, ср.:

«приступили к настоящей боевой работе», «кадры боевой работы российских военнослужащих» и т.п.

Актуализация существительного *работа* и соответствующих глаголов (*работать, отработать*) применительно к деятельности военнослужащих определяются, на наш взгляд, тем, что под этими лексемами мыслится процесс, разворачивающийся во времени, при этом имеется в виду деятельность, стимулируемая внешними обстоятельствами, объективной потребностью в чем-либо. Кроме того, в работе очень важна идея результата [8, 910] и связанная с этим возможность его положительной или отрицательной оценки.

Таким образом, в современной военной коммуникации наблюдаются весьма интересные с лингвистических позиций явления, так или иначе обусловленные происходящими событиями. Изменения в семантике и сочетаемости рассматриваемого глагола и его производных, отраженные в российских медийных текстах, свидетельствуют о влиянии языка военной коммуникации на общезыковую дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елистратов А. А. Толковый словарь русского спортивного жаргона / А. А. Елистратов. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011. — 217 с.
2. Скрипичникова Н. С. Устойчивые словесные комплексы в устной профессиональной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 — Теория языка / Скрипичникова Наталья Сергеевна. — Челябинск, 2016. — 268 с.
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 1008. — 1175 с.
4. Голованова Е. И. Кластерная модель семантического развития слова, или Какое знание стоит за словом «профессиональный»? / Е. И. Голованова // Когнитивные исследования языка. — 2022. — № 2 (49). — С. 32–37.
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва, 1935–1940. — Режим доступа: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117 (дата обращения 20.03.2023).
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — Т. 2. — М.: Русский язык, 1982. — 736 с.
7. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.03.2023).
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна. — 2-е изд., исправл. и доп. — М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. — 1488 с.

Челябинский государственный университет

Голованова Е. И., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания

E-mail: terminolog2011@rambler.ru

Chelyabinsk State University

Golovanova E. I., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics

E-mail: terminolog2011@rambler.ru

МОТИВ УТРАТЫ В ПРОЗЕ И. БУНИНА И В. АСТАФЬЕВА

П. А. Гончаров

Мичуринский государственный аграрный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается происхождение, композиционная функция мотива утраты в рассказах и повестях И. Бунина 1890–1910-х годов, в автобиографической и военной прозе В. Астафьева. Истоки и созвучная функция мотива утраты у живших в разные эпохи художников находятся в усиливающейся, усугубленной несколькими этапами, предельно болезненной потере родины детства. Активность этого мотива обусловили равнодушно воспринятые писателями драматические цивилизационные процессы. Следствием активности этого мотива стало преобладание ностальгических эмоций и настроений в их произведениях. В жанрово-стилевом плане опосредованно активность мотива утраты родины рождает тенденцию лиризации ряда произведений этих писателей.

Ключевые слова: И. Бунин, В. Астафьев, проза, мотив утраты, родина детства.

Abstract: the article examines the origin and compositional function of the motive of loss in the stories and tales of I. Bunin of the 1890s — 1910s, in the autobiographical and military prose of V. Astafiev. The origins and consonant function of the motive of loss among artists who lived in different eras are in the intensifying, aggravated by several stages, extremely painful loss of the childhood homeland. The activity of this motive was determined by the dramatic civilizational processes that were not indifferently perceived by the writers. A consequence of the activity of this motive was the predominance of nostalgic emotions and moods in their works. In terms of genre and style, the motive of loss of homeland activity indirectly gives rise to a tendency to lyriize a number of works by these writers.

Keywords: I. Bunin, V. Astafiev, prose, the motive of loss, childhood homeland.

Потомственный дворянин, проявляющий живой интерес к реликтам отношений крепостного права, младший современник Л. Толстого, собеседник А. Чехова, М. Горького, значительную часть жизни проживший в эмиграции, Нобелевский лауреат, воспевший Русское подстепье. И крестьянский сын и внук, испытавший последствия коллективизации, всю жизнь проведший в русской провинции, член Союза писателей РФ, лауреат советских премий и наград, Герой Социалистического Труда, автор произведений о Великой Отечественной войне и сибирской деревне. Совершенно не похожие биографии, во многом отличающиеся ценностные приоритеты, разные жанровые и стиливые предпочтения, радикально отличающиеся герои.

Но интонационное и эмоциональное, тематическое, а нередко и идейное родство И. Бунина и В. Астафьева, несмотря на перечисленные различия, явно имеют место. Это родство давно уже отмечено в литературоведении [1; 2; 3]. Своеобразной вехой в исследовании традиций И. Бунина в прозе В. Астафьева следует считать работу Г. М. Шленской [3], давно и детально знакомой с прозой писателя-сибиряка и с ним самим. Характерно, что В. П. Астафьев в письме к В. Я. Курбатову отзывается о профессоре Красноярского госуниверситета Г. М. Шленской по види-

мости панибратски, но, по сути, — с неподдельным пиететом: «бабища здоровая, отважная, ума — палата» [4, 662].

Об этом родстве прозы И. Бунина и В. Астафьева свидетельствуют тональность и эмоциональность, «звук» их литературных произведений. «Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб. Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие» [5, т. 1, с. 339]. Быстротечное время счастливого детства, сфокусированное в запахе, ностальгически вспоминаемое прошлое в медлительно тянущемся безвременье утрат и потерь. Таково настроение бунинских «Антоновских яблок».

«Прошло одиннадцать лет как я возвратился на родину, купил избу в Овсянке, в родном переулке, против бабушкиного и дедушкиного дома, и стал ждать, чего ждут и не могут дождаться многие люди, — возвращения прошлого, прежде всего детства» [6, т. 5, с. 327]. А далее Астафьев говорит о том, что этого возвращения он, естественно, не дождался. Как у позднего Бунина, утрата, мотив утраты приобретает у В. Астафьева характер хронотопический. Возвратившись в место однажды потерянного рая, невозможно эту утрату избыть, купировать.

Оба фрагмента, помимо сказанного, сближает элегическая интонация и рождающий ее мотив утраты, а также фигура повествователя-рассказчика, narra-

тора, равного главному герою. На наш взгляд, источник эмоционального и интонационного созвучия (по выражению И. Бунина — «звук») этих знаковых фрагментов по сути один — мотив утраты родины детства, элемент сюжета, многократно повторяющийся и организующий произведение.

Условимся, что под мотивами здесь имеются в виду обозначенные А. Н. Веселовским «неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки» [7, 301], причем «признаки общности и повторяемости» [7, 305] являются для нас одинаково важными. Известно, что В. Я. Пропп, при всей его неприязни к понятию «мотив», также находил возможным выделить в сюжетах художественных текстов «неразлагаемую единицу повествования» [8, 15]. В нашем случае примем за основу определение мотива, данное Б. Н. Путиловым в исследовании «Мотив как сюжетобразующий элемент». Фольклорист видит в мотиве «одно из слагаемых эпического сюжета», элемент «эпической сюжетной системы» [9, 143]. «Мотив, — полагает Б. Н. Путилов, — функционирует в составе системы, здесь он находит свое определенное место, здесь вполне выявляется его конкретное содержание. Вместе с другими мотивами данный мотив создает систему. Любой мотив определенным образом соотносится с целым (сюжетом) и одновременно с другими мотивами» [9, 144].

Как видим, понятие мотив изначально связано (помимо музыкального искусства) с фольклором и фольклористикой. Характерно, что как такового отдельно существующего «мотива утраты» фольклористы и этнографы в мифах и сказках народов мира не выделяют. В одном из самых детализованных и объемных каталогов фольклорных мотивов обнаружим лишь семантически близкий этому мотиву мотив «потерянного рая» [10].

Показательно, что во многих литературоведческих работах наших дней понятие «мотив» распространено настолько, что воспринимается подобно устоявшемуся термину. Поэтому в нашей работе не может быть не учтена точка зрения одного из современных теоретиков литературы — определение В. Е. Хализева. Он трактует это понятие следующим образом: «Мотив — это компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью). Он активно причастен теме и концепции (идее) произведения, но им не тождественен» [11, 301].

Продолжая логику фольклористов и литературоведов, можно предположить, что сюжетов и составляющих их мотивов в литературе может быть не меньше, чем в фольклоре. Что не мешает увидеть в них созвучие, типологическое родство и предположить в произведениях разных авторов активное присутствие общего мотива. Таким родством обладает, на наш взгляд, мотив утраты, составляющий основу сюжетов ряда произведений и Бунина, и Астафьева.

Что обусловило рождение и активность данного мотива у этих разных художников? Что становится следствием активности этого мотива у И. Бунина и В. Астафьева? Насколько этот мотив сближает оригинальные и неповторимые по своей сути их художественные миры? Какое оригинальное наполнение получает этот мотив в конкретных произведениях?

В продолжение первого зададимся вопросом: почему никто из «деревенщиков» не оказался так созвучным И. Бунину, как В. Астафьев? — И у того, и у другого утрата родины детства оказалась предельно болезненной, с течением времени усиливающейся, усугубленной несколькими этапами. Воронеж, Батурино, Озерки, Васильевское, Елец, Харьков, Полтава, Орел, хотя и расположены по соседству, но не были одинаково близки и дороги Бунину. А последовавшие затем Петербург, Москва, Одесса с родиной детства вряд ли уже и соотносятся. «Потерянный рай» стал осознаваться таковым в еще большей степени Буниным-эмигрантом.

Утративший родовое гнездо фактически усыновившей его бабушки, В. Астафьев приобрел лишь временный и неласковый приют в заполярной Игарке. Фронтная бездомность, вероятно, обострила у будущего писателя ощущение сиротства и бесприютности. Чусовой и Пермь, как и Вологда, второй родиной писателя так и не стали, а долгое пребывание вне малой родины лишь усиливало идеализацию и романтизацию далекой Сибири.

Как представляется, у истоков рождения и активности мотива родины детства и у И. Бунина, и у В. Астафьева стоит явленное в их произведениях неравнодушие в восприятии, изображении и осмыслении перехода России от цивилизации традиционной, аграрной к цивилизации урбанистической, городской, технократической. Этот процесс в России затянулся более чем на столетие — исторический период, который вмещает в себя и жизнь И. Бунина, и биографию В. Астафьева.

Рождение и активность этого мотива является также результатом эмоционального восприятия распада и гибели деревни. Бунин — равнодушный очевидец распада деревенских «дворянских гнезд». В «Жизни Арсеньева», в самом начале, читаем фразу Арсеньева старшего, обращенную жене: «Разлетается, душа моя, наше гнездо» [5, т. 3, с. 399]. Бунинские рассказы «На хуторе», «В поле», «Антоновские яблоки», повести «Деревня», «Суходол» изображают разорение и плачевное состояние еще уцелевших, но обреченных на исчезновение усадеб. Вот описание одного из помещичьих имений конца XIX века из рассказа «В поле»: «Лучезаровка! Шумит, как море, ветер вокруг нее; и на дворе, по высоким белым сугробам, как по могильным холмам, курится поземка. <...> Дом обшит тесом; передний фасад его глядит во двор только тремя маленькими окнами; крыльца — с навесами на столбах; большая соломенная крыша почернела

от времени. Была такая же и на людской, но теперь остался только скелет той крыши и узкая, кирпичная труба возвышается над ним, как длинная шея... И кажется, что усадьба вымерла: никаких признаков человеческого жилья» [5, т. 1, с. 247].— Романтическое название хутора передает, вероятно, отношение к нему автора и обитателей имения. Картина печального запустения в финале рассказа дополняется угрожающей деталью: «Медленно наступает день. Темно, угрюмо, буря не унимается. Сугробы под окнами почти прилегают к стеклам и возвышаются до самой крыши. От этого в кабинете стоит какой-то странный, бледный сумрак... Вдруг с шумом летят кирпичи с крыши. Ветер повалил трубу... Это плохой знак: скоро, скоро, должно быть, и следа не останется от Лучезаровки!» [5, т. 1, с. 260].

Кстати, начало этого «погибельного», по выражению С. Есенина, процесса и для крестьян русской деревни запечатлел тот же И. Бунин: судьба деревни Дурновки в его восприятии и осмыслении не менее драматична, чем судьба старых и новых владельцев дурновского поместья. Бунин почувствовал и изобразил начало того процесса, который еще ранее Н. А. Некрасовым был охарактеризован предельно выразительно: «Порвалась цепь великая, // Порвалась — раскочилась // Одним концом по барину, // Другим по мужику». Конечно, Н. А. Некрасов вряд ли мог предположить, что отмена крепостного права («цепь») станет началом, «ускорением» «конца» не только «Руси помещицкой», но и крестьянской России.

Но, как стало ясно позднее, обреченные «дворянские гнезда» суть только часть вступившей на путь урбанизации аграрной России, один из главных разрушенных элементов традиционной деревни. Гибель и угасание крестьянской составляющей аграрной цивилизации становится во второй половине XX столетия предметом изображения и оплакивания всей «деревенской прозы». В завершающей главе астафьевского «Последнего поклона» находим предвещающее картину разорения крестьянской Атлантиды, полное горечи суждение: «Все страшное на Руси великой происходит как бы и не страшно, обыденно, даже и шуточно» [6, т. 5, с. 339]. А далее следует то, что в виде истоков сиротской судьбы автобиографического героя изображалось Астафьевым во второй книге повести: сцены выселения крестьян из домов, обысков, конфискаций, заключения, ссылки.

Сообщество аграрной традиционной России не везде включало в себя помещицкое имение. Сибирская деревня не знала крепостного права, помещицкой усадьбы по этой причине в ней почти отсутствовали. Но практически по всей России деревенское сообщество венчал собой храм. Бунину не довелось видеть массового разорения церквей в России, ко времени его эмиграции их черед еще не настал. Астафьев же стал равнодушным очевидцем гибели деревен-

ских храмов: «Осенью, уже поздней, навсегда увезли попа. Ребятишки лезли на колокольню, куда им прежде ходу не было, балуясь, звенели в колокола. Чтоб звон не мешал спать, кто-то обрезал веревки, и колокола упали в прицерковный садик, <...> Я бывал в этой церкви уже разоренной, поднимался по скрипучим, местами исхряпаным ступенькам. Помню хлам, ломь, ласточкины гнезда и голубей на страшной высоте, с которой довелось мне впервые обозреть окрестный мир и родное угодье. <...> Я думал, бабушка надерет мне уши, но она положила мне тяжелую ладонь на голову и, глядя за окошко, за таежную даль, тяжело-тяжело вздохнула: “Как жить-то без Бога будете?..”» [6, т. 5, с. 340–341].— Здесь значимым оказывается не только изображение запустения храма, но и отождествление в сознании мудрого матриарха гибели церкви с безбожием, с отсутствием Бога, а мотив утраты родины детства приобретает дополнительную семантику утраты веры.

Биография И. Бунина и жизнь В. Астафьева связаны с разными историческими эпохами, с разными событиями в российской и советской истории. Но они, и это обусловило повышенную активность мотива утраты в их произведениях, пережили соизмеримо трагическую утрату семейного гнезда. И Бунин выразит это и в прозе, и в стихах: «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора. // Как горько было сердцу молодому, // Когда я уходил с отцовского двора, // Сказать прости родному дому!» [5, т. 1, с. 157]. Кого или что писатели видят виновником утраты? Характерно, что сам И. А. Бунин практически нигде ни прямо, ни косвенно не акцентирует внимание на сомнительных пристрастиях своего родителя. Но вот мнение О. Н. Михайлова об отце писателя: «<...> вспыльчивый и отходчивый, азартный, беззаботно отдававший своим страстишкам, превыше всего любивший охоту и пение под гитару старинных романсов. Он как бы воплощал в себе инерцию той жизни, какую вели его предки, не желая замечать изменившихся условий» [12, 28].— Всего лишь стоит убрать их этой характеристики «гитару» и «романсы» и поменять их на «гармонь» и «песни», как получится портрет «папы» из автобиографических сочинений В. Астафьева. «Будучи деревенским красавчиком и маломальским гармонистом и плясуном, был он большой волокита, отчего сомневался во всех женщинах, в том числе и в маме» [13, 4]. Характерно, что пристрастие к разгулу и легкомыслие «папы» в своей написанной незадолго до смерти автобиографии В. Астафьев уже не акцентирует. Но об этих качествах «папы» свидетельствуют практически все его предшествующие произведения на автобиографическую тему. Отца же он винит (не без оснований) и в трагической гибели матери — событии, ставшем началом сиротских скитаний будущего писателя.

Интересно, что и И. Бунин утратит семейное гнездо в Бутырках и Озерках гораздо ранее смерти отца

и матери, вынужденных повзрось, в разлуке коротать свои последние годы и дни. Это в не меньшей мере характеризует отсутствие стремления и возможности у Алексея Николаевича Бунина это «гнездо» сбегать и сохранить.

У В. Астафьева разрыв с «родным домом» (домом бабушки Катерины Петровны) окажется своеобразной «психологической травмой», ставшей одним из главных импульсов к началу творчества. В одном из первых рассказов («Жил на свете Толька» — 1952) Астафьев сказочно эпически откроет эту тему: «Жил на свете Толька Пронин. Были у него отец и мачеха. <...> А потом семья распалась» [6, т. 1, с. 111]. А закончит ее лишь в самом конце «Последнего поклона», в главе, названной в честь «папы» «Забубенная головушка»: «Она, природа и Создатель подарили мне моих родителей, родители подарили мне мою жизнь, отечество родное — судьбу мою сотворило. Не судья я им, и не указчик, и не идейный наставитель. Лишь вздохну, помолюсь и молча вымолвлю: “Пусть тебе, папа, спокойно будет хотя бы на том свете”» [6, т. 5, с. 326]. Гнев, обида, ирония, иные негации в адрес отца сменяются раскаянием лишь в предпоследней главе «Последнего поклона», как и в автобиографии.

«У гроба отца сидючи, я думал о том, что не прав был, когда говорил ему: Господь, мол, избавил маму от него, пусть и такой мучительной смертью. Конечно же, не прав. С годами эту неправоту ощущаю все больше. <...> Главное в деревенской жизни — постоянство, остойчивость, надежность. Сшибленный, сжитый с Богом ему определенного места, несомый по земле, что выветренный осенний лист, папа, не то придуриваясь, не то основываясь на жизненном опыте, не то политически выламываясь, на вопрос, кто во всем виноват, неизменно отвечал: “Ворошилов виноват!”» [6, т. 5, с. 325]. В качестве источника дурного в характере, судьбе и образе жизни отца В. Астафьев видит постигшее Россию в XX столетии разорение деревни, утрату «стойчивости» и «надежности» традиционного способа жизнеустройства. Приобретенная с возрастом мудрость в определении и «назначении» виновных в утрате сближают поздние размышления В. Астафьева с бунинским отношением к отцу.

Очевидным следствием активности мотива потерянного рая, утраты родины детства является объединяющая прозаиков совокупность чувств и эмоций, именуемая ностальгией. Боль и печаль по утраченной родине, составляющие основу этого явления, вызывают желание художника слова выразить их прямо и косвенно. Косвенно — в ярких картинах «утраченного рая», где симпатии автора к этим описаниям очевидны. Этими картинами наполнены «Антоновские яблоки», «Жизнь Арсеньева», «Последний поклон» (особенно его первая книга), «Ода русскому огороду». Прямо и непосредственно боль и печаль по утраченной родине звучат в лирическом слове ав-

тора-повествователя, персонифицированном в образах автобиографических. Эпическое, повествовательное-изобразительное начало вступает в органическое взаимодействие, в синтез с лирическим, производя лирическую прозу и И. Бунина и В. Астафьева. Таким образом, активность созвучных элементов сюжета воздействует на жанрово-родовую основу произведений этих писателей.

Как представляется, одним из следствий активности мотива «потерянного рая», утраты родины детства является доминирование в произведениях обоих писателей принципа изображения не вполне характерного для реалистического метода — идеализации прошлого, ушедшей жизни. Бунин прибегает к этому принципу, полемизируя с реалистическими обличительными традициями писателей-реалистов, классиков. Обличение помещиков-крепостников — одна из главных тенденций русской классики XIX века. Бунин в «Антоновских яблоках», в ряде предшествующих и более поздних произведений, эту тенденцию преодолевает, в некоторой степени идеализируя отношения помещиков и крестьян.

Астафьев прибегает к идеализации вкупе со стремлением достоверно изобразить жителя традиционной деревни, крестьянина, создателя фольклора. Парадоксально, но герой деревенской прозы, крестьянин, «носитель» фольклора, в качестве главного персонажа произведений «потребовал» себе те принципы изображения, которые характерны в большей степени для фольклора. Так бабушка Катерина Петровна приобретает в астафьевском «Последнем поклоне» черты и свойства идеального, почти сказочно-песенного матриарха, лишь в последней главе повести получая черты амбивалентности.

Естественно, что далеко не все обстоятельства детства и судьбы оказались у этих разных писателей близкими и даже созвучными. Бунин сиротой не был и покинутым родителями себя не чувствовал. Но герой-сирота — обязательный персонаж в произведениях В. Астафьева, как, впрочем, и у многих писателей-деревенщиков. В этом плане проза Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Шукшина — «сиротская», где сиротство обусловлено как личными обстоятельствами, так и изменившимися с бунинских времен обстоятельствами социально-политическими.

Разная социокультурная среда, взрастившая писателей, стала основой для их персонажных предпочтений: герой-интеллектуал в астафьевской прозе присутствует разве что в «составе» автора-рассказчика, повествователя. Зная основные сословия традиционной России, И. Бунин одинаково свободно обращен и к крестьянским персонажам, и к Алексею Арсеньеву. Однако существенно важными переживаниями утраты родины писатель наделяет «биографически» близкого ему Арсеньева.

Есть основания предполагать, что активность того или иного характерного для художника слова

мотива может нарастать, угасать, а иногда и приобретать генерализованные формы. Этапом творчества И. Бунина, этапом, в течение которого мотив утраты приобрел именно такие масштабы, стали годы после революции и времени эмиграции. Начиная с «Окаянных дней» и до конца творчества этот мотив оказывается основой композиции его дневников, романа «Жизнь Арсеньева», цикла «Темные аллеи». В романе мотив утраты родины детства усилен потерей России, утратой возлюбленной, а в генерализованном виде присутствует в названии («жизнь» может быть оценена, изображена и «рассказана» лишь на исходе дней), в имени и фамилии главного героя (имя уже ушедшего отца, звуковой состав фамилии, содержащий аллюзию России).

Мотивы утраты сопровождают все творчество В. Астафьева, это постоянство реализовалось в «Последнем поклоне», первые главы которого увидели свет на рубеже 1950–1960-х годов (время знакомства слушателя Высших литературных курсов В. Астафьева с творчеством И. Бунина), а завершающие — в 1992 году. Однако и у него в ряде ситуаций этот мотив приобретал доминирующее звучание. Это, вероятно, помимо других обстоятельств, связано, как и у И. Бунина, с возрастом писателя.

В романе «Прокляты и убиты», написанном в течение десятилетия, актуализировавшего в общественном сознании идею возрождения докоммунистических ценностей, мотив утраты родины детства войдет в своеобразный резонанс с попыткой всего российского социума того времени вернуть потерянный «досоветский рай». Это приведет писателя к гипертрофированному акцентированию идеи уже состоявшейся гибели России в огне революций и войн. В «Веселом солдате» повествователь замечает: «<...> вот она — Родина, превращенная в могильник» [6, т. 13, с. 229]. Эта мысль подспудно и открыто присутствовала у Астафьева изначально, получала облик космического «звездопада», приобретала напоминающее Апокалипсис изображение «боя», выливалась в рассуждения героев о «последней войне» в «Пастухе и пастушке». «Эта война должна быть последней! Или люди недостойны называться людьми! <...> Прав Карышев, сто раз прав, одна истина свята на земле — материнство, рождающее жизнь, и труд хлебопашца, вскармливающий ее...» [6, т. 3, с. 36].

В романе «Прокляты и убиты» этот мотив, вопреки достоверности, но в гармонии с выработанной В. Астафьевым концепцией Великой Отечественной войны, приобретает господствующее звучание. Именно это, на наш взгляд, не позволило писателю завершить произведение.

А. Твардовский с его «Василием Теркиным» — одна из немногих фигур советской поэзии, высоко ценимая И. Буниным. Но Твардовский — главный персонаж миниатюры В. Астафьева «Пятнадцать минут», где прозаик рассказывает о скоротечной,

но дорогой для него встрече с редактором и поэтом, эмоционально окрашенные размышления которого «о потере» оказались созвучными и астафьевским, и бунинским. «<...> Но Россию, мать-старуху, // Нам терять нельзя никак». Избежать потери, утраты России — в этом и Теркин, и его создатель А. Твардовский видят сверхзадачу воюющей и страдающей страны. Иные цели не могут сравниться для них с этой задачей. В. Астафьев, воевавший в том числе и в «бунинских местах», решение этой задачи обеспечил собственной кровью. И. Бунин, встретивший Великую Отечественную войну уже в почтенном возрасте, ту же задачу исполнил через привитие любви к России, к русскому слову. Оба писателя едины в своем высоком, но утопическом желании «быть за все в ответе», преодолеть вопреки движению истории утрату родины детства. Оба полны скорби по горькой судьбе России, соединенной у Бунина и его героя с несчастной любовью, у Астафьева — с мыслью о погибшем в апокалипсисе революций и войн русском народе.

Кстати, и эта по видимости новая астафьевская мысль уже заявляла о себе в прозе И. Бунина. В «Жизни Арсеньева» читаем: «Гордость в словах Ростовцева звучала вообще весьма не редко. Гордость чем? Тем, конечно, что мы, Ростовцевы, русские, подлинные русские, что мы живем той совсем особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо ведь скромна-то она только с виду, а на деле обильна, как нигде, есть законное порождение исконного духа России, а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире. <...> Куда она девалась позже, когда Россия гибла? Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены?» [5, т. 3, с. 317].

Таким образом, исследование мотивной структуры расширяет осязаемую, вполне конкретную и предметную основу для сопоставления произведений оригинальных художников из разных эпох. Именно мотив утраты родины детства сближает художественные миры И. Бунина и В. Астафьева, поскольку имеет близкие истоки в биографиях писателей, в их мировосприятии. Активность этого мотива обусловили неравнодушно воспринятые писателями драматические цивилизационные процессы. Следствием активности этого мотива стало преобладание ностальгических эмоций и настроений в их произведениях. В жанрово-стилевом плане опосредованно активность мотива утраты родины рождает тенденцию лиризации ряда произведений этих писателей. На заключительных этапах творчества и Бунина, и Астафьева мотив «потерянно-рая» оказывается доминирующим у обоих прозаиков, он способствует созданию оригинальных, но во многом созвучных концепций прошлого, настоящего и будущего России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров П. А. Бунинская традиция и русская социально-этическая проза 60–80-х годов / П. А. Гончаров // Литература и язык в контексте культуры и общественной жизни: Материалы межгосударственной научной конференции. Часть 1 / Ред. В. Н. Азбукин, К. Р. Галиуллин, В. Н. Коновалов. — Казань: Изд-во КазГУ, 1992. — С. 39–40.
2. Гончаров П. А. Бунинская традиция и русская социально-этическая проза 60–80-х годов / П. А. Гончаров // И. А. Бунин и русская культура. Межвуз. сб. науч. тр. / Сост. Г. П. Климова, отв. ред. С. В. Краснова. — Елец: 1995. — С. 15–25.
3. Шленская Г. М. Виктор Астафьев и Иван Бунин (к постановке проблемы) / Г. М. Шленская // Сибирские огни, 2008. — № 6 — Режим доступа: <https://www.sibogni.ru/content/viktor-astafev-i-ivan-bunin> (дата обращения: 15.12.23)
4. Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник / В. П. Астафьев. — Иркутск: Издатель Сопронов, 2009. — 720 с.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. / И. А. Бунин. — М.: Правда, 1988.
6. Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 томах / В. П. Астафьев. — Красноярск: ПИК «Офсет», 1997–1998.
7. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — М.: Высшая школа, 1989. — 404 с.
8. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 2001. — 143 с.
9. Путилов Б. Н. Мотив как сюжетообразующий элемент. Типологические исследования по фольклору / Путилов Б. Н. // Сб. ст. памяти В. Я. Проппа (1895–1970). — М.: Наука, 1975. — С. 141–155.
10. Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог Ю. Е. Березкин, Е. Н. Дувакин. — Режим доступа: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 26.12.23).
11. Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник / В. Е. Хализев. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 2002. — 437 с.
12. Михайлов О. Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... / О. Н. Михайлов. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. — 491 с.
13. Астафьев В. П. Рассказу о себе сам / В. П. Астафьев // День и ночь, 2004. — № 1–2. — С. 2–7.

Мичуринский государственный аграрный университет
Гончаров П. А., доктор филологических наук; профессор
кафедры социально-гуманитарных дисциплин Социально-педагогического института.
E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Michurinsk State Agrarian University
Goncharov P. A., Doctor of Philology; Professor at the
Department of Social and Humanitarian disciplines, Social and
Pedagogical Institute
E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО В ПРОЗЕ «СОРОКАЛЕТНИХ» (Р. КИРЕЕВ, В. МАКАНИН)

А. Ю. Грязнова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается мотив возвращения в прошлое в прозе «сорокалетних» на примере повестей Р. Киреева «Искушение» и В. Маканина «Повесть о Старом Поселке». «Сорокалетними» изображается преодоление прошлого, заставляющее героя осознать свое одиночество (В. Маканин) и ставящее его перед необходимостью взросления, обретения самостоятельности и отказа от универсальных жизненных решений (Р. Киреев).

Ключевые слова: русская литература, литература XX века, «сорокалетние», В. Маканин, Р. Киреев.

Abstract: this article analyses the motif of returning to the past in the prose of the 1940s, using the examples of R. Kireev's 'Redemption' and V. Makanin's 'Tale of the Old Village'. The characters in their forties are portrayed as overcoming their past. This realization of loneliness experienced by the protagonist leads to maturity, independence, and rejection of universal life solutions.

Keywords: Russian literature, literature of the 20th century "forty-year-olds", V. Makanin, R. Kireev.

В литературном процессе XX века проза «сорокалетних» занимает особое место. Возникнув в 1970-е годы, она наиболее ярко выразила основные настроения эпохи застоя: разочарованность в «оттепельных» идеалах и ценностях, осознание «безопасности» человеческого существования, несовпадение реальности с картиной мира, созданной советской идеологией. Своеобразие мировоззренческой позиции представителей московской школы (иное наименование группы «сорокалетних», предложенное критиком В. Бондаренко) особенно очевидно на фоне традиции, сформированной всей предшествующей советской литературой, которая изображала человека, прочно вовлеченного в жизнь своей страны. Новое же поколение писателей, вошедших в литературу в 1970-е годы (А. Ким, Р. Киреев, А. Курчаткин, В. Маканин, В. Крупин, В. Орлов, В. Личутин, А. Проханов, А. Афанасьев, В. Гусев и др.), обращается к герою, сознательно уклоняющемуся от участия в любых формах социально значимой деятельности.

М. М. Голубков, говоря об истоках мироощущения «сорокалетних», отмечает: «...Детство и юность этой генерации оказались окрашены двумя идеологическими мотивами, тиражируемыми советской пропагандой: ближайшего преодоления трудностей и постоянного ожидания скорого улучшения жизни... Сначала это было ожидание окончания войны, затем — скорейшего восстановления разрушенного народного хозяйства. Вступление во взрослую жизнь пришлось на середину и конец 60-х годов и совпало с началом брежневского застоя. Тогда-то и обнаружился тотальный обман несбывшихся ожиданий: все трудности успешно преодолены, как утверждалось в партийных декларациях,

<...> со дня на день будет построен если не коммунизм, то общество развитого социализма, но все это парадоксальным образом никак не сказывалось на положении поколения, которое, вступая в жизнь, было обречено десятилетиями получать мизерную зарплату, не имея ни серьезных творческих перспектив, ни возможности значительного улучшения благосостояния, ни самореализации в какой-либо социально-политической деятельности... Оставалась единственная сфера, в которой человек мог реализовать себя как личность: сфера частного бытия» [1, 282].

Реакцией «сорокалетних» на несовпадение звучащих с трибун официальных заявлений, идеализирующих ситуацию в стране, с реальной жизнью стал их принципиальный отказ от изображения исторических и социальных процессов, ставящих судьбу человека в зависимость от судьбы страны. Вместо этого основным художественным материалом в их произведениях становится быт. Вместо героя-индивидуалиста, носителя четко очерченной гражданской и нравственной позиции появляется «усредненный», «массовый», «средненравственный» человек — «амбивалентный» герой, которого критик И. Дедков, непримиримый оппонент «сорокалетних», охарактеризовал как «человека сиюминутного, с обстриженным прошлым, с обстриженными социальными связями» [2, 222].

Упрек в сиюминутности и мелкости художественного материала — частое обвинение, звучавшее в адрес «сорокалетних» со страниц литературной критики 1970–80-х годов: «Словно сговорившись, читателю твердят: думай об этом, ломай голову над этим, не отвлекайся ни на что другое... Верные жены и неверные мужья, неверные жены и верные мужья, неверные жены и неверные мужья, счастливые лю-

бовницы, несчастные любовники и т.д. — все варианты на все вкусы и настроения», — пишет И. Дедков в одной из более ранних статей [3, 31].

Фабульную основу многих произведений «сорокалетних» действительно составляют супружеские измены, карьерные интриги, курортные или служебные романы, и это позволяет заключить, что характеристика И. Дедкова не совсем верна: «обстриженные» социальные связи героя этой прозы формально сохранены: он вовлечен во взаимодействие с сослуживцами, членами семьи, друзьями и т.д. Более важным оказывается то, что ни с одной из этих групп у героя не возникает чувства сопричастности: есть работа, но отсутствует романтическая увлеченность профессией, есть семья и друзья, но отсутствует взаимопонимание с близкими. «Сорокалетние» остро чувствовали одиночество человека в мире, его «выключенность» из какого бы то ни было целого: семейного, профессионального, родового, государственного — и потому обратились к поиску иных оснований, на которые мог бы опереться человек, утративший доверие к тем универсальным решениям, которые ему предлагала идеология и культура предшествующих десятилетий.

В осмыслении онтологического одиночества человека писатели московской школы обращались в том числе и к теме прошлого, однако прошлого прежде всего личного, а не исторического. В таком ракурсе она представлена в некоторых произведениях В. Маканина («Прямая линия» (1965), «Повесть о Старом Поселке» (1974), «Где сходилось небо с холмами» (1984), «Утрата» (1987)) и Р. Киреева (повесть «Искупление» и некоторые короткие рассказы, вошедшие в изданную в 1977 году книгу «Неудачный день в тропиках»). В произведениях обоих авторов значим мотив возвращения, наделенный «семантической ненайденных ценностей», доказательством абсурдности существования массового человека» [4, 77]. Если в своей традиционной роли, идущей от мифологической архаики, возвращение выступает как ситуация, призванная упорядочивать мир, помогать человеку отыскать свое место в нем, то в произведениях писателей «московской школы» оно заставляет человека осознать свое одиночество в мире, усугубляет состояние его «безпорности».

Так, в «Повести о Старом Поселке» В. Маканина главный герой Ключарев мечтает о возвращении в поселок, где прошло его детство, следуя сформированному культурой устойчивому представлению о том, что возвращение человека к корням, к своему деревенскому прошлому должно привести к прозрению, обретению нового смысла, но не находит желаемого. У Ключарева есть работа, друзья, семья, однако сюжет произведения движется постепенным нарастанием у героя ощущения ложности существующих отношений с людьми, регулируемых только внешними ритуализированными действиями, но внутренне

ничем не подкрепленных. Ложной реальности, окружающей его, Ключарев противопоставляет свои мечты о возвращении в Старый Поселок. При этом поселковская жизнь вовсе не идеализируется героем, там, как и везде, есть место личным обидам, зависти, ревности (в числе воспоминаний Ключарева — история инженера Калабанова, карьеру которого сломала его собственная жена, приревновав к девушке-татарке из соседней деревушки и написав на него донос в Москву). Однако именно там Ключарев видит подлинную жизнь, а не игру в нее, не суррогат. Городское и деревенское пространства в повести противопоставлены друг другу как профанное и сакральное, как исчерпанное, обесмысленное — и наполненное мифологическим смыслом строительства чего-то нового. Наиболее ярко этот контраст раскрывается в отношении людей к работе, к труду: с одной стороны — рабочие будни Ключарева, которые преимущественно сводятся к разговорам, к обсуждению с «мямлей»-начальником «Божественной комедии» Данте, к словесным пикировкам с коллегами, с другой — сцена заливки фундамента, которую наблюдает Ключарев-ребенок и которая сравнивается В. Маканиным с неким языческим ритуалом, требующим от человека максимального напряжения духовных и физических сил.

Поселок воспринимается Ключаревым как некая незыблемая часть его прошлого, на которую он в любой момент может опереться, и потому чем больше неудач выпадает на долю героя в городе, тем более крепнет его мечта о возвращении: Однако вернувшись в Старый Поселок, Ключарев обнаруживает на его месте кладбище, и такого рода развязкой писатель не просто ставит точку в размышлениях о возможности возвращения человека к родовому началу, к нравственным идеалам русской деревни. Он показывает, что ностальгические воспоминания его героя о малой родине на самом деле не больше, чем самообман. Не случайно сам Старый Поселок так и не предстает перед читателем иначе, чем в воспоминаниях и мечтах Ключарева, оставаясь всего лишь еще одной фикцией, способом на время мысленно уйти от повседневных проблем.

Показывая иллюзорность социальных связей, соединяющих Ключарева с миром, и в то же время отказывая своему герою в возможности вернуться в прошлое и «совместиться» с родовым началом (заключительные слова повести именно об этом), В. Маканин обрисовывает достаточно пессимистичную картину жизни современного ему человека, который вынужден следовать установленным в обществе мифам и ритуалам, подчиняться «самотечности» жизни и не имеет выходов к «подлинному», осмысленному существованию.

Несколько более жизнеутверждающей является позиция Р. Киреева в повести «Искупление», героя которой — молодого химика Кирилла Шмакова — как и Ключарева, преследует настойчивое желание вернуться в прошлое. В «Искуплении» с темой памя-

ти связан мотив вины: героя гнетут воспоминания о том, как, будучи пятнадцатилетним подростком, он предал отчима и в поисках лучшей жизни уехал с матерью из поселка Алмазово в город. Сцена, произошедшая в день отъезда, врзается в его память на всю жизнь: «Человек с прилипшими к лысине реденькими волосами прыгает перед пятнадцатилетним мальчишкой, своим приемным сыном, умоляет не покидать его, норовит поцеловать руку. На подростке узкие, по тогдашней моде, брюки, продолговатое лицо бесстрастно, а глаза устремлены на дверь. Он ждет, когда освободится проход и можно будет уйти отсюда. Навсегда» [5, 5].

Герой воспринимает произошедшее как предательство по отношению к человеку, который усыновил его и дал ему свою фамилию, и с каждым годом в нем все больше крепнет желание вернуться в Алмазово, чтобы искупить вину перед отчимом. Чувство вины все больше мучит Кирилла, и наконец становится всепоглощающим: все свои действия он начинает соотносить с тем, что он совершил в детстве. Воспоминание о Шмакове возникает в его сознании каждый раз, когда он совершает благородный поступок, и вызывает в нем размышления о том, что на самом деле стало причиной этого благородства: искреннее желание помочь или стремление оправдаться перед самим собой: «Шмаков сделался в моих глазах олицетворением совести, но совести обратной, несущей заряд отрицательный. Он напоминал о себе всякий раз, когда я был честен, он уличал меня в моей порядочности» [5, 55].

Воспоминание о Шмакове мучительно еще и потому, что героя характеризует «болезненная, отшельническая страсть к абсолютной нравственной чистоте» [5, 52]. Он аккуратен, педантичен, принципиален. Так, он неоднократно вспоминает, как, будучи студентом, мог несколько раз переписывать страницы курсового проекта, если на них появлялась помарка или пятно [5, 30]. Поэтому предательство по отношению к отчиму воспринимается им как пятно на его совести, как показатель того, что в его репутации есть некий изъян. И какой бы благородный поступок он ни совершал, каким бы высоконравственным человеком ни казался в глазах окружающих, сам себя он таковым не считает. Рефреном в повести звучит мысль о расхождении в оценке героя окружающими и им самим: «Меня принимают не за того, кто есть я на самом деле» [5, 33]; «...меня не покидало ощущение, что я обманываю ее, что она принимает меня не за того, кто есть я на самом деле» [5, 26]; «...я вновь, как и год назад, почувствовал себя маленьким и лживым — словно... выдавал себя не за того, кто есть я на самом деле» [5, 114].

Как и Ключарев в «Повести о старом поселке», герой Р. Киреева сначала верит в то, что возвращение в прошлое может что-то исправить в его жизни: поможет искупить вину перед отчимом, примириться с самим собой. Наконец, герой осуществляет так

давно планируемую поездку в Алмазово, однако искуплению, которого он ждал в течение шести лет, не суждено состояться. Вернувшись в поселок, Кирилл обнаруживает Шмакова спившимся, неопытным, жалким, с трудом подавляющим в себе чувство брезгливости по отношению к этому человеку. Герой уезжает обратно, осознавая, что муки совести, которые он испытывал все эти годы, были напрасными. Поначалу в нем возникает ощущение вседозволенности: раз нравственное падение уже совершилось в прошлом и искупить его нельзя, то нет смысла играть в благородство в настоящем. Жизнь воспринимается героем уже не как чистый лист с помарками, который нужно переписать, а как «замусоленный», «посредственный» чертеж, на котором помарки уже не так заметны [5, 130]. В судьбе героя намечается цепь предательств: он сближается с женой своего друга и коллеги, собирается оставить больного старика Федора Осиповича, у которого снимает квартиру и которому помогает по хозяйству после того, как тот перенес инсульт. «А впрочем, подумал я, не все ли равно теперь? Пусть еще один человек присоединится к Шмакову... — Миша Тимохин, а завтра и послезавтра, когда я уйду на другую квартиру, среди них окажется и Федор Осипович. Потом еще кто-нибудь, и еще, и все они будут незримо конвоировать меня — чтобы я, не дай бог, не совершил что-либо добропорядочное. Тогда они с гиканьем набросятся на меня, напоминая, кто есть я на самом деле» [5, 13].

Однако ни измены, ни предательства герой не совершает: в поворотные моменты своей жизни Кирилл делает правильный нравственный выбор, однако теперь его решения продиктованы не желанием искупить вину прошлого, а искренней симпатией к людям, которых он не хочет предавать. Таким образом, изживание вины героем достигается не искуплением, а принятием себя, с собственным опытом, ошибками и заблуждениями, с правом на то, чтобы самому решать, как выстраивать жизнь. Показательно, что вина героя все время ставится в параллель с чувством невозвращенного долга: он чувствует себя в долгу перед Шмаковым за то, что тот дал ему фамилию; перед новым мужчиной матери, Вологоловым за то, что дал ему кров и еду; перед самой матерью за то, что та «пожертвовала собой», связав свою судьбу со Шмаковым; перед другом за то, что тот помог ему найти квартиру. Совершив возвращение в Алмазово и не получив желаемого искупления, герой убеждается в том, что невозможно выстраивать свою жизнь, руководствуясь единими для всех представлениями о долге, верности и необходимости, если эти представления не подпитаны личным нравственным чувством человека. Сюжет «Искупления», как и сюжеты некоторых других произведений Р. Киреева («Победитель», «Неудачный день в тропиках»), показывает необходимость обретения опоры не в других людях и не в готовых универсальных формулах, а в себе са-

мом. В том, что герой повести эту опору в конечном счете обретет, убеждает несколько моментов.

Во-первых, уезжая из Алмазова, герой, который до этого несколько раз акцентировал свою бездомность («У меня никогда не было по-настоящему своего дома — меня терпели, как неизбежное приложение к моей матери» [5, 22]), впервые называет домом Светополь — город, в котором работает. Обретение дома обозначает появление некоей опоры в жизни героя, и эта опора связана не с домом Шмакова, где он провел детство, не с домом Вологолова, а с местом, где живет и работает сам Кирилл, то есть не с прошлым, а с настоящим.

Во-вторых, по возвращении из Алмазова герой перестает оценивать собственные поступки глазами постороннего наблюдателя. Характерно, что в навязчиво повторяющихся воспоминаниях Кирилла момент расставания с отцом он видит как бы со стороны, что подчеркивается сменой формы повествования в этих эпизодах повести с первого лица на третье («на подростке узкие, по тогдашней моде, брюки...» [5, с.5]) После возвращения в Алмазово и несостоявшегося искупления эти воспоминания перестают посещать Кирилла, как и мысли о том, как могут быть оценены его поступки другими, и к финалу повести герой Р. Киреева окончательно утверждает себя в роли субъекта, а не объекта повествования.

Наконец, идея обретения самостоятельности выражена в кольцевой композиции повести: произведение начинается с намерения Кирилла рассказать историю своей жизни лучшему другу и завершается тем, что он отвергает эту мысль, понимая, что держать ответ за свои поступки он должен только перед собой. В «Искуплении» Р. Киреев подвергает сомнению мысль об универсальности нравственного поведения и одновременно восстанавливает доверие к индивидуальности, к «частному» человеку, способному интуитивно различать добро и зло: «...В человеке есть свой нравственный гироскоп, и потому мы даже без помощи разума ощущаем, что хорошо, а что плохо» [5, 20].

Как в «Повести о старом поселке» В. Маканина, так и в повести «Искупление» Р. Киреева возвращение в прошлое не приносит желаемого результата. В. Маканин оставляет своего героя в ситуации абсолютной покинутости, разрыва связи как с настоящим, так и с прошлым, что воспринимается как поражение героя. Герой же Р. Киреева, осознавая невозможность вернуться в прошлое, начинает по-иному оценивать настоящее, понимая, что в жизни нет четких схем

и предписаний. Именно поэтому ощущение свободы героя в финале сопряжено с его полным недоумением относительно будущего: он не знает, как жить дальше: «Удивительное дело: я очень повзрослел за эту неделю, но о том, как жить дальше, ведаю теперь куда менее, чем в любой другой момент жизни» [5, 144].

Для прозы «сорокалетних» не характерны nostalgia и сентиментальность в отношении к прошлому. У их героев нет представления о детстве как об этапе жизни, который дает человеку мощный нравственный заряд. Воспоминания не являются для них источником душевных сил, а напротив, мешают идти вперед и жить настоящим (в еще большей степени, чем в повести Р. Киреева «Искупление», это очевидно в романе В. Маканина «Прямая линия»). Отчасти это обусловлено тем, что детство самих писателей пришлось на тяжелые военные и послевоенные годы, отчасти связано с утратой доверия этого писательского поколения к созданным в предшествующие десятилетия мифам о человеке и мире, к готовым формулам, которые предлагалось принимать на веру. В прозе «сорокалетних» дискредитируется представление о возвращении в прошлое как о событии, способном наполнить жизнь человека смыслом, появляется мотив преодоления прошлого, связанный с необходимостью взросления, понимаемого как способность к самостоятельному определению нравственных основ жизни и самостоятельному принятию жизненных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубков М. М. История русской литературной критики XX века: учебник для вузов / М. М. Голубков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2024. — 357 с.
2. Дедков И. А. Наше живое время / И. А. Дедков // Новый мир. — 1985. — № 3. — С. 217–241.
3. Дедков И. А. Когда рассеялся лирический туман / И. А. Дедков // Литературное обозрение. — 1981. — № 8. — С. 21–32.
4. Рыбальченко Т. Л. Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950–1990-х гг. / Т. Л. Рыбальченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2012. — № 1. — С. 58–82.
5. Киреев Р. Т. Неудачный день в тропиках. Повести и рассказы / Р. Т. Киреев. — М.: «Современник», 1997. — 239 с.
6. Гуреев В. Н. «Любовно-бытовой взрыв» в русской литературе 1970-х гг.: автореф. диканд. филол. наук / В. Н. Гуреев. — Воронеж, 2008. — 16 с.
7. Маканин В. С. Повесть о Старом Поселке / В. С. Маканин. — М.: Советский писатель, 1974. — 352 с.

Воронежский государственный университет

Грязнова А. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Gryaznova A. Yu., Doctor of Philology, lecturer of the Department of the Russian Literature of the 20th and 21st Centuries, Theory of Literature and the Humanities

E-mail: gryaznova@phil.vsu.ru

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПОНЯТИЯ «РОДИНА» В ПОЭЗИИ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ

И. И. Качурина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 ноября 2023 г.

Аннотация: в статье представлены результаты комплексного анализа словесного образа «Родина» в творчестве Е. П. Ростопчиной. Целью является выявление особенностей авторского видения мира в аспекте «универсальное — индивидуальное». Оппозиция «универсальное — индивидуальное» в данной статье понимается как устойчивое, частотно повторяющееся в общепоэтическом языке и специфическое в авторском идиостиле. Проводится сопоставление образов в поэзии Е. П. Ростопчиной и А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и выявляются общие и различные семантические признаки.

Ключевые слова: семантика, поэзия XIX века, Родина, Отечество, Русь, Россия.

Abstract: the article presents the results of a comprehensive analysis of the verbal image of the «motherland» in the works of E. P. Rostopchina. The aim is to identify the features in the author's vision of the world in the aspect of "universal vs individual". Contrast of "universal vs individual" in this article is understood as specific in the author's idiosyncrasy and stable, which is frequently repeated in the general poetic language. The comparison of images in the poetry of E. P. Rostopchina and A. S. Pushkin, M. Y. Lermontov, N. A. Nekrasov is carried out. As a result of the analysis, common and various semantic features are identified.

Keywords: semantics, poetry of the 19th century, Homeland, Fatherland, Rus', Russia.

Понятие «Родина» очень значимо для русского человека. Любовь к своему краю и своему Отечеству является первостепенной ценностью. Тема родины проходит красной нитью через многие произведения русской литературы, но особенно проникновенно звучит в лирике поэтов XIX века. В «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова слово «родина» толкуется следующим образом: «общность рождения народа, восходящая к предкам (порода) в неизменной среде обитания (природа), единство земли, государства и веры предков, т.е. физической, социальной и духовной слитности представлений о том, что, являясь ключевым понятием культуры, всегда обозначалось как Родина» [1, 180]. Многими литературными примерами подтверждается определение этого важного понятия. Языковое воплощение понятия «Родина» было предметом изучения в работах многих отечественных исследователей: Е. В. Андреевой [2], С. Г. Воркачева [3], Л. А. Климковой [4], Н. В. Багичева [5], А. А. Зализняка [6] и других. Это свидетельствует о том, что в рамках антропоцентрической парадигмы научного знания язык изучается с точки зрения отражения менталитета народа, его культуры и мировоззрения. Образ русской земли занимает центральное место в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина и пр. Каждый изображает родину с помощью своих языковых средств, но просматри-

вается ряд универсальных признаков, отражающих русскую языковую картину мира. В поэзии Евдокии Петровны Ростопчиной образ родины не менее важен. Установить особенности его восприятия и языкового воплощения в творчестве автора можно только на фоне лирических произведений других поэтов.

Е. П. Ростопчина изображает Родину как святое и непреложное понятие, связанное с любовью, преданностью и гордостью. Ее стихотворения пронизаны глубоким патриотизмом и готовностью жертвовать всем ради благополучия Отечества. Она открыто выражает свое отношение ко всем социальным и политическим событиям, происходящим в разное время в стране. Поэзия Ростопчиной насыщена понятиями свобода, долг, совесть, добродетель, преданность. Россию в своих стихотворениях она называет «Русской Державой», «Святой Русью», «Русью родной». Для Е. П. Ростопчиной человек без родины, точно одинокий моряк в дальнем плаванье: «О! кто, кто здесь из нас, танцующих беспечно, / Постигнет подвиги и долю моряка?.. / Как в одиночестве, без радости сердечной, / Томить его должна по родине тоска!» [7, 164]. У него незавидная участь — без родины нет ни простора, ни свободы: «Как скучны дни его, как однозвучны годы! / Как он всегда лишен простора и свободы!» [7, 164]. В таком глубоком понимании образа Родины Е. П. Ростопчина продолжает традиции А. С. Пушкина, который был частым гостем ее литературных вечеров, наблюдал за ее становлением как поэта и по достоинству оценивал ее стихотворения.

Образ родины стал неотъемлемой частью лирического мироощущения А. С. Пушкина. В его творчестве прослеживается глубокое уважение к истории и культуре России. Образ Отечества часто связан с идеей Родины-матери, которая олицетворяет заботу, любовь и духовное единство. В «Бородинской годовщине» А. С. Пушкин возвышает патриотические чувства и героизм русского народа: *«Победа! сердцу сладкий час! / Россия! встань и возвышайся! / Греми, восторгов общий глас!»* [8, 612]. Для обращения к образу Родины поэт чаще всего использует слово «Россия». Для него было важно указать название страны. Как отмечает В. В. Виноградов: «В дворянской культуре слова, предметы, явления и связи действительности нередко созерцались сквозь призму литературных символов и сюжетов, сопоставлялись с ними и, подвергаясь своеобразной эстетической нейтрализации, получали отпечаток литературного символизма» [9]. С помощью высокой лексики и архаизмов А. С. Пушкин подчеркивает величие страны через прославление исторических побед и подвигов, смотрит на Родину с гордостью и уважением, отмечает духовное единство и силу, которая способна преодолеть все трудности. А главная трудность, по мнению поэта, заключается в закоренелом закреплении русского народа и незаконных поступках правящих кругов: *«Здесь барство дикое, без чувства, без закона. / Присвоило себе насильственной лозой / И труд, и собственность, и время земледельца»* [8, 249]. А. С. Пушкин презирает такое государственное устройство, для него идеальная Родина — это свободная и прогрессивная страна, с процветающим народом и разумным правителем. Для него Россия не просто географическое пространство, но и источник вдохновения, объект любви и преданности, символ исторического и культурного наследия. При всей своей ненависти к сложившимся порядкам в стране он открыто заявляет о любви к родине и невозможности сменить ее на другую: *«Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»* [10].

Подобно А. С. Пушкину и Е. П. Ростопчиной, Михаил Юрьевич Лермонтов с особой теплотой возвышает идеалы свободы и справедливости, ставя их выше интересов государства. По мнению исследователя Т. Ю. Колупановой, слово «Россия» в поэзии М. Ю. Лермонтова приобретает ярко выраженную эмоциональную окраску, наделяется различными элементами коннотации (высок., презр., неодобрит.), связанными с содержательными компонентами «государство» и «общество», за счет этого «предстает как многоплановая и многогранная лексическая единица, приобретшая новый, индивидуально-авторский смысл» [11, 61]. Так, в стихотворении «Жалобы турка» он пишет о стране, в которой правит

«хитрость и беспечность» и тяжело живут простые люди: *«Там за утехами несется укоризна. / Там стоит человек от рабства и цепей! / Друг! Этот край... моя отчизна!»* [12, 24]. Поэт выступает гневным обличителем самодержавия. Его образ Родины часто связан с идеалами и страданиями отдельных личностей в обществе: *«И душно кажется на родине, / И сердцу тяжело, и душа тоскует...»* («Монолог») [12, 30]. Если Е. П. Ростопчина пишет, что у человека без родины нет свободы, то М. Ю. Лермонтов, переключаясь с мыслями А. С. Пушкина, много рассуждает о том, что Родина превратилась в тюрьму для выдающихся людей, стала темницей для всего лучшего: *«Страна рабов, страна господ, / ...Быть может, за стеной Кавказа / Укроюсь от твоих пашей, / От их всевидящего глаза, / От их всеслышащих ушей...»* [12, 732]. И все же Родина в стихотворениях М. Ю. Лермонтова становится могущественным хранителем культуры и идеалов народа, местом, где добро и зло сливаются воедино. Поэт изображает Родину как живую и вечную силу, способную сохранить память и творческое наследие всех своих сыновей: *«И возвратился он на родину; безумно, / Как прежде, вокруг него теснятся и бегут»* [12, 735].

Образ родины в поэзии Михаила Лермонтова противоречив, полон чувств и эмоций. Он олицетворяет все, что свято и дорого для человека: любовь, патриотизм, идентичность. Стихотворения Лермонтова отражают сложность и противоречивость отношений человека с родиной, его стремление найти в ней свое место и смысл жизни. С. Г. Воркачев отмечает, что слова поэта о России отличаются особой лиричностью и сопровождаются дополнительными эмоциями, связанными с включением данного предмета «в центр своей аксиологической области и в свою личную сферу» [13, 6]. Так, поэт открыто заявляет о любви к родной стране: *«Печалью вдохновенный, я пою / О ней одной — и все, что чуждо ей, / То чуждо мне; я родину люблю»* («Я видел тень блаженства; но вполне...») [12]; *«Люблю отчизну я, но странною любовью! / Не победит ее рассудок мой»* («Родина») [12]. Поэт противопоставляет истинный патриотизм мыслящего и глубоко чувствующего поэта официальному патриотизму.

Е. П. Ростопчина хорошо понимает и искренне поддерживает близкого друга М. Ю. Лермонтова. Она также возвышает Россию и русский народ, олицетворяя их как идеалы и символы нравственности и добродетели. Патриотические обращения звучат в стихотворении «Семейству графов Виельгорских»: *«Мир вам, отечества сыны!»* [14, 149] и в стихотворении «К страдальцам-изгнанникам»: *«Их памятник — в сердцах отечества сынов, / В неподкупных хвалах свободных песнопений, / В молитвах русских жен, в почтеньи всех веков!»* [14, 23]. Е. П. Ростопчина видит в родине источник вечной силы и памяти любого соотечественника, независимо от того, не-

справедливо пострадал он или прославился своими заслугами. Можно сделать вывод, что лексема «отечество» служит для патетического выражения отношения принадлежности и преданности к своей родине в обращениях.

В стихотворениях Е. П. Ростопчиной Образ родины воплощается в цепочке словарных дефиниций: *Отечество — Отчизна — Русь — Россия*. «Отчизна» возводится в степень превосходства: «Где ты, наш воин-стихотворец?.. / Вдвойне отчизны милый сын, / Ее певец и ратоборец, / Куда ты скрылся?» [7, 109]. Отчизна территориально связана с категорией пространства, «милым севером», и имеет характеристику «отчизна зимы беспощадной» — «край ненаглядный»: «К Северу! к Северу!.. В край ненаглядный! / О! пусть он мрачен и пусть он суров, / Пусть там отчизна зимы беспощадной, / Пусть там обители вечных снегов...» [14, 70]. Е. П. Ростопчина отдает дань уважения и любви к своей стране, ее истории, народу и культуре.

Слово «Русь» является частотным в стихотворениях Ростопчиной и характеризуется *святой*: «Сусанин, доблестный и верный гражданин, / Святой Руси достойный сын?» («На памятник, сооружаемый Сусанину», 1835) [14, 38]; «если б наша Русь святая, ... // Вдруг загремела бы: «Пора!»» (Он стар и сед, 1838) [14, 50], *родной*: «И, все с молитвой на устах / За нашу мать, за Русь родную, / Все смерть прияли роковую / И улеглись в своих гробах» («Семейству графов Виельгорских», 1855) [14, 149].

В стихотворениях Е. П. Ростопчиной Родина словоно разговаривает со своим народом. Русь может позвать: «Вставай, Ермолов!.. Русь зовет!» («На лавровый венец А. П. Ермолову», 1846) [14, 148], попросить встать на защиту: «За наши рубежи родные, / За Русь, за веру в бой летал» («Одним меньше», 1839) [7, 109], и наградить за это: «Пусть луч их славы неземной / Блестит зарей нам беззакатной, / Пусть наши слезы благодатной / На Русь ниспошлются росой!» («Семейству графов Виельгорских», 1855) [14, 149]. От поэта звучит призыв: «За Русь не пощадить ни жизнь свою, ни кровь!..» («Посещая Московскую оружейную палату», 1840) [14, 71]. Е. П. Ростопчина требует «Свободы для Руси, отмщенья за друзей!..» и провозглашает: «Пускай казна истощена / И нам по-прежнему пристала / Пусть фраза та, что «Русь обильна и сильна, / Да только в ней порядка мало»» [7, 274]. Ростопчина возвышает Русь как великую и могучую страну. Она передает свою глубокую веру в силу родины и ее способность преодолеть трудности.

При внимательном анализе можно разграничить слова «Русь» и «Россия». Первое имеет более величественное значение, используется при упоминании прошлых героических событий, а второе — соотносится с обновлениями: «С деспотством сокрушить клеветов притеснения / И к обновлению Россию воскресить» [7, 37]. В новом мире у Родины есть надежда

восстать против несправедливости государственного устройства и «И цепи рабства снять с России молодой» [14, 23]. Россия в стихотворениях Е. П. Ростопчиной имеет характеристики «молодая», «новая»: «С Россией новою восстал, как феникс, он» [14, 39], «величавая»: «Красу и честь России величавой» [7, 246].

Е. П. Ростопчина использует одну лексему на протяжении всего стихотворения, но встречаются случаи, когда Русь и Россия употребляются в одном контексте. В стихотворении «Посещая Московскую оружейную палату» поэт дает восторженные характеристики мечу Д. М. Пожарского, называя его «спасителем России», и призывает дать обет за Русь: «Победой испунил честь родины своей, — / То меч Пожарского, спасителя России!!! / <... > Сей меч нам к родине велит питать любовь, / Служить и делом ей, и словом, и советом! — / Склони главу пред ним — и удались с обетом / За Русь не пощадить ни жизнь свою, ни кровь!» [7, 131]. В ее поэзии отразились мужество и героизм русских солдат, которые боролись за свою родину. Она возвышает патриотический дух и показывает, что истинная сила России заключается в ее народе — хранителе исконных традиций, передающихся от Руси к России. Она показывает, что Родина — это не только место на карте, но и неразрывная связь с наследием и ценностями, которые она представляет.

Такое же глубокое понимание истинного патриотизма и образа «Родина» мы встречаем в поэзии Н. А. Некрасова. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов отмечает противоречивую сущность Руси: «Ты и убогая, / Ты и обильная, / Ты и могучая, / Ты и бессильная, / Матушка-Русь» [15]. Отрицательно окрашенные лексемы «убогая» и «бессильная» связаны с крепостным строем. Параллельно с этим поэт изображает прекрасные пейзажи, бескрайние поля, где пасутся стада, и прекрасные реки, пересекающие зеленые луга. Родина для него — это место, где жизнь проста и прекрасна, где люди дружелюбны и заботливы. В этих строках автор олицетворяет свою мечту о гармонии и справедливости, которые должны существовать в России. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов раскрывает свое отношение к истории и наследию своей страны. Он грустно отмечает, как все исчезает со временем, люди забывают свою историю. Как и для А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, Родина для Некрасова — это не только живое пространство, но и сплетение исторических событий и культурных ценностей.

Подобно Н. А. Некрасову, который писал о том, что забываются истинные русские традиции, Е. П. Ростопчина отмечает, что с эпохой обновления, с введением новых традиций в России все больше стали забываться русские традиции «гостеприимство, хлебосольство», заменяясь «многоглагольством»: «Просвещение... / И подражанье новизне / Гостеприимство, хлебосольство, / Накрытый стол и настезь

дверь / Преданьем стали... и теперь / Витийствует многоглазость / На скучных сходбищах, взамен / Веселья русского» [7, 126]. В стихотворении «Вид Москвы», старейшей столицы, открывается вид, где «Расчетливым покупщиком / В слепом неведение, невинно, / Стираются следы веков, / Следы событий позабытых...» [7, 126]. Москва удручает — «пуста для сердца и для взора» [7, 144]. У Ростопчиной вызывают горькую усмешку заботы тех, кто «Страхуют жизнь, позитки и именье, / Страхуют все, что тлеет и горит», но никогда не смогут уберечь «ни радости, ни счастья» [14, 94].

Как и А. Н. Некрасов в поэме «Русские женщины», Е. П. Ростопчина в стихотворении «Русским женщинам» размышляет над судьбой простой крестьянки. Сходство между этими произведениями заключается в том, что оба автора показывают тяжелую жизнь женщин, ставя их интересы выше интересов государства. В стихотворении «Русским женщинам», рисуя картину железного века с «сосущим людей вампиром роскоши» [14, 153], Е. П. Ростопчина проводит параллель между судьбами крестьянской женщины и дворянки и находит у них много общего: под «шторной драпировкой» также льются женские слезы.

Образ родины в поэзии Е. П. Ростопчиной отражает не только патриотические чувства, но и ее стремление к просвещению и прогрессу. В своих произведениях она призывает к развитию образования и культуры в России, понимая, что именно знания способствуют процветанию и укреплению Родины. Ростопчина искренне верит в силу образования и его роль в формировании национального характера.

Е. П. Ростопчина через свою поэзию прославляет и возвышает яркий и возвышенный образ Родины, передавая свою любовь и преданность России, ее народу и культуре. Ее стихи наполнены патриотическим духом, глубокой верой в силу Родины. Они остаются не только важным свидетельством времени и ценным литературным наследием, но и вдохновляют и волнуют наши сердца по сей день. В своей поэзии Е. П. Ростопчина, так же как и А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, обращается к идеалам справедливости, свободы и гуманизма, которые считает неотъемлемой частью родины, выступает за защиту прав и свобод каждого гражданина, за освобождение от социального неравенства и угнетения. Поэзия Е. П. Ростопчиной и сегодня ценна и жизнеспособна, потому что она «Почтила подвиги исчезнувших веков, / И доблесть воинов, и мудрость государей, / И преданность граждан, и пастырей мольбу» [7, 131].

Воронежский государственный университет
Качурина И. И., аспирант кафедры русского языка
E-mail: Ira.sarabi@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — В 2 т. — Т. 2. П-Я. — СПб.: Златоуст, 2014. — 592 с.
2. Андреева Е. В. Родина в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: вербализация концепта / Е. В. Андреева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. — СПб.: СПбГУ, 2015. № 3. — С. 79–85.
3. Воркачев С. Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта / С. Г. Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж: ВГУ, 2006. — С. 26.
4. Климкова Л. А. Концепт «Родина» в русском языковом сознании: словарные и текстовые репрезентации / Л. А. Климкова // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтничного и поликультурного региона: материалы межрегион. науч. конф. — Москва — Саранск: ПРО100 Медиа, 2013. — С. 41–45.
5. Багичева Н. В. Образ Родины-матери в русском национальном менталитете / Н. В. Багичева // Лингвокультурология. — 2008. — № 2. — С. 35.
6. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 239–246.
7. Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма / Е. П. Ростопчина. — М.: Советская Россия, 1986–447 с.
8. Пушкин А. С. Полное собрание стихотворений в одном томе: стихотворения / А. С. Пушкин. — М.: Эксмо, 2011. — 768 с.
9. Виноградов В. В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1941. — 620 с.
10. Пушкин А. С. Из письма А. С. Пушкина П. Я. Чаадаеву / А. С. Пушкин. // Собрание сочинений в 10 томах. — Т. 10. — М., 1962, — С. 309–310.
11. Колупанова Т. Ю. Лексико-семантические особенности репрезентации концепта Россия в поэзии М. Ю. Лермонтова / Т. Ю. Колупанова // Мир русского слова № 1. — Липецк: ЛПГУ, 2015. — С. 57–61.
12. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в одном томе / М. Ю. Лермонтов. — М.: Альфа-книга, 2023. — 1277 с.
13. Воркачев С. Г. Лингвоидеологема «Родина» в научном дискурсе / С. Г. Воркачев // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». — Волгоград: ВГСПУ, 2014. № 1 (28). — С. 5–8.
14. Ростопчина Е. П. Талисман: Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания / Е. П. Ростопчина. Сост. В. Афанасьев. — М.: Моск. рабочий, 1987–320 с.
15. Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо / Н. А. Некрасов / Официальный сайт «Интернет-библиотека Алексея Комарова» — Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/13/index.html> / (дата обращения 24.09.2023).

Voronezh State University
Kachurina I. I., Postgraduate student of the department of
the Russian language
E-mail: Ira.sarabi@yandex.ru

ОБРАЗ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА В ТВОРЧЕСТВЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Н. Н. Колобкова

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

Поступила в редакцию 12 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется период расцвета творчества Ломоносова при императрице Елизавете Петровне, подчеркивается его активная роль в прославлении образа князя Александра Невского как покровителя новой столицы Российской империи, Санкт-Петербурга. Особое внимание уделяется созданию надписей на серебряной раке для мощей князя Александра в храме Александро-Невского монастыря. Отмечаются инновации, внесенные Ломоносовым в поэзию. Анализируется экфрасис, представленный в стихотворении М. В. Ломоносова, где акцентируется связь между князем Александром, Петром Великим и императрицей Елизаветой, а также их роль в историческом и культурном контексте России.

Ключевые слова: поэзия Ломоносова, экфрасис, рака Александра Невского, ода, Петр I.

Abstract: the article analyzes the period of Lomonosov's creativity during the reign of Empress Elizabeth Petrovna, emphasizing his active role in glorifying the image of Alexander Nevsky as the patron of the new capital of the Russian Empire, St. Petersburg. Special attention is given to the creation of inscriptions on the silver shrine for the relics of Prince Alexander in the Alexander Nevsky Monastery. The innovations introduced by Lomonosov in poetry are noted. The analysis includes the ekphrasis presented in M. V. Lomonosov's poem, where the connection between Prince Alexander, Peter the Great, and Empress Elizabeth is highlighted, as well as their role in the historical and cultural context of Russia.

Keywords: Lomonosov's poetry, ekphrasis, Alexander Nevsky's shrine, ode, Peter the Great.

Литература занимала особое место в жизни М. В. Ломоносова. Это направление было выбрано им как средство достижения своей цели — развития науки, образования и экономического благосостояния народа и, как следствие, государства. Более того, он четко понимал, в какой форме и кому следует адресовать свои произведения. М. В. Ломоносов, не будучи поэтом, пишет стихи, потому что эта форма речи была более привлекательной для тех, кто был убежден в том, что должен действовать. Он брался за оду, потому что она была развита в европейской литературе и из всех форм поэзии казалась ему наиболее удобной. В ней он мог прекрасно представить тех людей, в руках которых была сила и воля, от которых зависели судьбы людей и судьбы науки [1, 159]. В стихах М. В. Ломоносова видны новшества, которые он привнес в поэзию. Он отходит от так называемого слогового стихосложения со строгим порядком и количеством слогов, пришедшим из средневековья. Вместо этого он обращается к тонической поэме с более богатой интонацией.

Расцвет творчества М. В. Ломоносова пришелся на время правления дочери Петра I Елизаветы Петровны [1, 161]. Императрица старалась быть достойной преемницей своего отца, в том чис-

ле и в плане прославления образа Александра Невского как покровителя новой столицы империи [1, 163]. Одним из ближайших помощников Елизаветы Петровны в прославлении образа князя был Михаил Васильевич Ломоносов. В частности, он принимал активное участие в изготовлении серебряной раки для мощей князя Александра в одном из храмов Александро-Невского монастыря [2, 75]. М. В. Ломоносов должен был придумать надпись на раке, что он и сделал в 1750 году в виде восьмистишья. Данный опус получил одобрение императрицы. Его восьмистишье вскоре было вырезано на раке художником — гравером М. И. Махаевым. Однако вскоре Елизавете Петровне показалось, что текст М. В. Ломоносова выглядел слишком мелким на раке. Она потребовала сзади раки установить щиты у двух ангелов и на щитах заново сделать такую надпись, которая могла бы быть видна любому человеку [2, 81]. Для этой цели в августе 1752 года М. В. Ломоносов сочинил новый текст, но уже в прозе, в котором прославлял благоверного князя Александра Невского, упоминал о возвеличивании его образа Петром I, а также говорил об императрице Елизавете, благочестивой последовательнице своего царственного отца в деле возвеличивания образа князя [3, 537]. Кроме того, М. В. Ломоносов свой текст на русском языке перевел на латинский язык. Так,

на двух языках этот текст был помещен на двух щитах, которые держали серебряные ангелы, прикрепленные к пирамиде.

Сочиненные М. В. Ломоносовым надписи вызывают интерес с точки зрения экфрасиса, т.е. словесного описания, сопровождающего гробницу, в данном случае Александра Невского. Прежде всего, следует заметить, что стихотворный и прозаический варианты надписи, которые сочинил М. В. Ломоносов, по сути схожи. Поэтому остановимся на рассмотрении только поэтического текста.

Стихотворение М. В. Ломоносова состоит из двух катренов. В первом катрене князь не называется по имени. Для обозначения главного героя М. В. Ломоносов использует парафраз «святой и храбрый князь». Для единства и слияния текста с ракой М. В. Ломоносов вводит указательное слово «здесь»: «Князь здесь телом почивает». Кроме того, в стихотворении обозначено предназначение монументального сооружения: для мощей Великого князя. Вторая строка, вводимая противительным союзом «но», возвеличивает предназначение Александра Невского быть небесным патроном «града сего», Санкт-Петербурга. Дело в том, что Петр Великий чувствовал чрезвычайную необходимость в новой империи построить столицу, находящуюся под покровительством святого, причем из российского пантеона. Для этой цели подходящей персоной стал Александр Невский, который в памяти народа воплощал в себе и образ воина, и государственника, и святого в одном лице. Любопытно, что в следующей строке, «и на берега, где он противных побеждал», не указано имя реки. Однако ее имя угадывается из пространственного указания «на берега». Эта строка является также и словесным комментарием к барельефам саркофага, изображающего главные сражения под предводительством великого князя, в том числе и на реке Неве. В четвертой строке: «И где невидимо Петру споспешествовал» прослеживается явное сопоставление деяний царя-преобразователя и русского, средневекового полководца. Подобное сравнение позволяет выстраивать историческую преемственность величия тех, кто русскую землю защищал, строил и развивал государственность. Так, Александр, став святым покровителем Санкт-Петербурга, становится помощником Великого Петра в строительстве этого города как новой столицы России. В пятой строке возникает третья историческая персона надписи — правящая императрица Елизавета. Она связана с обоими предшественниками. С Петром Великим ее связывают родственные отношения, т.к. она — «Дщерь Его», а с Александром Невским — святость. Однако особый, экфрасический фокус надписи изображает Елизавету не как императрицу, а как инициатора «святого» дела. В финальных строках М. В. Ломоносов указывает на материал, из которого сделана рака, и на его

значимость: «первое серебро». Дело в том, что на эту раку было израсходовано серебро с Колывано-Воскресенских заводов А. Н. Демидова. Серебро на этой территории было впервые открыто в первый год царствования Елизаветы Петровны в 1742 году. Императрица на сотворение раки щедро выделила более девяти пудов высокопробного серебра, что, конечно, свидетельствует о благостных намерениях Елизаветы Петровны. М. В. Ломоносов смог в восьми строках передать величие мемориального памятника, вписав это религиозно-культурное действие в историю России.

М. В. Ломоносов и в других своих произведениях сравнивал действия Петра и Александра, например в стихотворении «Петр Великий». Здесь в драматичном эпизоде штурма Ореха-Нотенбурга сказано, что благоверный князь своим героизмом и святостью вдохновлял солдат. Параллели с Александром Невским отчетливо просматриваются и в Оде, посвященной 20-летию правления Елизаветы. Автор прямо именует князя предтечей мужества Петра I. В описании торжественной иллюминации в честь дня рождения великого князя Павла Петровича М. В. Ломоносов также упоминает Александра Невского среди достойных почести монархов [3, 752]. Стремление Ломоносова-поэта поставить в один ряд государя Петра Алексеевича и Александра Ярославича выглядело иногда не слишком логично. Например, в небольшом стихотворении, сочиненном по случаю спуска на воду 66-пушечного корабля «Александр Невский» в 1749 году, он предается восхищению только что созданным кораблем, а затем без всякой логической связки в последних двух строках восхваляет заслуги Петра [4, 201].

Образ Александра Невского в творчестве М. В. Ломоносова достаточно многогранен. В поэзии, литературной прозе князь изображался как политический и военный предшественник императора Петра I, который выступил в истории России преемником дел святого, традиционно почитаемого Русской Церковью. При этом следует заметить, что личная жизнь, заслуги князя перед Отечеством не очень занимали М. В. Ломоносова как ученого, увлеченного общими периодами исторического развития Древней Руси. Он намеревался создать отдельный исторический труд, посвященный этой теме, но ему просто не хватило на это времени [4, 398].

Образ Александра Невского отразился и в творчестве Ломоносова-художника. Вначале необходимо отметить, что истоки более поздних вариантов скульптурной визуализации Александра Невского уходят корнями в глубокую древность [5, 293]. Важно, что в допетровскую эпоху канон иконописи в основном предусматривал изображение Невского схимонахом, но не единственно возможным. Первым дошедшим до нас образом Александра является ранее не атри-

бутированная фигура, представленная на иконе «Богоматерь Тихвинская с протоевангельским циклом и святыми» (первая половина XVI века) [6, 267]. Изменение канона иконописи на «светский» вариант (1724 год) имело объективные предпосылки, так как до этого Александр Невский изображался в княжеских одеждах в монументальной живописи, миниатюрах, на житийных иконах. Фреска Софийского собора в Вологде носила «переходный» характер. А создание первой скульптуры Александра Невского («нагрудная статуя», 1754 год) уже связано с именем М. В. Ломоносова [6, 283].

В 1757–1758 годах на основанной им в 1753 году мозаичной фабрике были изготовлены два портрета Александра Невского. Ф.-Б. Шенк констатировал, что на них лик Ярославича выполнен по стандартам XVIII века и чем-то напоминал облик первого русского императора, к личности которого в своем творчестве часто обращался М. В. Ломоносов [7, 301]. Достоверных прижизненных портретов Александра не было, его изображения на иконах, описания в летописях разнились, так как до эпохи правления Ивана Грозного не писали при жизни портреты князей из династии Рюриковичей. В «подлинниках» XVI — XVII веков, которые представляли собой словесные инструкции для иконописцев, внешность Александра Невского описывалась так: «брада аки Козьмина, в схиме, кудерцы видеть маленько из-под схимы, риза преподобническая, испод дымчат, в руке свиток сжат, сам телом плечист» [8, 127]. Насколько это достоверно — большой вопрос. В свою очередь, на погребном покрывале князя отчетливо просматривались восточные черты, что было неудивительно, ведь мать Александра, княгиня Феодосия, являлась половецкой княжной [7, 279]. Таким образом, истинный облик князя был неизвестен в силу объективных причин, поэтому М. В. Ломоносов мог позволить себе полную свободу творчества. Во-вторых, интерпретировать портретное сходство мозаичного портрета можно иначе. Существует версия, что при создании мозаики с изображением Александра Невского М. В. Ломоносов опирался на его иконописные портреты XVII века, а также рукописный «Титулярник», созданный в Посольском приказе в 1672 году по велению царя Алексея Михайловича [8, 129].

Стремление М. В. Ломоносова максимально достоверно изобразить Ярославича сподвигло его даже обратиться в Академию наук с просьбой отправить в старорусские города мастеров живописи для того, чтобы получить копии с лиц князей, надгробных надписей и т.д. Это действо, как надеялся М. В. Ломоносов, должно было «явить и другим народам русские древности и усердия предков наших» [4, 565]. Как полагал М. В. Ломоносов, ранее созданные «родословные гридированные листы» не только весьма расплывчаты, но и лишены сходства между собою в ликах [4, 567]. Отметим еще одну особенность.

М. В. Ломоносов изображает Ярославича «согласно канону одежды правителя XVIII века в пурпурном плаще и императорской короне». Однако на датируемой гораздо более ранним периодом фреске Архангельского собора Московского Кремля (1652–1666), великий князь уже наделен головным убором в виде шапки Мономаха и парадным плащом.

Первые работы «княжеской» иконографии Невского появились еще в XVI веке в виде миниатюр (лицевые летописи), а позднее вылились в работы монументальной живописи — фрески Архангельского собора. Мозаики М. В. Ломоносова продолжили эту традицию иконописи. Таким образом, М. В. Ломоносову бесспорно удалось в литературе и искусстве увековечить память об Александре Невском.

Сегодня историография располагает лишь несколькими ломоносовскими строками об Александре Невском в «Кратком российском летописце».

В сентябре 1758 года Канцелярия Петербургской Академии наук выдала предписание Академической типографии опубликовать первый том «Российской истории» М. В. Ломоносова. В связи с тем, что до наших дней не дошла рукопись этого труда, судить о том, как ученый оценивал деяния государственных лиц, можно только по опубликованному в 1760 году «Краткому российскому летописцу». Во вступлении М. В. Ломоносов указал, что эта работа лишь «сокращенное из сочиняющейся пространной истории» [9, 152]. В основе «Краткого российского летописца» лежал «династический принцип» государственного управления наследников Рюрика. Сначала на великом княжении в Киеве, потом во Владимире и Новгороде. С Ивана Калиты — на Московском великом княжении, с Василия III — на Всероссийском. Об Александре Ярославиче Невском, как о государственном деятеле, рассказывается в одиннадцатой «степени от Рюрика», о начале его владения — 1252 году, 12 «лет владения» (т.е. княжения) и 44 «лета жизни». Представлена краткая характеристика: «Александр Ярославич Невский, являясь князем новгородским, мужественно одолел шведов и немцев ливонских, вышедших в поход на Великий Новгород. По смерти своего отца был вызван в Орду, где Батый, пораженный его храбростью, достоинством и величием, с честью даровал великое княжение на Владимире, которое младшие братья его, Святослав и Михайло Ярославичи, между собою делили. По четвертому разу визита в Орду занемог, на обратном пути, приняв схиму под именем Алексия, преставился» [9, 173].

Отметим, что ничем существенным текст об Александре Невском не отличался. Его объем соответствовал аналогичным сообщениям о других князьях: Ярославе Всеволодовиче, Юрии Даниловиче или Дмитрии Донском. Некоторые из указанных в нем оборотов имели характер клише: о Ярославе в «Летописце» сказано, что он также «доблестно сражался против Литвы и с немцем на Новгороде», а Андрей

Александрович «постригся и преставился» [8, 128]. Стоит отметить, что авторство М. В. Ломоносова в отношении второй части этой работы стало объектом научной дискуссии. Л. Б. Модзалевский в 1940-х годах выдвинул гипотезу, что вторую часть написал библиотечарь Академии наук А. И. Богданов [10, 266]. По мнению исследователя, М. В. Ломоносов выступал лишь как редактор. Так, с достаточной степенью уверенности можно говорить, что М. В. Ломоносов в «Летописце», излагая фактологические сведения об Александре Невском, в отличие от рассмотренных выше примеров, не наделял эти сведения никакой идеологической нагрузкой.

Итак, подводя итоги проанализированных творческих произведений и научно-исследовательских работ, выполненных великим российским ученым и творцом М. В. Ломоносовым, заметим, что вопросы, связанные с жизнью, заслугами перед Отечеством и доблестью благочестивого великого князя Александра Невского, не являлись для М. В. Ломоносова первостепенными. Гораздо большее внимание ученого занимали периоды исторического развития Древней Руси. Это явилось следствием того, что у М. В. Ломоносова, который хотел завершить уже начатые исследования, просто не хватило на это времени. Заметим, что сжатые факты об Александре Невском в нем не содержат какого-либо отчетливого идеологического подтекста. Напротив, в литературных и отчасти публицистических работах М. В. Ломоносова можно найти ярко выраженный идеологический оттенок. Иными словами, с его своенравной педантичностью, прослеживаемой в подходе к исследованиям, М. В. Ломоносов умело проводил черту между научными изысканиями, где свободное обращение с историческими фактами, связывающими настоящее и прошлое, было непозволительно, и работой в жанрах публицистики, а также литературы, где подобные свободы оправдывались творческим замыслом. В литературном творчестве М. В. Ломоносова Александр Невский почти всегда изображался как политический и военный предшественник императора Петра I, который со своей стороны выступал преемником дел святого, традиционно почитаемого Русской Церковью.

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

Колобкова Н. Н., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин

E-mail: n.kafin@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Моисеева Г. Н. Александр Невский в творчестве М. В. Ломоносова / Г. Н. Моисеева // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бежанова и А. Н. Христенко. СПб.: Дмитрий Буканин, 2018. — С. 158–164.
2. Завадская Л. А. Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа / Л. А. Завадская // Александр Невский. Материалы научно-практической конференции 16–20 октября 2020 г. СПб, 2020. — С. 74–82.
3. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VIII. / М. В. Ломоносов // Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732–1764 гг. М.; Л.: Изд-во АН, 1959. — 1280 с.
4. Ломоносов М. В. Полн. Собр. соч. Т. VI. / М. В. Ломоносов // Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН, 1952. — 689 с.
5. Петричко Ю. В. Образ Александра Невского в живописи XVIII–XX в. / Ю. В. Петричко // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М.: Р-Валент, 2010. — С. 285–314.
6. Сосницкий Д. А. Иконография Александра Невского / Д. А. Сосницкий // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М.: Р-Валент, 2010. С. 267–284.
7. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти. Святой, правитель, национальный герой. (1263–2000). / Ф. Б. Шенк. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 589 с.
8. Михеева И. В. Александр Невский: след в истории, культуре, искусстве. В сборнике: Исторический путь России: из прошлого в будущее. Материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского. В 3-х томах / И. В. Михеева / Под редакцией С. И. Бугашева, А. С. Минина. — Санкт-Петербург, 2021. — С. 126–129.
9. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского летописания / О. И. Подобедова. — М.: Наука, 1965. — 322 с.
10. Модзалевский Л. Б. Об участии А. И. Богданова в составлении «Краткого Российского летописца» М. В. Ломоносова / Л. Б. Модзалевский // М. В. Ломоносов: сборник статей и материалов. Вып. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — С. 265–270.

*Volgograd State Institute of Arts and Culture
Kolobkova N. N., Candidate of Sciences in Pedagogy, Docent,
Associate Professor of the Humanities Department
E-mail: n.kafin@yandex.ru*

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ — СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

И. А. Меркулова, Е. П. Козявина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье обсуждается вопрос существования типологии на лексическом уровне, анализируются существующие подходы сопоставительно-типологических исследований в области лексики. Выделяются и рассматриваются методики, применяемые в лексико-типологических исследованиях. Обсуждается вопрос различения лексической, семантической и лексико-семантической типологии. Авторы предлагают выделение лексической микро- и макротипологии и анализируют работы современных лингвистов, определяя их отнесенность к тому или иному виду типологии. В качестве объекта сопоставления учитывается материал преимущественно славянских языков.

Ключевые слова: лексика, сравнительный анализ, лексическая типология, славянские языки.

Abstract: the article discusses the issue of the existence of typology at the lexical level, analyzes approaches to comparative typological researches in the field of vocabulary. Methods, which used in lexico-typological research, are identified and discussed. The issue of distinguishing between lexical, semantic and lexical-semantic typology is discussed. The authors propose the identification of lexical micro- and macro typology and analyze the works of modern linguists, determining their relevance to one or another type of typology. The object of comparison is the material mostly from Slavic languages.

Keywords: vocabulary, comparative analysis, lexical typology, Slavic languages.

Лингвистическая типология как область сопоставления генетически неродственных языков с целью обнаружения структурных и функциональных сходств языков имеет уже многовековую историю. Типологическое сходство может проявляться на разных уровнях языка — фонетическом, синтаксическом, морфологическом. И только лексический уровень до сих пор не получил общепринятой типологической интерпретации, хотя сопоставительные описания лексики встречаются уже в Средние века в виде многоязычных словарей, например «Диван лугат аттурк» Машмуда Кашгарского.

Запрос в Научную электронную библиотеку (www.elibrary.ru) показывает, что только 184 публикации из 50264478 имеют в названии, аннотации или ключевых словах сочетание «лексическая типология». Ответ на вопрос о существовании типологии в области лексики и будет целью нашей работы.

Н. Б. Мечковская полагает, что лексическая типология возникла в 50-е годы прошлого века [11, 95–96], хотя изучение лексических соответствий, выявление общих черт лексики языков, сравнение русского и других индоевропейских языков на лексической основе активно велось в XVIII–XIX веках (обзор представлен в статье [9]). А уже к концу прошлого века относятся работы Н. И. Толстого, А. В. Исаченко, А. Е. Супруна, А. Ф. Журавлева.

По мнению С. М. Толстой, следует различать типологию лексическую, семантическую и лексико-семантическую.

Лексическая типология обычно предполагает ономаσιологический подход, учет того, какие свойства и отношения реальных объектов оказываются релевантными для их номинации. По этому принципу построены многочисленные исследования отдельных лексико-семантических полей или тематических лексических групп (таких, как фитонимы, лексика рельефа, метеорологическая лексика, предикаты движения, лексика эмоций, лексика предметов-артефактов и т.д.) [15].

Семантическая типология предполагает противоположный подход — семасиологический — от слова к внеязыковой действительности. Этот подход (от слова к значению) востребован прежде всего этимологией и исторической семасиологией. Анна А. Зализняк понимает семантическую типологию узко — как типологию семантических переходов. «Лексическая типология занимается вопросом о том, как распределен в разных языках материал некоторой концептуальной области между лексемами и какие здесь существуют типологически релевантные параметры варьирования. Соответственно, выбор тех или иных параметров в качестве различительных признаков детерминирует тип лексической системы. В семантической же типологии «тип» определяется наличием тех или иных семантических переходов

(представленных реализациями любого типа). Так, в английском языке есть переход 'человек' → 'мужчина', а в русском нет...» [5, с. 39].

«Наконец, лексико-семантическая типология сочетается в себе оба подхода: она либо исходит из денотативного поля, но ограничивает его лексически, либо, наоборот, исходит из лексического поля (гнезда и т.п.) и изучает набор и соотношение обозначаемых лексикой этого гнезда денотативных сфер» [15, с. 153–154].

Можно выделить несколько методик, применяемых в лексико-типологических исследованиях.

Первая связана с именами английских ученых Б. Берлина и П. Кея, так называемая стимульная методика. В 1969 году вышла их работа «Basic colour terms: their universality and evolution» [1]. Книга является результатом лингвистического типологического исследования цветовых обозначений (в их терминологии — basic color terms) в языках мира.

Так, все языки имеют лексемы для черного и белого, которые раньше всех других цветов вычленились человеком. Это минимальная оппозиция. Если же в языке существуют три цветообозначения, то третьим является слово для передачи красного цвета, если четыре — то к черно-бело-красной триаде добавляется либо зеленый, либо желтый и так далее. В результате исследователи делают следующие выводы: существуют универсальные законы устройства системы основных цветообозначений в языках мира. Основу их методики составляла фиксация чувственно воспринимаемых образов, эксплицированных посредством цветовых табличек.

Представителем второго направления является польская исследовательница А. Вежицкая и ее сторонники, а само направление часто называют теорией семантических примитивов. Ее точка зрения такова: любое значение в языке может быть описано средствами этого же языка (методологическая основа — интроспекция), так что более сложные по смыслу языковые единицы можно истолковать с помощью более простых слов того же языка, сохраняя при этом смысл. Посредством ограниченного набора универсальных семантических элементов (примитивов) можно выразить всё разнообразие рожденных человеком идей: концепты, воплощенные в лексических единицах естественных языков, ценностные установки, специфичные для той или иной культуры, и даже иносказательно выраженные религиозные доктрины [3].

Нет смысла подвергать сомнению идею универсального лексического набора, лексического ядра, кварков (в терминологии Ю. Д. Апресяна). Сомнения вызывает тот факт, что многие примитивы из этого списка не имеют однословных эквивалентов в других языках или переводятся с трудом.

Действительно, идея об универсальном лексическом наборе родилась на основе аналогии с уни-

версальным грамматическим набором — понятием, закрепившимся в типологических исследованиях в области грамматики. Универсальный лексический набор — набор, состоящий из универсальных лексических значений, с той или иной степенью полноты представленный в лексической системе каждого языка.

Проблема семантических универсалий посвящена монография С. Г. Шафикова «Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий». Автор считает, что «создание лексико-семантической типологии языков, вероятно, следует начинать с отбора той лексики, которая представляет наибольшую значимость для человека. В этом смысле изучение традиционных для лингвистики семантических полей объясняется не столько традицией опережающего изучения наиболее структурированных пластов лексики, сколько их коммуникативной ценностью во всех языках» [17, 7–8]. В этой работе рассматриваются 6 семантических полей: наименования родства, свойства, частей тела, наименования животных, деятеля и видов физического восприятия, различающихся как объемом, так и структурой. Например, поле «физическое восприятие», в отличие от остальных, простых полей, строится комплексно исходя из нескольких категориальных сем, а именно сем процессуальности, признаковости и субстанциональности. Таким образом, в концепции С. Г. Шафикова как бы объединяются полевой и компонентный подходы. «Типологическое сравнение лексико-семантических систем языков должно опираться на эталонную ЛСС (метаязык), состоящую из эталонных же семантических полей... Само эталонное СП строится из суммы всех интегральных и дифференциальных сем, представленных в СП языков-объектов, даже если эти семы представлены хотя бы в одном языке. Комбинации сем образуют смыслы эталонного СП, по-разному обозначаемые в языках» [16, 21].

Отдельной областью исследований можно считать взаимодействие лексической типологии и ареальной лингвистики. Так, Т. И. Вендиной в книге «Типология лексических ареалов Славии» осуществлен системный анализ типов лексических ареалов, представленных на огромном пространстве terra Slavica. Объектом ее исследования стали лексико-словообразовательные карты «Общеславянского лингвистического атласа». Автор показывает, что в историческом развитии славянского диалектного континуума важную роль сыграли три фактора: генетический, универсально-типологический и конвергентный. Монография является по сути первым опытом осмысления славянского диалектного континуума с целью определения хроно-топо-изоглосс. «Несмотря на высокую степень расчлененности и мозаичности диалектного ландшафта Славии, на картах Атласа довольно четко прослеживается разделение Славии по линии север–юг <...>», тогда как противо-

поставление по линии запад–восток практически не прослеживается» [4, 394].

Анализ работ показывает, что существующие подходы и методы можно условно разделить на микро-типологические и макротипологические.

Лексико-семантическая микротипология — это исследование какого-либо ограниченного множества лексических единиц (ЛСГ, тематической группы, лексико-семантического поля и под.), какой-либо одной семантической области и свойственных ей семантических параметров. Действительно, лексико-семантические группы слов (ЛСГ) стали «верифицированным воплощением научных представлений о предельной концентрации системных отношений в языке» [2], с ними лингвисты связывают свои попытки описания лексического уровня языка как системы.

Ярким примером такого подхода является фреймовый подход Московской лексико-типологической группы [12], участниками которой были описаны глаголов плавания, глаголов боли, глаголов вращения, глаголов звука качественные признаки. Фреймовый подход позволяет выявить на базе одного языка тот семантический параметр, по которому могут противопоставляться лексемы другого языка. Фреймы — простейшие внеязыковые ситуации, которые могут описываться лексическими единицами с разными синтагматическими возможностями. Исследуется распределение этих фреймов между лексическими единицами, в частности, выявляются фреймы, которые типологически частотно совмещаются в одной лексеме. На основе сформированных фреймов и стратегий их объединения в исследуемых языках конструируется каркас общей семантической карты, на который далее наносятся конкретные языковые данные.

Другими примерами микротипологических исследований являются типологии И. К. Манучарян [8], Г. В. Судакова [14], А. В. Ирковой [6].

В работе «Лексическая типология славянских языков» И. К. Манучарян рассматривает сходства и различия определенных слоев лексики, имеющих праславянское происхождение. Автор работы анализирует следующие разряды лексики: родственная терминология, соматическая лексика, названия предметов и явлений природы, сельскохозяйственных культур, домашних и диких животных, хозяйственных занятий, календарной лексики и др., ориентируясь преимущественно на сходство формы обозначения, не предлагая каких-либо методов выявления типологических черт [8].

Еще одним направлением можно считать проект Болгарской академии наук под руководством П. Легурской. В 2003 г. группа научных сотрудников Института болгарского языка начала работу над проектом изучения одного фрагмента языковой картины мира — вторичной номинации предметной лексики на материале болгарского, русского, сербского, чеш-

ского, английского и французского языков с целью его конструирования и представления в эффективной, компактной и доступной форме лингвистического словаря [7].

Исследовательская группа под руководством П. Легурской уделила особое внимание соотношению закономерного и случайного в развитии семантики слова. В ходе работы проверялась гипотеза о наличии семантического параметра анализа группы языков, выраженного в существовании закономерной связи между принадлежностью слова к данной тематической группе и составом, и качеством его значений.

Таким образом, решение задачи сгруппировать языки по общности механизмов семантической деривации может быть одним из вариантов лексической типологии языков. Данная модель предоставляет возможность представить вторичные значения слова в данном языке в определенной когнитивной раме, становящейся основой для сопоставления языков и установления семантических и функциональных эквивалентов. Сопоставление по данной модели считается полным, наглядным, экономным и однотипным. Заметим, что этот подход тесно связан с идеей каталога семантических переходов Анны А. Зализняк.

Лексико-семантическая макротипология предполагает сплошное сопоставительное исследование лексико-семантической системы языка.

В качестве одного из подходов можно назвать лексическую нуклеологию, предложенную И. А. Меркуловой [10], под которой понимается раздел лексикологии, посвященный исследованию, сопоставлению и классификации параметрических ядер лексико-семантических систем языков. Таким образом, объектом сопоставления является ядро лексики, воплощающее в себе все важные системные свойства.

Кроме того, в Воронежской теоретико-лингвистической школе разработан и активно применяется сопоставительно-параметрический метод М. А. Стерниной и И. А. Стернина, позволяющий определить национальную специфику концептосферы языка и степень ее проявления по предложенным формализованным параметрам. При этом для каждого из языков берется по 100 наиболее употребительных слов и по толковым и двуязычным словарям для этой сотни вычисляются более 150 индексов [13].

Подведем итоги. Наиболее удачным понятием, связанным с типологией на лексическом уровне, является лексико-семантическая типология. Ее важными задачами стали: 1) описание лексических систем разных языков по единому плану, на основе единой методологической базы; 2) поиск параметров варьирования языков в разных лексических зонах; 3) поиск универсального лексического набора, состоящего из универсальных лексических значений.

Можно отметить, что в начале XXI века лексико-семантическая типология все более укрепляет свои позиции как самостоятельная лингвистическая дис-

циплина, однако на пути ее дальнейшего развития имеется немало нерешенных задач: уточнение объема исследования, выработка методов системного анализа языкового материала и способов презентации полученных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Berlin B. Basic color terms: Their universality and evolution / В. Berlin, P. Kay. — Berkeley: Univ. of California Press, 1969. — 178 p.
2. Антонова С. М. Глаголы говорения — динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации / С. М. Антонова. — Гродно: ГрГУ, 2003. — 519 с.
3. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Анна Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М.: Языки славянских культур, 2001. — 272 с.
4. Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии / Т. И. Вендина. — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. — 692 с.
5. Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания. — 2013. — С. 32–51.
6. Иркова А. В. К вопросу о построении транслятивной типологии славянских языков / А. В. Иркова // Полилингвальность современной культуры. Сборник статей Международной научной конференции в рамках I Международного научно-образовательного форума «Филологическая наука и образование в Кузбассе». Отв. редактор А. Г. Фомин. Кемерово, 2022. С. 218–231.
7. Легурска П. Сопоставительно-типологический анализ предметной лексики (на материале болгарского, русского, сербского, чешского, английского и французского языков) — представление научно-исследовательского проекта / П. Легурска // Opera Slavica. Slavistické Rozhledy. Ročník XV. — 2005. — № 4. — С. 1–17.
8. Манучарян И. К. Лексическая типология славянских языков / И. К. Манучарян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2015. — № 1. — С. 93–104.
9. Меркулова И. А. Проблемы сопоставительного изучения лексики славянских языков / И. А. Меркулова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 1. — С. 99–106.
10. Меркулова И. А. Что такое лексическая нуклеология? / И. А. Меркулова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. — № 4. — С. 175–178.
11. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков: учеб. пособие для студ. филол. и лингвист. специальностей / Н. Б. Мечковская. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2001. — 312 с.
12. Рахилина Е. В. Фреймовый подход к лексической типологии / Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова // Вопросы языкознания. — 2013. — № 2. — С. 3–31.
13. Стернина М. А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований и возможность семантической типологии языков / М. А. Стернина, И. А. Стернин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2011. — № 2. — С. 131–135.
14. Судаков Г. В. История лексических групп в славянских языках: перспективы сравнительно-сопоставительных исследований / Г. В. Судаков // Верхневолжский филологический вестник. — 2019. — № 1 (16). — С. 67–71.
15. Толстая С. М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике / С. М. Толстая. — М.: Индрик, 2019. — 704 с.
16. Шафиков С. Г. Параметры семантического поля в типологическом исследовании / С. Г. Шафиков // Теории поля в современном языкознании: тезисы докл. / Башкир. ун-т. — Уфа, 1994. — Ч. 3. — С. 20–24.
17. Шафиков С. Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий / С. Г. Шафиков. — Уфа: РИО БашГУ, 2004. — 238 с.

Воронежский государственный университет
Меркулова Инна Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: igel1@yandex.ru

Козьявина Елена Петровна, аспирант кафедры общего языкознания и стилистики

Voronezh State University
Merkulova I. A., Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics
E-mail: igel1@yandex.ru

Kozyavina E. P., Postgraduate Student of the Department of General Linguistics and Stylistics

ЛЕКСЕМА ВОСПИТАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ)

И. А. Морозова

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета

К. О. Селезнева

*Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков,
Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета*

Поступила в редакцию 12 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье представлено сопоставительное описание лексикографических и психолингвистических значений лексемы **Воспитание**. В качестве материала исследования были использованы данные толковых словарей и направленного ассоциативного эксперимента. Проведенный анализ позволил выявить актуальные / неактуальные для современного языкового сознания значения лексемы и охарактеризовать динамику ее семантики.

Ключевые слова: лексикографическое значение, психолингвистическое значение, направленный ассоциативный эксперимент, лексема, семантема, семема, сема.

Abstract: the article is devoted to the comparative description of lexicographical and psycholinguistic meanings of the lexeme **Upbringing**. Data from glossaries and directed associative experiment's results were used as material for this research. The analysis made it possible to reveal actual / non-actual for modern language consciousness lexeme's meanings and characterize dynamics of its semantics.

Keywords: lexicographical meaning, psycholinguistic meaning, directed associative experiment, lexeme, semanteme, sememe, seme.

Нынешняя социально-политическая и экономическая ситуация заставила по-новому взглянуть на проблему воспитания подрастающего поколения и на то, что именно вкладывается в данное понятие в целом. Проблему воспитания следует рассматривать не только в рамках традиционной педагогики и психологии, но и в смежных дисциплинах. Не вызывает сомнения тот факт, что результаты психолингвистических исследований вносят значительный вклад в развитие терминологического аппарата разных отраслей.

Для консолидации всех сил участников воспитательного процесса требуется обеспечить единообразное понимание ключевого термина — «воспитание». Практика показывает, что семантика слов в научном и быденном языковом сознании может значительно различаться [1, 67; 2, 60]. В связи с этим не теряют своей актуальности исследования, нацеленные на описание разнообразных понятий в русском языковом сознании.

Данная статья представляет собой фрагмент более масштабного исследования по изучению педагогической лексики [3–6]. Предметом данного исследования является сопоставление лексикогра-

фического и психолингвистического значений слова **Воспитание** в русском языке. Цель исследования — определить актуальные для современного языкового сознания семемы лексемы **Воспитание**; выявить различия в составе семантемы и семной структуре лексикографического и психолингвистического значения рассматриваемой лексемы. С помощью метода обобщения словарных дефиниций [7, 21–29] на основе данных толковых словарей [8–20] нами были сформулированы обобщенные лексикографические значения лексемы **Воспитание**.

ВОСПИТАНИЕ ОБОБЩЕННЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

Вскармливание, выращивание (*утраченное*).

Действие по гл. *воспитать*.

Процесс систематического, целенаправленного воздействия на умственное, духовное и физическое развитие личности в целях обучения, привития необходимых навыков поведения в обществе, формирования морального облика, характера и его отдельных черт.

Навыки поведения и общечеловеческие, привитые человеку семьей, наставниками, школой, средой, про-

являющиеся в общественной и личной жизни и отвечающие требованиям, предъявляемым средой.

Обучение навыкам какой-л. профессии, совершенствование профессионального мастерства [21, 131].

В связи с тем, что в толковых словарях семантика лексем *Воспитать* и *Воспитание* по сути отличается только частеречной принадлежностью (в Словаре С. И. Ожегова лексема *Воспитание* помещена в словарную статью лексемы *Воспитать* [16]; в Словаре С. А. Кузнецова данные лексемы даны отдельными словарными статьями, но их значения совпадают по количеству значений и по их содержанию [19]), в сопоставительной таблице лексикографических и психолингвистических значений семема «Действие по гл. *воспитать*» рассматриваться не будет.

Интерпретация результатов проведенного в 2021 году направленного ассоциативного эксперимента позволила последовательно представить ассоциативное поле и сформулировать психолингвистическое значение лексемы *Воспитание*, указав у каждого из значений совокупный индекс яркости (далее — СИЯ), который представляет собой «сумму индексов яркости всех образующих значение сем» [22, 9].

ВОСПИТАНИЕ АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ

Воспитание 154 — процесс нравственного формирования личности 32; манера поведения в обществе 24; целенаправленное слияние на развитие личности 23; процесс усвоения установленных норм в обществе 21; обучение; передача жизненного опыта 16; процесс обучения человека правилам поведения 15; то, что дала семья 13; забота о детях 10; привитие навыков 9; процесс привития человеку общественных норм; процесс целенаправленного развития интеллекта 8; вежливость; дисциплина; заложенные с детства моральные принципы и рамки; тактичность; то, что дала школа; уважение 7; духовное становление личности; положительное восприятие окружающих; управление процессом развития личности; формирование восприятия действительности; формирование характера 6; длительный, кропотливый труд педагога; культура; подготовка к жизни; соблюдение установившихся общественных норм и правил 5; взаимодействие воспитателя и воспитанника; мораль; родители; семья 4; необходимость; ответственность; процесс, которым занимается общество и родители; умение; формирование жизненной позиции; ценности; этикет 3; важное в жизни человека; воздействие на сознание; деятельность родителей; знания; институт; качество человека; ласка; нормы; нравственность; общество; окружение; педагогический процесс; получение жизненного опыта; правила; преданность; саморазвитие; система моральных ценностей и установок; социализация; традиции; этика 2; борьба; введение в историю и культуру; вза-

имообогащение; добродушие; доброта; долг; жизнь; забота; занятие; знание норм этики и морали, приходящие с детства; интеллигентность; коммуни-кабельность; кругозор; культура души; культурный опыт; личный пример; любовь; любовь к ближнему; мероприятия по овладению эмоциональной стороной; механизм обеспечения сохранности исторической памяти поколений; мировоззрение; наука, обучающая детей; необходимо для регулирования общественных отношений; необходимо подавать пример; обеспечение материальными благами; образованность; общение; обычаи; обязанность; одежда; опора; основа; патриотизм; подчинение; показатель любви родителя к ребенку; показатель образованной личности; понимание; порядок; порядочность; правильный поступок; пример для подражания; принципы; программа; просвещение; процесс принятия человеком важных правил и идей; разносторонность; решительность; розги; свое мнение; сила воли; система; совесть; сотрудничество; способность донести сложное простыми словами; стремление; счастье; терпимость; толерантность; тренировка воли; труд; трудности; умение быть наравне с теми, кто априори не равен; устои; учитель; цель; человечность; четкое обдумывание своих поступков и решений; чувство такта; эстетика 1.

Всего было зафиксировано 417 реакций, из них различных — 128.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

1. Целенаправленное педагогическое воздействие на личность 0,27 (целенаправленное слияние на развитие личности 0,06; обучение; передача жизненного опыта 0,04; привитие навыков 0,021; процесс целенаправленного развития интеллекта 0,02; управление процессом развития личности 0,014; длительный, кропотливый труд педагога; подготовка к жизни 0,012; взаимодействие воспитателя и воспитанника 0,009; воздействие на сознание; знания; педагогический процесс; саморазвитие 0,005; занятие; личный пример; наука, обучающая детей; необходимость подавать пример; подчинение; пример для подражания; розги; способность донести сложное простыми словами; стремление; тренировка воли; труд; трудности; цель 0,002) **при помощи семьи** 0,1 (то, что дала семья 0,031; забота о детях 0,023; родители; семья 0,009; процесс, которым занимается общество и родители 0,007; деятельность родителей; ласка; окружение 0,005; забота; показатель любви родителя к ребенку 0,002) **и социальных институтов** 0,033 (то, что дала школа 0,016; институт 0,005; образованность; программа; просвещение; система; учитель 0,002).СИЯ — 0,4.

2. Овладение человеком правилами поведения в обществе и в личной жизни 0,19 (манера поведения в обществе 0,057; процесс усвоения установленных норм в обществе 0,05; процесс обучения

человека правилам поведения 0,035; процесс привития человеку общественных норм 0,02; этикет 0,007; нормы; общество; социализация 0,005; мероприятия по овладению эмоциональной стороной; необходимо для регулирования общественных отношений 0,002). СИЯ — 0,19.

3. Процесс формирования у человека нравственных норм и принципов 0,19 (процесс нравственного формирования личности 0,076; заложенные с детства моральные принципы и рамки 0,016; духовное становление личности; формирование восприятия действительности; формирование характера 0,014; мораль 0,009; формирование жизненной позиции; ценности 0,007; важное в жизни человека; нравственность; система моральных ценностей и установок; этика 0,005; знание норм этики и морали, прививающиеся с детства; опора; основа; принципы 0,002). СИЯ — 0,19.

4. Наличие у человека духовно-нравственных качеств 0,153 (вежливость; дисциплина; тактичность; уважение 0,016; культура 0,012; ответственность 0,007; качество человека; преданность 0,005; введение в историю и культуру; добродушие; доброта; долг; интеллигентность; коммуникабельность; кругозор; культура души; культурный опыт; любовь; любовь к ближнему; механизм обеспечения сохранности исторической памяти поколений; патриотизм; показатель образованной личности; понимание; порядочность; разносторонность; решительность; сила

воли; совесть; терпимость; толерантность; человечность; чувство такта 0,002). СИЯ — 0,153.

5. Соблюдение определенных правил 0,067 (положительное восприятие окружающих 0,014; соблюдение установившихся общественных норм и правил 0,012; необходимость 0,007; правила; традиции 0,005; общение; обычаи; обязанность; одежда; порядок; правильный поступок; процесс принятия человеком важных правил и идей; умение быть наравне с теми, кто априори не равен; устои; эстетика 0,002). СИЯ — 0,067.

6. Приобретение жизненного опыта 0,026 (умение 0,007; получение жизненного опыта 0,005; борьба; жизнь; мировоззрение; свое мнение; сотрудничество; четкое обдумывание своих поступков и решений 0,002). СИЯ — 0,026.

Перейдем к сопоставительному описанию лексикографических и психолингвистических значений (см. Таблицу 1). В качестве иллюстраций значений используются примеры из Национального корпуса русского языка [23].

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

м(ѣ)ца маиѧ въ кѣ днѣ обрѣтеные ч(ѣ)тна(ѣ) тѣла стѣго лешнтѣя еп(ѣ)па ростовскаго Сии бѣ блжнии константина града рожай **въспитаниѣ** и за премногоу. ѧго добродѣтель поставленъ бы(ѣ) кп(ѣ)помь градуу [Житие Леонтия Ростовского (XII — XIII вв.)]

Лексикографические значения	Психолингвистические значения
Вскармливание, выращивание (<i>утраченное</i>). м(ѣ)ца маиѧ въ кѣ днѣ обрѣтеные ч(ѣ)тна(ѣ) тѣла стѣго лешнтѣя еп(ѣ)па ростовскаго Сии бѣ блжнии константина града рожай въспитаниѣ и за премногоу. ѧго добродѣтель поставленъ бы(ѣ) кп(ѣ)помь градуу [Житие Леонтия Ростовского (XII — XIII вв.)]	0
Процесс систематического, целенаправленного воздействия на умственное, духовное и физическое развитие личности в целях обучения, привития необходимых навыков поведения в обществе, формирования морального облика, характера и его отдельных черт. Великолепное образование, высокие академические стандарты, прекрасное воспитание — таковы достоинства этого учебного заведения [Как попасть в элиту // «Туризм и образование», 2000.06.15].	Целенаправленное педагогическое воздействие на личность 0,27 (целенаправленное слияние на развитие личности 0,06; обучение; передача жизненного опыта 0,04; привитие навыков 0,021; процесс целенаправленного развития интеллекта 0,02; управление процессом развития личности 0,014; длительный, кропотливый труд педагога; подготовка к жизни 0,012; взаимодействие воспитателя и воспитанника 0,009; воздействие на сознание; знания; педагогический процесс; саморазвитие 0,005; занятие; личный пример; наука, обучающая детей; необходимость подавать пример; подчинение; пример для подражания; розги; способность донести сложное простыми словами; стремление; тренировка воли; труд; трудности; цель 0,002) при помощи семьи 0,1 (то, что дала семья 0,031; забота о детях 0,023; родители; семья 0,009; процесс, которым занимается общество и родители 0,007; деятельность родителей; ласка; окружение 0,005; забота; показатель любви родителя к ребенку 0,002) и социальных институтов 0,033 (то, что дала школа 0,016; институт 0,005; образованность; программа; просвещение; система; учитель 0,002). СИЯ — 0,4. Еще одна очень важная функция семьи — воспитание у ребенка самостоятельности и чувства ответственности [Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)].

<p>Навыки поведения и общезнания, привитые человеку семьей, наставниками, школой, средой, проявляющиеся в общественной и личной жизни и отвечающие требованиям, предъявляемым средой.</p> <p>Она довольно хорошо говорила по-французски и по-немецки; но по всему было заметно, что она с детства не была в женских руках и получила воспитание странное, необычное, не имевшее ничего общего с воспитанием самого Гагина [И. С. Тургенев. Ася (1858)].</p>	<p>Овладение человеком правилами поведения в обществе и в личной жизни 0,19 (манера поведения в обществе 0,057; процесс усвоения установленных норм в обществе 0,05; процесс обучения человека правилам поведения 0,035; процесс привития человеку общественных норм 0,02; этикет 0,007; нормы; общество; социализация 0,005; мероприятия по овладению эмоциональной стороной; необходимо для регулирования общественных отношений 0,002). СИЯ — 0,19.</p> <p>А на людях строгое воспитание не позволяет мне показывать своих отрицательных эмоций [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // «100% здоровья», 2003.01.15].</p>
<p>Обучение навыкам какой-л. профессии, совершенствование профессионального мастерства. К сожалению, ныне, как правило, отсутствует размеренное и долгое воспитание в ученике профессионализма, основанного на любви к музыке и пиетете к великим композиторам и исполнителям [Владимир Будников. Четырежды романтическая душа // «Дальний Восток», 2019].</p>	<p>0</p>
<p>0</p>	<p>Процесс формирования у человека нравственных норм и принципов 0,19 (процесс нравственного формирования личности 0,076; заложенные с детства моральные принципы и рамки 0,016; духовное становление личности; формирование восприятия действительности; формирование характера 0,014; мораль 0,009; формирование жизненной позиции; ценности 0,007; важное в жизни человека; нравственность; система моральных ценностей и установок; этика 0,005; знание норм этики и морали, прививающиеся с детства; опора; основа; принципы 0,002). СИЯ — 0,19.</p> <p>Но воспитание, образование, порядочность и дар поэта мешали, так что хулиганства вылились в поэзию. [И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)].</p>
<p>0</p>	<p>Наличие у человека духовно-нравственных качеств 0,153 (вежливость; дисциплина; тактичность; уважение 0,016; культура 0,012; ответственность 0,007; качество человека; преданность 0,005; введение в историю и культуру; добродушие; доброта; долг; интеллигентность; коммуникабельность; кругозор; культура души; культурный опыт; любовь; любовь к ближнему; механизм обеспечения сохранности исторической памяти поколений; патриотизм; показатель образованной личности; понимание; порядочность; разносторонность; решительность; сила воли; совесть; терпимость; толерантность; человечность; чувство такта 0,002). СИЯ — 0,153.</p> <p>Пособие А. И. Обтеперанского будет вернее признать учебником, направленным не на сухую передачу исторических событий, а скорее на воспитание в учениках духовного училища любви к своему Отечеству, духа патриотизма и гордости за свою многовековую историю. [С. В. Новиков. Обзор курсов по гражданской и церковной истории России А. И. Обтеперанского // «Церковь богословие история», 2020].</p>
<p>0</p>	<p>Соблюдение определенных правил 0,067 (положительное восприятие окружающих 0,014; соблюдение установившихся общественных норм и правил 0,012; необходимость 0,007; правила; традиции 0,005; общение; обычаи; обязанность; одежда; порядок; правильный поступок; процесс принятия человеком важных правил и идей; умение быть наравне с теми, кто априори не равен; устои; эстетика 0,002). СИЯ — 0,067.</p> <p>А вот, смотри- ка, он и пришел — вот же воспитание какое у человека, королевская точность! [Нина Дашевская. Скрипка неизвестного мастера (2015)].</p>

0	<p>Приобретение жизненного опыта 0,026 (умение 30,007; получение жизненного опыта 0,005; борьба; жизнь; мировоззрение; свое мнение; сотрудничество; четкое обдумывание своих поступков и решений 0,002). СИЯ — 0,026. Не судьба!... Лагерное воспитание. Летние смены в пионерском лагере — обычное дело для тогдашних моих сверстников от десяти до пятнадцати [Александр Брейтман. Опыты быстротекущей жизни // «Дальний Восток», 2019].</p>
---	---

Данные таблицы показывают, что лексикографическое значение лексемы **Воспитание** отличается от психолингвистического. Проведенное психолингвистическое исследование позволяет сделать вывод о том, что для современного языкового сознания неактуальными являются следующие лексикографические значения: *Вскармливание, выращивание; Обучение навыкам какой-л. профессии, совершенствование профессионального мастерства*. Следует отметить, что семема *Вскармливание, выращивание* фиксируется в словарях XI–XVII и XVIII века [8; 9], но ее уже нет в словарях XX века. В настоящее время в таком значении лексемы **Воспитание** встречается только в древних памятниках письменности. Отсутствие в языковом сознании носителей русского языка такой семемы, как *Обучение навыкам какой-л. профессии, совершенствование профессионального мастерства*, на наш взгляд, может быть связано со смещением вектора «самости» в мировоззрении современного поколения. Успехи в профессии и профессиональном мастерстве зачастую связываются с собственными приложенными усилиями, самосовершенствованием, не допускающим влияния извне. Все чаще можно наблюдать высказывания молодых специалистов о том, что они уже сразу после окончания вуза всё знают и умеют в выбранной сфере. Профессиональное мастерство, по нашему мнению, связано больше с практическими умениями и навыками, а не только с теоретической базой (какой бы хорошей она ни была), как может показаться.

Полученные экспериментальные данные подтверждают актуализацию в современном языковом сознании двух из пяти лексикографических значений (*Процесс систематического, целенаправленного воздействия на умственное, духовное и физическое развитие личности в целях обучения, привития необходимых навыков поведения в обществе, формирования морального облика, характера и его отдельных черт; Навыки поведения и общежития, привитые человеку семьей, наставниками, школой, средой, проявляющиеся в общественной и личной жизни и отвечающие требованиям, предъявляемым средой*). Интересен тот факт, что лексикографическое значение *Процесс систематического, целенаправленного воздействия на умственное, духовное и физическое развитие личности в целях обучения, привития необходимых навыков поведения в обществе, формирования морального облика, характера и его отдельных черт* по своему смысловому содержанию будет значительно шире, полнее и глубже соответствующего ему психолинг-

вистического значения настолько, что к нему в соответствие можно привести не одно, а целых два психолингвистических значения (*Целенаправленное педагогическое воздействие на личность при помощи семьи и социальных институтов и Процесс формирования у человека нравственных норм и принципов*).

Проведенный эксперимент также позволил выявить психолингвистические значения, актуальные для современного языкового сознания, но не зафиксированные в лексикографических источниках (*Наличие у человека духовно-нравственных качеств; Соблюдение определенных правил и Приобретение жизненного опыта*).

В результате выполненного сопоставительного анализа двух видов значений можно утверждать, что имеет место темпоральная динамика семантики лексемы **Воспитание**, которая проявляется в лексикографическом и психолингвистическом значениях. Свидетельством этого являются следующие процессы: исчезновение семем, появление новых значений, дробление семемы на более мелкие конкретные психолингвистические значения, изменения в семной структуре (появление/утрата сем).

Все вышеизложенное наглядно демонстрирует важность проведения психолингвистических исследований, результаты которых позволяют уточнять и актуализировать значения, приводимые в толковых и терминологических словарях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рудакова А. В. Проблема корректировки дефиниций толковых словарей с помощью экспериментальных методов / А. В. Рудакова, И. А. Стернин // Язык и национальное сознание: сборник научных трудов / Науч. ред. И. А. Стернин. — Воронеж: РИТМ, 2021. — Вып. 27. — С. 67–73.
2. Селезнева К. О. Психолингвистическое исследование лексемы *Образование* (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) / К. О. Селезнева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. — 2021. — № 4. — С. 60–62.
3. Селезнева К. О. Результаты компонентного анализа лексических единиц, входящих в состав тематической группы «Общие номинации педагогов» / К. О. Селезнева // Казанская наука. — 2019. — № 3. — С. 99–103.
4. Селезнева К. О. Тематическая группа «Образование» в лексикографических источниках / К. О. Селезнева // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. — Воронеж: РИТМ, 2021. — Вып. 8. — С. 115–122.
5. Селезнева К. О. Тематическая группа «Образование» в русском языке (на примере анализа Большого сло-

варя русского жаргона) / К. О. Селезнева // Социальные и гуманитарные знания. — Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2021. — Т. 7. — № 2 (26). — С. 212–222.

6. Селезнева К. О. Тематическая группа «Образование» в словарях устаревших слов / К. О. Селезнева // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс. Материалы II международной научно-практической конференции Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ». — Москва, 2021. — С. 183–187.

7. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — LAPL ambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. — 192 с.

8. Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1976. — Вып. 3. — 288 с.

9. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1984–1991. — Вып. 1–6. СПб.: Наука. С.-Петербург. отделение, 1992. — 142 с.

10. Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище / Ф. Поликарпов. — М.: Печатный двор, 1704. — 403 с.

11. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. — СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893 (репродуцировано фототехническим способом: М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958). — Т. I. А–К. — 1802 ст.

12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. — М.: Русский язык, 1999. — Т. 1: А–З. — 699 с.

13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. 1935–1939. — М.: ТЕРРА–Книжный клуб,

2007. — Т. 1. А–Кюрины. — 824 с.

14. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т языкознания; Под ред. С. Г. Бархударова. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957–1961. — Т. 1: А — Й. 1957. — 963 с.

15. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981–1984. — Т. 1: А — Й. 1981. — 698 с.

16. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — 22-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1990. — 921 с.

17. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 3-е изд. — М.: АЗЪ, 1994. — 928 с.

18. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / АН СССР. Институт русского языка; Гл. ред. К. С. Горбачевич. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Русский язык, 1991–1994. — Т. 2: В. — 1991. — 960 с.

19. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2004. — 1536 с.

20. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — Т. 1: А–Л. — 1165 с.

21. Морозова И. А. Лексикографическое значение лексемы *Воспитание* в русском языке / И. А. Морозова, К. О. Селезнева // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных статей / Научный ред. А. В. Рудакова. — Воронеж: Научная книга, 2022. — Вып. 8. — С. 127–132.

22. Стернин И. А. Исследование значения как феномена языкового сознания. Монография / И. А. Стернин. — Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана, издательство «Полилингва», 2018. — 200 с.

23. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 18.08.2022).

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета,

Морозова И. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин

E-mail: iraida_morozova@mail.ru

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков

Селезнева К. О., кандидат филологических наук, старший преподаватель, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Борисоглебский филиал ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

E-mail: kireeva_kristina@mail.ru

Krasnodar Air Force Institute for Pilots

Selezneva K. O., Cand.Sc. (Philology), Senior Lecturer; Associate professor Department of Social and Humanitarian subjects of Borisoglebsk Branch of the Voronezh State University

E-mail: kireeva_kristina@mail.ru

Borisoglebsk Borisoglebsk Branch of the Voronezh State University

Morozova I. A., Cand.Sc. (Philology) Associate professor Department of Social and Humanitarian subjects

E-mail: iraida_morozova@mail.ru

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ РАЗГОВОРНОГО СТИЛЯ К. И. ЧУКОВСКОГО

О. Н. Олейникова

Воронежский институт МВД Российской Федерации

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются иноязычные вкрапления разных типов и разрядов из разных языков, включенные К. И. Чуковским в тексты разговорно-бытового стиля. В работе определены функции иноязычных вкраплений, способы их ввода в тексты. Материалом исследования являются все известные на сегодня тексты этого автора. Вкрапления систематизированы в соответствии с двумя классификациями. Особое внимание уделено вкраплениям-онимам.

Ключевые слова: полные иноязычные вкрапления, частичные иноязычные вкрапления, вкрапления-онимы, полилингвизм.

Abstract: the article examines foreign language inclusions of different types and categories from different languages, included by K. I. Chukovsky in the texts of the colloquial style. The paper defines the functions of foreign language inclusions, ways of entering them into texts. The research material is all the currently known texts of this author. The inclusions are systematized according to two classifications. Special attention is paid to inclusions-onyms.

Keywords: full foreign language inclusions, partial foreign language inclusions, inclusions-they are us, multilingualism.

В 2024 году исполняется 55 лет со дня ухода из жизни К. И. Чуковского, блестящего ученого-литературоведа, текстолога, лингвиста, переводчика, литературного критика, педагога, репортера, организатора ряда образовательных и писательских объединений. И это далеко не полный перечень того, чем занимался этот филолог от Бога. Между тем К. И. Чуковский известен в нашей стране в основном как детский поэт. При этом из пятнадцати томов его полного собрания сочинений всего менее двух занимают произведения для детей [1].

Огромную ценность для историков русской речи, социологов, культурологов, историков литературы, просто историков представляют его тексты разговорного стиля речи. Ведь всю жизнь К. И. Чуковский вел дневники, которые позднее использовал при написании воспоминаний о своих современниках. В одном из них Чуковский записал: «Он выговаривает «Russian, Рустинан.» Странную вещь я в себе подметил. Все такие мелочи жизни — даже не характерные, даже бессвязные, даже ничего ничему, кроме памяти не говорящие, — я записываю с особым тщанием» [1, т. 11, с. 98]. Контактируя с огромным числом выдающихся деятелей литературы, искусства, науки, этот автор оставил интереснейшую информацию о них. Кроме обычных дневников Чуковский вел «особые» дневники, по определенным темам.

Кроме того, К. И. Чуковский вел обширную переписку как с проживавшими в стране, так и с иностранными учеными, переводчиками и др. Дневники, воспоминания, письма К. И. Чуковского удивительно передают «дух времени», приметы и противоречия эпохи, вернее эпох, так как Чуковский прожил очень долгую жизнь, в течение которой успели смениться разные этапы жизни страны. Он был знаком со множеством знаковых фигур культуры страны, посещал общественные мероприятия, «варился» в литературном котле. К сожалению, Чуковский частично сам уничтожил некоторые страницы своих дневников и письма, адресованные ему. Многие документы утрачены по другим причинам. И все же сохранились интереснейшие для исследования материалы в объеме, позволяющем выявить систему иноязычных вкраплений (далее ИВ) в текстах этого автора.

Тексты разговорно-бытового стиля не часто оказываются в центре внимания исследователей. А работ, посвященных исследованию ИВ в текстах К. И. Чуковского, нет. ИВ, описанные в данной публикации, выделены путем сплошной выборки из всех известных на сегодняшний день текстов. В примерах сохранена пунктуация и орфография источников. Многие письма, опубликованные в полном собрании сочинений, представлены широкой публике впервые [1]. Функционирование ИВ (слов, словосочетаний, отрывков текста и текстов в исконной графике или в русской графике) в текстах отражает особенности личности

их автора: его сложную биографию, перипетии судьбы, уровень образованности и др. И конечно, социокультурную ситуацию в стране и обществе, в том числе отношение к культурной традиции вводить в тексты ИВ. А в текстах Чуковского есть индивидуальные особенности ввода в тексты ИВ, что делает их особенно интересными для исследования.

Конечно, нужно отметить, что именно в Воронеже, в ВГУ, сложилась школа по изучению этого интересного речевого явления. Огромную роль сыграла Ю. Т. Листрова-Правда, автор нескольких монографий и множества статей об ИВ [см., напр., 2]. Именно этот профессор доказала следующее: «Иноязычными вкраплениями могут стать не только отдельные иностранные слова, словосочетания, части предложений и значительные отрывки текста на чужом языке, но и более или менее самостоятельные речевые произведения (стихотворения, рассказы, юридические документы и т.д.), находящиеся в иноязычном окружении» [2, 23]. Ей же принадлежат две детальные классификации ИВ (с точки зрения соотношения вкраплений с системами контактирующих языков и с точки зрения связанности с национально-культурной спецификой принимающего вкрапление текста), которые позволяют классифицировать ИВ с разных сторон [2].

В дневники и письма К. И. Чуковский спонтанно вводил ИВ, так как дневники писал для себя; даже упоминал, что они нужны ему для написания когда-нибудь воспоминаний об известных современниках. Круг адресатов писем этого автора широк. Но в основном это литераторы и переводчики, поэтому ввод ИВ в письма естественен, так как К. И. Чуковский хорошо знал возможности своих адресатов в плане понимания иностранных слов.

В отличие от произведений других авторов, исследованные тексты Чуковского содержат ИВ не только в виде слов и словосочетаний, но и текстов значительного объема, больших отрывков из них [3, 4]. Например, пространная цитата из Уитмена дана в дневнике за 1917 год [1, т. 11, с. 205–206], из Томаса Мура в записях за 1926 год [1, т. 12, с. 279], из Тараса Шевченко в дневнике за 1927 год [1, т. 12, с. 331]. В письме В. Ф. Лазурскому Чуковский включил несколько стихов на английском языке [1, т. 14, с. 60–61] и т.д., и т.п. Но и свои тексты Чуковский иногда писал по-английски. Например, некоторые страницы дневников, написанных в Лондоне, представляют собой фактически русско-английские тексты [см., напр., 1, т. 12, с. 100]. Подобные примеры многочисленны.

Частотность ИВ в текстах Чуковского неравномерна. Если в первой половине жизни автор буквально «пересыпал» ими письма и дневники, то в последние пару десятилетий его жизни их меньше. Впрочем, и дневники К. И. Чуковский уже писал реже. Резко сократилась переписка. Его любимые адресаты уходили из жизни.

К. И. Чуковский вводил в тексты вкрапления из разных языков. Ввод вкраплений, как и высокая их частотность, непосредственно связаны с полилингвизмом автора. Удивительно, но факт: отчисленный из гимназии по пресловутому циркуляру «о кухаркиных детях» министра просвещения И. Д. Делянова как незаконнорожденный, будущий литератор и языковед широчайшего диапазона продолжал сам изучать английский и латынь, проявив удивительное для подростка упорство, и сдал экзамены экстерном. При этом ему не могла помочь семья (мать была украинской крестьянкой, так и не освоившей даже русский язык). С таким же упорством Чуковский продолжил изучение английского языка, находясь в статусе корреспондента в Лондоне. И стал блестящим переводчиком, автором многочисленных статей о теории и практике перевода. А латынь была для него заветной мечтой, о чем он неоднократно писал. И он изучал ее параллельно с английским. Познания в латыни позволили ему в свое время даже иногда обучать этому языку. Украинский язык Чуковский в молодости считал разновидностью русского, но в зрелые годы признал его самостоятельность. Интерес к этому языку был связан, безусловно, с любовью к матери и интересом к своим корням.

Именно в связи с этими обстоятельствами (полилингвизмом, длительным проживанием в Лондоне, в многоязычной Одессе) чаще всего в текстах Чуковского обнаруживаются английские, украинские и латинские вкрапления. Но есть также французские, немецкие, финские, итальянские, польские, греческие вкрапления и вкрапления из идиш (последовательность языков указана по нисходящей). Количество языков превышает выбор современниц Чуковского [3, 4].

Анализ вкраплений с точки зрения их соотношения с системами контактирующих языков дал следующие результаты. К. И. Чуковский вводил в тексты полные ИВ, «то есть никак не ассимилированные тексты на иностранном языке (самостоятельные предложения или их сочетание; междометия, обращения, части сложного предложения, вставные или вводные конструкции)» [2, 24]. Например: «Неожиданно получил я письмо от жены Литвинова (Head of our Foreign Office)» [1, т. 15, с. 73]; «Я дал ему два урока английского языка, и он уже: — I do not want to kiss black woman, I want to kiss white woman.» [1, т. 15, с. 55]; «В больнице он познакомился с Маршакон. Grand ecrivain!» [1, т. 13, с. 273].

В исследованных текстах есть частичные вкрапления, сохранившие в принявшем их тексте свою семантику, исконную графику, свой морфологический облик, не имеющие выраженных морфологических показателей синтаксической связи с русскими членами предложения. Например: «Веллер-Гуревич — которую он называл Маман, когда она жила в довольстве, и от которой отвернулся, когда она

очутилась в беде» [1, т. 15, с. 536]; «Он назвал Москву «a wonderful city»...» [1, т. 15, с. 570]. Но самыми частотными частичными вкраплениями являются иностранные слова/словосочетания, входящие в словоизменительную парадигму или в систему согласования, то есть частично приобретшие морфологический облик, свойственный русским словам. Например: «Будьте другом, если эти авторы есть в дешевых rareback'ах, пришлите, пожалуйста» [1, т. 15, с. 596]. Английское слово дано в единственном числе, добавлено русское окончание, определение — во множественном. Еще примеры: «Но такого у меня нет, поэтому настоящее послание я пишу ball-point'ом, хотя это и считается неприличным» [1, т. 15, с. 254]; «Не сердитесь на меня за эти jokes» [1, т. 14, с. 51]. В последнем примере русское указательное местоимение согласовано в числе с английским вкраплением. Вот примеры согласования вкрапления с определением в роде: «Если же и выйдет какое дівча с декламацией — либо стихи дрянь, либо декламация — дрянь, либо и то, и другое» [1, т. 13, с. 27]; «Но вчера вечером мы на балкончике на Невском договорились до какого-то modus'a vivendi» [1, т. 12, с. 227]. Частичные вкрапления такого вида распространены у многих авторов [3, 4, 5]. Даже редкое по графике вкрапление автор передает в исконном виде: «Я недавно Στέφανος перечитывал (хотя я знаю эту книгу наизусть) и был поражен гармоническим сочетанием Сальери и Моцарта в этой книге» [1, т. 14, с. 366]. Иногда Чуковский виртуозно играет грамматикой, создавая гибриды вкраплений с показателями грамматических категорий русского языка, например: «Странно подумать, что Диопейше теперь лет 45» [1, с. 14, с. 385]. Речь идет о жене И. В. Шкловского, имевшего псевдоним Diopneo. Еще один «гибрид»: «Чуть кончу с Altalenой, возьмусь» [1, т. 11, с. 54].

Кроме того, Чуковский использует частичные вкрапления, представляющие собой иностранные тексты разного объема, переданные русской графикой. Например: «Прочитал Вашу «Каптинз дотер» почти всю» [1, т. 15, с. 414]. Это редкий пример английского вкрапления в русской графике. Вкрапления из языков, которые Чуковский знал недостаточно хорошо или совсем не знал, он обычно передавал в русской графике. Например: «Кудри надвинуты на лоб, итальянскую шляпу набекрень, — же ву салю! — и пошел, освещая лужи заграничным фонарем» [1, т. 13, с. 90]. Русской графикой Чуковский подчеркивает плохое знание иностранного языка своим современником: «Тихонов потом читал статью Шпенглера и вместо тедиум витэ сказал таедиум витэ [1, т. 12, с. 46]. Два этих латинских вкрапления антонимичны по значению («гимн жизни — отвращение к жизни»). Впрочем, в другом случае Чуковский при той же речевой интенции использует исконную графику: «Тихонов недавно в заседании вместо Taedium vitae несколь-

ко раз сказал Te Deum vitae» [1, т. 12, с. 29]. Еще один пример: «Один из них Васька гулял по всему Парижу в толстовке и по-французски даже «бонжур» не знал» [1, т. 12, с. 375]. Чуковский часто менял в Лондоне жилье определенного типа, и сам тип жилья стал для него настолько привычным, что он начал обозначать его русскими буквами, в том числе в дневниках лондонского периода, хотя английская среда подкрепляла ввод в дневники вкраплений в исконной графике. «Все бординг-хаузы без конца» [1, т. 11, с. 87]. При этом страницы лондонского дневника буквально пересыпаны вкраплениями в исконной графике, например: «Она сварила мне яичко, чай закипятила: cake, хлеб, масло и kindness» [1, т. 11, с. 92]; «А когда я сегодня за breakfast'ом сказал капитану, что Одесса wicked town, он запротестовал — и сказал: нет!» [1, т. 11, с. 100]. Подобное характерно для текстов разговорно-бытового стиля проживавших в условиях иноязычной среды русских [5, 6]. Играя словами, Чуковский иногда одно и то же понятие обозначал и ИВ, и русской графикой, например: «Справились у сторожа, тот посмотрел на бумагу, висящую у домика, сказал sabby какую-то цифру — кэбби поехал веселей» [1, т. 11, с. 95]. Это проявление идиостиля этого автора. Вкрапление из идиш, как и было принято оформлять вкрапления из восточных языков, автор пишет русскими буквами: «...это было еврейское слово йо (да), которое девушка говорит своему возлюбленному» [1, т. 15, с. 576; 2, 3, 4, 5, 6].

Нулевое вкрапление, представляющее собой «обычный русский переводной текст или отрывок такого текста, включенный в оригинальную русскую речь», большая редкость у Чуковского [2, 26]. Обнаружено нулевое французское вкрапление в дневнике 1968 года. Чуковский услышанную пятьдесят лет назад французскую фразу не счел нужным передать полным вкраплением: « — Не играй с этим стариком! — сказала по-французски гувернантка на бульваре у Казанского собора, когда я стал перебрасываться мячом с ее питомицей, девочкой лет 8-ми» [1, т. 13, с. 509]. Нулевые вкрапления не нужны автору-полилингву. То же наблюдается в текстах разговорно-бытового стиля А. А. Ахматовой [3].

Почти нет контаминированных вкраплений, то есть явлений «ломаной речи». Редкий случай — финские вкрапления, представляющие собой русские слова, сохранившие русское грамматическое оформление и русскую семантику, но выступающие в нерусском звуковом оформлении. Передан так называемый иностранный акцент. «— Рипа! Рипа! (рыба) — кричит чухонец» [1, т. 11, с. 144]. В следующем примере частичное вкрапление в исконной графике и контаминированное из финского языка в одной фразе: «Сочувствие бюстной чухонской fröken: ми, шетири дами, на автомобиле» [1, т. 11, с. 169].

По соотношению с национально-культурной спецификой текста в исследованном материале есть ИВ

обоих разрядов. ИВ первого разряда связаны с национально-культурным своеобразием текста непосредственно или косвенно, а второго — ассоциативно или никак [2]. К вкраплениям первого разряда относятся, например, онимы. По соотношению с системами контактирующих языков они разные: полные, частичные разных видов; как в исконной графике, так и в русской.

Огромное количество онимов-вкраплений представляют собой библионимы, фамилии авторов и персонажей произведений. Например: «Тургенев советовал переменить заглавие романа «Education sentimentale» [1, т. 11, с. 30]; «Энгельса «Die Lage der Arbeiten den Klasse in England» [1, т. 11, с. 35]; «Я зажег свою лампаду и разыскал еще одну книгу Games' a «Confidence», — попробую хоть немного отвлечься от грусти» [1, т. 12, с. 16]. Интересно, что в одном и том же тексте может быть оним-вкрапление и оним на русском языке, например: «Он гораздо тоньше и остроумнее Gacobs'a и Джерома — и приближается к Catherine Mansfield» [1, т. 15, с. 32]; «Читаю Томаса Гарди роман «Far from the Madding Crowd» — о фермере Oak'e, который влюбился» [1, т. 12, с. 22]. Автор как будто не задумывается над выбором способа передачи информации, действуя интуитивно. Особенно это заметно в дневниках, некоторые страницы которых похожи на своего рода «поток сознания», что естественно для этого жанра и что отмечается у авторов круга Чуковского [3, 4, 6]. Иногда, даже в дневниках, то есть текстах, не предназначенных чужому глазу, автор дублирует вкрапления по-русски. Например, в дневнике 1923 года Чуковский пишет: «Очень милые многие люди в Ара, лучше всех Кини (Keeny)» [1, т. 12, с. 80].

Пример вкрапления — мифонима: «Здесь дело не в Santa-Claus'e, а в огромной системе фантастических образов» [1, т. 15, с. 54].

Названия СМИ, издательства Чуковский также по традиции обозначает вкраплениями. Вот примеры: «...ее привела Раиса из «Дитячої книги» [1, т. 13, с. 29]; «Ровно 50 лет тому назад, живя в Лондоне, я вычитал об этом в «Daily News», и всю ночь ходил вокруг решетки Bedford Square'a — и плакал как сумасшедший — до всхлипов» [1, т. 13, с. 172].

Вкрапления-топонимы многочисленны, что не случайно, так как это отражение русской культурной традиции, сложившейся в XIX в., которой придерживались авторы XX в. [3, 4, 5, 6] А в текстах Чуковского это подкрепляется долгим проживанием в Великобритании. Например: «Возьму гитару и поеду в Shepherd's Bush серенады петь» [1, т. 14, с. 34]; «К тому же все действие происходит на Russel Square, на Southampton Row, на Oxford street» [1, т. 14, с. 40]. Кроме названий улиц, площадей, парков Чуковский обозначал вкраплениями магазины, кафе, библиотеки, здания (по английской традиции многие имеют названия), памятники и т.п. И смешивает в одной и той же речевой ситуации вкрапления с онимами

на русском языке. Примеры из писем жене: «Был три дня назад в Kew Garden, был в Ричмонде — один» [1, т. 14, с. 43]; «И как мы плакали, когда тебя турнули из Working Men's College» [1, т. 14, с. 54]; «Памятник Charles'у Games, у Napier'у, тому самому» [1, т. 13, с. 335]. Пример из дневника: «Был в Бодлейн Library — чудо!» [1, т. 13, с. 329]; Возможно, имеет значение и то, что библиотеки в Англии работают по другим принципам, совсем не так, как в России. И Чуковский обозначает их по-английски, а район нахождения по-русски.

Став почетным доктором литературы Оксфордского университета, Чуковский свой новый статус тоже обозначил вкраплением: «Я забыл записать, что третьего дня происходила церемония, при помощи которой меня превратили в Lit. Doctor'a» [1, т. 13, с. 330]. Английских коллег автор обозначает вкраплениями: «Приезжал проститься Martin Malia, проф. Калифорнийского университета» [1, т. 13, с. 344]; «Профессор Weil с гитарой» [1, т. 13, с. 364].

Косвенно связано с национально-культурной спецификой текста английское вкрапление, написанное Чуковским в дневнике и представляющее собой «крик души» по поводу бездарных переводов англоязычных авторов на русский язык: «STOP TRANSLATING, TILL YOU GET MYTTER» [1, т. 13, с. 364].

ИВ, никак не связанных с национально-культурным своеобразием принявшего их текста, у Чуковского очень много. Этот автор имел привычку всех би- и полилингвов переходить в письменной речи, тем более в дневниках, с одного языка на другой по причинам, которые билингвы сами не всегда могут объяснить [3, 4, 5]. А. А. Ахматова когда-то писала С. В. Штерну: «Il est intimidant, по-русски это нельзя выразить» [7, с. 204]. Ахматова преувеличила: все можно выразить на родном языке, но иногда это легче/быстрее сделать на другом. Возможно, поэтому так много вкраплений, не связанных с национально-культурной спецификой текста, у Чуковского. Например, в тексты без иностранной национально-культурной специфики он вводит английские вкрапления: «Я посетил его в его студенческой столовой (Kitchen), которую он устроил на Никольской ул. № 1» [1, т. 12, с. 115]; «Это было бы здорово — выписать ее в Питер, и здесь у Каушанского изготовить ей two seeds» [1, т. 12, с. 159]. Не связано с национально-культурным своеобразием текста латинское вкрапление: «Надо мной полка, на ней банки: «Гадюка обыкновенная», «Lacerta vivipara» («ящерица живородящая») и пр.» [1, т. 12, с. 135].

ИВ в текстах Чуковского выполняют всевозможные функции, в том числе юмористическую. Например, трудно удержаться от смеха, читая следующее: «Зашел разговор о материи и духе (Stoff und Geist), и всякий раз, когда произносили слово штоф, Пильняк понимающе кивал головой» [1, т. 12, с. 56]. Пильняк не знал немецкого языка, но одно слово явно понимал.

ИВ используются Чуковским и для характеристики своих современников. В дневнике 1920 г. есть запись: «У его дверей сидит барышня-секретарша, типичная комиссариатская тварь: тупая, самомнительная, но под стать принципу: с тем же тяготением к барству, шику, ligh life'у» [1, т. 11, с. 282]. Английское вкрапление не связано с национально-культурной спецификой текста, но его объем в два с половиной раза меньше русского аналога («великосветская жизнь»). Английским вкраплением автор обозначает беруши, скептически отзываясь об одном из философов: «...но сквозь его ear-stoppes проникли какие-то неясные звуки и получилась «Автобиография» [1, т. 11, с. 485]. Чуковский опять играет словами, блестяще зная английский язык. Слово ear-stoppes в английском имеет в том числе не совсем приличное значение, что и обыгрывает Чуковский. Вкраплениями Чуковский передавал свои эмоции по разным поводам. Например: «Потом в Госиздат, опять — о, bother!» [1, т. 12, с. 82]; «Oh, bother! Все же заснул» [1, т. 12, с. 82]. Вкрапление-звукоподражание есть в одном из дневников: «Помню запах этой ирландки и ее tut, tut к своему сыну» [1, т. 11, с. 86].

К. И. Чуковский, обнаруживая ошибки в переводах англоязычных авторов, негодовал, очень расстраивался, возмущался, о чем неоднократно писал, и свою правоту доказывал вкраплениями. Например, в дневнике 1926 г. он пишет: «Перевод отвратителен: аспидная доска slate он переводит салфетка, храпеть — snore — фыркать, мне приходится вновь переводить огромные куски» [1, т. 12, с. 264]. Подобных примеров применения ИВ как доказательства очень много. Абсурдность ситуации, сложившейся в литературных кругах двадцатых годов прошлого века России, Чуковский передал латинским вкраплением: «Credo quia absurdum», правда забыв добавить связку est [1, т. 12, с. 271].

Обращает на себя внимание тот факт, что в текстах Чуковского есть огромное количество полных и частичных вкраплений в графике языков-источников, которые стали заимствованиями как еще в XIX в., так и уже в XXI в. Например: «Меня из коридорчика перевели в office...» [1, т. 11, с. 94]; «Утром себе сегодня домик для солнечных ванн — solarium» [1, т. 12, с. 147]. Кроме вкраплений из этих примеров

в текстах Чуковского есть следующие, в исконной графике, разных типов, прошедшие стадию вкраплений перед тем, как стать заимствованиями в разные периоды развития русского литературно языкового: credo, steward, whisky, chif, omlette, allo, business, hobby, lombard, review, prince, tune, hospiz, ping-pong, marsh, reception, jet, hippodrome, minimum, facon, lord, requiem, sex, best seller, thriller — и др.

Таким образом, функционирование ИВ в текстах разговорно-бытового стиля интереснейшей фигуры отечественной филологии К. И. Чуковского имеет индивидуальные черты. При этом ввод в тексты вкраплений связан с культурными традициями их использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. / Сост., коммент. Е. Чуковская. — 2-е изд., электронное, испр. — М., Агентство ФТМ, Лтд, 2012–2013.
2. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. — 144с.
3. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах разговорно-бытового стиля А. А. Ахматовой / О. Н. Олейникова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (296). — С. 182–185.
4. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в автобиографической прозе М. И. Цветаевой / О. Н. Олейникова // Вестник Воронежского государственного Университета. Серия: филология. Журналистика. 2023. — № 1. — С. 37–41.
5. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах И. А. Бунина разных функционально-речевых стилей / О. Н. Олейникова // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов / Воронежский государственный университет. — Воронеж, 2007. Вып.28. — 408 с. — С. 177–183.
6. Олейникова О. Н. Об одном речевом явлении в текстах О. Э. Мандельштама разных стилей / О. Н. Олейникова // Воронежское лингвкраеведение. Вып. 5: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. — 292 с. — С. 47–63.
7. Ахматова А., Гумилев Н. Стихи и письма // Новый мир. — 1986. — № 9. — С. 196–227.

*Воронежский институт МВД Российской Федерации
Олейникова О. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского и иностранных языков
E-mail: oon_2004@mail.ru*

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation
Oleynikova O. N., Candidate of Philology, Docent of the
Department of Russian and Foreign Languages
E-mail: oon_2004@mail.ru*

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ТИРЕ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. БУНИНА

Н. И. Подшивалова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 января 2024 г.

Аннотация: статья посвящена анализу функционирования пунктуационного знака тире в поэтических произведениях Ивана Алексеевича Бунина. Кроме регламентированного тире художник слова употребляет авторское тире, которое выполняет множество функций. Обладая стилистическим и смысловым потенциалом, авторское тире активизирует имплицитные смыслы в предложении. В статье приводится анализ контекстов, демонстрирующих особенности функционирования тире.

Ключевые слова: авторская пунктуация, имплицитные смыслы, пресуппозиция, авторские интенции, коммуникативная установка, тире.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the functioning of the punctuation mark dash in the poetic works of Ivan Alekseevich Bunin. In addition to the regulated dash, the artist of the word uses the author's dash, which performs many functions. Possessing stylistic and semantic potential, the author's dash activates the implicit meanings in the sentence. The article provides an analysis of contexts demonstrating the peculiarities of the dash's functioning.

Keywords: author's punctuation, implicit meanings, presupposition, author's intentions, communicative attitude, dash.

Художественный текст многослоен. Смысловое пространство художественного текста организовано не только самим текстом, но и интенциями автора, и восприятием этого текста читателем. В интерпретации текста, в выявлении его глубинных смыслов, подтекстовой информации важную роль играет пунктуация. По утверждению известного лингвиста Людмилы Михайловны Кольцовой, пунктуация работает «на сближение пресуппозиций читателя и писателя, участвует в экспликации имплицитных смыслов текста, в укрупнении и развертывании неприметного, которое может лежать на поверхности, являясь необходимым, но оставаться незамеченным...» [1, 8]. Пунктуация служит не только для синтаксической организации текста, но и обнаруживает автора в тексте: «участие в произведениях повествователя, а через него и присутствие автора проявляется именно через умелое использование знаков препинания» [2, 91–92].

Современная пунктуация дает большие возможности для художника слова, и, по мнению Н. С. Валгиной, становится «мощным смысловым и стилистическим средством» [3, 111]. Пунктуация в художественных произведениях XX–XXI веков характеризуется нарастающей вариантностью в употреблении знаков препинания, смещением функций этих знаков, «гибкостью, приспособляемостью» к нуждам определенного контекста. Именно эти особенности

современной пунктуации послужили основанием для выделения авторской пунктуации. Рассматривая как «всецело принадлежность художественного текста, одно из мощных изобразительно-выразительных средств наряду с лексикой и грамматикой», лингвисты используют термины «авторская пунктуация», «окказиональная пунктуация», «индивидуально-авторская пунктуация», «авторский знак» [4, 14].

В определении термина «авторская пунктуация» мы следуем за Л. М. Кольцовой: «Авторская пунктуация выступает как совокупность иерархически организованных позиций, маркированных или немаркированных знаками препинания или другими пунктуационными средствами, призванных обеспечивать единство текста и его частей, текстовые связи семантических единиц одного языкового уровня, а также межуровневые связи» [1, 26].

Авторские знаки препинания не предполагают строгих правил расстановки и зависят от намерения автора. «Знаки эти служат созданию экспрессии: либо сообщают динамичность речевому потоку, либо, наоборот, плавность его протеканию, стремительную резкость или лиричность звучания, то есть они несут чисто стилистическую интонацию и являются всецело принадлежностью художественного текста» [5, 165]. Желая быть услышанным и понятым, автор намеренно отступает от традиционного употребления знаков препинания и ищет новые возможности пунктуационного оформления текста для более полного адекватного восприятия художественного текста.

Авторская индивидуальность зачастую проявляется в усилении позиции знака: недостаточно сильные знаки препинания заменяются более сильными с точки зрения расчленяющих свойств. Тем самым повышаются экспрессивные качества художественного текста. Так, нередко запятая вытесняется тире, скобками как более сильными знаками. Смысловые трансформации обнаруживаются и тогда, когда знак препинания оказывается в нестандартных для него синтаксических построениях. Кроме того, зачастую авторские знаки используются писателем для передачи ритмики текста, убыстряют или замедляют его темп, способны передавать эмоционально-оценочные оттенки авторской интонации. Важно отметить, что знаки препинания, выполняя свои основные функции, приобретают в такого рода контекстах еще и дополнительные, то есть становятся функционально обогащенными.

В некоторых художественных произведениях преобладающим оказывается какой-то один пунктуационный знак. Данная особенность сказывается на ритме текста, придает ему своеобразие. Л. М. Кольцова называет такое частотное употребление знаками комплементарной сильной позиции [1, 36]. Индивидуальность писателя определяет использование данных знаков в зависимости от логики текста, приемов компоновки высказывания, текстовой фразировки.

Но стоит подчеркнуть, что возможности авторской пунктуации не безграничны. Только если авторская пунктуация опирается на потенциальные возможности языковой системы, то тогда она оказывается действенной и оправданной [1, 36].

Среди «авторских знаков» особенно интересным оказывается тире. Т. М. Николаева подчеркивает, что тире — «показатель коммуникативной установки пишущего», знак, «прошедший эволюцию от показателя эллиптичности к показателю двучленного высказывания, его активного членения на основу и ядро» [6, 31]. Н. А. Шубина полагает, что тире отражает «степень активизации имплицитных смысловых отношений» [7, 61]. Действительно, данный знак может передавать отношения и следствия, и резкое противопоставление событий, и выделение отдельных компонентов предложения, то есть обладает богатым функциональным потенциалом.

Особую роль приобретает пунктуационный знак тире в поэтических произведениях русского писателя, лауреата Нобелевской премии Ивана Алексеевича Бунина. Для поэта тире стало не только графическим средством, но и знаком, имеющим значительную смысловую нагрузку.

Цель настоящей статьи заключается в том, что проанализировать поэтические контексты со знаком тире и выявить функциональное разнообразие данного пунктуационного знака.

Поэзия И. А. Бунина, как и проза, отражает богатый внутренний мир писателя, наполненный переживаниями и тонкими оттенками чувства. Отличительной

чертой поэзии Ивана Андреевича является вдумчивое восприятие природы и человека в ней. В поэтическом творчестве И. А. Бунин искал гармонию мира, смысл бытия человека. Он воспринимал человека как закономерную часть природы и считал, «что нет никакой отдельной от нас природы, что каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни».

Отличительной чертой поэтических произведений Ивана Алексеевича Бунина является использование тире, которое выполняет различные функции.

Несмотря на регламентированное употребление тире, автор часто прибегает к нетрадиционному тире. О. В. Александрова считает, что обращение к такого рода нетрадиционной пунктуации в значительной мере характеризует «творческую манеру крупных мастеров слова, которые чаще используют пунктуационные знаки как одно из выразительных средств» [8, 118].

Безусловно, И. А. Бунин употребляет регламентированный знак тире, который обозначает пропуски, например, связки в составном сказуемом: тире между подлежащим и сказуемым: *Земля — вертеп обмана, лжи и зла. («Джордано Бруно»)* [9]. Кроме того, поэт употребляет тире в соответствии с пунктуационными нормами и в эллиптических конструкциях, где пропущен глагол движения: *А бабушка — в качалке, курит... («На Плющихе»); Внизу, в стремнине — глина, пыль, / Щепя и кости с мелким сором («Обвал»); А ей навстречу — желтые сосновые плоты («Плоты»); Над безмолвной долиной — Темной церкви силуэт («Серп луны под тучкой длинной...»); В ее лице — застывшая печаль... («Забытый фонтан»).*

Общеизвестен тот факт, что использование эллиптических предложений связано с соблюдением закона экономии языковых средств: с помощью минимального набора языковых средств передать максимум содержания. Суть эллиптических конструкций сводится к пропуску действия, выполняемого субъектом, которое может быть выражено целой группой глаголов. Условия контекста, наличие общей апперцепционной базы говорящих или говорящего и пишущего позволяют обходиться без некоторых компонентов предложения, которые не наносят содержательный урон предложению, но легко восстанавливаются. При этом воспринимающий восстанавливает не конкретное слово, которое автор предполагал, а его общую семантику. В таком случае пропущенный компонент оказывается малоинформативным, а потому необходимость в нем пропадает.

В пособии Дитмара Эльяшевича Розенталя «Справочник по орфографии и пунктуации» указано, что пунктуационный знак тире в эллиптических предложениях ставится при стремлении автора подчеркнуть обстоятельство места. В таком случае между первой и второй частью предложения возникает пауза [10, 134].

И. А. Бунин, используя тире, предполагает значительную паузу между частями текста, акцентируя наше внимание на смысловой связи соседних компонентов предложения. Тире в таком случае компенсирует пропущенный элемент и привлекает внимание воспринимающего, позволяя ему принимать участие в сотворчестве с поэтом.

Традиционное тире читатель наблюдает в произведениях И. А. Бунина и в случае выделения приложения: *Уж знает Осень, что такой / Глубокий и немой покой — / Предвестник долгого ненастья* («Листопад»); *Умейте же беречь / Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья, / Наш дар бессмертный — / речь* («Слово»). В первом из указанных примеров тире стоит перед распространенным приложением, находящимся в конце предложения; во втором — тире оказывается перед одиночным приложением в позиции конца предложения. В обоих случаях приложения отделены тире, поскольку имеют самостоятельность и с помощью них поэт восполняет недостаточность первой части [10, 141].

В стихотворениях И. А. Бунина многочисленны бессоюзные сложные предложения, между частями которых стоит тире. На наш взгляд, такой выбор обусловлен тем, что специфика синтаксической формы бессоюзной конструкции в отличие от союзной заключается в том, что в бессоюзном предложении «упрощен код — нет кодового грамматического средства (союза)... Устранение такого кодового средства ведет... к явному усложнению требований к лексико-семантическому содержанию предикативных конструкций» [1, 59]. Такая форма сложного предложения активизирует творческое сознание читателя, позволяет ему самостоятельно выводить смысловое взаимодействие предикативных частей.

И. А. Бунин активно использует тире в смысловой функции. Такое тире передает целый спектр значений.

В стихотворениях мы обнаруживаем бессоюзные построения, составляющие, между частями которых выявляются смысловые отношения противопоставления: *Душа моя полна восторга и печали — / Я не боюсь могильной темноты...* («Зеркало»); *То не красный голубь метнулся / Темной ночью над черной горою — / В черной туче метнулась зарница...* («Молодой король»); *Не пушки в горах грохочут — / Гром по горам ходит...* (там же). Многочисленны и бессоюзные сложные предложения, в первой части которых сообщается о времени совершения основного действия: *Срок настанет — господь сына блудного спросит...* («И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»); *Ветер повеет — они, полусонные, / Колосом спелым шуршат...* («Месяц задумчивый, полночь глубокая...»); *Настанет день — исчезну я...* («Настанет день — исчезну я...»). При пунктуационном оформлении предикативных частей в составе сложных бессоюзных предложений со значениями противопоставления и времени поэт использует регламентированный знак тире.

Однако внушительную группу составляют те бессоюзные сложные конструкции, при оформлении которых наблюдаем авторский знак тире. К таким построениям относятся те, между предикативными частями которых устанавливаются отношения перечисления: *Рассыпался чертог из янтаря, — / Из края в край сквозит аллея к дому...* («Забытый фонтан»); *Родились мы в снегу, — вьюга нас и схоронит...* («Кустарник»); *Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых, / Ненастный день темнел и ночь была близка, — / Грядой далеких гор, молочносиневатых, / На грани мертвых вод лежали облака...* («Мулы»). В подобных структурах тире заменяет пунктуационный знак запятой. Л. М. Кольцова отмечает, что необходимость такой замены у автора возникает при акцентуации внимания «на рематической части высказывания», когда последняя становится «логическим интонационным центром». При таком положении дел смена знака воспринимается как «сигнал расчлененности высказывания». [1, 101]. Так, в конструкции *Снова сон, пленительный и сладкий, / Снится мне и радостью пьянит, — / Милый взор зовет меня украдкой, Ласковой улыбкою манит...* часть, стоящая после тире — рема, смысловой центр высказывания. И. А. Бунин разграничивает смысловое содержание обеих частей: в части до знака тире представлена характеристика сна, а части после тире — содержание самого сна. При такой расчлененности значимой становится вторая часть бессоюзного предложения.

Нерегламентированное тире появляется и в бессоюзных конструкциях, вторая часть которых указывает на причинные обстоятельства того, о чем сообщается в первой части: *Светел день, / Но холодно, — до снега недалеко...* («Отрывок»); *Зверок устал, — взор старичка-ребенка / Томит тоской...* («С обезьяной»). В приведенных предложениях тире заменяет двоеточие. Отметим, что в подобных предложениях после первой части представлен и знак запятой. То есть мы видим пунктуационный комплекс, при этом сочетание знаков позволяет представить интонационный рисунок предложения, центром которого является существенная пауза, возникающая между первой и второй предикативными частями.

Особое внимание Иван Алексеевич Бунин уделяет знаку тире в сложносочиненных предложениях. Частотно тире в тех сложносочиненных конструкциях, вторая часть которых содержит неожиданное присоединение: *Ему хотелось большей высоты — / И бездна смерти бездну довершила...* («Дикарь»); *Я с острова глядел на море и на тучи, / Остановясь в пути, — и горный путь, висясь / В обрыве сизых скал, белел по дикой круче, / Где шли и шли они, под ношею клонясь...* («Мулы»); *День холодный / Угрюм и свеж — и целый день / Скитаюсь я в степи свободной, / Вдали от сел и деревень...* («Не видно птиц. Покорно чахнет...»); *Но стихал / Однообразный бабий плач — и снова / Шли дни труда, покорности и страха...* («Пу-

стошь»). В приведенных примерах знак тире заменяет запятую. Подчеркнем то обстоятельство, что в такого рода предложениях части, отделенные тире, оказываются распространенными. При условной замене авторского тире на запятую мы обнаруживаем линейную последовательность событий, произошедших с героем, которая преподносится нам с перечислительной интонацией. Однако пунктуационный знак тире меняет наше восприятие: между соединяемыми частями возникает пауза, кроме значения присоединения вторая часть приобретает и оттенок следствия. Появление тире связано еще и с попыткой автора сосредоточить внимание читателя на смысловом наполнении первой части сложного предложения, представить картину изображаемого, с тем чтобы содержание второй части оказалось закономерным для воспринимающего.

Как знак «неожиданности» тире употребляется И. А. Буниным и в сложных предложениях, между частями которых устанавливаются отношения быстрой смены событий: *Сдернем, сунем в сумочку — и опять в кусты...* («Мужичок»); *Я быстро шел — и вдруг как свет зарницы / Вечернюю прорезал полумглу / Сквозь черные лучистые ресницы...* («Мы встретились случайно, на углу...»). Значение быстрой смены событий поддерживается лексическим составом предложения. В первом из приведенных примеров автор использует глаголы активного физического действия, во второй части глагол пропадает, но семантика быстрого действия сохраняется. Во втором примере в первой части обнаруживаем по-прежнему глагол физического действия, но в сопровождении наречия, характеризующего это действие, во второй части появляется наречие вдруг, имеющее семантику внезапности. Тире знаменует переход к действию, которое оказывается конечным.

Кроме того, тире появляется и тогда, когда вторая часть сложносочиненного предложения имеет значение следствия, что поддерживается лексическим наполнением второй части, где появляется вводный компонент значит, следовательно: *Толчется сеткой мошара, / Шафранный свет над полем реет — / И, значит, завтра вновь жара...* («Донник»); *Я стал — и бледным силуэтом / Упала тень моя за мной...* («Сапсан»). В последнем из приведенных примеров тире тем более оказывается значимым, поскольку позволяет не только с большей степенью точности передать семантику следствия, но и замещает глагол восприятия.

Нередки и случаи, когда тире актуализирует вывод. В таком случае вторая часть сложносочиненного предложения оказывается лексически наполненной и семантически обогащенной, в отличие от первой части: *Всходит месяц, — и в дивном покое / Замирает морозная полночь...* («Крещенская ночь»); *Глядишь — и бездной голубою / Небес осенних глубина / Как будто тает над тобою...* («Зеркало»). В тако-

го рода конструкциях первая часть зачастую представляет собой нераспространенное односоставное предложение.

Авторский знак тире у И. А. Бунина встречаем и в сложноподчиненных структурах. И. П. Распов утверждал, что употребляется тире в сложноподчиненных предложениях чаще, чем в сложносочиненных, поскольку они представляют собой «абсолютно цельное коммуникативно-синтаксическое образование» [11, 70]. Такие конструкции можно разделить на две части, одна из которых является темой, а другая становится ремой предложения. Тогда тире оказывается пограничной зоной для этих двух частей. Для автора в таком случае оказывается важным указать тема-рематическую связь, поэтому способы соотношения, а именно позиция главной и придаточной частей по отношению друг к другу, роли не играют. Однако в лирических произведениях И. А. Бунина мы находим незначительное количество сложноподчиненных предложений, между частями которого автор использует знак тире. Как правило, знаком тире отделяются придаточное времени и условия, когда они оказываются в препозиции по отношению к главной части: *И когда всю степь пожаром / Красный сполох озаряет, — / В поле чей-то призрак темный, / Величавый и огромный, / На мгновение вырастает...* («Последняя гроза»). В условиях осложнения обособленными определениями главной части предложения тире позволяет отделить придаточную часть не только графически, но и интонационно. Между частями возникает существенная пауза.

Наблюдаются и случаи употребления тире после главной части сложноподчиненного предложения: *Я умираю — ибо так хочу...* («Джордано Бруно»). В данной структуре тире становится опять знаком «неожиданности», поскольку в придаточной части обнаруживаем неестественную, алогичную причину событий, происходящих в первой части. Тире становится своего рода границей между логичным и нелогичным.

Неожиданными с точки зрения пунктуационного оформления оказываются предложения, в которых тире ставится перед сравнительным оборотом с союзом как: *Повсюду блеск, повсюду яркий свет, / Песок — как шелк...* («Детство»); *Нога — как трость...* («Художник»); *Лагуна возле Ранны — как сапфир...* («Цейлон»). И в данном употреблении тире передает, с одной стороны, некоторую отрывистость повествования, с другой, — тире знаменует собой паузу, которая нужна для подбора наиболее подходящего оборота. То есть читатель оказывается словно соавтором поэта, так как процесс творения произведения разворачивается здесь и сейчас.

Иногда тире, активизируя ритм стихотворения, выполняет выделительную функцию, особенно в тех случаях, когда тире используется неоднократно. Так, в стихотворении «Сапсан» тире как знак горизонталь-

ной черты употребляется с целью создания импульсивного, эмоционального, динамичного повествования. И. А. Бунин описывает сапсана в его скоростном движении: два однородных сравнительных оборота отделяются знаком тире с целью сосредоточить внимание на объектах сравнения, благодаря чему поэту удается приблизить читателя к наиболее достоверному пониманию авторского замысла: *И был он страшен, непонятен, / Таинственен, как этот бег / Туманной мглы и светлых пятен, / Порою озарявших снег, — / Как воплотившаяся сила / Той Воли, что в полночный час / Нас страхом всех соединила — / И сделала врагами нас...* («Сапсан»).

Пунктуационным знаком тире отделяется один из группы однородных членов предложения: *Ты, мать-земля, душе моей близка — / И далека...* («Джордано Бруно»); *Она меня простила — и забыла...* («Мы встретились случайно, на углу...»); *Вдоль по песку на блеске моря скачет — / И что-то прячет, прячет...* («Руслан»); *Зарю она улетела за дальний Дунай — / И горе забудет...* («Рыбалка»).

У поэта пунктуационная организация многих отрывков поэтических произведений направлена на выражение определенного смысла. Так, в строках *И забуду я всё — вспомню только вот эти / Полевые пути меж колосьев и трав — / И от сладостных слез не успею ответить, / К милосердным коленям припав* («И цветы, и шмели, и трава, и колосья...») тире — знак, способный передать протяженность сквозь время, знак воспоминаний. Горизонтальной чертой поэт словно соединяет потускневшие события прошедшего.

Таким образом, тире в поэтических произведениях Ивана Алексеевича Бунина оказывается функционально обогащенным пунктуационным знаком. Поэт использует тире в стандартных позициях, регламентированных пунктуационными правилами. Тире в таком случае реализует грамматическую функцию: появляется между подлежащим и сказуемым, обозначая пропуск связи в составном сказуемом, в эллиптических предложениях, замещая глагол восприятия. Функции авторского тире значительно богаче: тире выполняет актуализирующую

функцию (актуализирует различных типы семантических отношений между соединяемыми частями), смысловую функцию, способствуя появлению дополнительных смыслов между частями предложения, ритмическую функцию, организуя особую мелодику поэтического текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кольцова Л. М. Художественный текст через призму авторской пунктуации: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Л. М. Кольцова. — Воронеж, 2007. — 377 с.
2. Плисенко А. А. Знаки препинания как средство экспрессивности в художественных текстах (на примере тире) / А. А. Плисенко // Проблемы стилистики и прагматики высказывания и текста: межвуз. сб. науч. тр. — Иркутск: ИГЛУ, 1997. — С. 91–96.
3. Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — М.: Высшая школа, 2004. — 259 с.
4. Канафьева А. В. Функции авторской пунктуации в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Канафьева. — М., 2000. — 121 с.
5. Валгина Н. С. Трудные вопросы пунктуации / Н. С. Валгина. — М.: Просвещение, 1983. — 175 с.
6. Николаева Т. М. О функциях пунктуационных знаков в русском языке / Т. М. Николаева // Современная русская пунктуация. — М.: Наука, 1979. — С. 26–44.
7. Шубина Н. Л. Пунктуационная система современного русского языка: Лекции / Н. Л. Шубина; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб.: Образование, 1993. — 77[1] с.
8. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: Учеб. Пособие / О. В. Александрова. — М.: Высшая школа, 1984. — 211 с.
9. Бунин И. А. Все стихотворения Ивана Бунина. Русская поэзия / И. А. Бунин. — Режим доступа: <http://russian-poetry.ru/PoetF.php?PoetId=16>
10. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Орфография и пунктуация / Д. Э. Розенталь. — 2-е изд., перераб. — М.: Оникс: Мир и Образование, 2008. — 367 с.
11. Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса / И. П. Распопов. — Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1973. — 220 с.

Воронежский государственный университет
Подшивалова Н. И., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: novinatil@yandex.ru

Voronezh State University
Podshivalova N. I., Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Russian Language Department
E-mail: novinatil@yandex.ru

«ИЗ ПОДРОСТКОВ СОЗДАЮТСЯ ПОКОЛЕНИЯ»: ФЕНОМЕН НАСТАВНИЧЕСТВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

М. Г. Ребрищева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается роль наставников в жизни Аркадия Долгорукого, анализируются аспекты влияния каждого из них на формирование системы духовно-нравственных ценностей, становление личности подростка. В ходе исследования анализируется процесс взросления главного героя, переосмысления его взглядов на жизнь.

Ключевые слова: наставничество, пример, воспитание, любовь, прощение, благообразие, религия, отцовство, грех, побочный сын, идея, документ, клевета, подросток, случайное семейство, поколение, записки.

Abstract: the article examines the role of mentors in the life of Arkady Dolgoruky, analyzes the aspects of the influence of each of them on the formation of a system of spiritual and moral values, the formation of a teenager's personality. The study analyzes the process of growing up of the main character, rethinking his views on life.

Keywords: mentoring, example, upbringing, love, forgiveness, goodness, religion, fatherhood, sin, bastard son, idea, document, slander, teenager, random family, generation, notes.

Безусловно, проблема наставничества особенно актуальна для романа «Подросток» (1875), в заголовке которого заявлена возрастная характеристика героя.

К феномену наставничества в произведениях Ф. М. Достоевского обращались многие исследователи: Ю. Бертнес, Е. А. Иванова, Ю. А. Карпиленко, Р. Х. Якубова, Н. С. Изметьева, Н. А. Кладова, Е. А. Гаричева, С. Н. Сызранов [2, 11, 5, 10, 3, 9, 8, 4].

В научной литературе существуют несколько точек зрения относительно того, кого можно считать наставником для героя романа «Подросток» Аркадия Долгорукова.

Большинство исследователей считают таковыми двух его отцов: так Ю. Бертнес пишет о том, что Ф. М. Достоевский уравнивает образы кровного отца и юридического, наделяя при описании их общими чертами, тем самым показывая значимость обоих персонажей в жизни главного героя [2]. Изметьева Н. С. анализирует роман с точки зрения наличия в нем евангельского сюжета (возвращения блудного сына), называя обоих отцов «блудными» по принципу обратного возвращения обоих странствующих отцов к сыну [3]. А. Ю. Карпиленко считает, что Аркадий хочет постичь в Версилове человека-«загадку», понять его, найти в нем наставника, ментора [5]. Е. И. Иванова размышляет о том, что образ отца соотносится с образом Бога. Для Аркадия, на ее взгляд, такой авторитет связан с личностью Версилова [11]. Р. Х. Якубова изучает эту проблему через диалогическую конверген-

цию библейских и литературных фабул в романе. Она сравнивает многих наставников с библейскими персонажами, обращается к религиозному аспекту [10].

С. Н. Сызранов высоко оценивает роль матери в становлении самосознания главного героя, его духовного перевоплощения, обращения к Богу. Он считает, что беседами о всепрощении, силе родственной любви Софья Андреевна предваряет речи Макара Ивановича о Христе [4]. Е. А. Гаричева также обращает внимание на решающую роль в становлении героя Софьи Андреевны и странника Макара Ивановича Долгорукого [8].

Цель данной статьи — выявить и оценить роль не только этих, но и других персонажей романа, так или иначе претендующих на роль наставников в жизни главного героя, проанализировать, какое влияние каждый из них оказал на Аркадия Долгорукого, обратить внимание на то, как меняется сознание героя, происходит переоценка жизненных ценностей и идеалов.

На наш взгляд, всех персонажей романа, участвующих в процессе наставления — взросления — Аркадия, можно условно разделить на три группы влияния: дружеское, женское и отцовское, которое представляют те герои, которые прямо или косвенно выполняют по отношению к нему отцовскую функцию.

Роман «Подросток» — это дневник молодого человека, в котором главный герой честно рассказывает обо всем, что с ним происходило: о безрадостном детстве, зарождении «идеи», желании увидеть отца, разгадать тайну его характера, понять, что движет

всеми его поступками, «вынести приговор». Все события, которые описаны в романе, показаны глазами Аркадия.

Большое место в его дневнике уделено общению с молодым князем Сергеем Сокольским — князем Сережей, которое претерпевает несколько этапов: от влюбленности в его манеры, в убранство квартиры, затем дружбы — до разочарования после предательства со стороны Сергея Николаевича. Сначала Аркадий занимает «позицию ученика», вовлекается в мир развлечений и красивой жизни: свой парикмахер, лошади, красивое белье, обеды в дорогих ресторанах, поездки в казино, игра в рулетку — все атрибуты жизни «золотой молодежи».

Но общение с Сергеем Сокольским открывает в Аркадии такие качества, о которых он сам, вероятно, не подозревал — это умение прощать, быть великодушным, терпимым к чужим недостаткам. Происходит очищение сердца состраданием и христианским всепрощением. Таким образом, можно сделать вывод о том, что тесное взаимодействие с князем было необходимым этапом в жизни главного героя.

В Петербурге Аркадий попадает в среду молодых людей, объединенных идейными исканиями. Именно со знакомства с ними начинается активная деятельность подростка в Петербурге: попытки собрать как можно больше информации про А. П. Версилова, желание быть услышанным, проявление двойственности его натуры: «броситься на шею» и стремление казаться холодным, независимым. В черновых записях к роману Ф. М. Достоевский скажет, что эти персонажи необходимы лишь для одного: подготавливают Аркадия к встрече с А. П. Версильовым [12].

Важность этих молодых людей для главного героя подтверждается тем, что он ищет с ними встречи, с интересом слушает их теории. Аркадий всей душой желает, чтобы участники кружка Дергачева его приняли. Он вступает с ними в полемику, выдавая основные положения своей идеи, ставя во главу угла личную свободу («спокойствие сытой коровы», как выразился об этих взглядах Кудрюмов). Общение с Крафтом позволяет ему задуматься о современном состоянии общества. Этот герой так же, как и его мать, и Макар Иванович, говорит ему о прощении («Простите их», — сказал вдруг Крафт» [6, 1]. Аркадий с уважением относится к Васину, он непременно хочет узнать его мнение о Версильове, и его положительный отзыв вызывает в душе подростка радость, сомнения относительно отца рассыпаются, жизнь окрашивается в светлые тона.

В общении с молодыми героями Аркадий проходит два искушения: привычками богатой светской жизни и теми «модными идейками», о значении которых в судьбах молодежи много писал Ф. М. Достоевский.

Достаточно заметное влияние на Аркадия оказывают встречи и общение с разными женщинами. В полной мере на роль наставника главного героя

претендует такой персонаж романа, как Татьяна Павловна Пруткова, хотя сам Аркадий упорно этому сопротивляется. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие знаменательные события для Аркадия происходят на квартире Татьяны Павловны. Черты наставничества наиболее ярко проявляются, когда Татьяна Павловна, ругает Аркадия за неблагоприятное отношение к матери, упрекает его за холодность, грубости по отношению к ней, пытается предостеречь подростка от необдуманных действий. Она негативно отзывается о его влюбленности в Катерину Николаевну, говорит о подлости по отношению к ней в ситуации с письмом. Примирение с Татьяной Павловной происходит почти в конце романа, после ссоры, вызванной догадкой Аркадия о ее беззаветной, безответной любви к Версильову. О том, что Татьяна Павловна — значимый человек для главного героя, говорит следующее обстоятельство: именно ей подросток признается в том, что не хочет мстить отцу: «...вспомните, что я отверг союз с мерзавцами и победил свои страсти!» [7, 83]. Кроме того, заканчивается роман упоминанием о том, что семья Версильова живет на средства Татьяны Павловны. И называет ее главный герой уже иначе — «искренний и любимый друг мой».

Безусловно, необходимо обратить внимание на роль матери в становлении личности Аркадия. Софья Андреевна не принимала никакого участия в жизни сына до того момента, пока тот не переехал из Москвы в Петербург. Она чувствует свою вину перед Аркадием и однажды скажет ему: «Помню, родной, я всю жизнь перед тобой виновата, я тебя родила, а тебя не знала» [7, 301]. Кроме того, ученые отмечают важность сна Аркадия, в котором Софья Андреевна кланяется ему. «Можно предположить, что это событие также стало поворотным в изменении отношения героя к матери, повлияло на его мировосприятие в целом. Теплые материнские чувства, безропотность и преданная любовь трансформируют душу Аркадия, являются «ростком» длительного процесса духовного взросления личности, обретения истинных ценностей и самого себя» [13, 127]. И нельзя не согласиться со следующим мнением: «То есть Софья Андреевна, понимая, что лежит в основе холодного отношения Аркадия к ней, поклоном просит прощения у сына...» [13, 127]. Заслуга героини заключается в том, что она говорит о ценности семейных уз, о любви, которую не обязательно нужно чем-то заслужить, наставляет Аркадия и Лизу во всем друг друга поддерживать.

Для главного героя являются важными их беседы о религии, всепрощении, они подготавливают встречу с Макаром Ивановичем. В момент кризиса, когда Аркадий готов стать поджигателем, он вспоминает Софью Андреевну и ее молитву к Пречистой Богородице, Николаю Чудотворцу и — оставляет свой замысел. Справедливо мнение Н. А. Кладовой:

«Дома же Аркадию предстоит понять сущность родственной любви, высказанной Софьей: “Умные-то люди и без нас с тобой будут, а вот кто тебя любить-то станет, коли нас друг у дружки не будет?”» [9, 58]. Беседами о любви, прощении мать Аркадия пытается помочь преодолеть внутренний барьер, который мешает найти точки духовного сближения между близкими людьми.

Наконец, третья и самая значимая группа персонажей романа — это те, кто так или иначе претендует на роль отца.

Первым близким человеком в Петербурге становится для Аркадия князь Николай Иванович Сокольский. Князь относится с теплом, заботой, любовью к Аркадию. Общение с ним очень благотворно действует на главного героя, хотя Николай Иванович не позиционирует себя как наставник, но, по ряду причин он может быть оценен как один из «отцов» Аркадия.

Действительно, своими поступками, любовью к жизни и людям князь Сокольский невольно развенчивает многие взгляды подростка, помогает осознать ценность прощения, сострадания. В князе присутствуют черты детскости, которыми Ф. М. Достоевский наделяет своих любимых персонажей. В князе заложены христианские добродетели, столь ценимые писателем: доброта, прощение, сострадание, щедрость. Следует отметить, что после того, как Николай Иванович Сокольский узнает про письмо Катерины Николаевны, намеревающейся объявить его сумасшедшим, он не меняет завещание, оставляет деньги и Анне Андреевне, из корыстных побуждений желающей стать его женой. Восхищение Аркадия вызывает и его забота о многочисленных крестницах, которым он оставляет до трети капитала. И, наконец, поступки Николая Ивановича близки взглядам Макара Ивановича (с которым Аркадий познакомится позже) и заповедям, которые заложены в Библии. Князь словно предвещает встречу с юридическим отцом, да и по возрасту эти персонажи не так далеки (князю около шестидесяти, а Макару Ивановичу семьдесят). Познакомившись с Николаем Ивановичем, главный герой со временем понимает, что деньги не решают все проблемы.

В переосмыслении жизненных ценностей главного героя особенную роль играет его кровный отец — Андрей Петрович Версиков. Благодаря тесному взаимодействию с ним, подросток осознает ошибочность многих своих взглядов на жизнь, несостоятельность идеи, а в неблагоприятных поступках родителя порой узнает себя, видит в нем ту же двойственность, присутствующую и ему во многих ситуациях. Является важным, что подросток не знает своего отца, так как видел его всего один раз в десятилетнем возрасте. Примечательно, что сам Версиков не считает себя наставником, что выражается в ряде моментов. Так, он не убеждает Аркадия поступать в университет

(что расценивается главным героем двусмысленно), не говорит с ним покровительственным тоном с назидательной интонацией, рассказывает о себе, своей прошлой жизни очень искренне, и их беседа чем-то даже похожа на откровение, исповедь со стороны Андрея Петровича. При этом одна из целей переезда главного героя в Петербург — это желание помочь своему отцу сокрушить клевету, раздавить врагов, но помочь втайне и не ожидая за это похвалы или объятий.

Аркадий, собирая сведения о своем отце, создает в своем воображении некий идеал, к которому стремится. Версиков для него — загадка, и в Петербурге необходимо ее разгадать: «Да и вина ли его в том, что я влюбился в него и создал из него фантастический идеал?» — и здесь же добавляет: «Да я даже, может быть, вовсе и не любил его!» [7, 72] Один из исследователей творчества Ф. М. Достоевского Ю. Бертнес справедливо пишет по этому поводу: «Подробности, собранные Аркадием о своем отце, разрушают тот образ, который десятилетний Аркадий создал, или, как он сам выражается, «выдумал» при первой встрече» [2, 412]. И обращает на себя внимание следующее наблюдение ученого: «Сейчас Аркадий (*после разочарования в отце*) вынужден сознаться, что его «фантастическая кукла разбита», что созданный им образ отца не соответствует реальному» [2, 412].

Сближение отца и сына происходит после смерти Макара Ивановича Долгорукого. И это, действительно, не случайно. Своими беседами о человеколюбии, прощении другим их недостатков, добрым отношением к людям Макар Иванович закладывает новые ценности в душе героя. На новом этапе своего духовного развития Аркадий уже может понять отца, принять его проступки, простить, полюбить по настоящему. Подчеркивает сближение героев фраза, которую подросток произносил однажды уже ранее (после первой встречи с Макаром Ивановичем, в разговоре о благообразии): «Я пойду за вами! — проговорил я, отдаваясь ему всей душой» [7, 115].

Версиков предельно искренен. Он делится своими мыслями относительно будущего Европы, говорит о зарождающемся там атеизме, раскрывает Аркадию свою идею — идею русского человека как «высшего культурного типа», в котором «всемирное боление за всех». В черновиках Ф. М. Достоевский вкладывает в уста Версикова мысль о европейском социализме как торжестве «антихриста», свои сокровенные мысли о «золотом веке» человечества и о «всепримирении идей» как «высшей русской мысли» [8, 212]. Философские размышления о закате Европы плавно переходят в монолог про избранную тысячу. Аркадий внимательно слушает отца, порой смущаясь, поражаясь его мыслям. Таким образом, можно сказать, что в данном монологе Версиков выступает в качестве наставника, сам того, возможно, не желая.

Подлинное же сближение, воссоединение семьи происходит после ранения Андрея Петровича. Он стал простодушным, искренним, получил «дар слезный» (как выразился Аркадий), ум сохранился в полной мере. Духовное преображение же отразилось в том, что он решил поговорить в Великий пост на шестой неделе, а до этого не постился лет тридцать. В семью пришел покой и уют, а Аркадий принял А. П. Версикова всей душой. Это подтверждают его слова: «Я прямо скажу, что никогда столько не любил его, как теперь...» [6, 198].

Но, безусловно, самым важным наставником для Аркадия является Макар Иванович Долгорукий. Он один из немногих персонажей романа, кого подросток воспринимает без внутреннего сопротивления, принимая на веру все, что говорит его «юридический отец». В своем исследовании Е. И. Иванова пишет: «Макар Долгорукий является юридическим отцом Аркадия и, что очевидно, противопоставлен Версикову со всех точек зрения: происхождения, образа жизни, внешности, моральных принципов. Макар Долгорукий яркий представитель цельного сознания, выделяющегося на фоне духовной неустроенности прочих героев и хаотичных ситуаций романа» [11, 406]. В нем нет двойственности, присущей многим героям. Макар Иванович становится едва ли не самым близким человеком для Аркадия, которого Макар Иванович называет «вьюноша», «голубчик», «друг милый», «друг мой».

Главному герою нравится в Макаре Ивановиче чрезвычайное чистосердечие, отсутствие малейшего самолюбия, «предчувствовалось почти безгрешное сердце». Несомненно, Аркадия восхищает его трогательная забота о близких. Макар Иванович не обижается на людей, в нем есть христианское смирение и всепрощение. Действительно, именно в этом наставнике подросток видит благообразие, которого не находит у окружающих его людей. Аркадий всем сердцем полюбил Макара Ивановича: «Я вам рад. Я, может быть, вас давно ожидал. Я их никого не люблю: у них нет благообразия... Я за ними не пойду, я не знаю, куда я пойду, я с вами пойду...» [6, 19]. В этом человеке было «веселие сердца», а потому «благообразие».

Макар Иванович является наставником для Аркадия еще и потому, что приобщает главного героя к таинствам религии, рассказывает о важности молитвы, учит радоваться каждому проявлению божественного в человеке, природе, делится своими мыслями без строгой назидательной интонации, общение происходит в форме откровения со стороны наставника. Доверительность изложения, мягкость, любовь к ближнему помогают достигнуть души и сердца запутавшегося и измученного сомнениями подростка. Аркадий в своих записках скажет: «...он никогда не относился ко мне свысока, то есть вроде как бы старец к какому-нибудь подростку; напротив,

весьма часто любил самого меня слушать, даже заслушивался» [6, 23].

Общение со своим юридическим отцом заставляет Аркадия усомниться во многих пунктах своей «идеи». Макар Иванович развенчивает «мифические представления» главного героя. Например, он не так часто уже задумывается о том, что важно всегда быть на первом месте или о том, что деньги дают право обладать женщинами, быть свободным, могущественным. Макар Иванович открывает для Аркадия другую сторону свободы — это жизнь во Христе, любовь к людям, сострадание, желание помогать нуждающимся.

Таким образом, никто, кроме Макара Ивановича, не смог в полной мере удовлетворить духовные искания Аркадия. После его ухода главный герой остается один на один со своими сомнениями, представлениями о добре и зле. Но после смерти Макара Ивановича «случайное семейство» объединяется, Аркадий становится подлинным сыном для своих родителей, братом для Лизы.

Однако роман заканчивает письмом еще одного — московского — наставника героя, бывшего воспитателя Николая Семеновича, который дает оценку его рукописи. Ф. М. Достоевскому нужен вывод взрослого человека, причем не принадлежащего к миру Петербурга. Он выражает уверенность в том, что за время написания дневника (т.е. за весь период пребывания в Петербурге) главный герой смог сам себя изменить: «Твердо верю, что сим изложением вы действительно могли во многом «перевоспитать себя», как выразились сами» [6, 204]. Размышляя об идее Аркадия, Николай Семенович замечает, что она его уберегла (по крайней мере на время) от более опасных взглядов, например идей Дергачева и взглядов других молодых людей из этой компании. Бывший воспитатель поддерживает мысль Татьяны Павловны о поступлении в университет, приводя контраргумент: «Наука и жизнь несомненно раскроют, в три-четыре года, еще шире горизонты мыслей и стремлений ваших, а если и после университета пожелаете снова обратиться к вашей «идее», то ничто не помешает тому» [6, 205].

Мудрый Николай Семенович сочувствует молодому поколению: «...примкнуть почти не к чему». Именно поэтому многие подростки, имея добрые помыслы, жажду «благообразия», подвергаются воздействию «идей». Не случайно именно из уст этого наставника звучит главный вывод о значимости искренней истории Аркадия: «Но такие «Записки», как ваши, могли бы, кажется мне, послужить материалом для будущего художественного произведения, для будущей картины беспорядочной, но уже прошедшей эпохи» [6, 208].

Таким образом, каждый из вышеперечисленных персонажей-наставников сыграл значимую роль в становлении личности Аркадия Долгорукого. Общение с этими людьми заставило главного героя

усомниться в правильности «идеи», в каждом из ее пунктов. В конце романа Аркадий многое переосмыслил, осознал ошибочность своих взглядов. Об этом свидетельствуют его слова в дневнике: «Кончив же записки и дописав последнюю строчку, я вдруг почувствовал, что перевоспитал себя самого, именно процессом припоминания, записывания. От многого отрекаюсь, что написал, особенно от тона некоторых фраз и страниц, но не вычеркну и не поправлю ни единого слова» [6, 199]. Итогом этого «перевоспитания» — по сути взросления — стало обретение Аркадием сердечного отношения к людям, умения сострадать, прощать, веровать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князькова Е. А. Вопросы актуальности наставничества в молодежных сообществах на местном уровне / Е. А. Князькова, Н. А. Береза // Вопросы управления. — 2018. — № 5. — С. 72–78.
2. Бертнес Ю. «Христос-отец»: к проблеме противопоставления отца кровного и отца законного в «Подростке» Достоевского / Ю. Бертнес // Проблемы исторической поэтики. — 1998. — № 5. — С. 410–415.
3. Изметьева Н. С. Об одном Евангельском сюжете у Ф. М. Достоевского («Возвращение блудного сына» в романе «Подросток») / Н. С. Изметьева // Вестник Удмуртского университета. — 2006. — № 5. — С. 35–46.
4. Сызранов С. В. «Жизнь есть художественное произведение самого творца...»: о художественной концепции жизни в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» / С. В. Сызранов // Вестник Челябинского университета. — 2008. — № 26. — С. 142–149.
5. Карпиленко А. Ю. «Хорошим примером человек живет» (по роману Ф. М. Достоевского «Подросток») / А. Ю. Карпиленко // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2009. — № 4. — С. 30–34.
6. Достоевский Ф. М. «Подросток». Ч. 3. Зимние заметки о летних впечатлениях. Вечный муж. Том 10 / Ф. М. Достоевский. — М.: РИПОЛ классик, 2021. — 398 с.
7. Достоевский Ф. М. «Подросток». Ч. 1–2. Том 9 / Ф. М. Достоевский. — М.: РИПОЛ классик, 2022. — 322 с.
8. Гаричева Е. А. Преображение личности в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» / Е. А. Гаричева // Проблемы исторической поэтики. — 2011. — № 9. — С. 201–215.
9. Кладова Н. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского: идея сюжета. / Н. А. Кладова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. — 2018. — № 5. — С. 54–61.
10. Якубова Р. Х. Диалогическая конвергенция библейских и литературных фабул в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» / Р. Х. Якубова // Проблемы исторической поэтики. — 2012. — № 10. — С. 173–188.
11. Иванова Е. А. Родительские архетипы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток». / Е. А. Иванова // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 2. — С. 404–406.
12. Галаган Г. Я., Архипова А. В., Азадовский К. М. Комментарии: Ф. М. Достоевский. Подросток / Г. Я. Галаган, А. В. Архипова, К. М. Азадовский // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. — Т. 8. — С. 706–809. © Электронная публикация — РВБ, 2002–2024. Версия 3.0 от 27 января 2017 г. — Режим доступа: <https://rvb.ru/dostoevski/02comm/33.htm?ysclid=lpvp0b2a6b116337939>
13. Сафронова Е. Ю. Материнские образы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» / Е. Ю. Сафронова, С. А. Глушкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2022. — № 6. — С. 121–131.

*Воронежский государственный университет
Ребрищева М. Г., аспирант кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук*

*Voronezh State University
Rebrishcheva M. G., postgraduate student of the Department
of Russian Literature
XX and XXI centuries, theories of literature and humanities*

МУЗЕЙ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ КОНЦЕПТА

О. А. Рыжкова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается возникновение и трансформация полисемантического понятия «музей», изучаются различные коннотации дискурса данного концепта в их историческом развитии.

Ключевые слова: дискурс, музей, институция, культура.

Abstract: the article examines the emergence and transformation of the polysemantic concept "museum", studies the various connotations of the discourse of this concept in their historical development.

Keywords: discourse, museum, institution, culture.

Совокупность понятий, входящих в концепт «музей», в последнее время претерпевает изменения. Связанный с материальной и духовной культурой, с публичной историей и личными переживаниями, музей является значимой частью социальной реальности, которая накладывает отпечаток и на саму дефиницию. 24 августа 2022 года на внеочередной генеральной ассамблее ICOM (Международный совет музеев) участники, представляющие более 500 музеев всего мира, проголосовали за обновленное определение, связанное с такими концептами, как «инклюзивность», «доступность», «устойчивость» и «этика». Старое понятие обозначало музеи как некоммерческие институции, которые служат делу общества и занимаются приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материального и нематериального наследия человечества и его окружения в целях образования, изучения и развлечения. По словам сопредседателя ICOM Бруно Брюлона, формулировка, существующая с 1970-х годов и несколько измененная в 2007 году, «не отражала реального состояния дел в музеях мира». Принятое ныне суждение говорит о музее как о «некоммерческой, постоянно действующей организации на службе общества, которая исследует, собирает, сохраняет, интерпретирует и демонстрирует материальное и нематериальное наследие. Открытые для публики, доступные и инклюзивные, музеи способствуют разнообразию и устойчивости. Они работают и общаются этично, профессионально и с участием сообществ, предлагая разнообразный опыт для обучения, развлечения, побуждая к размышлениям и обмену знаниями» [1].

С чем же связано присутствие термина «музей» в современных социокультурных практиках? Данное понятие гипертекстуально и находится в поле интересов целого спектра научных дисциплин: истории,

философии, музееведения, социологии, политологии, искусствоведения и культурологии. При этом существующий в лингвистике культурологический подход трактует культуру (а значит, и музей, ее значимую часть) как совокупность концептов и отношений между ними. Проведем анализ лингвистического, семиотического, семантического, аксиологического и институционального аспектов дискурса этого понятия.

Слово «музей» было заимствовано в XVIII веке от французского *musée*, происходившего от латинского *museum* и греческого *museum* — «храм муз». Таким образом, принято связывать понятие с производным от «*mousa*», одной из девяти богинь-покровительниц искусства и науки и суффиксальным словообразованием *μουσεῖον* — дом муз.

Однако ряд авторов объединяет понятие музея не с храмом муз, а музейоном [2, 214–218]. Первый упоминаемый музейон (*μουσεῖον*) представлял собой философскую школу с книгохранилищем близ афинского Акрополя. Понятие подразумевало несколько значений: речь, слова, искусство, поэзия, образование, ученость. В музейоне проводились обучение и исследования, публичные выступления и лекции.

Синонимически «музей» связан с такими понятиями, как галерея, паноптикум, музей, пинакотека, собрание, коллекция, сокровищница, хранилище. Прилагательное «музейный» может употребляться в прямом смысле и обозначать объект, имеющий отношение к музею (музейное здание), либо подчеркивать статус объекта (музейная ценность, музейная редкость). В переносном смысле с ироническим оттенком «музейный» означает что-либо, давно вышедшее из употребления и не имеющее значения в настоящий момент.

Семиотически музей воспринимается как зримое воплощение культуры, традиций и вкуса, символ преемственности и критического осмысления прошлого, как всенародное достояние, как вместилище

эталонных объектов. Это метафора для описания всего самого ценного, что дает нам реальность — будь то шедевр живописи или требующие переосмысления истории жертв политических репрессий.

Как уже говорилось, музей как концепт получил свое развитие во времена Древней Греции, не случайно самый распространенный значок для обозначения музея — античный храм. Появление Александрийского музейона основывалось на чувстве ностальгии и разлуки с домом, когда расширение империи благодаря завоеваниям Александра Македонского заставило греков тосковать по покинутой родине и привычным религиозным ритуалам. Александрийский музейон, кроме функции хранения и репрезентации многообразных объектов (богатейшая библиотека, памятники средиземноморской культуры, ботанический сад), являлся средоточием знаний античного мира в различных областях наук (математика, география, медицина). Храм муз, заложенный в Александрии, с одной стороны, имел отношение к коллекционированию и собиранию в широком смысле (Платон в «Федре» именуется так собрание умных речей), с другой стороны — имел в своем ядре религиозный комплекс, повторяющий древнегреческие святилища, что в некоторой степени компенсировало потребность эллинов обрести дом на чужбине. Для философов XX века древняя Александрия стала образом зова памяти, а музей — местом «нарративизации или искупления травмы» [3, 22].

Восприятие музея в качестве места сохранения и некоего «убежища» продолжало существовать и в период освоения просветительской и научной функций. Предвестники традиционных музеев, немецкий *Wunderkammer*, демонстрирующий редкие экспонаты, или итальянский *cabinet*, выставляющий скульптуры и картины, «кабинет редкостей» (или *кунсткамера*), представлявший собрание необычных вещей, захватывали воображение зрителей и расширяли границы восприятия. Итак, музей как некий «знак качества», мог подчеркивать статус обладателя коллекции (например, демонстрировать родословную в портретной галерее), мог служить просветительским целям, систематизируя реальность, и, наконец, предлагать эмоциональные переживания (погружая аудиторию в травматичные события прошлого).

Системный и исторический базис музея образуют для аудитории некую «картину мира», его предметный и вербальный образ. Содержащиеся в музее экспонаты выступают в качестве языка культуры или культурного кода. Этот термин был популяризован писателем и семиотиком Умберто Эко, при этом, по мнению ученого, представленные артефакты нельзя назвать зеркальными отражениями действительности. Произведения искусства или материальные свидетельства отобраны в соответствие с кураторской концепцией, это «закодированное

воплощение реальности, определенным образом отфильтрованной, в той или иной степени интерпретированной. Точно так же то, что принято называть историческими фактами или документами, является не слепками или оттисками реальности, а ее репрезентантами, требующими декодирования, то есть раскрытия смысла путем интерпретации» [4, 47].

Анализ значений и смыслов концепта показывает, что музей можно отнести к так называемым зонтичным понятиям, объединяющим практики репрезентации художественных объектов, культурной памяти, национальной идеи.

Приведенные далее высказывания иллюстрируют, как на протяжении всего двух веков в массовом сознании менялись акценты музейной репрезентации. Вот одно из первых толкований понятия из словаря иностранных слов 1845 года: «Музеум или музей, первоначально так назывался храм или грот, посвященный музам... В позднейшие времена под музеем стали разуметь вообще собрание редких и любопытных предметов по всем отраслям естественной истории или искусств...» [5, 204–205]. Несколько десятилетий спустя, в 1878 году, концепт музея обретает новый статус — скрепы общества: «Сохранение для истории следов человеческой жизни есть потребность и обязанность всякой образованной нации. С целью разыскать и разгадать эти следы прошедшего и увековечить для потомства быстро изменяющиеся формы народного быта существуют отдельные науки, созидаются обширные музеи» [6, 8]. Итак, из собрания диких вещей, созданных для развлечения публики, музей становится важнейшей общественной институцией, не только отражающей представления социума об интересном, правильном и красивом, но и формирующей эти представления. Однако эстетические и просветительские возможности музея охватывали не всех — доступом к большинству музейных коллекций обладали лишь высшие слои общества. Нацеленный на формирование «в массах» гражданского сознания, музей долгое время оставался элитарным местом и поддерживал социальное неравенство.

В раннее советское время концепция музея как «инструмента культурной революции» [7, 665–669] сделала музей одним из средств для решения государственных задач. В 1930-е годы его роль в жизни общества менялась, к научно-исследовательской и научно-просветительской функциям, традиционным для музея, добавилась пропагандистская: названия тематических выставок «Пятилетка в действии», «Второй большевистский сев», «В боях за власть Советов», «СССР на стройке» характеризуют музей как идеологический форпост.

Примерно в 1990-е годы на западе стали появляться так называемые «новые музеи», строящие свои экспозиции с преимущественным использованием развлекательного либо визуального контента,

что, по мнению критиков, превратило музеи из образовательных учреждений в досуговые и зрелищные. Тем не менее «новые музеи» проявляют социальные проблемы и трансформацию музейного статуса: «Музей оказывается все менее востребован как классификатор, а самое главное — интерпретатор, создатель и промоутер научного знания, творец так называемых «больших нарративов» мировой истории и культуры. Язык музея как особая символическая смыслообразующая система, способная передавать с помощью разнообразных объектов содержательно сложные, в том числе абстрактные понятия, теряет в современной культуре приоритетную позицию» [8, 51–78]. Подобная трансформация связана и с влиянием количества посещений на финансовое благополучие музеев, что заставляет кураторов делать акцент на зрелищность, подчас жертвуя глубиной и смыслом. Цитата М. Пиотровского иллюстрирует дискуссионность в понимании общественного статуса музеев: «Те, кто нам противостоят, написали на своем знамени слово «досуг». И представляют себе музейную культуру исключительно в этой сфере. А такие взгляды чреватые и уничтожением научной деятельности музеев, и возможным изъятием части музейного фонда для каких угодно интересов (что было хорошо продемонстрировано во время музейных изъятий в 20–30-х годах XX века)» [9].

На смену традиционной музейной институции приходит так называемый постмузей (*post-museum*), отходящий от понятийных форм коммуникации, в которых эмоциональное воздействие на аудиторию превалирует над рациональным, а на первое место выходит возможность личных субъективных впечатлений. Переживаемый посетителями опыт не связан с получением знаний или господствующими метанарративами, он опирается на эмоции и чувственное начало, поэтому столь важным стало аффективное вовлечение зрителя.

Аксиологически рассматриваемый концепт, без сомнения, связан с высокой культурной ценностью музея. С самого своего возникновения музей представлял мир в миниатюре, осуществлял научные функции, и, помимо музейных и книжных собраний, являлся значимым общественным пространством. Музей обращен к предметности и прошлому, возможности воссоздания значимых событий, осознания ценности предметов, кажущихся изначально привычными и обиходными. Однако обращенность к истории и бытование вчерашнего дня в настоящем уступает место важности эмоционального воздействия на аудиторию: «Музеология, еще совсем недавно испытывавшая существенное влияние структурализма и семиотики и активно оперировавшая такими терминами, как «текст» или «знак», ощущает, что их уже недостаточно, чтобы описать участие музея в коммуникациях медийного общества. Для его нового позиционирования в инфор-

мационной среде требуется не только формализовать сам процесс подготовки и передачи музейного сообщения, но и выявить ресурс для воздействия на те компоненты индивидуального сознания зрителя, которые не связаны непосредственно с репрезентацией, то есть на подсознание и сферу чувств. Вот почему представители так называемой новой музеологии настаивают на необходимости перенесения вектора музейных приоритетов от предмета к зрителю» [10].

В общественном сознании музей тождествен сокровищнице, наполненной материальными ценностями. Сюжеты популярной культуры, связанные с концептом, обычно повествуют о попытках «украсть драгоценные артефакты» (драма «Музей» 2018 г., реж. Алонсо Руиспалашо, трилогия «Ночь в музее» 2008 г., реж. Шон Леви, комедия «Как украсть миллион» 1968 г., реж. Уильям Уайлер, драма «Афера Томаса Крауна» 1999 г., реж. Джон МакТирнан). Итак, аксиологически музей связан с ценностью музейного предмета, первоначально определяемой его субъективацией, иначе говоря, выделением из окружающей среды по признаку редкости, затем местом в иерархии научных классификаций и товарной стоимостью, сегодня связанной преимущественно с коммуникативностью» [11, 41–50].

Рассмотренный ранее спектр общественных установок, связанных с музеем, показывает трансформацию музея как культурной институции, где наиболее значимым становится не просветительский, познавательный или формирующий идентичность ресурс музея, а комплекс индивидуальных реакций. Влияние музея на общество, его высокое значение в культуре, связь музейного дискурса с политическим, философским, социальным и пр., демонстрирует институциональный аспект дефиниции. Музей, как институцию, отличает ряд характерных свойств, подчеркивающих статус, нормы, правовое регулирование. Сакральность культурной локации ощущается уже при входе, далее следует кулуарное пространство с приглушенным светом, почтительная тишина, соблюдение дистанции у экспонатов, правила, регламентирующие поведение.

Таким образом, музей — это локум, пронизанный ритуалами и церемониями. С предметной среды акцент переносится на ассоциированность с пространством и культуру участия. Согласно Мишелю Фуко, музейная среда — средоточие метафоры и метонимии, где объекты существуют параллельно в настоящем и в прошлом, а само время течет независимо от фактической темпоральности за стенами музея. Музейные экспонаты интегрируются в культурный дискурс, с «его правилами, предписаниями и запретами, оценочными схемами, разделяющими проявления реальности на дозволенные и недозволенные, правильные и неправильные, публично артикулируемые или подлежащие умолчанию» [12, 202].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс музейной этики icom электронный ресурс. — Режим доступа: <https://icom-russia.com/upload/uf/3b1/3b1644f455b5e1217d513e934a1e5036.pdf>

2. Дмитриенко Н. М. Храм муз или очаг науки: к этимологии слова музей / Н. М. Дмитриенко, Э. И. Черняк, И. С. Караченцев // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Томск, 3–4 октября 2019 г.). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019.

3. Butler V. Return to Alexandria. An Ethnography of Cultural Heritage, Revivalism and Museum Memory / V. Butler. — California: Walnut Creek, 2007.

4. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 432 с.

5. Музеум или музей // Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым. СПб., 1845. Вып. 1.

6. Музееведческое наследие Северной Азии. Вып. 2: Труды музееведов последней трети XIX — первых десятилетий XX века / Н. М. Дмитриенко, Э. И. Черняк, А. Д. Де-

ментьев, И. А. Голев, С. Е. Григорьева. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. — 252 с.

7. Резолюция 1-го Всероссийского музейного съезда «Принципы и формы массовой политпросветработы в музее» // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сб. документов и материалов. М.: Этерна, 2010. С. 665–669.

8. Бонами З. А. Музей в дискурсе аффекта / З. А. Бонами // Политика аффекта. Музей как пространство публичной истории. Под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Суверинной. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

9. Пиотровский М. Б. Частные музеи меняют культурный ландшафт России // Российская газета. — Режим доступа: <https://rg.ru/2017/10/01/mihail-piotrovskij-chastnye-muzei-meniatiut-kulturnyj-landshaft-rossii.html>

10. Шола Т. С. Вечность здесь больше не живет: толковый словарь музейных грехов / Т. С. Шола. — Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2013. — 356 с. Бонами З. А. Игры разума с предметом: в поисках дефиниции музейной коммуникации / З. А. Бонами // Музей. Памятник. Наследие. — 2018. — № 1(3). 12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Рыжкова О. А., аспирант кафедры журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

E-mail: utjhubq2006@yandex.ru

*Novgorod State University named after Yaroslav the Wise
Ryzhkova O. A., Post-graduate Student of the Department
of Journalism, Novgorod State University named after Yaroslav
the Wise*

E-mail: utjhubq2006@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ ПРИ АНАЛИЗЕ СПОРНОГО ТЕКСТА НА ПРЕДМЕТ НАЛИЧИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРИЗНАКОВ УНИЖЕНИЯ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА, УМАЛЕНИЯ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

В. В. Салькова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2024 г.

Аннотация: данная статья посвящена проблеме в практике производства лингвистической экспертизы. Обозначены ключевые подходы к рассмотрению данной категории. Предпринят анализ юридических текстов, в которых упоминается оценочность и ее функции в правовом урегулировании. Показана роль категории оценки при анализе спорного текста на предмет установления наличия в нем языковых признаков унижения чести и достоинства, умаления деловой репутации, клеветы, приведены «открытые вопросы» в части разграничения оценки, факта и мнения. Указаны языковые формы выражения категории оценки в тексте.

Ключевые слова: категория оценки, оценочность, классификация оценки, лингвокриминалистика, лингвистическая экспертиза текста, унижение чести и достоинства, клевета, умаление деловой репутации, языковые маркеры оценочных высказываний.

Abstract: this article is devoted to the problem of using the category of evaluation in the practice of linguistic expertise. The key approaches to the consideration of this category are outlined. The article analyses legal texts that mention evaluation and its functions in legal regulation. The article describes the role of the category of evaluation in the analysis of a disputable text to determine whether it contains linguistic signs of humiliation of honour and dignity, diminution of business reputation is shown, "open questions" in terms of distinguishing between evaluation, fact and opinion. The linguistic forms of expressing the category of evaluation in the text are specified.

Keywords: evaluation category, evaluation, evaluation classification, forensic linguistics, linguistic examination of the text, humiliation of honour and dignity, libel, diminution of business reputation, linguistic markers of evaluative statements.

Определение характера высказывания (мнение, оценка, факт) является основополагающим в рамках рассмотрения категорий дел по искам об унижении чести и достоинства, умалении деловой репутации, а также в рамках дел по искам об оскорблении и клевете, поскольку характер высказывания влияет на результат лингвистической экспертизы спорного текста.

Оценочность как категория достаточно хорошо изучена в лингвистике, однако к настоящему моменту нет единого перечня языковых маркеров оценочного высказывания.

В лингвистической науке со сменой парадигмы локус внимания направляется на человека, на его языковое сознание. Изучение данного аспекта становится одной из главных задач лингвистики [1], поэтому с начала – середины XX века категория оценки начинает активно рассматриваться в рамках лингвистической науки, и изучается ее реализация на различных языковых уровнях, к ней применяются разнообразные лингвистические подходы [1; 2].

Несмотря на разнообразие подходов, оценка лингвистами неизменно рассматривается как своего рода

языковая универсалия. См., например, определение, предлагаемое О. Н. Касторновой: «Оценка — это универсальное явление, которое рассматривается как действие по оцениванию определенного отрезка действительности в соответствии с тезаурусом личности» [3, 6].

В языке ценностные аспекты закреплены на различных уровнях: так, оценочная семантика может быть сконцентрирована в аффиксах (морфемный уровень), сочетаемости слов (категория словосочетаний, предложений, высказывания, синтаксический уровень), в частеречных категориях (морфологический уровень) [4, 6–7].

К общим особенностям категории оценки следует отнести ее структурность, так она состоит из обязательных элементов: субъект, объект и оценочное отношение [4, 12].

Т. В. Маркелова понимает оценку как функционально-семантическую категорию [1, 7]. Е. М. Вольф определяет оценку через концепт ценности, утверждая, что категория оценки выделяется в качестве одного из видов модальности [4, 11]. Н. Д. Арутюнова определяет оценку как разновидность прагматического значения слова, которая зависит от времени оценивания и говорящего субъекта [5, 6].

Е. М. Вольф отмечает, что оценочная семантика двусоставна: и если одна часть (аксиологическая, субъективная) не верифицируется, напр., *хорошее яблоко*, то дескриптивная (объективная) часть будет поддаваться верификации, напр., *квадратная картина* [4, 24].

Таким образом, под оценкой следует понимать функционально-семантическую категорию, реализация которой в языке обусловлена прежде всего социокультурным фактором, зависящим как от субъекта оценки, так и от времени оценивания, которые, в свою очередь, соотносятся с некими идеальными образами, имеющимися у индивида; категория оценки может быть рассмотрена в качестве одного из видов модальности и имеет внутриуровневую распространённость в языке.

Н. Д. Арутюнова, основываясь на концепции оценочной структуры Г. фон Вригта [2, 155], предлагает свою классификацию. Так, учёный все аксиологические значения разделяет на обще- и частнооценочные. Если общеоценочный тип реализуется в рамках антонимичной пары хороший/плохой и их вариативности (прекрасный, великолепный, ужасный, дурной и проч.), то частнооценочный тип, по мнению Арутюновой, является более широким, распадается на семь категорий (сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические, утилитарные, нормативные и телеологические), которые, в свою очередь, учёный распределяет по трем группам: сенсорные оценки, сублимитированные оценки, рационалистические оценки [4, 77].

Собственные классификации категории оценки предложили Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1988], Е. М. Вольф [Вольф 1985], Т. В. Маркелова [2013] и др., подробно рассмотрели и соотнесли различные виды классификаций оценки такие ученые, как В. В. Квашина [Квашина 2010], Ю. Ф. Фомина [Фомина 2007] и др.

Наибольшую актуальность категория оценки в лингвокриминалистике приобретает при проведении исследования спорного текста в рамках исков о защите чести, достоинства, деловой репутации. Приведем формулировки соответствующих статей. Так, в статье 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» ГК РФ указано, что гражданин вправе требовать опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, если распространивший не докажет, что они соответствуют действительности (информация о фактах) [5]. В статье КоАП РФ 5.61 «Оскорбление» под оскорблением понимается «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» [6]. В статье УК РФ 128.1 «Клевета» под клеветой понимается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию [7]. Как видим, ст. 5.61

и ст. 128.1 содержательно связаны по параметру «форма выражения информации».

Установление характера сообщаемой информации (факт, оценка, мнение) [8] в рамках вышеназванных категорий дел является обязательной, так как в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.02.2005 «следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности» [9].

Таким образом, квалификация спорного высказывания как выражения субъективного мнения или оценочного суждения ложится в основу определения одного из юридически значащих обстоятельств, которое влияет на принятие решения в возбуждении уголовного или гражданского дела и на само содержание судебного решения по делу.

В лингвокриминалистике разграничение факта, мнения и оценки считается проблемной позицией, потому что в специализированной литературе, учебниках и в юридических текстах нет четкого определения данных понятий, отсюда следует отсутствие единообразного, объективного метода отнесения анализируемого текста к одной из вышеуказанных категорий. Многие эксперты используют т.н. метод определений, по которому толкование слов «факт», «мнение», «оценка» основывается на словарных дефинициях [10, 122].

В лингвокриминалистике разграничением факта, мнения и оценки занимались М. В. Горбаневский [Горбаневский 2002, 2004, 2005, 2006, 2010], Е. И. Галяшина [Галяшина 2003], С. В. Доронина [Доронина 2008], И. А. Стернин [Стернин 2013, 2018], К. И. Бринев [Бринев 2009, 2015], Г. С. Иваненко [Иваненко 2018] и др.

К. И. Бринев, опираясь на теоретические положения, сформулированные в работах вышеперечисленных ученых, отмечает, что все различия между фактом и мнением/оценкой можно соотнести с тремя критериями: модальным, гносеологическим и онтологическим, указывая при этом, что только гносеологический критерий не может быть основанием противопоставления мнения и фактов [10, 123].

Е. М. Вольф показала, что оценочная структура двусоставна (см. выше), верификации же поддается вторая часть — дескриптивная, об этом упоминал в своих работах по лингвокриминалистике И. А. Стернин [8].

Разграничение факта, мнения и оценки основывается на поиске маркеров, которые соответствуют каждому из типов утверждений. Так, для оценки

основными маркерами будут выступать: лексема с определенно окрашеннойемой (положительно или отрицательно), наличие риторических вопросов, экспрессивность и проч.

Примером анализа спорного текста с целью определения формы выражения негативной информации выступает повторная экспертиза по иску Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки к ИД «Ленинская смена» в 2019 году [11]. Комиссия экспертов использует лексико-синтаксический и синтаксически-семантический способы анализа спорных фрагментов. Так, например, при анализе спорного фрагмента «*А ведь накануне юбилея дела в этом заведении складываются не лучшим образом <...>*» эксперты акцентируют внимание на лексеме «лучший», которое является прилагательным в превосходной степени сравнения и выступает в качестве средства выражения положительной оценки, но в сочетании с отрицательной частицей «не» приобретает противоположный смысл, выражая прямую негативную оценку. Также анализируется глагол «складываются», который выступает в качестве фразового модификатора [11, 37].

В другом спорном фрагменте «*<...> Все вышеназванные процессы отталкивают потенциальных студентов, которые знают, что едва ли сумеют получить должные навыки оркестровой игры на кафедре духовых инструментов или достойно подготовиться на вокальной кафедре*» маркером оценки выступает частица «едва ли», которая в тексте выражает значение сомнения, а глагол, употребленный в будущем времени, в форме множественного числа, «сумеют», образованный от инфинитива *суметь*, в спорном тексте выступает в качестве маркера предположения [11, 40].

Примером анализа спорного текста на предмет выявления высказываний, содержащих резко негативную оценку личностных качеств, выраженную в потенциально оскорбительной, циничной, неприличной, социально неприемлемой форме, может служить заключение комиссии специалистов ГЛЭДИС по анализу спорных текстов переписки компьютерного игрока и службы поддержки Steam [12]. Так, можно рассмотреть проявление оценки в синтаксической структуре на примере фрагмента спорного текста «*Га**ны еб**ые верните мне аккаунт!*». Анализируя представленный фрагмент, эксперты пришли к выводу, что в данном высказывании содержится экспрессивная негативная оценка поведения человека, его личности, которое адресовано к службе поддержки Steam. Данная негативная оценка выражается, во-первых, в использовании автором текста восклицательной интонации (восклицательный знак в конце предложения), во-вторых, в прямом обращении «Га**ны еб**ые», в-третьих, в лексическом значении слов «Га**ны», «еб**ые», которые употребляются в переносном

значении (каждое из лексических значений указано в тексте экспертизы), являются вульгарно-просторечными, бранными [12, 29–31].

Примером проявления маркера экспрессивности высказывания выступают фрагменты из указанного выше спорного текста (оформление авторского текста сохраняется) «*ПОДДЕРЖКА НА РУССКОМ!!! ВЫ ЗА**ЛИ!*», «*ПОДДЕРЖКА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПЕРЕСТАНЬТЕ УДАЛЯТЬ МОИ ЗАПРОСЫ!!!!!!*», в которых выражена резко негативная экспрессивная оценка посредством использования повторения восклицательного знака, однако адресатом сообщения выступает совокупность людей (сотрудники поддержки Steam), поэтому указанная оценка не тождественна оценке личности [12, 32–33].

Таким образом, категория оценки является универсальной категорией, основополагающей в процессе установления характера сообщаемой информации при проведении лингвистической экспертизы текста. Маркерами оценочного высказывания могут выступать оценочные слова, наречия на -О/Е, прилагательные в сравнительной или превосходной степени, глаголы в личной форме, которые усиливают оценочный характер конструкции, лексическое значение слов, контекст словоупотребления, стилистическая принадлежность языковой единицы и спорного текста в целом, экспрессивность синтаксической конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке [Текст]: монография / Т. В. Маркелова. — гос. ун-т печати имени Ивана Федорова. — М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. — 300 с.
2. Касторнова О. Н. Частеречный статус слов категории оценки в русском языке [Текст]: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / О. Н. Касторнова. — 10.02.01/ Мичуринский гос. пед. ун-т. — М.: 2005. — 24 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. (Оценка, событие, факт) / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/1de6cd3cbb386056a2ecd2c64ff087b13c8de585/ (дата обращения: 06.01.2024).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d40cbd099d17057d9697b15ee8368e49953416ae/ (дата обращения: 06.01.2024).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп.,

вступ. в силу с 30.12.2023) — Режим доступа: (дата обращения: 06.01.2024).

8. Стернин И. А. Основы лингвокриминалистики: учеб. пособие / И. А. Стернин; Воронежский государственный университет — Воронеж, 2018.— 304 с.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 25.12.2023).

10. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика [Электронный ресурс]: монография / К. И. Бринев. — М.: ФЛИНТА, 2015. — 304 с.

11. Экспертиза ГЛЭДИС по определению Арбитражного суда Нижегородской области повторная по иску Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки к ИД «Ленинская смена». — 2019. — Режим доступа: <https://rusexpert.ru/public/expertizy-pdf/1.7ExpArbsudNizhoblповт2019.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).

12. Заключение комиссии специалистов ГЛЭДИС для Санкт-Петербургского городского суда (апелляционная инстанция) на основании запроса юридической фирмы «Бейкер и Макензи» по анализу спорных текстов переписки компьютерного игрока. 2023 г. — Режим доступа: <https://rusexpert.ru/public/expertizy-pdf/ZaklGLADSmirnvsValve2023.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).

*Воронежский государственный университет
Салькова В. В., аспирант кафедры общего языкознания
и стилистики
E-mail: vvs3061@ya.ru*

*Voronezh State University
Salkova V. V., postgraduate student of the Department of
General Linguistics and Stylistics
E-mail: vvs3061@ya.ru*

НОСТАЛЬГИЯ КАК СПОСОБ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ДИССИДЕНТА (ПО АВТОБИОГРАФИЯМ В. БУКОВСКОГО «И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР...», «ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»)

Е. Г. Серебрякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: мотив ностальгии встроен в автобиографиях В. Буковского в картину советской жизни. Изображенная сатирически, советская действительность лишена авторского сожаления о прошлом. Однако опыт сопротивления диссидентского сообщества режиму видится автору ценным и исторически значимым и потому вызывает ностальгические переживания. Позиция Буковского созвучна трактовке ностальгии литераторами II волны эмиграции. Писатели III волны, к которым хронологически относился диссидент, предлагали читателям более сложную картину эмиграции.

Ключевые слова: ностальгия, диссиденты, самоидентификация, В. Буковский, «И возвращается ветер...», «Письма русского путешественника».

Abstract: the motif of nostalgia in V. Bukovsky's autobiographies is built into the picture of Soviet life. The Soviet reality, depicted satirically, is devoid of the author's regret about the past. However, the experience of the resistance of the dissident community to the regime is seen by the author as valuable and historically significant and therefore causes nostalgic feelings. Bukovsky's position is consonant with the interpretation of nostalgia by writers of the Second Wave of emigration. The writers of the Third Wave, to whom the dissident belonged chronologically, offered readers a more complex picture of emigration.

Keywords: nostalgia, dissidents, self-identification, V. Bukovsky, «And the Wind Returns», «Letters from a Russian Traveller».

Ностальгия — чувство тоски по утраченному «золотому веку» — является механизмом социокультурной памяти, при котором индивидуальный способ объяснения прошлого согласуется с мнением определенного сообщества. Индивидуально-личное восприятие прошедшей эпохи как ценной и наполненной смыслом сливается с аналогичным коллективным переживанием и определяет способ трактовки истории, моделирует нарратив воспоминаний.

Книга В. Буковского «И возвращается ветер...» (1978 г.) отражает восприятие советского опыта, типичное для диссидентского сообщества, и показательна для характеристики специфического эмигрантского дискурса, в котором в обличительную коллективную память встроена ностальгия. Цель данного исследования — рассмотреть способы обесценивания советской действительности, предложенные автором и легитимированные сообществом, и выявить объект ностальгических переживаний.

По справедливому замечанию И. М. Каспэ, «словом «ностальгия» помечается определенная структура персональной и коллективной идентичности: образ «я» (или «мы») в этом случае формируют два четко выделенных полюса «настоящего» и «прошлого»; внутренние характеристики «настоящего»,

возможно, окажутся по сравнению с «прошлым» более размытыми и невнятными, но внешние границы заданы с точностью — полюса обязательно разделяет существенная дистанция, разрыв» [1, 205]. Для диссидентов, оказавшихся по собственной воле или против нее на Западе, таким разрывом стала эмиграция, не только разделившая жизнь на «до» и «после», но и позволившая соотнести с реальностью представление о советском и западном образе жизни. Характеристика объекта ностальгии и механизмов ее формирования позволит осмыслить не только приемы переформатирования прошлого личного и коллективного опыта, но и специфику социокультурной идентичности советского диссидента, эмигранта III волны.

Книга «И возвращается ветер...» (1978 г.) создавалась В. Буковским по горячим следам насильственной депортации из Советского Союза. По договоренности с издательством диссиденту предстояло очень быстро, за 4 месяца, написать автобиографию и представить широкой английской аудитории. Задача издательства — познакомить соотечественников с новой фигурой политэмигранта — совпала с внутренней мотивацией автора — подтвердить правомочность своего пребывания вне родины.

Для скорейшего выполнения заказа из Парижа была приглашена Н. Е. Горбаневская, к этому време-

ни также высланная из Советского Союза. Ее помощь в качестве редактора и литературного помощника дала результат — книга была написана в срок. Соавторство, впрочем, не означенное в тексте и упомянутое Буковским спустя многие годы [2, 215–216], свидетельствует не только о тесных личных связях внутри сообщества диссидентов, не прерванных после депортации, но и позволяет расценить позицию автора данного текста как типичную для своего круга. Частная история приобретает характер универсальной, фиксирует и укрепляет коллективную память сообщества.

С помощью автобиографии автор решал несколько стратегических задач. Прежде всего книга помогала социализироваться в новом пространстве. Издание биографического романа было прекрасным способом самопрезентации: судьба оппозиционера, претерпевшего гонения властей, вызывала симпатию читателей, а история героической борьбы с режимом без труда вписывалась в логику холодной войны. Интерес западного обывателя к личности диссидента подогревался международным скандалом, сопровождавшим его высылку из страны, и мог быть поддержан с помощью печатного слова.

Следующая, не менее важная задача — занять свою нишу в эмигрантской среде. Издание романа позволяло добавить к статусу политического деятеля звание литератора и войти в широкий и сложный мир литературной эмиграции.

И, наконец, в условиях активно циркулирующего тамиздата, пусть и с трудом, но интенсивно переправляемого на родину, автор имел возможность обратиться к соратникам по борьбе, оставшимся в СССР, подтвердить неизменность собственной гражданской позиции, не поколебленной благополучием жизни на Западе. Это позволяло сохранить духовную связь с прежней референтной группой, что было значимо для недавнего эмигранта, еще не сформировавшего новых прочных связей, дружб и знакомств.

Для решения этих задач автор избрал адекватную писательскую стратегию: обращаясь к зарубежному читателю и диаспоре, демонстрировал полное отторжение от родной страны, государства, народа и вообще всего, носящего клеймо «советского». Ностальгии, как типу конструирования прошлого, в такой картине не могло быть места.

Буковский фиксирует картину советской действительности, исключая всякие основания для ностальгических переживаний. Ностальгия базируется на линейном восприятии времени, при котором «вчера» стабильнее и надежнее «сегодня», а «завтра» размыто и неопределенно. Историческое время в романе циклично: правители сменяют друг друга, но не способны изменить логики исторического развития, система остается верна своей бесчеловечной сущности. Многократно декларируя статичность советской истории, автор полностью

обесценивает не только настоящее, но и прошлое — пространство ностальгии.

Непримиримость и категоричность автора в адрес советского образа жизни находит адекватную поэтику: в романе соединяется анекдотический, фельетонный, памфлетный нарративы. «Презирал я советского человека. Не того, который изображен на плакатах или в советской литературе, а того, который существовал на самом деле, у которого нет ни чести, ни гордости, ни чувства личной ответственности, который может один на медведя с рогатиной ходить, а мимо милиции идет — робеет, аж пот его прошибает. Который предаст и продаст отца родного, лишь бы на него начальник кулаком не стучал» [3, 74], — заявляет автор. Включив в сатирическую, наполненную сарказмом зарисовку один из самых банальных стереотипов западного сознания (советский человек «может один на медведя с рогатиной ходить»), автор указал главного адресата автобиографии. Новому соотечественнику, западному читателю, доказывает он свою абсолютную чужеродность родине, символически обозначая место в новом пространстве. Не тоска по стране, а полное презрение к ней, не поэтизация потерянного в исторических катаклизмах «золотого века», а декларация остановившегося времени — вот эмоциональные доминанты авторского восприятия родины.

В отрицании ностальгии Буковский совпадает с художественными декларациями эмигрантов II волны. В прозе Л. Д. Ржевского, Б. Н. Ширяева, И. Сабуровой зафиксирована схожая позиция. «Благодарю Тебя, Господи, что унес меня из этой несчастной страны!» [4, 147], — восклицает герой рассказа Л. Д. Ржевского «Полдюжины талантов». Горькой иронией звучат строки «Дипилогической азбуки» (1946 г.) (Ди-Пи — сокращение от английского «перемещенные лица»). Так обозначалась категория советских граждан, депортированных в Германию в годы Отечественной войны. — Е. С.) И. М. Сабуровой: «Р — родина. Над утратой ее пролито немало горьких слез. Но дипилогическое объявление о потере гласит так: «Потеряна горячо любимая родина. Умоляем не возвращать» [5, 108]. Писатели вписывали судьбу своих героев в драматичный исторический контекст. Депортации в чужую страну во время войны предшествовала бесправная, лишенная свобод и человеческого достоинства жизнь в предвоенном СССР и очень часто — пребывание в ГУЛАГе. Возвращение на родину было сопряжено с риском нового заключения.

Более сложную позицию в одном из стихотворений высказал И. В. Елагин. Провозгласив: «Мне незнакома горечь ностальгии. Мне нравится чужая сторона» [6, 177], он произвел в дальнейшем тексте двойное отрицание:

... Из всей — давно оставленной — России
Мне не хватает русского окна.

Оно мне вспоминается донине,
 Когда в душе становится темно —
 Окно с большим крестом посередине,
 Вечернее горящее окно.

Таким образом, исходный тезис опровергается последующим образным рядом. Лирический герой осознает глубинную связь с родиной, символически обозначенной «русским окном» «с большим крестом посередине», не отрекается ни от православной сущности и крестного пути России, ни от собственной принадлежности русской культуре. Ностальгия, как глубоко укорененное в душе и сознании свойство, является основой личной идентичности лирического героя. Мучительная раздвоенность эмигрантского сознания между русским «вчера» и зарубежным «сегодня» роднит Елагина с литературной эмиграцией I волны, принципиально настаивавшей на особом характере русской культуры, занимавшей чаще всего изоляционистскую позицию по отношению к культуре страны своего пребывания.

Причина отрицания ностальгии в творчестве значительной части художников II волны эмиграции заключается в отождествлении литераторами понятий «страна» и «государство». Не принимая бесправия личности в тоталитарном государстве, писатели разрывали эмоциональную зависимость от родины, декларировали отсутствие связи с прошлым, заявляли собственную личностную и творческую устремленность не назад, а вперед, в пространство новой для себя культуры. В этом Буковский солидаризировался с эмигрантами-предшественниками.

Показательно, что литераторы III волны эмиграции, к которой хронологически принадлежит автор книги, занимали более сложную и неоднозначную позицию. Эмоциональный спектр при воспоминаниях о родине был широк: от иронической дистанции в поэзии И. Бродского, Л. Лосева, А. Цветкова до пронзительной ностальгии в стихах Н. Коржавина и Б. Кенжеева и ощущения духовной слитности с покинутой страной у Ю. Кублановского. По воспоминаниям современников, незадолго до эмиграции В. Максимов провозгласил: «Эту страну надо уносить с собой на подошвах сапог» [7, 501]. Р. Гуль, обосновавшись в Америке, назвал книгу воспоминаний «Я унес Россию» (1981–1989 гг.) [8]. Троп, впоследствии растиражированный в бытовом и литературном обиходе, не только символически фиксировал Россию как место памяти, но и указывал новую модель самоидентификации эмигранта — культурную двухмерность, или даже транснациональность, при которой можно ощущать себя, например, «новым американцем» (название газеты, издаваемой С. Довлатовым в Нью-Йорке. — *Е. С.*) и в то же время сохранять глубинную связь с родиной.

Итак, в тексте Буковского нет ностальгии по советскому обществу, но есть явно ощутимая ностальгия по годам революционной борьбы с режимом.

С опорой на лично испытанное («я это пережил и могу свидетельствовать как очевидец и участник») и одновременно на коллективное знание инакомыслящих ностальгически конструируется образ прошлого, который нельзя назвать иначе, как травматичным. В опыте своем и всего диссидентского сообщества автор видит подлинную ценность и исторический смысл, что определяет тип повествования — ностальгический, скрытый за легкой иронией.

Ирония, свойство рефлексивного сознания, придает особое качество ностальгии. С Бойм назвала такой тип «метонимической» ностальгией. Исследовательница отмечает, что повествованию, основанному на иронической, или метонимической ностальгии, свойственно «аффективное и этическое осмысление прошлого», «переживание невозможности его тотальной реконструкции» [9]. Очевидно, что в книге Буковского ирония направлена не в адрес друзей-соратников по борьбе (в моральной правоте их общего дела автор не сомневается), а в свой собственный: оказавшись психологически в рубежной ситуации смены культурного кода, Буковский испытывал потребность отыскать точку опоры. В совместном прошлом, наполненном для него и друзей тяжкими испытаниями, но обладавшим высоким смыслом и значением, обнаружилась та ценностная стабильность и определенность, которая могла помочь эмигранту сохранить душевное равновесие и предотвратить возможный кризис идентичности. Таким образом, ироническая ностальгия выступала социальным инструментом самоидентификации.

Она породила сентиментальный тон в адрес единомышленников, задала героико-романтический и авантюрно-приключенческий дискурс в описании борьбы протестантов с режимом.

Самоидентификация героя-повествователя амбивалентна: авантюристность дополнена автогероизацией. Борьба с тоталитаризмом, убеждает автор читателя, единственно возможный для честного человека вариант жизненного пути, на который однажды в молодости ступил он и его друзья. За право «жить не по лжи» (А. И. Солженицын) приходится платить положением вне социума. Для привлечения читателя на свою сторону автор акцентировал этическую составляющую оппозиционной деятельности, стремился вызвать уважение к нравственному выбору в пользу правды и совести в ущерб социальному благополучию. При этом маргинальность оппозиционеров, как и своя собственная, трактуется в явно выраженном игровом ключе и не вызывает душевного дискомфорта. Противостояние диссидентов режиму показано как непрекращающееся состязание с переменным успехом каждой из сторон.

Автор не демонстрирует посттравматичных переживаний — страха, уныния, отчаяния и проч. Напротив, повествование о драматических событиях — арестах, уголовном преследовании, заключе-

нии в тюрьму, психбольницу и тому подобное — преподносится как происшествия забавные, хотя и чреватые риском для жизни. Авантюрно-приключенческие коннотации, вероятно, виделись автору наиболее доступными для восприятия зарубежного читателя, не склонного к глубокому погружению в реалии советской жизни, но тяготеющего к занимательному повествованию.

Однако ностальгическая интонация, пробивающаяся сквозь авантюрно-приключенческий нарратив, выдает неоднозначность авторской стратегии, не сводимой только к стремлению с помощью текста завоевать почетное место в западном мире.

После изгнания из Советского Союза диссидент не только получал безопасность, но и лишился привычного для себя статуса общественного деятеля, слово и дело которого имело вес за рубежом и внутри страны. И хотя круг внимавших был неширок (за границей — советологи, слависты, специализирующиеся на советской литературе, и заинтересованные в международном использовании диссидента политики и спецслужбы; внутри страны — читатели самиздата), потеря себя как исторической персоны была чревата утратой идентичности. Рассказывание собственной биографии позволяло эмигранту обратиться к прошедшему жизненному опыту, преодолеть отчуждение от Истории и себя подлинного, подтвердить личную идентичность «борца с тоталитаризмом» в условиях частичной изоляции от своей референтной группы.

Таким образом, ностальгия, как интеллектуально-эмоциональный механизм осмысления прошлого, в тексте Буковского подчинена решению стратегических задач внелитературного характера. Представительствуя не только от своего имени, но и от лица инакомыслящих, он воспроизводил типичные для всего сообщества приемы нарративизации прошлого: развенчание, высмеивание советского образа жизни и героизацию диссидентства, смягченную приемами авантюрно-приключенческой поэтики.

В западной науке оценка личности Буковского выдерживается в парадигме антитоталитаризма. Ф. Бубайер именуется его «убежденным противником сталинизма» [10, 102], Р. Хорват — «первопроходцем гласности» [11, 186]. Некоторая архаичность характеристик вполне адекватна персонажу исследований. За 38 лет, проведенных вне родины, Буковский не только не изменил своего статуса «борца с тоталитаризмом», но и не подверг корректировке выстроенную в первой книге картину мира.

Название второй автобиографии было позаимствовано у Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника» (1978–1980 гг.). Буковский использовал тот же дискурсивный прием, что и его великий предшественник: автор-повествователь примеривает роль европейца и сопоставляет западный и российский образ жизни. Однако за обращением к Карамзи-

ну угадывается и стереотипная для эмигрантского, в том числе и диссидентского сознания бинарная оппозиция «русского» и «советского». Производя идентификацию в категории «русский», автор как бы автоматически исключал советский код в возможном толковании своей биографии.

Кроме того, название отражает первую фазу психологической адаптации эмигранта, сопоставимую со взглядом путешественника, поверхностным, очарованным новыми землями. Страна обитания сулит исполнение планов и надежд, которые не могли быть реализованы на родине: «Нужно пожить в этом одиночестве без отдохновения, в этой тюрьме без досуга, именуемой Россией, чтобы осознать всю свободу, доступную любому другому в странах Европы, независимо от форм управления, принятых в них» [12]. Этой цитатой из книги «Россия в 1839 году» Астоляфа де Кюстина, путешественника, писателя-моралиста, оставившего весьма нелицеприятные заметки о России, автор открывает повествование. Путевые заметки Кюстина входили в число настольных книг советских диссидентов. Критическая оценка российской действительности, морализаторские сентенции, данные с позиций европейской просветительской традиции, были близки инакомыслящим. Кюстин пришелся кстати и Буковскому.

Правда, следом в Прологе приведены строки из письма Жуковского, утверждающего, что для человека с разумом и совестью счастье возможно в любой стране. Дополняющие друг друга цитаты указывают мировоззренческие основания картины мира, ориентиры самоидентификации автора — европейская и русская художественная мысль, провозглашающая принципы гуманизма, морали и свободомыслия. Казалось бы, Буковский утверждает культурную двухмерность, шире — транснациональность как основу мироощущения и самосознания эмигранта. Этой позиции придерживалась значительная часть литературной эмиграции III волны. Однако более внимательное чтение книги заставляет сделать не столь однозначный вывод.

Профессор Калифорнийского университета О. Матич оценивала коммуникативную манеру диссидентов как «тоталитарную», «во многих отношениях походившую на официальный язык, только с «обратной полярностью»» [13]. Справедливость наблюдений исследовательницы подтверждает логическая конструкция, возведенная Буковским для характеристики «плохой» советской и «хорошей» западной общественных моделей. Ее положения можно свести к нескольким тезисам: советская система преступна, скроена по лекалам уголовного мира, с теми же бесчеловечными законами. Западная человечнее, поскольку демократична. Однако западные политики наивны в отношении СССР, не осознают, что с тоталитарной страной надо действовать жестко, наступательно, нельзя идти на компромиссы и со-

глашаться на разрядку напряженности. Кроме того, нельзя ослабевать борьбу за права человека. Капитулянтские настроения в борьбе с «советами» недопустимы. Казалось бы, в сравнении с предыдущей книгой здесь возник новый мотив — опасность для стран демократии, исходящая с востока. Однако подобного рода предупреждения обильно содержал советский самиздат 1970-х годов. Буковский лишь скорректировал суждения, многократно звучавшие из уст Ю. Орлова, П. Григоренко, А. Амальрика и многих других диссидентов.

О. Матич отмечала, что стремление воздействовать на политические дела в отечестве и в стране пребывания традиционно для диаспор [13]. Позиция Буковского в этом не уникальна. Однако система аргументов, построенная на категоричных, директивных суждениях, отражающая непоколебимые убеждения, никак не соответствует западному либеральному дискурсу. Ее истоки следует искать в стилистике советской официальной прессы.

Эмигрантская травма перемещенности дает о себе знать в ностальгии о советском опыте противостояния власти. Вновь, как и в первом романе, травматичное прошлое наделяется повышенной ценностью: «Я убежден, что ностальгия — вовсе не тоска по родине. а тоска по прошлому, которое всегда кажется нам лучше сегодняшнего. <...> встретившись с приятелем из далекого прошлого, мы после третьего стакана, конечно, пускаемся в воспоминания о былом, которое предстает нам теперь в романтическом ореоле. Из нашего нынешнего благополучия оно и действительно кажется невероятным» [12]. Последняя фраза дает понять, о каком приятеле идет речь — о единомышленнике, соратнике по борьбе. Заметим, что ностальгическая эмоция качественно изменилась. Если в первом романе коллективное «мы» было окрашено легкой самоиронией и сентиментальностью, то теперь ностальгия осмыслена, ее причина указана. Рефлексия погасила эмоцию. При этом тоска по родине отторгается как не отражающая истинной природы ностальгии, и вот почему: «... эмигрант <...> становится невероятным патриотом своей новой отчизны, куда большим, чем коренные жители. <...> ...возвращаясь очередной раз к себе в Кембридж из поездки, я чувствую, что возвращаюсь домой» [12].

Итак, трансформация из «путешественника» в европейца, укорененного в английской земле, декларирована как состоявшаяся. Стоит ли безоговорочно доверять этой декларации? Местоимение «мы» применяется в автобиографии к разным группам и социумам: инакомыслящим («Для нас там, в Советском Союзе, гласность была оружием, средством борьбы с бесправием и произволом» [12]), советским людям («...беды у нас много, большинство людей знает, что это такое. А потому больше таких, кто отдаст последнюю рубашку. Здесь же чаще получается, что своя

все-таки ближе к телу» [12]), советской стране («То, что происходит в последнее время у нас, уже и алкоголизмом назвать нельзя. Скорее это разновидность народной психотерапии...» [12]) и западному обществу («...возвращаясь <...> к себе в Кембридж <...>, я чувствую, что возвращаюсь домой» [12]). Как видим, текст свидетельствует о расщепленном самосознании автора, «я», лишенном целостности. Повествование ведется от лица эмигранта, только начинающего свой путь адаптации, но активно декларирующего свою состоятельность в новом культурном пространстве.

Литературная эмиграция III волны, разделяя в целом мировоззренческую позицию диссидентов, в 1980–90-е годы отсмеялась романами С. Довлатова над одномерностью мышления, схематизмом и доктринерством инакомыслящих, продолжающих бороться с системой, прекратившей свое существование: «Америка разочаровала Караваева. Ему не хватало здесь советской власти, марксизма и карательных органов. Караваеву нечему было противостоять» [14].

Роль борца с тоталитаризмом, вывезенная Буковским из советского прошлого, неуклонно соблюдалась им в течение всей жизни, диктовала не только нарратив созданных книг (преимущественно социально-политической публицистики), но и общественное поведение. Получив советское гражданство в начале 1990-х годов, он активно включился в работу разнообразных комитетов (в 1992 г. в качестве официального эксперта участвовал в работе Конституционного суда РФ в процессе «КПСС против Ельцина»). В 2004 г. стал соучредителем «Комитета 2008: Свободный выбор») и не прекратил критиковать российскую власть: Б. Н. Ельцина за авторитаризм [15]. В 2007 году Буковский предпринял попытку баллотироваться в президенты России и с помощью оппозиционеров набрал количество голосов, необходимое для регистрации в качестве кандидата. Едва ли он надеялся победить на президентских выборах. Скорее, это был символический шаг, своеобразная провокация — тактика, неоднократно применяемая в пору диссидентской молодости. Отечественные оппозиционеры могли вдохновиться к более смелым и решительным политическим шагам. Западное сообщество получало новое подтверждение жизнеспособности уже немолодого борца за свободу. Как бы то ни было, до выборов дойти не удалось: Центризбирком отклонил кандидатуру претендента, не проживающего в России более 10 лет и имеющего двойное гражданство.

Все эти действия свидетельствуют не только о политических амбициях Буковского, не утихших со временем и не нашедших удовлетворения, но и о силе «вчерашнего» образа себя. Ностальгия, память о прошлом, встроенная в восприятие настоящего и возможного будущего, сформировала биографию и осталась ядром самоидентификации диссидента-эмигранта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каспэ И. М. «Съесть прошлое»: идеология и повседневность гастрономической ностальгии / И. М. Каспэ // Пути России: культура — общество — человек: Материалы Международного симпозиума (25–26 янв. 2008 г.). Т. XV. / Под общ. ред. А. М. Никулина. М.: Логос, 2008. — С. 205–218.
2. Буковский В. К. Париж стал скучным... / В. К. Буковский // Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская. — М.: АСТ, 2014. — С. 215–217.
3. Буковский В. К. И возвращается ветер... / В. К. Буковский. — СПб.: Захаров, 2007. — 339 с.
4. Ржевский Л. Д. За околицей: рассказы разных лет / Л. Д. Ржевский. — Тенефлай (Нью-Джерси): Эрмитаж, 1987. — 177 с.
5. Сабурова И. М. Дипилогическая азбука / И. М. Сабурова. О нас. — Мюнхен, 1972. — Режим доступа: http://lib.ru/TALES/SABUROVA/O_nas.txt (дата обращения: 10. 08. 2023).
6. Елагин И. В. Мне не знакома горечь ностальгии... / И. В. Елагин // Собрание сочинений: в 2 т. / И. В. Елагин. — М.: Согласие, 1998. — Т. 1. — Стихотворения. — С. 177.
7. Сахаров А. Д. Воспоминания: в 3 т. / А. Д. Сахаров // Собрание сочинений: в 8 т. / сост. Е. Г. Боннэр. — М.: Время, 2006. — Т. 3. — 895 с.
8. Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. / Р. Б. Гуль. — М.: Б.С.Г.— Пресс, 2001.
9. Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова / С. Бойм // Новое литературное обозрение, 1999. — № 5. — Режим

доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/1999/5/konecznostalgii.html?ysclid=lktibxp4 m6508794742> (дата обращения: 10. 08. 2023).

10. Boobbyer P. Conscience, dissent and reform in Soviet Russia / P. Boobbyer. — London; New York: Routledge, 2005. — 282 p.
11. Horvath R. The Dissident Roots of Glasnost / R. Horvath / Challenging Traditional Views of Russian History / ed. S. G. Wheatcroft. — London: Palgrave Macmillan, 2002. — P. 173–202.
12. Буковский В. К. Письма русского путешественника / В. К. Буковский. — Москва: «Нестор-История», 2008. — 232 с. — Режим доступа: https://royallib.com/book/bukovskiy_vladimir/pisma_russkogo_puteshestvennika.html?ysclid=lktiwc8j7g384160935 (дата обращения: 10. 08. 2023)
13. Матич О. Литература Третьей волны: границы, идеология, язык // Новое литературное обозрение, 2014. — № 3. — Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2014/3/literatura-tretej-volny-graniczy-ideologiya-yazyk.html?ysclid=lksdlf0v6n155590647> (дата обращения: 10. 08. 2023)
14. Довлатов С. Иностранка / С. Д. Довлатов // Собрание сочинений: в 4 т. / С. Д. Довлатов. — Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. — Т. 3. — С. 213–346.
15. Буковский В. К. Наследники Лаврентия Берия. Путин и его команда / В. К. Буковский. — М.: Алгоритм, 2013. — 240 с.

*Воронежский государственный университет
Серебрякова Е. Г., доктор культурологии, доцент кафедр
истории философии и культуры
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru*

*Voronezh State University
Serebryakova E. G., Doctor of the Cultural Studies, Associate
Professor of the Department of History of Philosophy and Culture
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru*

«ПОВЕСТЬ О КАМАРНИЦКОМ МУЖИКЕ» А. НОВИКОВА: ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

О. А. Соловьева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 декабря 2023 года

Аннотация: сюжет анализируемой повести рожден событиями крестьянского восстания в Комарицкой волости Брянского уезда 1796–1797 годов. Жестоко подавленное восстание, по признанию многих, оставило неожиданную и совсем не трагическую память в названии широко известной плясовой «Камаринская». А. Новиков в «Повести о камарницком мужике» дает свое объяснение такой неожиданной интерпретации исторического события в памяти народной.

Ключевые слова: А. Н. Новиков, крестьянское восстание, плясовая «Камаринская», камарницкий мужик.

Abstract: the plot of the analyzed story was born from the events of the peasant uprising in the Komaritsa volost of the Bryansk district in 1796–1797. The brutally suppressed uprising, as many admit, left an unexpected and not at all tragic memory in the name of the well-known dance song “Kamarinskaya”. A. Novikov in “The Tale of the Kamarnitsa Man” gives his explanation for such an unexpected interpretation of a historical event in people’s memory.

Keywords: A. N. Novikov, peasant uprising, dance “Kamarinskaya”, Kamarnitsky peasant.

В 1935 году в журнале «Октябрь» (1935, № 8) была опубликована «Повесть о камарницком мужике» нашего земляка Андрея Никитовича Новикова (1888–1941). Отдельным изданием она вышла в Смоленске в 1936 году и стала последней прижизненной книгой писателя, расстрелянного в 1941 году.

Во вступительной справке А. Новиков объясняет название повести, которое он не связывает с широко известной плясовой о подвыпившем мужике. Он настаивает на иных, более важных исторических источниках названия. А. Новиков, работавший в 1920-е годы в газете «Брянский рабочий» и познакомившийся с материалами краеведов об истории одного из местных курганных захоронений, указывает в качестве событийного источника повести финал крестьянского восстания под предводительством Емельяна Черныдыра.

Комарицкая волость, в которой произошло это восстание, реальная административно-территориальная единица в составе Брянского, а с 1627 года Севского уезда, занимала юго-восточные районы современной Брянской области и прилегающие районы современных Курской и Орловской областей. Есть основания считать вариативным название волости — Комарицкая, Камаринская или Камарницкая. Такие варианты дают современные географические справочники, так волость называлась в начале XX века. Об мужиках этой волости и рассказывает в повести А. Новиков. Настаивая во вступительной заметке

к повести на том, что события, в ней изображенные, не имеют отношения к разудалой плясовой, автор, тем не менее, сохраняет название, как раз и адресуя читателя к плясовой. Широкая известность «Камаринской» была поддержана и музыкальным творчеством М. И. Глинки, который в 1848 г. написал симфоническое произведение под названием «Фантазия для оркестра на темы двух русских песен».

Между тем заявленное названием хорошо известная веселая и задорная мелодия входит в очевидное противоречие с эпитафией из стихотворения Ф. И. Тютчева 1871 года, который А. Новиков предпосылает повести, заменив в первом стихе важное для него слово:

От крови той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь... [1, 225]

Совершенно очевидно, что название и эпитафия контрастны по содержанию. Следовательно, автору было необходимо смысловое и эмоциональное несоответствие названия и эпитафии. Это дает основания думать, что авторский замысел состоял не только в рассказе о давних событиях, но и в их новой, неожиданной оценке.

А. Новиков в начале повести рассказывает о местном предании, по которому «задолго до Камарницкой волости существовала так называемая камарницкая дорога, по которой русские князья ездили на поклон к татарским ханам» [2, 93]. На этой дороге летом было много комаров, которые мешали княже-

скому движению и которых должны были разгонять холопы. «Камарницкий мужик» как часть названия появился значительно позже, во времена бунта Ивана Болотникова (1606–1607). А. Новиков указывает на историческую неточность замены «князей» на «мужика» в местном предании. «Мужик» в те времена, замечает писатель, не отождествлялся с «крестьянином»: существовали «холопы, мужи княжеские, мужи знатные, чернопашцы». Однодворцы составляли особую прослойку — они также мужиками не именовались» [2, 93]. Писатель согласен с мнением брянских краеведов, которые утверждали, что слово «мужик» долгое время было употребляемо в значении «земледелец, хлебопашец, хозяин». Да и сам характер болотниковского бунта, его размах и драматизм не позволяли утверждать, что веселая плясовая явилась их оценкой или иллюстрацией.

Возникновение «Камаринской», как это было установлено уже в конце XIX — начале XX в., хронологически не было связано с восстанием XVII в., хотя и проходило в Камарницкой волости. По поводу конкретных событий, породивших песню, существуют две основные версии. Первая, выдвинутая орловским краеведом Г. М. Пясецким в XIX веке, основывается на том, что Камарницкая волость принадлежала дворцовому ведомству, но в начале XVII в. царь Федор Иоаннович пожаловал ее в личное пользование Борису Годунову [3, 198–199]. Отметим, что восстание Болотникова, о котором шла речь выше, произошло уже после смерти Бориса Годунова, в «смутное время». Г. М. Пясецкий считал, что песня отражает протест камарницких мужиков против Бориса Годунова, своего барина. Этим он объяснял и ее текст: «Ах ты, сукин сын комаринский мужик, не хотел ты своему барину служить» [4, 364–365].

Вторую гипотезу в 1990 году предложил Т. А. Мартынов, который считал, что популярные народные песни «Камаринская» и «Барыня» связаны по своему происхождению и составляют две части своеобразной «Камариады». Он предположил, что камаринская возникла в период введения крепостного права, когда многие крестьяне бежали с территорий, подвергшихся закреплению, в Камарицкую волость, остававшуюся в то время еще вольной. Исследователь считает, что первоначальный текст песни отражал бегство крестьянина от своей барыни [5, 165].

Обе гипотезы связывают появление песни с крестьянскими восстаниями и рассматривают ее как песню протеста. Этому соответствует обценная лексика, которая в данном случае воспринимается утверждением протестной бесшабашности и озорства русского человека. На этом основании специалисты делали вывод, что «Камаринская» «воплотила в себе типические интонации» скоморошин, песен, в которых, по словам Б. Н. Путилова, «преобладают острая насмешка, сатира, дерзкая и нередко непристойная шутка, балагурство» [6, 385].

Однако уже в XIX в. представление об исторических истоках песни и ее социальном значении было утрачено, она осознавалась преимущественно как плясовая песня, о чем и свидетельствует «Камаринская» М. И. Глинки.

Как видим, за темой и историческими событиями, вызвавшими к жизни «Камаринскую», кроются непростые и противоречивые события. К этой истории присоединяется и А. Новиков, уже названием «Повести о камарницкой мужике» и эпиграфом, ее открывающим, вступающий в спор со стереотипным восприятием не вполне пристойной «камаринской». В его повести речь идет о героях и событиях, далеких от плясовых мотивов.

Сюжет повести А. Новикова отсылает читателя, как мы уже отметили, к знаковым событиям. Так что Камарницкая волость привлекла А. Новикова не только ассоциацией с широко известной плясовой. Его заинтересовали исторические события, связанные с русской смутой, с ее особенностями. Они-то и определили содержание произведения.

В тексте повести приводится письмо Александра Безбородько, канцлера Павла I, орловскому наместнику Квашнину-Самарину, в котором тот пишет: «Камарницкая волость, как тебе известно, со времен Ивана Грозного населялась людьми, сосланными за государственные преступления. У нас в России, пожалуй, нет места, где не было бунта, но бунт камарницких поселян в российской истории весьма приметный» [2, 98]. Действительно, «приметный» бунт в Камарницкой волости был связан с именами четырех самозванцев (Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, «царевичей» «Петра Федоровича» и «Федора Федоровича»), а также крестьянского предводителя Ивана Болотникова. И тем не менее, зная все это, автор пишет «Повесть о камарницком мужике», названием подчеркивая расхождение с плясовой «Камаринской». Следуя его замыслу, мы используем то географическое название, с которым А. Новиков связывал историю крестьянского бунта — Камарницкая волость.

До первой половины XVIII века крестьяне Камарницкой волости были дворцовыми, т. е., государственными (казенными) крестьянами, принадлежавшими лично царю и членам царской фамилии. Разумеется, государевы чиновники собирали с них установленную дань и повинности, но являлись лишь сборщиками налогов, исполнителями державной воли. Поэтому у мужиков были основания считать себя не помещичьим холопом, а государевым «земледельцем, хлебопашцем, хозяином». Полное их закрепощение, такое, как и в центральных областях России, утвердилось в тех местах лишь во второй половине XVIII века, во время правления Екатерины II, которая в связи с этим воспринималась ими враждебно.

Напомним, что повесть А. Новиков посвящает брянским краеведам, материалы которых он ис-

пользовал для «вольного» переложения событий тех дней». Однако историческую основу в построении сюжета автор сохраняет, ее действующие лица не вымышлены, хронология событий не нарушена, даты указаны по календарю старого стиля.

Брянские краеведы в 1920-е годы изучали восстание крестьян 1796–1797 годов, проходившее под руководством Чернодыра и связанное с восшествием на престол Павла I. Оно было крупнейшим на территории Камарницкой волости в имениях графа Апраксина и княгини Голицыной, которым принадлежало 150 тысяч десятин земли и 28 тысяч крепостных. В Брасово и Радогощах была создана крестьянская «Брасовская республика» во главе с Е. Чернодыром, Ф. Савенковым, М. Ельниковым, И. Куркиным и другими лидерами. Мужики уничтожили барщину и оброки и перераспределили земли, как они были уверены, на справедливых началах.

Именно это восстание Андрей Новиков сделал центральным событием «Повести о камарницком мужике». Смерть императрицы Екатерины II, последовавшую 6 [17] ноября 1796 года, герои повести А. Новикова, как и участники восстания Чернодыра, восприняли как возможность вернуться из состояния крепостного отдельного помещика в статус государственного «земледелца, хлебопашца, хозяина». Основания так думать, кажется, у них были. Первым и главным основанием была смерть императрицы, закрепостившей их, и последовавший вскоре за этой смертью Высочайший Манифест Павла I о трёхдневной барщине. Манифест определял «меру» крестьянской работы в пользу помещика в три дня в неделю и запрещал принуждать крестьян к работе в воскресные дни.

Даже эти незначительные послабления были восприняты крестьянами как ограничение прав и вольностей дворянских, дарованных Екатериной II помещикам-крепостникам. В этом же ряду было воспринято и приведение к присяге крестьян «на верность» новому императору Павлу I. Впервые в русской истории крестьяне, наравне с другими сословиями, присягали императору, впервые были объявлены сословием, которое «содержит собою все прочие части общества и трудами своими особого уважения достойно» [7].

Павел I пришел к власти уже сложившимся человеком и с собственными взглядами на государственное правление. Он занял трон «с искренним желанием добра народу во всем его целом, с готовыми проектами реформ, которые, по его мнению, должны были «исцелить» Россию, дать... направление ей... жизни» [8, 45].

Однако Павел I был непоследователен в своих решениях, не имел опыта государственного управления и не стремился к радикальным переменам. В повести А. Новикова отсутствует позитивная оценка действий Павла I, в них писатель не увидел госу-

дарственного смысла, а лишь желание сделать иначе, чем это было при матери.

Сюжет «Повести о камарницком мужике» организован двумя смертями: истинной — императрицы Екатерины Петровны и мнимой — мужика села Андросово Якова Дудорова. Две смерти, организующие сюжет, дают представление о «мирах», в которых они происходят.

Прощание с Екатериной в Петербурге представлено через восприятие Павла I, ее сына, которого она так не любила. Ее смерть сопровождается ненавистью Павла, дворцовые интриги, напряжение, которое взрывается недостойными сценами, исключая сами возможность разумных государственных решений, нарушающими необходимое благообразие. Павел I воспринимает свое воцарение как личное торжество. И в повести А. Новикова эта мотивация существенно снижает и образ императора, и значение выпущенного им Манифеста.

Другой «мир» представлен селом Андросово, в котором на Юрьев день мужик Яков Дудоров вышел из глубокого, летаргического сна. Летаргический сон в народном представлении является временем, когда душа оставляет тело, странствует на том свете, видит рай и ад и узнает будущую судьбу людей.

Пробуждение на Юрьев день во время отпевания Якова Дудорова было воспринято крестьянами как чудо воскрешения из мертвых. Для мужиков его пробуждение именно в этот день и последовавшее за его пробуждением приведение к присяге стало Откровением о грядущих переменах в их жизни.

В их представлении мужицкое давнее желание «переложить господское добро на мужицкие снасти» [2, 105] совпало с волей нового императора. В случайное совпадение присяги в Юрьев день никто не поверил. А пробуждение Якова Дудорова в это же время для его односельчан стало «божественно» отмеченным указанием на то, что скоро будет восстановлен прежний порядок: крестьяне вновь станут «мужиками» — «земледельцами, хлебопашцами, хозяевами». Поэтому «бунт» крестьян села Андросово заключался в неповиновении помещицкой воле, а не воле императора, холопами которого они опять намерены были стать.

Ожидая необходимых царских повелений, крестьяне организовали «вольную» жизнь в деревне Андросово, основанную на христианских заповедях. Однако их надежды довольно скоро столкнулись с той реальностью, в которой справедливого царя заменил царский наместник, который при Павле был наделен неограниченной властью и стал называться губернатором. Попытка организации «вольной» жизни в селе Андросово закончилась тюремным заключением крестьянских ходоков.

Исторический материал послужил Новикову отправной точкой для создания художественного произведения, в центре которого попытка крестьян

организовать свою жизнь по законам своего, крестьянского, мира. Вера в нового царя, тесно связанная в народном представлении с пугачевским движением, давала новиковским «степенным мужикам» надежду на исполнении мечты — которая жила долгие годы — о мире, где мужики будут наряду с другими сословиями служить государю и будут свободными от помещичьей воли.

В финале повести на девятый день — в день, когда по христианским представлениям душа умершего предстает перед Богом и когда крайне важна молитва близких за усопшего, — графиня Апраксина приказала приближенным своим холопам сочинить для нее «песенку о камарницком мужике». И такая песня была сочинена, приказ графини превратить рассказ о гибели крестьян в бою в насмешку над их памятью, был выполнен. «Текст песни о камаринском мужике весьма похабен» [2, 139], который подменит рассказ о крестьянской трагедии песней о пьяном камарницком мужике, «поспешный темп» которой стал известен всему «российскому простонародью». Песня «похабная», по мнению А. Новикова, тем, что дискредитирует героев, представляет мужиков лишь пьяницами и предателями, не способными на борьбу, искажает древнее предание.

Оскорбительный смысл этой ситуации писатель дополнительно подчеркнет словами француза, жившего в поместье графини Апраксиной, заказчицы «похабного» текста: «Русским свойственно плясать на собственных костях: они дикари» [2, 139]. Столь резкое замечание иностранца обусловлено не только коварством барыни, но в первую очередь предательством тех, кто ее сочинил — верных холопов графини.

В результате казненные участники восстания были похоронены в кургане без отпевания, оцененные на ходу придуманной надписью: «Здесь лежат преступники против бога, государя и помещика, справедливо казненные огнем и мечом по закону божию и государеву».

Лживость курганной эпитафии, сохранившейся и до времени пребывания в Брянске Новикова, писатель осознал в ходе работы с исследованиями брянских краеведов. Его повесть, основанием которой послужили исторические события, стала художественным несогласием с образом подгулявшего мужика, достоинства которого исчерпываются его хмельными «подвигами». Андрей Новиков иначе

оценивает русского мужика, хозяина и землепашца, его место в государстве и истории. Историческое событие — крестьянское восстание под предводительством Емельяна Черныдыра — Андрей Новиков увидел звеном единой революционной истории русского крестьянства. Камарницкий мужик завершал свою борьбу, начавшуюся во время бунта в XVIII веке, в годы Гражданской войны, уже в XX веке. Над братской могилой красноармейцев, сражавшихся с «белыми» в 1919 году в селении Комаричи, располагавшемся недалеко от мест восстания, была установлена красная звезда. По оценке Новикова, это событие имеет прямое отношение к тому давнему восстанию: «победа над помещиками пришла только спустя сто двадцать лет» [2, 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. См. у Ф. И. Тютчева: «От жизни той, что бушевала здесь...» // Ф. И. Тютчев. Лирика. В 2 т. — Т. 1. — М.: Наука, 1965. — 448 с.
2. Новиков А. Повесть о камарницком мужике / А. Новиков // Октябрь. — 1935 — № 1. — С. 93–139
3. Историки XX в. говорят о спорности этого факта. См.: Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России / В. И. Корецкий. — М., 1975. — 393 с.
4. Цит по: Адрианова-Перетц В. П. Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII века. Исторические песни / В. П. Адрианова-Перетц, Б. Н. Путилов // Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. М.; Л., 1953. — 538 с.
5. Мартемьянов Т. Правда о «Камаринской» и «Барыне» (история двух народных песен) / Т. Мартемьянов // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. — 1900. — Том LXXXII. — С. 162–182.
6. Путилов Б. Н. Сборник Кириши Данилова и его место в русской фольклористике Б. Н. Путилов // Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым / Подгот. изд. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилова. — М., 1958. — 665 с.
7. Павел Петрович. Наказ Марии Федоровне об управлении государством на случай его смерти // <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения — 05.11.23).
8. Шумигорский Е. С. Павел I / Е. С. Шумигорский // Русский биографический словарь. — СПб.: 1902. — Т. 13. — 711 с.

*Воронежский государственный университет
Соловьева О. А., преподаватель кафедры русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук
E-mail: nevestuyk@mail.ru*

*Voronezh State University
Solovyova O. A., Lecturer of the Department of Russian Literature of the XX and XXI centuries, Theory of Literature and Humanities, Faculty of Philology
E-mail: nevestuyk@mail.ru*

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА Ч. АЙТМАТОВА В КИТАЕ¹

Сы Цзюньцинь, Чжан Цзяци

Ланьчжоуский университет (Китай)

Чжэцзянский научно-технический университет (Китай)

Поступила в редакцию 13 декабря 2023 г.

Аннотация: Чингиз Айтматов — киргизский писатель, советский писатель, академик АН Кыргызской Республики, дипломат, мастер литературы с мировым именем. Перевод и изучение Айтматова и его произведений в Китае начались в 1960-е годы. В настоящее время все труды Айтматова имеют китайские переводы, опубликованы три научные монографии и более 600 научных статей и диссертаций. Эти работы можно разделить на четыре категории по содержанию исследований: исследования творческих тем, исследования художественных особенностей, исследования произведений по отдельности, сравнительные исследования и т. д. Исследования творчества Айтматова в Китае оказались плодотворными: от представления писателя, к анализу художественных особенностей произведений, к анализу идей и концепций автора, демонстрируя прогрессирование процесса от поверхностного к глубокому.

Ключевые слова: Айтматов; творчество; в Китае, история исследований.

Abstract: Chingis Aitmatov is a Kyrgyz writer, Soviet writer, academician of the Kyrgyz Academy of Sciences, diplomat, and a world-renowned literary master. The translation and study of Aitmatov and his works in China began in the 1960s. Currently, all of Aitmatov's works have Chinese translations, Three scientific monographs and more than 600 scientific articles and dissertations have been published. These research papers can be divided into four categories according to the research content: research on creative themes, research on artistic techniques, case studies on works, comparative studies, etc. The research on Aitmatov and his creations in China has been fruitful. The research has gone from a descriptive introduction to the writer's works, to an analysis of the artistic characteristics of the works, to an analysis of the changes in the author's ideas and concepts, showing a progression from shallow to deep process.

Keywords: Aitmatov; creation; in China, research history

Чингиз Айтматов — киргизский писатель, советский писатель, академик АН Кыргызской Республики, дипломат, мастер литературы с мировым именем. Его произведения неоднократно удостоивались Государственной литературной премии СССР и Ленинской премии. «В его произведениях ярко отражен национальный колорит, актуальные проблемы современности, духовная и нравственная сторона жизни, жажда правды и справедливости, попытка пробудить в каждом человеке совесть, мужество и гуманизм. Он писал на двух языках — на русском и кыргызском языке. Его книги переведены на 176 языков и переизданы более чем 650 раз в 128 странах с тиражом 100 миллионов экземпляров» [1, 3].

Перевод и изучение произведений Айтматова в Китае начались в 1960-е годы. В 10-м номере «Все-

мирной литературы» за 1961 год была опубликована «Джамиля» в переводе Ли Гана. В 1980-е годы в Китае наблюдается подъем перевода и изучения произведений Айтматова. Издательство зарубежной литературы опубликовало «Сборник романов Айтматова» (части 1 и 3) в 1980 и 1981 годах, а Издательство зарубежной литературы опубликовало «Сборник романов Айтматова» (части 2) в 1986 году. В 1991 году Издательство хэбэйского образования опубликовало «Избранные произведения Айтматова», в 1999 году Издательство «Народная литература» опубликовало четыре сборника рассказов, а в 2004 году Издательство «Народная литература» опубликовало сборник «Повести гор и степей».

В настоящее время все произведения Айтматова имеют китайские переводы, имеются три научные монографии: «Айтматов» [2], «Айтматов в Китае» [3] и «Айтматов и современная китайская литература» [4].

По данным онлайн-публикаций CNKI Китая, в академических журналах опубликовано более 600 научных статей и диссертаций, которые по содержанию исследований можно разделить на следующие четыре категории: исследования творческих тем, иссле-

¹ Настоящая статья — результат Проекта исследований гуманитарных и социальных наук Министерства просвещения КНР «Исследование литературы Центральной Азии в контексте инициативы “Один пояс и один путь”» (19YJA752018)

дования художественных особенностей, исследования произведений по отдельности, сравнительные исследования и т.д.

1. МОНОГРАФИИ О ТВОРЧЕСТВЕ Ч. АЙТМАТОВА

В настоящее время в Китае всего три научные монографии: «Айтматов» (Хань Цзецин, Сычуаньское народное издательство, 2001), «Айтматов в Китае» (Ши Цзинью, Хэбэйское народное издательство, 2007) и «Айтматов и современная китайская литература» (Ли Сюэ, Народное издательство, 2020).

В монографии «Айтматов» Хань Цзецин изучает судьбу, творческий процесс и художественные достижения писателя. Автор с экологической точки зрения исследует взгляды Айтматова на жизнь на земле и человеческую мораль. Автор считает, что Айтматов в своих произведениях призывает к защите Земли и биосферы, а также к гармоничному развитию человека, природы и общества. Монография разделена на три части: «Слова в книге — моя душа»; «Ответственность литературы — воспитать людей с глобальным мышлением»; «Добавить красок в художественную мозаику человечества». В приложении представлена краткая информация о жизни и творчестве Айтматова.

В монографии «Айтматов в Китае», отталкиваясь от многолетних культурных обменов между Китаем и Кыргызстаном, Ши Цзинью рассматривает литературные взаимоотношения Айтматова и Китая на широком и далеко идущем историческом и культурном фоне, а также проводит систематический обзор исследований Айтматова в Китае. С точки зрения эстетики восприятия обсуждается национальное признание его в Китае и личное признание его автором. Особенно при сравнительном исследовании Айтматова и современных китайских писателей Чжан Чэнчжи, Чжан Вэй, Лу Яо, Гао Цзяньцюня, Иси Цзэжэня и др., автор обоснованно выбрал «народную позицию и образ народа», «Землю — материнский комплекс», «гуманизм в стремлении к идеалам», «стойкость в вере и религиозном духе» и другие, точно очерчивает исторический контекст принятия Айтматова в Китае и его значительное влияние на китайскую литературу.

В монографии «Айтматов и современная китайская литература» Ли Сюэ исследует процесс и характеристики распространения и признания Айтматова в Китае за последние шестьдесят лет с макроперспективы истории литературы. Книга посвящена изучению влияния Айтматова на описание приграничных переживаний современными китайскими писателями, а также анализируется его влияние на современных западнокитайских писателей, таких как Ван Мэн, Хун Кэ, Чжан Сяньлян и Лу Яо, с точки зрения романтического письма, гуманного духа и философии жизни. Наконец, монография поднимается на макроуровень истории литературы, отражая существенный

вклад Айтматова в современную китайскую литературу, в ней конкретно рассматривается творческая трансформация зарубежного литературного опыта Айтматова современными китайскими писателями.

2. СТАТЬИ И ДИССЕРТАЦИИ О ТВОРЧЕСТВЕ Ч. АЙТМАТОВА

По данным онлайн-публикаций CNKI Китая, опубликовано более 600 научных статей и диссертаций. Эти работы можно разделить на четыре категории по содержанию исследований: исследования творческих тем, исследования художественных особенностей, исследования произведений по отдельности, сравнительные исследования и т.д.

2.1 ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ТЕМ

Статьи по исследованиям творческих тем делятся на исследование экологических тем, исследование тем о животных и исследование тем трагедий.

Ли Юньгуй в своей диссертации обсуждает экологическую мысль в произведениях Айтматова [5], Тянь Тянь в своей диссертации обсуждает экологическую этику в произведениях Айтматова [6]. Чжан Цзиньлу в своей диссертации исследует романы Айтматова с точки зрения экологической эстетики [7]. Хань Цзецин в статье анализирует размышления Айтматова об экологических проблемах Земли [8], Ян Сумей в статье изучает эколого-этические мысли Айтматова [9].

Чжоу Вэй в своей диссертации анализирует бесстильный мир романов Айтматова [10], Чжань Ифан в своей диссертации изучает образы животных в произведениях Айтматова [11]; в своей статье Цзи Минцзюй рассматривает образы животных в творчестве Айтматова и их литературное значение [12], Лу Цзяньцзе в своей статье анализирует образы животных в романах Айтматова [13].

Ян Пяо в своей диссертации анализирует изображение Айтматовым экологической трагедии и его планы спасения [14], Юй Тучжи в своей статье исследует трагический роман Айтматова [15], Цзэн Цинлинь в своей статье рассуждает об идеологическом подтексте трагического сознания Айтматова [16], Тань Чжифан в статье рассуждает о трагическом сознании в романе Айтматова «Плаха» [17], Ван Янь в своей статье исследует трагическое сознание в творчестве Айтматова [18].

2.2 ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Исследования художественных особенностей можно разделить на такие аспекты, как повествовательный режим, структурные характеристики и художественный стиль.

Ван Яминь в своей диссертации анализирует повествовательную стратегию романов Айтматова [19], Хэ Юньбо в своей статье рассматривает мифологию

ческую модель романов Айтматова [20], Чжан Мэй в своей статье рассматривает повествовательные стратегии произведений Айтматова [21].

Янь Баопин в своей статье рассуждает о «галактической структуре» романов Айтматова [22], Сунь Чжаохэн в своей статье рассматривает структурные особенности романов Айтматова [23].

Чжан Фань в своей диссертации рассматривает гипотетические художественные характеристики романов Айтматова [24], Ван Вэй в своей диссертации рассматривает художественные особенности романов Айтматова [25], Цуй Сяочжун в своей статье анализирует художественный стиль романов Айтматова [26], Ли Синьхун в своей статье изучает художественные приемы Айтматова в создании персонажей [27].

2.3 ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Исследования произведений по отдельности можно разделить на такие аспекты, как исследование романа «Плаха», исследование романа «И дольше века длится день», исследование повести «Белый пароход» и исследование повести «Джамиля».

Чжао Юэ в своей диссертации изучает повествовательное искусство в романе «Плаха» в соответствии с нарративной теорией Женетта [28]. Хэ Юньбо в своей статье исследует дилемму Айтматова в романе «Плаха» [29]. Лю Минь в своей статье исследует сочетание реализма и романтизма в романе «Плаха» [30]. Че Ченъань в своей статье анализирует особенности романа Айтматова «Плаха» [31]. В своей статье Чжоу Минъянь обсуждает связь между романом «Плаха» Айтматова и русской православной культурой [32].

Чжао Юньи и другие изучают в статье роман Айтматова «И дольше века длится день» [33]. Юань Хун в своей статье анализирует расширение функции мифов и легенд в романе Айтматова «И дольше века длится день» [34]. В статье Цзинь Ин обсуждает просветительское значение мифов в романе «И дольше века длится день» [35].

В своей статье Се Наньдоу рассматривает особенности сочетания реализма и романтизма в повести Айтматова «Белый пароход» [36]. В своей статье Чжан Мэй анализирует сборник Айтматова «Белый пароход» с точки зрения человеческой нравственности и духовности [37].

В статье Ван Юйхай изучает повесть Айтматова «Джамиля» как восхваление жизни и призыв к человечности [38]. Лю Фан и Ши Синь в своей статье анализируют восхваление жизни и стремление к человеческой природе в повести Айтматова «Джамиля» [39].

2.4 СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнительное изучение произведений Айтматова и китайских писателей всегда бывает горячей темой в области исследований творчества Айтматова,

которые можно разделить на исследования влияния и параллельные исследования. Среди них наиболее плодотворными являются результаты исследования влияния Айтматова на китайских писателей, поэтому в данной статье в основном рассматриваются исследования влияния Айтматова на китайских писателей. Среди китайских писателей, оказавшихся под влиянием творчества Айтматова, в основном Чжан Чэнчжи, Лу Яо, Ёшизерен, Гао Цзяньцюнь, Чи Цзыцзянь и др.

Наибольшее внимание привлекло сравнительное исследование творчества Чжан Чэнчжи и Айтматова. Большинство исследований сравнивают сходства и различия между ними с точки зрения стиля повествования, религиозных концепций, народных позиций, символических образов и т.д., а также анализируют причины влияния творчества Айтматова на Чжан Чэнчжи и творческую трансформацию Чжан Чэнчжи. Например, Линь Вэйцзинь в статье анализирует образы степного певца в произведениях Чжан Чэнчжи и Айтматова [40]. В статье Вэй Цзяньго рассматривает религиозные взгляды Чжан Чэнчжи и Айтматова и их культурные функции [41]. В своей диссертации Вань Цзюань анализирует творчество Чжан Чэнчжи и Айтматова в аспекте сравнительного литературоведения [42]. Ло Сянцзюань в своей диссертации рассказывает о ресурсах народной литературы в творчестве Чжан Чэнчжи и Айтматова [43].

Определенное внимание уделяется также влиянию Айтматова на Лу Яо. В Китае ученые описывают влияние Айтматова на Лу Яо с точки зрения стиля повествования, идеологических концепций и национального колорита. Например, Хэ Чжили в статье сравнивает творения Лу Яо и Айтматова [44]. Лю Сяоюй подробно объясняет в статье «отношения влияния» между Айтматовым и Лу Яо [45]. В статье Сун Шань сравнивает творения Лу Яо и Айтматова с точки зрения страданий, искупления и веры [46]. Чжу Пин в своей диссертации изучает влияние Айтматова на творчество Лу Яо [47].

Сравнительное изучение творчества Айтматова и Ёшизерена также привлекло большое внимание ученых в Китае. Основные исследования посвящены влиянию Айтматова на творческую тематику и стиль Ёшизерена. Например, Ян Синьхуэй и Сюй Цичао в статье анализируют творческие стили Айтматова и Ёшизерена с позиций романтического реализма [48]. Сюй Цичао в своей статье рассказывает о влиянии романов Айтматова на Ёшизерена [49]. В своей статье Сюй Цичао и Ян Синьхуэй сравнят творческие концепции Айтматова и Ёшизерена с точки зрения сочетания романа и музыки [50]. Сюй Цичао в своей статье обсуждает причины близости Айтматова Ёшизерену [51].

Сравнительными исследованиями Айтматова и Гао Цзяньцюня занимаются в основном Вэй Цзяньго, Ху Сышэ, Чжэн Миньцзян и др. В своей статье «Гао

Цзяньцзюнь и Айтматов» [52] они считают, что Гао Цзяньцзюнь на раннем этапе подражал Айтматову, а затем интегрировал художественные характеристики Айтматова в собственное творчество, основанное на его собственной реальности, формируя особенности собственного стиля. В своей статье «Сравнительное исследование женских культовых комплексов Гао Цзяньцзюня и Айтматова» [53] они пишут, что Гао Цзяньцзюнь находился под влиянием Айтматова и ценил, восхвалял и даже обожествлял женщин в своих творениях, а также создал множество прекрасных женских образов, демонстрируя аналогичный Айтматову подход к женской теме. Принимая это влияние, Гао Цзяньцзюнь в полной мере сохранил свою авторскую индивидуальность и органично сочетал иностранные культурные факторы с китайской культурой, демонстрируя оригинальные черты современных писателей в провинции Шэньси.

К основным ученым, занимающимся сравнительными исследованиями Айтматова и Чи Цзыцзяня, относятся Ли Цзиньдань и Ли Фэй. В своей диссертации «Влияние тотемного поклонения на человеческое «Я» — сравнительный анализ произведений Айтматова и Чи Цзыцзяня» [54] Ли Цзиньдань анализирует и сравнивает произведения Айтматова и Чи Цзыцзяня с позиции влияния тотемного поклонения на формирование личности и судьбы человека. Он считает, что Айтматов имел большее влияние на Чи Цзыцзяня в ранний период, однако тотемические интенции в их произведениях имеют свои особенности. В своей диссертации «Видение неба: сравнение лирических реалистических романов Айтматова и Чи Цзыцзяня» [55] Ли Фэй использует художественный стиль лирического реализма как отправную точку для анализа романов Айтматова и Чи Цзыцзяня. Он использует поэзию, теплоту и духовность в качестве ключевых слов, чтобы исследовать влияние Айтматова на творчество Чи Цзыцзяня и творческую трансформацию Чи Цзыцзяня.

На творения Ван Мэн, Чжу Чуньюя и Цао Вэньсюаня также повлиял Айтматов, но соответствующих результатов исследований немного, и большинство из них представляют собой сравнительные исследования между отдельными произведениями, и меньше сравнений общих творческих стилей писателей. В своей статье [56] Ван Вэй сравнивает роман Айтматова «И дольше века длится день» с романом Чжу Чуньюя «Кровавый Бодхи». В своей статье [57] Чжу Цзиньюй сравнивает рассказ Ван Мэна «Пестрые краски» с повестью Айтматова «Прощай, Гульсары!». В своей статье [58] Фу Жао анализирует влияние Айтматова на творческий стиль Цао Вэньсюаня с трех сторон: повествование воспоминаний, тема страдания и художественные приемы.

Подводя итог, можно сказать, что результаты исследований Айтматова и его творений в Китае

весьма плодотворны. По форме публикации результатов исследований представлены как монографии, статьи, так и диссертации. По содержанию результатов исследования имеются исследования не только творческой тематики, но и художественных характеристик, а также исследования произведений по отдельности, исследования взаимоотношений Айтматова и китайских писателей.

Если посмотреть на содержание исследований в разные периоды, то исследования китайских ученых об Айтматове прошли путь от описательного знакомства с произведениями автора к анализу их художественных особенностей, к изучению изменений в мировоззренческих концепциях автора, то есть от поверхностного к глубокому.

В исследовательском процессе: от сосредоточения внимания на одном произведении к горизонтальному сравнению с произведениями современных китайских писателей, от части произведения до всего произведения. Таким образом, сформировалась многомерная и трехмерная пересекающаяся исследовательская сеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чингиз Айтматов и современный мир: сборник материалов Международной конференции / Мос. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, ин-т стран Азии и Африки / отв. ред. д-р ист. наук, проф. Ж. С. Сыздыкова. — ООО «4 Принт», 2019. — 303 с.
2. Хань Цзецин. Айтматов / Цзецин Хань. Сычуаньское народное издательство, 2001. — 273 с. (на кит. языке).
3. Ши Цзинью. Айтматов в Китае / Цзинью Ши. Хэбэйское народное издательство, 2007. — 275 с. (на кит. языке).
4. Ли Сюэ. Айтматов и современная китайская литература / Сюэ Ли. Народное издательство, 2020. — 285 с. (на кит. языке).
5. Ли Юньгуй. Об экологической мысли романов Айтматова: дис. магистра филологических наук / Юньгуй Ли. Цзянсийский педагогический университет, 2008. — 43 с. (на кит. языке).
6. Тянь Тянь. Исследование экологической этики в романах Айтматова: дис. магистра филологических наук / Тянь Тянь. Педагогический университет Внутренней Монголии, 2018. — 55 с. (на кит. языке).
7. Чжан Цзинлу. Исследование романов Айтматова с точки зрения экологической эстетики: дис. магистра филологических наук / Цзинлу Чжан. Илийский педагогический университет, 2019. — 38 с. (на кит. языке).
8. Хань Цзецин. О осознании Айтматовым земных опасностей / Цзецин Хань // Изучение зарубежной литературы. — 2000. — № 2. — С. 47–50. (на кит. языке).
9. Ян Сумей. Человечество • Трагедия • Человечность — Об экологической этической мысли Айтматова / Сумей Ян // Русская литература и искусство. — 2006. — № 2. — С. 23–26. (на кит. языке).

10. Чжоу Вэй. Бестиарий в романах Айтматова: дис. магистра филологических наук / Вэй Чжоу. Хэйлунцзянский университет, 2012.— 57 с. (на кит. языке).
11. Чжань Ифан. Исследование образов животных в романе Айтматова: дис. магистра филологических наук / Ифан Чжань. Хэйлунцзянский университет, 2015.— 60 с. (на кит. языке).
12. Цзи Минцзюй. Образы животных в творчестве Айтматова и их литературное значение / Минцзюй Цзи // Вестник института иностранных языков НОАК.—1993.— № 6.— С. 75–79. (на кит. языке).
13. Лу Цзяньцзе. Об образах животных в романах Айтматова / Цзяньцзе Лу // Вестник Наньчанского университета (издание социальных наук).—1997.— № 2.— С. 95–100. (на кит. языке).
14. Ян Пяо. О сознании экологической трагедии и сознании спасения Айтматова: дис. магистра филологических наук / Пяо Ян. Сычуаньский педагогический университет, 2009.— 58 с. (на кит. языке).
15. Юй Тучжи. О трагических романах Айтматова / Тучжи Юй // Изучение зарубежной литературы.— 1989.— № 4.— С. 24–30+52 (на кит. языке).
16. Цзэн Цинлинь. Об идеологическом подтексте трагического сознания Айтматова / Цинлинь Цзэн // Изучение зарубежной литературы.—1993.— № 4.— С. 23–29. (на кит. языке).
17. Тань Чжифан. О трагическом сознании «Плаха» Айтматова / Чжифан Тань // Вестник Университета Сунь Ятсена (Издание социальных наук).—1998.— № 5.— С. 45–52+104 (на кит. языке).
18. Ван Янь. Сила трагедии и вечность жизни — О трагическом сознании в творчестве Айтматова / Янь Ван // Вестник Китайского горно-технологического университета (Социальные науки).— 2011.— № 1.— С. 141–144. (на кит. языке).
19. Ван Яминь. Исследование по нарратологии романов Айтматова: дис. магистра филологических наук / Яминь Ван. Илийский педагогический университет, 2016.— 37 с. (на кит. языке).
20. Хэ Юньбо. О мифологической модели романов Айтматова / Юньбо Хэ // Обзор зарубежной литературы.— 1994.— № 4.— С. 80–89. (на кит. языке).
21. Чжан Мэй. О повествовательной стратегии произведений Айтматова / Мэй Чжан // Академический журнал Тяньчжун.— 2019.— № 3.— С. 106–112. (на кит. языке).
22. Ян Баопин. О «галактической структуре» романов Айтматова / Баопин Ян // Обзор зарубежной литературы.— 1991.— № 1.— С. 69–77. (на кит. языке).
23. Сунь Чжаохэн. О структурных особенностях романов Айтматова / Чжаохэн Сунь // Русская литература и искусство.— 1994.— № 5.— С. 54–58. (на кит. языке).
24. Чжан Фань. О гипотетических художественных характеристиках романов Айтматова: дис. магистра филологических наук / Фань Чжан. Сычуаньский университет, 2006.— 49 с. (на кит. языке).
25. Ван Вэй. О художественных характеристиках романов Айтматова: дис. магистра филологических наук / Ван Вэй. Нанкинский педагогический университет, 2006.— 42 с. (на кит. языке).
26. Цуй Сяочжун. О художественном стиле романов Айтматова / Сяочжун Цуй // Вестник Северо-Западного педагогического университета (издание социальных наук).— 1987.— № 4.— С. 67–70. (на кит. языке).
27. Ли Синьхун. Художественные приемы создания персонажей Айтматова / Синьхун Ли // Русская литература и искусство.— 1998.— № 1.— С. 71–73. (на кит. языке).
28. Чжао Юэ. Исследование повествовательного искусства в романе «Плаха» на основе нарративной теории Женетта: дис. магистра филологических наук / Юэ Чжао. Педагогический университет Внутренней Монголии, 2018.— 55 с. (на кит. языке).
29. Хэ Юньбо. «Плаха»: Дилемма Айтматова / Юньбо Хэ // Советская литература.— 1989.— № 3.— С. 37–40. (на кит. языке).
30. Лю Минь. Модель сочетания реализма и романтизма — рецензия на новое произведение Айтматова «Плаха» / Минь Лю // Иностранные языки и преподавание иностранных языков.— 1989.— № 3.— С. 46–49. (на кит. языке).
31. Че Ченьань. Поучительная история в двадцатом веке — обзор романа Айтматова «Плаха» / Ченьань Че // Вестник Цзилиньского университета.—1991.— № 4.— С. 39–45. (на кит. языке).
32. Чжоу Минъянь. «Плаха» Айтматова и русская православная культура / Минъянь Чжоу // Вестник Шэньчжэньского университета (издание гуманитарных и социальных наук).—2003.— № 3.— С. 90–93. (на кит. языке).
33. Чжао Юньи, Чжан Хуйсэн, Цзун Юйцай, Ван Юйлунь. Комментарий к роману Айтматова «И дольше века длится день» / Юньи Чжао, Хуйсэн Чжан, Юйцай Цзун, Юйлунь Ван // Академический журнал Танду.— 1985.— № 2.— С. 57–60+87 (на кит. языке).
34. Юань Хун. Вечные отголоски из глубин истории — расширение функции мифов и легенд в романе Айтматова «И дольше века длится день» / Хун Юань // Вестник Гуансинского педагогического университета (издание по философии и общественным наукам).— 1998.— № 1.— С. 51–55. (на кит. языке).
35. Цзинь Ин. Творения Айтматова и легенды — вдохновение мифов реальностью в романе «И дольше века длится день» / Ин Цзинь // Вестник Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (Издание социальных наук).—2005.— № 1.— С. 60–63. (на кит. языке).
36. Се Наньдоу. Шедевр, сочетающий в себе реализм и романтизм — О повести Айтматова «Белый пароход» / Наньдоу Се // Вестник Хунаньского педагогического университета.— 1992.— № 1.— С. 68–70. (на кит. языке).
37. Чжан Мэй. Вечное исследование нравственного духа человечества — Интерпретация сборника Айтматова «Белый пароход» / Мэй Чжан // Сибирские исследования.— 2006.— № 1.— С. 65–67. (на кит. языке).
38. Ван Юйхай. Похвала жизни и зов человечества — Комментарий к повести Айтматова «Джамия» / Юйхай Ван // Академический журнал Чжунчжоу.— 1997.— № 1.— С. 105–107. (на кит. языке).

39. Лю Фан, Ши Синь. Похвала жизни и стремление к человеческой природе — краткий анализ повести Айтматова «Джамиля» / Фан Лю, Синь Ши // Русская литература и искусство. — 2002. — № 5. — С. 75–77. (на кит. языке).

40. Линь Вэйцзинь. Два певца, нашедшие мелодию из глубины луга — Чжан Чэнчжи и Айтматов / Вэйцзинь Линь // Обзор романа. — 1988. — № 4. — С. 23–29 (на кит. языке).

41. Вэй Цзяньго. Обращение или трансцендентность? — О религиозных взглядах и культурных функциях Чжан Чэнчжи и Айтматова / Цзяньго Вэй // Вестник Синьцзянского университета (издание философии и социальных наук). — 2001. — № 3. — С. 106–112. (на кит. языке).

42. Вань Цзюань. От ссылки к отчуждению: дис. магистра филологических наук / Цзюань Вань. Гуйчжоуский педагогический университет, 2005. — 48 с. (на кит. языке).

43. Ло Сянцзюань. Народные прогулки и духовные путешествия: дис. магистра филологических наук / Сянцзюань Ло. Университет Чжэнчжоу, 2006. — 47 с. (на кит. языке).

44. Хэ Чжили. Сравнительное исследование творений Лу Яо и Айтматова / Чжили Хэ // Вестник Хэйлунцзянского института образования. — 2004. — № 1. — С. 83–85. (на кит. языке).

45. Лю Сяоюй. «Мне нравятся все произведения Айтматова» — внимательное объяснение «отношений влияния» между Айтматовым и Лу Яо / Сяоюй Лю // Южный литературный мир. — 2016. — № 5. — С. 85–94. (на кит. языке).

46. Сун Шань. Страдание-Искушение-Вера — сравнительное исследование Лу Яо и Айтматова / Шань Сун // Вестник Университета Яньань (издание по социальным наукам). — 2018. — № 1. — С. 68–70. (на кит. языке).

47. Чжу Пин. Исследование влияния Айтматова на творчество Лу Яо: дис. магистра филологических наук / Пин Чжу. Ляонинский университет, 2022. — 44 с. (на кит. языке).

48. Ян Синьхуэй, Сюй Цичао. Романтический реализм — О творческих стилях Айтматова и Ёшизерена / Синьхуэй Ян, Цичао Сюй // Вестник Юго-Западного университета национальностей (издание философии и социальных наук). — 1995. — № 6. — С. 64–71. (на кит. языке).

49. Сюй Цичао. О творчестве Ёшизерена — также

о влиянии романов Айтматова на Ёшизерена / Цичао Сюй // Современный литературный мир. — 1996. — № 3. — С. 22–27. (на кит. языке).

50. Сюй Цичао, Ян Синьхуэй. Брак романов и музыки — сравнительный взгляд на Айтматова и Ёшизерена / Цичао Сюй, Синьхуэй Ян // Социальные исследования. — 1997. — № 3. — С. 120–126. (на кит. языке).

51. Сюй Цичао. О принятии Ёшизереном Айтматова / Цичао Сюй // Вестник Юго-Западного университета национальностей (издание философии и социальных наук). — 1998. — № 5. — С. 65–71. (на кит. языке).

52. Вэй Цзяньго, Ху Сышэ, Чжэн Миньцзян. Гао Цзяньцунь и Айтматов / Цзяньго Вэй, Сышэ Ху, Миньцзян Чжэн // Вестник Аньканского педагогического университета. — 2002. — № 3. — С. 42–45 (на кит. языке).

53. Вэй Цзяньго, Ху Сышэ, Чжэн Миньцзян. Сравнительное исследование женского культового комплекса Гао Цзяньцуня и Айтматова / Цзяньго Вэй, Сышэ Ху, Миньцзян Чжэн // Вестник института непрерывного образования Педагогического университета Шэньси. — 2002. — № 2. — С. 74–79. (на кит. языке).

54. Ли Цзиньдань. Влияние тотемного поклонения на человеческое «я» — сравнительный анализ произведений Айтматова и Чи Цзыцзяня: дис. магистра филологических наук / Цзиньдань Ли. Гуандунский Технический Педагогический Университет, 2015. — 45 с. (на кит. языке).

55. Ли Фэй. Видение неба: сравнение лирических реалистических романов Айтматова и Чи Цзыцзяня: дис. ... магистра филологических наук / Фэй Ли. Хунаньский педагогический университет, 2019. — 54 с. (на кит. языке).

56. Ван Вэй. Сравнение национальных особенностей романа «И дольше века длится день» и романа «Кровавый Бодхи» / Вэй Ван // Академический обмен. — 2005. — № 11. — С. 162–164. (на кит. языке).

57. Чжу Цзиньюй. Ван Мэн и Айтматов — На примере рассказа «Пестрые краски» и повести «Прощай, Гульсары!» / Цзиньюй Чжу // Отзывы современных писателей. — 2012. — № 3. — С. 149–156. (на кит. языке).

58. Фу Жао. О влиянии Айтматова на творчество романа Цао Вэньсюаня / Жао Фу // Вестник Куньминского университета. — 2021. — № 5. — С. 12–17. (на кит. языке).

Ланьчжоуский университет (Китай)

Сы Цзюньцин, доктор филологических наук, профессор института иностранных языков и литературы.

E-mail: 1379786308@qq.com

Чжэцзянский научно-технический университет (Китай)

Чжан Цзяци, студент китайско-немецком института

E-mail: 1191719045@qq.com

Lanzhou University (China)

Si Junqin, Doctor of Philology, Professor of the Institute Foreign languages and literature.

E-mail: 1379786308@qq.com

Zhejiang University of Science and Technology (China)

Zhang Jiaqi, student of Chinese-German Institute

Email: 1191719045@qq.com

ПЕРВООСНОВЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОСМОСА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО: ПОИСК ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 21 декабря 2023 г.

Аннотация: в статье рассмотрены особенности поэтики одного из ранних произведений М. Горького — «О маленькой фее и молодом чабане (Валашская сказка)», где впервые обозначалась пространственно-временная модель художественной картины мира в диалогической парадигме. В художественной структуре «Валашской сказки» видится первичное проявление определенного «алгоритма» для дальнейшего формирования и развития художественной системы писателя.

Ключевые слова: раннее творчество, первоосновы поэтики, художественная картина мира, художественная структура произведения, хронотоп, диалогическая парадигма, авторская позиция.

Abstract: the article is devoted to the peculiarities of poetics in the early creation by M. Gorky — «About a Little Fairy and a Yang Shepherd (Wallachia Fairy Tale)», where spatial and temporal model of artistic picture of the world appeared. The artistic structure of “Wallachia Fairy Tale” demonstrates a certain “algorithm” for further formation and development of the author’s artistic system.

Keywords: early creation, fundamental principle of poetics, artistic picture of the world, artistic structure of work, Chronotope, dialogical paradigm, author’s position.

Этап «писательского рождения» А. Пешкова — М. Горького принято хронологически связывать с «тифлисским» периодом (1892), маркированным прежде всего рассказом «Макар Чудра» — первым опубликованным произведением начинающего писателя. Однако, как представляется, в этом плане по-своему значимы и иные явления творческой практики художника, образующие общий «контекст» начальных процессов формирования его творческой индивидуальности.

В отличие от рассказа «Макар Чудра», традиционно представляемого первым значимым литературным опытом М. Горького, другое произведение «тифлисского» периода — «О маленькой фее и молодом чабане (Валашская сказка)» — имело гораздо менее заметную и содержательную судьбу в своем социально-эстетическом функционировании. Напечатанная через три года после создания (1895), сказка осталась практически незамеченной критикой. Только с 1930-х годов она оказалась в поле зрения горьковедения [1, 289]. Если тогда первыми исследователями с известным сожалением констатировалось, что «автор еще не смог насытить стремление к титанизму социальным содержанием» [2, 75], то впоследствии настойчивый поиск такого содержания, характерный для советского литературоведения [3, 6; 4, 17], все более заслонял задачу уяснения художественных доминант в первоистоках творческого пути начинающего писателя.

«Валашская сказка», вытесненная, по сути, на периферию читательского восприятия и научной рефлексии горьковедения, продолжает нуждаться в своеобразной «ректификации» — обогащении представлений об этом произведении как одной из важных вех в становлении Горького-художника (и, возможно, явившейся первой из его «сказок» по времени создания) [1, 202]. Об особом значении «Валашской сказки» для раннего творчества писателя заставляет думать и ряд следующих фактов. Произведение, написанное в Тифлисе, по возвращении в Нижний Новгород долгое время не предлагалось автором для печати: до тех пор, когда, встретившись с В. Г. Короленко, Горький не показал ему рукопись (летом 1894 года; по другим данным — в конце 1893 года [5, 21]). К этому времени начинающий писатель был уже автором ряда рассказов, напечатанных в «Волжском вестнике», и должен был представлять В. Г. Короленко свои самые лучшие вещи, но — принес только что написанную «Старуху Изергиль» вместе с давней «Валашской сказкой».

Такой тандем двух произведений весьма показателен: видимо, в сказке «О маленькой фее...» было нечто, особо заветное для автора, что он долго не решался печатать. Несмотря на суровый приговор В. Г. Короленко, увидевшего в «Валашской сказке» прежде всего романтическую историю любви, проникнутую «пессимизмом», и не рекомендовавшего печатать «эту панихиду», Горький, по сути, проигнорировал такую оценку — и опубликовал произведение в «Самарской газете». Наличие в ранней сказке чего-то весьма значимого и дорогого заста-

вило Горького пренебречь авторитетным мнением и выпустить «в мир» свое детище. Сказанное, думается, актуализирует выявление особенностей поэтики и проблематики «Валашской сказки» как одной из первых творческих заявок начинающего писателя.

Олицетворением красоты и могущества человеческого духа предстает в «Валашской сказке» образ Чабана. Особенно ярко это раскрывается в сцене грозы — его своеобразного единоборства с силами природы: «Твердо, как скала, чабан стоял с степи, подставив грудь дождю и порывам ветра: и молнии, прядая по небу, точно не смели пасть на него...» [6, 175–176]. Сила и неуязвимость Чабана объясняется тем, что он в известной мере плоть от плоти этой стихии: он — порождение бескрайней степи, «родной» ему [6, 159], и ему же принадлежащей: «Царство силы и свободы — // *Степь* могучая *моя*» [6, 160] (Здесь и далее выделено нами. — А. У.). Такое «царство» в значении особого «мира» предстает не только «энергетическим источником» могущества, но и смыслопорождающим началом: устойчивым рефреном звучат слова о том, что «Чабану постоянно *хотелось ходить* то туда, то сюда», «*хотелось идти куда-нибудь далеко*»; его постоянно тянет «в даль». В этой дали он ищет «ответа на свои думы»; наконец, «в даль» он уходит в финале повествования [6; 183, 179, 187]. Таким образом, бытийное движение героя и его духовные устремления реализуются в особым образом организованном пространстве — мире степи, разомкнутом «в даль» и порождающем не только «силу и свободу» в своей обозримости, но и особые смыслы, скрытые в необозримом («за горизонтом»).

Таким образом, в сказке «О маленькой фее и младом чабане» оппозиция замкнутого и разомкнутого пространства не только ясно видима, но и по-своему акцентирована — в противопоставлении леса и степи как особых «миров» со своими особыми законами жизни. Художественная функция такой оппозиции несводима к традиционно повторяемой исследователями разных времен формуле о «романтической символике природы» в произведении [7, 26]. Мир леса, как и мир степи, выступает смыслопорождающим началом: при этом ценностное значение сублимируемых здесь смыслов отнюдь не закреплено, как принято считать, на уровне «олицетворений» позитивного либо негативного характера [7, 26–27]. Различные смыслы и оценки одних и тех же пространственных реалий зависят от конкретной *точки зрения* — от того, чьими глазами воспринимается тот или иной мир. Для подтверждения последнего положения обратимся к завязке сюжета, который начинается со своеобразного заочного песенного состязания главных героев.

Здесь для Майи простор степи ассоциируется с представлением о «голом», а потому «мертвом» месте. А «сеть ветвей», такая уютная и красивая в ее восприятии, для Чабана представляется ловушкой,

ловчей паутиной, сплетенной из зловещих «черных сучьев» [6, 156–157]. Таким образом, оценочные позиции героев, в которых воплощается их понимание добра и красоты, явственно связаны с *пространственными* представлениями о замкнутости-разомкнутости и при этом в каждом случае по-своему убедительно аргументированы. Уже здесь первоначально намечается динамика разных оценок каждого из противостоящих миров — пока на уровне заочного спора-диалога.

Вторая встреча героев, когда знакомство становится очным, завершается поцелуем и назначением свидания. Дальнейшие события во многом определяются переоценкой ценностей в сознании феи, что вызвано любовью к Чабану.

Степь как мир, ассоциируемый с образом любимого, все более манит ее к себе; соответственно начинает изменяться и отношение к родному лесу: «О, лес! Почему ты стал *тесен*? <... > Я *воли* хочу, хочу *степи*! <... > Прочь эти зеленые цепи...» [6, 171].

Важно отметить, что в речах Майи начинает звучать «чужое» и чуждое для нее ранее слово Чабана (желание солнца, простора и воли, восприятие «сети ветвей» леса как «угрюмой» и зловещей, ассоциирующейся с «цепями»), которое теперь для нее становится как бы «своим». Таким образом, мы впервые встречаем здесь в произведениях писателя присутствие «двуголосого» слова, которое имеет двоякую направленность — «и на предмет речи, как обычное слово, и на *другое слово*, на *чужую речь*» [8, 215]. Функция чужого слова в речи персонажа — как знака присутствия в его сознании чужой точки зрения — воплощается в виде *внутреннего диалога* («микродиалога», по М. М. Бахтину [8, 215]).

Так постепенно фея вступает в конфликт с миром, ее породившим. Важно подчеркнуть форму воплощения этого конфликта: у Майи крепнет желание *уйти* из леса в степь к любимому, «*побежать* туда, в степь» [6, 169]. Ее уходу препятствуют и мать, и сестры, и сам лес: «...Майе стало казаться, что лес еще гуще переплел свои ветви и хочет помешать ей *уйти*, и вершины деревьев, кланяясь ей, шепчут: «*Не уходи* отсюда» [6, 170]. А из степи доносятся четырехкратно повторяемые призывы Чабана, каждый из которых начинается словами: «О, *иди!*» [6, 169–171]. Мать и сестры становятся у маленькой феи на дороге, но «Майя... бросилась вперед, толкнув их, и *ушла*...» [6, 171].

Уход в качестве своеобразной развязки может событийно венчать коллизию, но может выступать и средством ее дальнейшего развития, как в «Валашской сказке», где рисуется *переход* феи из одного мира в другой — подобно той березке, которая, «...любя свободу, выдвинулась из леса далеко в степь...» [6, 172]. Этот переход определяет дальнейшее развитие сюжета и его финал, по форме трагедийный и обусловленный, на первый взгляд, несовместимостью

любви и свободы, — если исходить из необходимости выбора между ними. Об этом говорила фее мать, предвещая ей гибель («только тогда душа свободна, когда она ничего не любит» [6, 169]). Из этого же исходили те критики, которые видели в «Валашской сказке» «романтическую историю любви» и говорили (начиная с В. Г. Короленко) о «пессимистическом отношении» к ней автора, а позднее — о противопоставлении им любви и свободы с безусловным приоритетом последней [9, 280]. Но, как представляется, здесь противопоставление любви и свободы вряд ли может рассматриваться как антагонистическое, тяготеющее к «снятию» (выбор Майи в пользу Любви, а Чабана — в пользу свободы) [9, 280].

Субъективно оба героя стремятся не столько к альтернативному выбору, сколько к объединению для себя ценностей любви и свободы; и в определенный момент эти ценности присваиваются ими в гармоническом единстве: «Как прекрасны и могучи вы, свобода и любовь!» В таком ощущении «хорошо жилось» им обоим [6, 173], но момент межличностного и ценностного единения оказывается зыбким в своем неустойчивом равновесии. Сначала «никто, кроме птиц, не заметил того, что не ладится песня свободы с песней любви» [6, 173]. Сцена грозы в степи, напугавшей и едва не убившей фею, заставляет и Чабана ощутить дисгармонию со «своим» миром: от «веселья» в титаническом противостоянии стихии он переходит к состоянию «тоски и страха» за любимую, испытывая «острую невыносимую боль» [6, 174–177].

Возвратившись в лес, Майя уже не может существовать в нем по-прежнему — мир, ее породивший, теперь отторгает ее. Сестры заявляют: «Ты не сестра нам больше!», а лес «молчал укоризненно, сухо, сердито» [6, 180–181]. И фея в третий, последний раз пересекает границу двух миров, уходя в степь, где она обречена на гибель.

Но такой финал не перечеркивает состоявшийся момент гармонии любви и свободы, воплотивший ценность человеческого счастья. Чабан констатирует: «...я дал тебе счастье, а ты мне» [6, 179]. Такой обмен ценностями предопределяет диалогическое слияние их в единое целое: «ты — это я» [6, 172]. Тем самым соотношение «я — другой» предстает не просто в тождественности, а во взаимоопределении своих составляющих.

При этом в хронотопе текста «О маленькой фее...» устойчиво проявляется оппозиция пространств зам-

кнутого (лес) и разомкнутого (безграничная степь, даль). Указанные топосы обозначают в ряде случаев «среды обитания» героев как особые «миры» — вместители энергии («силы») и смыслов («тайн»). Аналогичным образом организовано художественное время, в котором представлены оппозиции мига и вечности, индивидуального времени героев и времени абсолютного. Тем самым тотальная внутрискруктурная оппозиционность одного из первых горьковских текстов (пространственно-временная, сюжетно-коллизийная, конкретно-образная, внутренне-речевая, ценностно-смысловая) предстает как конструктивная диалогичность, строящаяся на принципах взаимокорректировки и взаимодополнения своих составляющих, их открытости для взаимодействия и развития. Здесь, как представляется, заложен один из значимых алгоритмов для дальнейшего формирования и развития художественной системы писателя.

Такое наблюдение в определенной мере по своему приложимо и по отношению к тому же «заглавному» для раннего творчества Горького рассказу «Макар Чудра», и к ряду иных произведений этого периода. Однако в тексте «Валашской сказки» обозначенная тенденция предстает в наиболее акцентированной и структурированной художественной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянов П. Х. Ранние сказки М. Горького: дис. ... канд. филол. наук / П. Х. Лукьянов. — Балашов, 1950. — 289 с.
2. Пиксанов Н. К. Горький-поэт / Н. К. Пиксанов. — Л.: Гослитиздат, 1940. — 200 с.
3. Дейсадзе П. С. Тбилисский период творческого развития молодого Максима Горького: автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. С. Дейсадзе. — Тбилиси, 1964. — 24 с.
4. Певцова Р. Т. Своеобразие художественного метода молодого М. Горького (1892–1902) / Р. Т. Певцова. — М.: МГЗПИ, 1989. — 92 с.
5. А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка. Статьи. Высказывания. — М.: Гослитиздат, 1957. — 287 с.
6. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. / М. Горький. — М.: Наука, 1969. — Т. 1. — 467 с.
7. Богач Г. Горький и молдавский фольклор / Г. Ф. Богач. — Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1966. — 234 с.
8. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М.: Советский писатель, 1963. — 363 с.
9. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков / Л. А. Колобаева. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 333 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: abudodov@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University
Udodov A. B., Professor of the Russian language, Russian and foreign literature Department
E-mail: abudodov@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕАЛИКОН КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Н. А. Фененко, С. Ю. Бурякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется понятие художественного реаликона как текстообразующей категории, обозначающей единый интенционально-эстетический и культурно значимый комплекс, в состав которого входят реалии, используемые писателем для решения содержательно-эстетических задач по созданию национального колорита текста. Авторы рассматривают художественный реаликон как совокупность разнородных, но иерархически структурированных средств передачи национально-специфической информации в тексте. На материале прозаических произведений И. А. Бунина и их переводов на французский язык прослеживаются изменения, происходящие в структуре реаликона, затрагивающие его ядро и периферию. Делается вывод об эффективности использования понятия художественный реаликон для системного описания средств создания национального колорита текста, особенностей их реализации в тексте и возможности их сохранения при переводе.

Ключевые слова: реалия, художественный реаликон, текстообразование, проза И. А. Бунина, национальный колорит текста, перевод на французский язык

Abstract: The article attempts to analyze the concept of artistic realikon as a category of text formation. Artistic realikon is defined as an indivisible intentionally created aesthetic complex which has a cultural significance and includes realia used by the writer to solve aesthetic and content-related tasks of creating the national color of the text. The authors consider artistic realikon as a set of heterogeneous, yet hierarchically structured means of conveying culture specific information in the text. Based on the material of prose works by I. Bunin and their translations into French, changes in the structure of the realikon, affecting its core and periphery, are traced. The conclusion is drawn on the effectiveness of using the concept of artistic realikon for a systemic description of the means of creating the national color of the text, the features of their implementation in the text, and the possibility of preserving them in translation.

Keywords: realia, artistic realikon, text formation, I. A. Bunin's prose, national color of the text, translation into French

Важнейшей сущностной характеристикой художественного текста является хронотоп — категория, определяющая единство времени и пространства произведения и отражающая индивидуально-авторскую картину мира его создателя. Хронотоп, по определению М. М. Бахтина, представляет собой «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, 253]». Как отмечает Н. А. Николина, хронотоп становится частью перцептуального мира конкретного писателя, в котором он творит новое — концептуальное — пространство как «форму осуществления авторской идеи» (цит. по [2, 34]). В понятии хронотопа находит отражение и концепция диалогизма автора и читателя, присущая философским размышлениям М. М. Бахтина. Согласно исследователю, читатель, как и автор текста, участвует в создании изображенного в тексте мира; в силу такого взаимодействия граница между реальным и худо-

жественным миром становится проницаемой, что «позволяет художественному произведению занять свое место в культуре» [3, 180].

Хронотоп, рассматриваемый как концептуальное пространство текста художественного произведения, актуализируется через многочисленные репрезентанты пространства и времени, среди которых особое место занимают лингвокультурные реалии, играющие роль локальных и темпоральных маркеров текста. Системный характер функционирования реалий наиболее четко прослеживается в текстах, которые отображают «смысловое пространство существования этнических ценностей» [4] и которым присуща ярко выраженная национально-культурная направленность как на уровне тематики и проблематики, так и на уровне функционирующих в них выразительных средств. В подобных текстах реалии выступают как структурообразующие и смыслообразующие элементы и функционируют не как отдельные изолированные вкрапления, а как неотъемлемая часть единого целого — идейно-тематического

и интенционально-эстетического комплекса художественного произведения, который может быть назван индивидуально-авторским или художественным реаликоном.

Понятие «художественный реаликон» было предложено Н. А. Фененко [5] и получило обоснование в ее работах на материале художественных текстов французских и русских писателей [6], а также в совместных работах авторов данной статьи [7], [8], [9].

Понятие художественного реаликона предполагает максимально широкую трактовку термина «реалия» [10], которая не ограничивает этот класс исключительно конкретными лексическими единицами (ЛЕ), номинирующими артефакты (предметы национальной одежды, пищи, традиционного быта и т.п.) и натурфакты (факты природной среды), т.е. называемыми «вещные» денотаты. К реалиям мы относим и факты духовной культуры (культурные концепты — ментефакты) — обычаи, традиции, верования. Такой подход предполагает включение в состав реаликона фольклорных образов, персонажей литературных произведений (в том числе, таких жанров, как научная фантастика, комикс, феерия, фэнтези), за которыми стоят не реальные, конкретные, а вымышленные, виртуальные денотаты (квазиденотаты). Наконец, в реаликон художественного произведения мы включаем ЛЕ, номинирующие артефакты и натурфакты, которые приобретают в тексте символическую функцию и становятся, в результате вторичного семиозиса, культурными идентификаторами, символами социально значимых параметров той или иной культуры [11].

Цель данного исследования — смоделировать структуру художественного реаликона и выявить особенности ее преобразования при переводе с русского языка на французский.

Материалом исследования послужили повесть И. А. Бунина «Деревня» и его рассказ «Косцы», а также их переводы на французский язык, выполненные соответственно М. Парижаниным и К Ошар. Эти произведения отличаются высокой степенью «укорененности» в русской культуре, а также особенностями их восприятия за рубежом. Повесть «Деревня» получила ряд оценок, носивших «тенденциозный и политизированный характер» [12, 11] что позволяет утверждать, что западное сообщество «смогло воспринять только одну из граней его (И. А. Бунина) мировоззренческой позиции» [там же], не заметив и положительных черт русского крестьянского общества, воссозданных писателем.

Выбор материала исследования обусловлен ярко выраженным национальным колоритом произведений писателя, наличием в них большого количества реалий, которые, будучи точкой концентрации культурно-специфичных смыслов, выступают средством решения эстетических задач автора, раскрывают его

идеи, особенности восприятия им мира и человека. Они выполняют многочисленные и разнообразные функции: участвуют в семантизации универсальных и «потаенных смыслов» [13, 6], в формировании эстетической экспрессивности текста, выполняют функцию создания национального, местного, исторического колорита, функцию эстетизации бытовой детали, аллюзивную и символическую функции, создавая тем самым многослойный характер текста (подробнее о функциях реалий в произведениях И. А. Бунина см. [14]).

Реалии репрезентируют в тексте не только предметно-референтный, но и ментальный компоненты культуры, поэтому можно говорить о реалиях как неотъемлемом компоненте языковой картины мира писателя и их ведущей роли в воплощении авторской «интенциональной идеологии» [15, 95].

Реаликон произведений И. А. Бунина обладает целым рядом специфичных черт, среди которых:

- разнообразие типов реалий: жилые помещения (*мазанка, изба*); предметы одежды (*кафтан, опойковые сапоги, косоворотка*); предметы обихода (*рундук, махорка, самовар*); продукты питания (*мятный пряник, щи, жамка*); отсылки к историческим событиям: *получить вольную, отчуждение земель* и др.;

- разнообразие функций: этнографическая, символическая, сюжетообразующая, характеристика образа персонажа, аллюзивная функция — отсылки к русским народным сказкам в рассказе «Косцы», отсылки к роману И. В. Гете «Страдания юного Вертера» в повести «Митина любовь» и т.д.;

- наличие более общего / более частного признака — национальная / локальная принадлежность, ср., например, национальные реалии *лапти, телега, изба* и локальные реалии, имеющие словарную помету «рег., обл.»: *пунька, поддевка, наливашиник*, а также реалии, имеющие помету «устар.»: *коробочник, шибай*.

Реаликон художественного произведения имеет системную организацию, обусловленную интенциональностью авторской концептуализации картины мира и, в силу своего системного характера, может рассматриваться как полевая структура, представляющая собой совокупность языковых единиц, «объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [16, 340].

В структуре художественного реаликона как полевой модели целесообразно различать ядро, которое содержит реалии с максимальной полнотой и интенсивностью признаков, а также ближнюю и дальнюю периферию, для которой характерна большая / меньшая степень разреженности и ослабления признаков. Для определения структурной организации реаликона релевантным оказывается также частотный показатель встречаемости реалии в конкретном тексте.

При определении структуры художественного реаликона конкретного произведения мы предлагаем использовать следующие критерии [8]:

1. Степень интенсивности национального признака реалии, которая определяется:

— отсутствием соответствующей номинации в сопоставляемом языке, ср. русское *самовар* и наличие полной лексической лакуны этой ЛЕ во французском языке;

— отсутствием некоторых компонентов денотативного значения номинации реалии в сопоставляемом языке (частичная реалия / лакуна денотативного значения), ср. русское *усадьба* и его частичные французские соответствия *maison, propriété, domaine*;

— отсутствием коннотативного значения (частичная реалия / лакуна коннотативного значения), ср. русское *юридический* — и его частичные французские соответствия *innocent, simple d'esprit, fol en Christ, un fou du bon Dieu*;

— отсутствием в принимающем языке сигнификата значения: *держат поднос с хлебом и солью*;

— наличием у номинации словарной пометы «рег., обл.»: *поддевка*.

2. Частотность употребления реалии в контексте. Наибольшей частотностью в анализируемых произведениях И. А. Бунина характеризуются полные и частичные реалии с лакунизированным для сопоставляемого (в нашем случае, французского) языка денотативным компонентом значения: *изба* 37 словоупотреблений, *телега* — 21 словоупотребление.

3. Функции реалий в тексте, их роль в «идеологии художественного произведения», их потенциал стать ключевым понятием произведения, «основой авторской концептуализации» [17, 311], приобретая в нем символическую функцию. Так, в рассказе «Косцы» символическую функцию реализуют отсылки к русским народным сказкам, которые вербализуются с помощью особой ритмики текста или введения в контекст квазиденотативных реалий — «скатерть-самобранка», «мать Сыра Земля», «Баба Яга» и др.

На основе указанных выше критериев мы разработали полевую модель художественного реаликона повести «Деревня», которую можно представить следующим образом.

Ядро реаликона повести составляют наиболее национально окрашенные ЛЕ, называющие традиционные реалии русского быта, которые можно разделить на несколько групп, исходя из таксономического признака:

— предметы одежды: *сарафан, лапти, шапка, армяк* и пр.;

— предметы быта: *самовар, рундук, утирка*;

— реалии традиционного уклада жизни: *кабак, лавка, обжорный ряд*;

— средства передвижения: *телега, тройка, пролетка*;

— наименования денег: *четвертной, краснень-*

кая;

— напитки: *водка, квас*;

— религиозные реалии: *икона, подрясник*;

— топонимы: *степь*;

— единицы мер и весов: *верста* и др.,

— региональные реалии, имеющие пометы «обл.», «рег.»: *жамка, поддевка*).

Кроме того, к ядру реаликона можно отнести наиболее частотные (*изба, мужик, телега*) и наиболее функционально значимые для данного произведения реалии (*усадьба, поместье, барин*).

Также к ядру мы относим реалии-ментефакты, общие для национальной культуры: религиозные реалии, называющие религиозные праздники и посты: *Петровки, Михайлов день, заговенье (заговны), Казанская*; реалии — обычаи и традиции: *держат поднос с хлебом и солью, проучить по-русски*; исторические реалии, отсылающие к событиям или фактам русской истории: *получить вольную, отчуждение земель, вольнодумец* и др.

К ближней периферии относятся реалии-просторечия, воссоздающие особенности народной речи: пословицы и поговорки, фрагменты народных песен, реалии, передающие речевую характеристику персонажей: *Тихон снял постоялый дворышко на шоссе при станции Воргол, верстах в пяти от Дурновки, и открыл кабак и «черную» лавочку: «торговля мелочного товару чаю сахару табаку сигар и прочего»*. Их отношение к ближней периферии обусловлено тем, что они были созданы И. А. Буниным для конкретного произведения, являются по сути результатом художественного осмысления реально существовавших фольклорных элементов и особенностей речи крестьян. К ближней периферии реаликона повести «Деревня» мы также относим аллюзивные реалии или интертекстуальные включения: *Платон Каратаев, Разуваев, Колупаев, паук-мироед*, которые, хотя и имеют высокую степень национальной окрашенности, в данном произведении мало частотны.

Дальнюю периферию образуют немногочисленные «чужие» реалии, например, *маньчжурская шапка* и др.

Смоделированный таким образом реаликон активизирует высокую степень национальной окрашенности бунинской прозы, что делает ее непросто материалом для межкультурной трансляции. Показательно в этой связи мнение Ш. Ледре, автора первой франкоязычной монографии о творчестве русского писателя: «мы в самом центре русской души <...>, поскольку Бунин изначально (и возможно в большей степени) интересует нас как прекрасный художник своей страны и самых секретных глубин славянской души» [18, 47]. Французский писатель русского происхождения А. Макин характеризует И. А. Бунина как «сказителя быта» (*conteur du byt*) [19, 41], определяя его эстетику как «социологическую» и «этнографическую» и подчеркивая ха-

рактурную для писателя «эстетизацию бытовой детали» [ibid., 98].

Проведенный анализ способов передачи реалий при переводе позволяет выявить значительные различия в структурах реаликона исходного текста (далее — ИТ) и текста перевода (далее — ПТ).

В соответствии с выделенными выше критериями частотности употребления в ПТ, полноты и интенсивности национально окрашенных компонентов значения, функциональной значимости свое место в ядре реаликона ПТ сохраняют русские реалии *изба* (29 употреблений), *мужик* (33 употребления), *телега* (22 употребления). Кроме того, в ядре остаются реалии, которые сохраняют национальный колорит по форме, но для понимания значения которых переводчику приходится апеллировать к более известным во французской лингвокультуре русским или своим, французским, реалиям, используя метатекст в форме различных способов внутритекстовых, затекстовых, послетекстовых экспликаций, ср., например:

ИТ: *Теперь Тихон Ильич отослал телеги со старостой, а сам поехал один, на бегунках.*

ПТ: *Mais, cet été là, Tikhon Ilitch mit d'abord en chemin l'ouvrier avec les deux télègues, et lui-même fit la route en drojki*.*

*В сноске досл.: *Нечто наподобие мягкой лавки, установленной на четырех колесах (...). — Здесь и далее перевод комментариев с французского языка на русский наш. — Н. Ф., С. Б.)*

Ср. также:

ИТ: Вот *квасок*, попыривает в носок!

ПТ: *Du kvas* bien cuisiné, pour piquer le nez!*

*В сноске досл.: *Напиток, полученный брожением.*

Остаются в ядре реаликона ПТ и реалии, при передаче которых происходит замена русской реалии на более известную во французской культуре русскую реалию:

ИТ: *И Тихон Ильич послал на поправку этой хижины красненькую.*

ПТ: *Et Tikhon Ilitch avait envoyé, pour réparer cette cabane, un billet rose de dix roubles (досл. розовая купюра в десять рублей).*

Ближняя периферия реаликонов ПТ сформирована несколькими группами реалий ИТ, которые характеризуются редким употреблением. Это аллюзивные реалии в форме интертекстуальных включений, для ревербализации которых используются развернутые переводческие метатексты. Например:

ИТ: *Восторгаясь «Дымом», он, однако, твердил, что «кто умен, да не учен, в том без ученья много света».*

ПТ: *Enthousiaste de Fumée*, l'admiration ne l'empêchait pas d'affirmer qu'«un homme intelligent, même sans instruction, ne manque pas de lumières».*

*В сноске досл.: *Известный роман Тургенева, созданный в «западном» духе, в котором восхваляется зарубежная культура.*

Ср. также:

ИТ: *У этих больших белых ворот сидела и вязала чулок старуха, похожая на старуху из сказки — в очках, с клювом, с провалившимися губами — одна из вдов, живущих в приюте при кладбище.*

ПТ: *une vieille femme le remplaçait, tricotant des bas, semblable aux fées portant lunettes, bec pointu, lèvres rentrées, une des veuves qu'on hospitalisait près du cimetière.*

В исходном тексте сочетание «старуха из сказки», по-видимому, отсылает к Бабе Яге, поскольку последующее описание подчеркивает малопривлекательные черты старой женщины. В тексте перевода, однако, используется «своя» реалия «фея», которая в западной культуре зачастую отсылает к добрым волшебницам.

На ближней периферии оказываются и некоторые французские реалии, которые сопровождаются поясняющим комментарием переводчика: М. Парижанин делится с читателем логикой принятия переводческих решений, описывая «чужую» реалию и поясняя выбор эквивалента. Например:

ИТ: *Я, к примеру, солдат и коновал*

ПТ: *Moi, par exemple, je suis soldat et konoval*.*

*В сноске досл.: *русское слово «коновал» не имеет эквивалента во французском языке. Коновал для ветеринара то же, что костоправ для врача.*

Ср. также:

ИТ: *На полпути было большое село Ровное.*

ПТ: *A mi-chemin se trouvait Rovnoie, un grand bourg repeuplé de paysans libres*.*

*В ссылке досл.: *Очевидно, что с момента отмены крепостного права все российские крестьяне считались свободными. Однако дела обстояли по-другому до реформы Александра II. Среди крестьян существовали различия, воспоминания о которых сохранились в речи. Вот объяснение из словаря Даля, которого можно считать русским словарем Littré:*

Одноворцы — поселяне, считающие себя благородного происхождения и, отчасти, владевшие крепостными; из дворянских детей и служилых, поселены в XVII веке на Украине (границе); им даны некоторые права; проживали в Тамбовской, Воронежской и соседних губерниях.

Именно этот термин «одноворцы» здесь и далее переведен как «свободные крестьяне».

Дальняя периферия реаликонов ПТ включает наибольшее число компонентов, сформирована наименее частотными «своими» реалиями, представляющими собой функциональные эквиваленты или гиперонимы, поскольку они лишены русского национального колорита, ср.: *крендель — craquelin, уезд — la contrée, волостное правление — les bureaux du canton, чуйка — un grand paletot, шапка — bonnet, армяк — soquenille.* Таким образом, на периферию реаликона ПТ смещаются как реалии с общенациональным компонентом значения, так и с региональным. Например:

ИТ: *Дотла разорились мужики, трынки не осталось в оскудевших усадьбишках, раскиданных по уезду...*

ПТ: *Les moujiks réduits à la dernière indigence, pas un radis dans ces manoirs de malheur qui s'éparpillaient à travers la contrée...*

В данном примере в переводе взамен русской реалии «уезд» появляется «своя» номинация *la contrée* — «край, местность».

Кроме того, дальняя периферия также включает русские реалии, которые переданы посредством экспликации, которая позволяет восстановить некоторые национально окрашенные компоненты значения с использованием средств исключительно французского языка, т.е. функционального эквивалента, ср.: *лавочка — un cabaret et une échoppe, Задонск — au monastère de Zadonsk, село — un grand bourg peuplé de paysans libres*. Ср.:

ИТ: *В снохачу меня записала...*

ПТ: *Il est jaloux?*

— *Jaloux... Ils prétendent que moi, le beau-père, je suis avec elle.*

В приведенном примере реалия «снохач» передается с помощью экспликации «они считают, что я, свекор, с ней в отношениях».

На дальней периферии оказываются также реалии, реномируемые посредством дословного перевода, и реалии, передающие особенности крестьянской речи. Независимо от выбора стратегии нейтрализации или стилистической компенсации комплекс культурных смыслов в таких случаях неизбежно утрачивается:

ИТ: *У-ух! И здоровá же водка у тебя, Петровна! Аж в лоб стукнула, пропади она пропадом.*

ПТ: *Ouhhh! C'est pas de la p'tite bière, ta vodka. Petrovna! Même que ça m'a tapé sur le ciboulot!*

В анализируемом ИТ главная особенность заключается в использовании междометий, фразеологизма «пропади пропадом», порядка слов, ударения. В тексте перевода эта специфика передается на фонетическом уровне за счет опущения гласных, характерного для быстрой устной речи, на синтаксическом — за счет использования конструкций, типичных для просторечия, на стилистическом — за счет использования лексем с пометой «разг.» (*taper, ciboulot*).

Кроме того, на дальнюю периферию реаликонов ПТ перемещаются реалии-функциональные эквиваленты, которые воспроизводят стихотворную форму, и содержание народных песен, пословиц, прибауток, но достигается это выразительными средствами французского языка. Ср.:

ИТ: *Но Тихон Ильич стал твердо подумывать развязаться с Дурновкой. «Не те деньги, что у бабушки, а те, что в пазушке!»*

ПТ: *Tikhon Ilitch songea sérieusement à rompre avec Dournovka.*

Mieux vaut argent en poche qu'un héritage proche!

В тексте перевода воссоздана рифма, которая ха-

рактерна для исходного текста, но смысл оказывается несколько измененным: «лучше деньги в кармане, чем скорое наследство».

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы.

Особая роль лингвокультурных реалий в создании национального колорита произведения позволяет рассматривать их как важный маркер художественного хронотопа. Совокупность реалий, функционирующих в конкретном художественном тексте и выполняющих единую идейно-тематическую и стилистико-эстетическую задачу, дает основание рассматривать их как единый интенционально-эстетический и культурно значимый комплекс, который целесообразно обозначить термином «художественный реаликон». Он представляет собой уникальную подсистему текста, отражающую не только национальную картину мира, фрагментом которой выступает данный текст, но и художественную модель мира его автора.

Понятие художественного реаликона логично встраивается в терминологическую парадигму таких категорий лингвистики текста, как художественный ономастикон, художественный антропонимикон, и содержит значительный потенциал для текстологических исследований, направленных на системное описание средств создания национального и временного колорита текста, а также возможностей его сохранения при переводе.

Анализ эмпирического материала показывает, что структура художественного реаликона имеет иерархическую организацию, представленную ядром и периферией в зависимости от степени национальной окраски реалий, частотности их употребления и функциональной значимости в тексте. В процессе перевода происходит реструктуризация реаликона, затрагивающая в первую очередь его ядро: относящиеся к нему реалии ИТ сохраняются в ПТ в наименьшей степени, большинство из них либо заменяются «своими», либо эксплицируются и, следовательно, перемещаются на периферию, либо просто опускаются. Ядро реаликона ПТ формируется за счет реалий своей культуры и только частично за счет реалий культуры ИТ, освоенных своим языком. Сокращается объем ближней периферии, которая включает реалии со слабой степенью национальной окраски, в то время как существенно увеличивается по сравнению с ИТ дальняя периферия реаликона, лишенная русского колорита. Изменение структуры реаликона представлено графически на рис. 1 и 2. В центре схематически изображено ядро, затем ближняя и дальняя периферия.

Изменение структуры реаликона отражает динамику баланса «свой» / «чужой» при воспроизведении инокультурной реальности в переводных текстах и объективирует степень сохранения или утраты национального колорита текста при переводе.

Рис. 1. Структура реаликона повести «Деревня» (исходный текст)

Рис. 2. Структура реаликона повести «Деревня» (перевод на французский язык)

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. — М.: Худ. лит., 1975. — 502 с.
2. Богатова С. М. Пространство, упраздняющее время (опыт когнитивной интерпретации хронотопа) / С. М. Богатова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 2. — С. 34–39.
3. Потапов М. М. Предыстория понятия «хронотоп» и его междисциплинарный статус / М. М. Потапов // Вест-

ник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. — 2021. — № 2. — С. 175–181.

4. Пищальникова В. А. Русская деревенская проза как смысловое пространство существования этнических ценностей / В. А. Пищальникова, Чэнь Ваньжоу // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2020. — № 3 (832). — С. 173–181.

5. Фененко Н. А. Авторский реаликон Н. В. Гоголя сквозь призму перевода / Н. А. Фененко // Новые технологии в обучении переводу в сфере профессиональной коммуникации: сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. конф., Москва, 15–16 мая 2008 г. — М.: РУДН, 2008. — С. 435–443.

6. Фененко Н. А. Художественный реаликон: к проблеме определения и интерпретации понятия / Н. А. Фененко // Этнопсихоллингвистика. — 2020. — № 3. — С. 95–105.

7. Фененко Н. А. Индивидуально-авторский реаликон в тексте оригинала и перевода / Н. А. Фененко, С. Ю. Бурякова // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: сб. статей по итогам III Междунар. конф. — М.: Спутник+, 2018. — С. 388–394.

8. Фененко Н. А. Художественный реаликон как категория переводоведения / Н. А. Фененко, С. Ю. Бурякова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 2. — С. 39–50.

9. Фененко Н. А. Художественный реаликон И. А. Бунина в аспекте межъязыковой реноминации: монография / Н. А. Фененко, С. Ю. Бурякова, Л. И. Гришаева; Воронежский государственный университет. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. — 233 с.

10. Кретов А. А. Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 1. — С. 7–13.

11. Загряжская Т. Ю. Антропология пространства (на франкоязычном материале) / Т. Ю. Загряжская // Вестник Московского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 4. — С. 9–29.

12. Бердникова О. А. «Нобелевские» темы Ивана Бунина / О. А. Бердникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2023. — № 4. — С. 10–13.

13. Алейников О. Ю. «Потаенные» смыслы в лирике И. Бунина о мусульманском востоке / О. Ю. Алейников // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2020. — № 4. — С. 5–7.

14. Булгакова С. Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И. А. Бунина: автореф. дис... канд. филол. наук (10.02.05 — Романские языки) / С. Ю. Булгакова. — Воронеж, 2013. — 24 с.

15. Алферов А. В. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе / А. В. Алферов, Г. Е. Попова, И. Г. Тамразова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 2. — С. 94–104.

16. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 686 с.

17. Попова Г. Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология: монография / Г. Е. Попова; под ред. А. В. Алферова. — Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2019. — 373 с.

18. Ledré Ch. Trois romanciers russes: I. Bounine, A. Kouprine, M. Aldanov / Ch. Ledré. — Paris: Nouvelles éditions latines, 1935. — 158 p.

19. Makine A. (a) La prose de I. A. Bounine. La poétique de la nostalgie. Thèse de doctorat d'études slaves / A. Makine. — Paris: Université Paris-Sorbonne, Paris IV, 1992. — 570 p.

*Воронежский государственный университет
Фененко Н. А., доктор филологических наук
E-mail: fenenko@rgph.vsu.ru*

*Воронежский государственный университет
Бурякова С. Ю., кандидат филологических наук
E-mail: svetlanbulgakov@yandex.ru*

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. / И. А. Бунин; под общ. ред. А. Мясникова [и др.]; вступ. ст. А. Т. Твардовского; примеч. О. Н. Михайлова и А. К. Бабореко. — М.: Художественная литература, 1965–1967.

2. Bounine I. Le Village. Roman / I. Bounine, traduit du russe par M. Parijanine. Préface de P. Lorrain. — Paris: Bartillat, 2011. — 268 p.

*Voronezh State University
Fenenko N. A., Doctor of Philology
E-mail: fenenko@rgph.vsu.ru*

*Voronezh State University
Buriakova S. Yu., Candidate of Philology
E-mail: svetlanbulgakov@yandex.ru*

САД КАК ФОНОВЫЙ РИСУНОК ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Е. С. Хомякова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Поступила в редакцию 21 декабря 2023 г.

Аннотация: статья посвящена анализу концепта 'Сад' как одному из ключевых составляющих концептосферы творчества Б. А. Ахмадулиной и его лексической репрезентации в предтекстовых факкультативных элементах — заголовочном комплексе и эпиграфе, которые являются сильными позициями поэтического текста и формируют семантическое синтагматическое поле, в пространстве которого реализуются компоненты авторского базового концепта. В результате проведенного исследования выявлено, что элементы выдвигения имеют символический характер, определяют взаимосвязь между компонентами художественного текста и обеспечивают целостное читательское представление о нем. Лексему сад, регулярно встречающуюся в сильных позициях стихотворений Б. А. Ахмадулиной, можно считать доминантной.

Ключевые слова: концепт, сильная позиция текста, заглавие, эпиграф, интерпретация текста, индивидуально-авторская картина мира, приемы выдвигения.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the concept 'Garden' as one of the key components of the concept sphere of B. A. Akhmadulina's creativity and its lexical representation in pre-text optional elements — the heading complex and the epigraph, which are strong positions of the poetic text and form a semantic syntagmatic field in the space of which the components of the author's basic concept are realized. As a result of the study, it was revealed that the elements of the presentation are symbolic in nature, establish a relationship between the components of the literary text and provide a holistic reader's understanding of it. The lexeme garden, regularly found in strong positions of B. A. Akhmadulina's poems, can be considered dominant.

Keywords: concept, strong position of a text, title, epigraph, text interpretation, individual author's picture of the world, foregrounding.

Поэтическая картина мира — объект, который в художественном тексте всегда представлен в своем индивидуально-авторском варианте. Авторский текст передает интуитивное, имманентное и индивидуально ощущаемое видение реальности, при этом особый поэтический мир представлен как идиллия, который М. П. Котюрова определяет как «совокупность речетекстовых характеристик отдельной языковой личности», в частности писателя, проявляющихся в доминирующем употреблении языковых единиц — как в качественном, так и в количественном отношении — и соотносится с языковой личностью в определенной социальной роли субъекта речи [1, 95–96].

Несомненно, можно согласиться с мнением Н. С. Болотновой и М. П. Котюровой, что «творческая индивидуальность автора проявляется не только в отборе материала, выборе тематики и проблематики, в предпочтении одних элементов поэтики другим, но и в выборе и организации многообразных средств, регулирующих диалог с читателем, стимулирующих ассоциативную деятельность адресата в определенном направлении, по-разному моделирующих смысловое развертывание текста в сознании читателя» [2, 176].

Среди важных способов моделирования подобного смыслового развертывания поэтического текста необходимо, в первую очередь, назвать приемы выдвигения [3, 99], один из которых — сильные позиции текста. И. В. Арнольд относит к ним заглавие, эпиграф, начальные и заключительные строки, повторы, рифмующиеся позиции, кольцевое обрамление и пр.

И. И. Чумак-Жунь, ссылаясь на Т. ван Дейка, пишет, что к смыслопорождающим элементам текста можно отнести заглавия; слова, выражающие тему; резюме; тематические ключевые слова; категории времени, места и обстоятельств предложений и пропозиций; различные конструкции, определяющие основные, наиболее важные семантические характеристики дискурса или эпизода [4, 80].

Анализ приемов выдвигения позволяет определить те образно-ценностные доминанты, индивидуальные особенности авторской картины мира, которые транслирует творчество художника слова. В филологических исследованиях неоднократно отмечалось, что одним из ключевых образов поэзии Б. А. Ахмадулиной является сад (М. С. Михайлова «Концепт сада и метафора «цветочного» времени в книге Беллы Ахмадулиной «Сад», Н. Е. Тропкина, У. А. Сурьянинова «Художественная семантика флористических образов в лирике Б. Ахмадулиной: соот-

ношение рационального и эмоционального», А. Н. Печенюк «Ассоциативно-смысловое поле концепта «Сад» в поэтических текстах Беллы Ахмадулиной» и др.), но анализ использования лексемы *сад* в сильных текстовых позициях дает возможность «рассмотреть» те доминантные смыслы, которые несет эта единица. В данной статье мы сосредоточимся на заглавии и эпитафии как сильных позициях поэтического текста.

Один из самых важных элементов сильной позиции (абсолютная сильная позиция) — название поэтического текста, смысловая нагруженность которого приближается к смысловой нагруженности целого текста и, следовательно, к содержательной наполненности базового авторского концепта [5, 146]. Его особое место объясняется и позиционным обособлением, и психологическим выделением. Именно заглавие в первую очередь знакомит читателя с произведением и имеет большое значение для его интерпретации.

Особо отметим, что заголовочный комплекс в поэтическом тексте не облигаторный, а факультативный компонент, что говорит о значимости его присутствия. Повторяющиеся слова в заглавии текста можно определить как ключевые элементы идиостиля любого художника слова. Вынесение данной языковой единицы в заглавие позволяет сфокусировать внимание читателя на предмете авторского поэтического исследования мира.

Название художественного произведения — это концептуальный код, который дает ключи к разгадке специфики индивидуально-авторской картины мира. В поэтическом творчестве Б. Ахмадулиной есть и цикл под названием «Сад», и ряд произведений, которые содержат лексему *сад* в составе заголовочных комплексов: «Вишневый садъ», «Сад-всадник», «Сад», «Дождь и сад». Имя существительное и именные сочетания в заглавиях выполняют назывную функцию, выделяют главную тему и ключевой образ стихотворений — сад. Таким образом, Б. А. Ахмадулина уже в экспозиции использует языковые единицы, эксплицирующие фактуальную информацию текста, утверждающие его идейное содержание. Три из четырех названных заглавий содержат указание на специфические идейно-художественные векторы ее поэзии. Так, явная интертекстуальная отсылка к чеховской пьесе подчеркивается дореформенным написанием слова *садъ* в названии «Вишневый садъ». Читатель вправе ожидать (и ожидания его оказываются оправданными), что речь в тексте будет идти не только (и не столько) о саде, в котором растут вишневые деревья, а о жизненной позиции лирической героини, о ее рефлексии по отношению к Чехову/ его творчеству/ его героям.

Столь же необычно звучит и название «Сад-всадник». Приложение *всадник* по отношению к существительному *сад* должно уточнять его ипостась,

то есть сад, в соответствии со словарным толкованием слова *всадник*, 'тот, кто едет верхом на лошади; верховой'. Очевидно, что в названии содержится авторская метафора-загадка, которую и должен разгадать читающий.

Еще один, хоть и неочевидный на первый взгляд, смысл несет название «Дождь и сад». В поэзии Б. Ахмадулиной элементы окружающего мира наделены особыми ролями. Среди них, например, *дом и сад*, и здесь стоит согласиться с наблюдением Е. Константиновой, что «...девять стихотворений Ахмадулиной разных лет — с 1968-го по 1982-й <...> объединяют сквозные темы сада и дома» [6]. Она возвращается к своим излюбленным мотивам в стихотворениях, развивая их, расширяя, обогащая.

Эпитафия, как и заглавие, — предтекстовый факультативный элемент. Они тесно связаны между собой и образуют «единый семантический, стилистический и ассоциативный комплекс» [7, 146]. Как отмечает Н. К. Гей, «заглавие и эпитафия — это главное и придаточное предложения. Одно называет явление, другое стремится его пояснить» [8, 153]. Несомненно, что эпитафия оказывает на читателя мощное воздействие, вызывая индивидуальные ассоциации, пробуждая национальную память. Это «знак протекста, маркирующий его наиболее существенные содержательные и формальные особенности» [9, 152].

Как элемент текста эпитафия полифункциональна: он выполняет информативную (содержит сведения об авторе/последующем тексте), диалогизирующую функцию (вводит иную точку зрения и смысловую позицию).

В качестве эпитафии к стихотворению «Сад-всадник» Б. А. Ахмадулина использует строки из произведения М. И. Цветаевой «Сад»: «За этот ад, / за этот бред / пошли мне сад / на старость лет». Очевидно, что эпитафия содержит информацию о следующем за ним тексте. Значимым кажется и источник заимствования — стихотворение М. И. Цветаевой. Известно, что Б. А. Ахмадулина восхищалась ее творчеством и считала себя продолжательницей ее традиций: «Я навсегда осталась в ее невероятной, странной власти, как если бы имела основание вспоминать ее, зная ее лично. Ее прекрасный образ всегда близко стоит от меня, и на щеках своих я чувствую дух ее поэзии» [10, 470–471].

Семантическая связь между эпитафией, заглавием и текстом стихотворения Ахмадулиной имеет эксплицитный характер и характеризуется наличием общей лексемы — *сад*, которая репрезентирует ключевой образ двух стихотворений. Этот тип семантической связи, основанный на повторе лексических единиц, получает название эксплицитной связи, мы же можем говорить о ее разновидности — частичном модифицированном лексико-семантическом повторе, поскольку в эпитафии повторяется лишь компонент заглавия, который подвергается грамматическим

трансформациям (лексема *сад* у Ахмадулиной употребляется в именительном падеже, у Цветаевой — в винительном).

В контексте анализируемого стихотворения можно говорить об особой разновидности семантического повтора — семном, то есть о повторе в лексемах, употребленных в заглавии и эпиграфе, общей семы, которая выявляется методом анализа словарных дефиниций лексем. Так, лексема *всадник*, согласно М. Фасмеру, скорее всего, слав. новообразование от *садить*. То есть лексемы *сад* и *всадник* имеют в структуре своего лексического значения общую сему. Они являются повторяющимися и могут рассматриваться как доминантные, опорные слова, указывающие на основную идею произведения, отражающие в предельно лаконичном виде семантическое ядро и эпиграфа, и вводимого им текста произведения.

Информацию, заключенную в эпиграфе стихотворения Ахмадулиной, можно считать содержательно-подтекстовой (по классификации И. Р. Гальперина) [11]: предоставляя сведения о тексте, он является и средством выражения позиции автора. Так, Ахмадулина вслед за Цветаевой считает сад будущим даром за все пережитое на земле, утешением за страдания. Кроме того, значимой в их контекстах становится оппозиция «СВОЕ/ЧУЖОЕ»: окультуренное пространство сада признается своим, в отличие от дикого, чужого пространства леса. Строки Ахмадулиной и Цветаевой связаны семантическим (оценочным) согласованием, что приводит к усилению оценки.

Итак, эпиграф из произведения Цветаевой несет содержательную информацию. Он служит прогнозирующим, проспективным сообщением о ключевых тематических, сюжетных и концептуальных линиях основного текста. Кроме того, цветаевские строки выполняют настраивающую функцию, определяют стилистический строй стихотворения. Эпиграф позволяет не только понять интенцию автора, но и сформировать пресуппозицию читателя, прагматические условия понимания текста как метатекста.

Таким образом, сильные позиции (заголовочный комплекс и эпиграф) включают важнейшие языковые единицы, репрезентирующие базовый авторский концепт и его компоненты. В поэтическом тексте ключевые элементы произведения наращивают дополнительные смыслы, что позволяет моделировать коннотативные и ассоциативно-образные слои

индивидуально-авторских концептов и интерпретировать авторскую картину мира. Однако, анализируя концепт, стоит принимать во внимание весь макротекст, учитывая его смысловое наполнение: «ключевой знак не может быть самопонятым: он как таковой не встречается нигде, кроме своего текста» [12, 91–94].

ЛИТЕРАТУРА

1. Котюрова М. П. Идиостиль / М. П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта, 2003. — С. 95–99.
2. Болотнова Н. С. Идиостиль, или индивидуальный стиль / Н. С. Болотнова, М. П. Котюрова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. — Сибирский федеральный университет; Под редакцией А. П. Сковородникова. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 175–178.
3. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. — М., 2004. — С. 99.
4. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII — начала XXI веков. — М.: Директ-Медиа, 2014. — 302 с.
5. Филиппова С. Г. Сильная позиция художественного текста в реализации авторской картины мира (на материале романов Халеда Хоссейни) / С. Г. Филиппова. — StudiaLinguistica (Санкт-Петербург). — 2019. — № 28. — С. 146.
6. Константинова Е. «Дом, сад и я...». О сборнике Беллы Ахмадулиной «Ночь до утра» / Е. Константинова. — Режим доступа: <https://gostinaya.net/?p=19599&print=print>. — Дата обращения: 10.09.2023.
7. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. — М.: КомКнига, 2006. — С. 146.
8. Гей Н. К. Искусство слова: о художественности литературы / Н. К. Гей. — М.: Наука, 1967. — С. 153.
9. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина; Науч. ред. Н. А. Купина. — Екатеринбург; Омск: Изд-во Урал. ун-та; Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. — С. 152.
10. Ахмадулина Б. А. Много собак и Собака: Рассказы, воспоминания, эссе / Б. А. Ахмадулина. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — С. 470–471.
11. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 138 с.
12. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю. М. Лотман, М. Л. Гаспаров // О поэтах и поэзии. — СПб.: Искусство-СПб, 1996. — С. 91–94.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Хомякова Е. С., аспирант кафедры русского языка и русской литературы НИУ «БелГУ»

E-mail: 1589559@bsu.edu.ru

BelgorodNationalResearchUniversity
Khomyakova E. S., post-graduate student of the Department
of Russian Language and Russian Literature
E-mail: 1589559@bsu.edu.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАНАЛЫ RTARABIC И «АЛЬ-ДЖАЗИРА» И ИХ РОЛЬ В МЕДИЙНОМ АРАБОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Шахуд Аула

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 12 декабря 2023 г.

Аннотация: автор принимает во внимание факт того, что арабское спутниковое телевидение приобретает все большую известность в арабском регионе и на международном уровне, при этом отмечается его роль как противоречивого катализатора процесса демократизации и как влиятельного агента социальных, культурных и политических перемен в регионе, что становится все более важным аспектом в условиях быстро меняющегося мира, который характеризуется демократизацией и глобализацией.

Ключевые слова: информационный канал, современные медиа, медийное пространство, арабские каналы, глобализация.

Abstract: the author takes into account the fact that Arab satellite television is gaining prominence in the Arab region and internationally, while noting its role as a controversial catalyst for the process of democratization and as an influential agent of social, cultural and political change in the region, which is increasingly an important aspect in a rapidly changing world characterized by democratization and globalization.

Keywords: information channel, modern media, media space, Arabic channels, globalization.

Современный этап развития науки характеризуется повышенным вниманием к сфере массовых коммуникаций, потому что одна из ведущих ролей отводится информационным каналам [1]. Параллельно с технологическим развитием, импульс которому дала информационная революция, журналистика претерпела существенные изменения и вышла на новый уровень цифрового пространства [2]. Основное принципиальное отличие между старыми формами и новыми состоит в том, что современные информационные каналы стали осуществлять свою деятельность в интернете. Интернет-культура стала осязаемой реальностью, а медийная журналистика стала новым явлением, которое потребовало детального изучения как со стороны филологов, так и со стороны представителей других научных направлений [3]. Глобализация средств массовой информации стала одним из величайших достижений в науке о современных коммуникациях. Соответственно, работа с новыми медиа стала неотложным вопросом и требует большего внимания, учитывая, что цифровой мир постоянно развивается [4].

Согласно Дж. Корнеру, основной причиной большинства исследований телевидения была тревога по поводу его влияния [5]. Эта тревога вызвана опасениями по поводу воздействия средств массовой информации на современные демократические общества и защиты свободы выбора от внешних

влияний, которые формируют как индивидуальное, так и общественное мнение. Причина, вероятно, не слишком очевидна для обычных зрителей и потребителей средств массовой информации, но большую часть того, что мы знаем или думаем, мы никогда не испытывали лично [6]. Мы живем в мире, созданном историями, которые мы слышим, видим и рассказываем, где воздействие средств массовой информации создает и культивирует отношения, более соответствующие версии реальности, созданной средствами массовой информации, чем тому, какова реальность на самом деле [7].

Влияние средств массовой информации на поведение отдельных лиц и сообществ привлекло серьезное внимание ученых в широком спектре дисциплин [8, 39]. Цель заключалась в том, чтобы понять психологическое, социальное, культурное, экономическое и политическое воздействие средств массовой информации и их последствия не только для демократических и относительно стабильных обществ, но также для развивающихся стран и нестабильных регионов. Арабское спутниковое телевидение в последнее время привлекло большое внимание как в академическом, так и в профессиональном мире, при этом особый интерес вызывают такие информационные каналы, как *RT Arabic* и «Аль-Джазира», являясь любопытными явлениями в арабском регионе [1, 3–4, 6–13]. По мнению С. В. Вендиктова, деятельность современных информационных каналов в арабоязычном пространстве ведет к политической

интеграции азиатского региона, что, безусловно, предопределяет рост исследовательского интереса к данному вопросу, поскольку он характеризуется важной ролью [10].

Рассмотрим детально роль информационных каналов *RT Arabic* и «Аль-Джазира» в медийном арабоязычном пространстве. Одним из спутниковых телеканалов, которое выделяется на фоне остальных, добиваясь перемен посредством посредничества в реальности, является «Аль-Джазира», дебютировавший в 1996 г. с политическими программами без цензуры. Эта спутниковая сеть на арабском языке вызвала шок во всем арабском мире, который до этого не привык к такому конфронтационному, беспрепятственному подходу к политическим и общественным вопросам. Получив известность во всем мире благодаря показу записей с Бен Ладеном, «Аль-Джазира» намеревался изменить культуру арабской журналистики (об этом неоднократно заявлял ее генеральный директор Ваддах Ханфар) и встряхнуть арабскую общественность, повышая осведомленность о проблемах, которые никогда раньше не обсуждались по телевидению, бросая вызов давно устоявшимся социальным и культурным ценностям и нормам. Работающая в метарамке демократии, эта базирующаяся в Катаре сетевая станция была встречена неоднозначной реакцией, варьирующейся от полной поддержки до полного неприятия как на Западе, так и в арабском мире. Кроме того, деятельность «Аль-Джазиры» заложила основу для серьезных преобразований в работе арабских спутниковых каналов. В 70-е и 80-е гг. произошла массовая миграция интеллектуалов и специалистов средств массовой информации в европейские столицы с целью создания иммигрантской прессы, избежавшей цензуры и ограничений, введенных в арабских странах [11]. Позднее были основаны арабские радиостанции, вещающие из Европы, такие как Британское радио (BBC) и «Монте-Карло». «Аль-Джазира» также отличается своими полевыми корреспондентами, которые часто являются экспертами в своей области и имеют желание работать в сложных обстоятельствах. Это привело к тому, что корреспонденты «Аль-Джазиры» — Тайсир Аллуни и Вадда Ханфар в Кабуле, а также Валид Аль-Омари, Шерин Абу Акла и Гевара Аль-Будаири в Палестине (Тарик Аюб, который принял мученическую смерть во время освещения американской войны в Ираке, Тайсир Аллуни в Багдаде и Вадда Ханфар, который был выбран генеральным директором «Аль-Джазиры», возможно, из-за его выступлений в Кабуле и Багдаде) — впервые в истории арабского телевидения изменили отношение к профессии журналиста [14]. Деятельность «Аль-Джазиры» легла в основу серьезной трансформации работы арабских спутниковых каналов, поскольку они стали следовать их примеру, появились новые подобные им каналы, способные конкурировать с ними, что также

послужило толчком к появлению нового типа каналов и программ [13]. Однако на современном этапе исследователи констатируют, что «Аль-Джазира» не смог выполнить обещанные реформы и соответствовать тенденциям открытости. Продолжая поднимать спорные вопросы, «Аль-Джазира» достиг разочаровывающей развязки, транслируя противоречивые образы и повествования арабскому миру, погруженному в хаос и смятение [12].

RT Arabic — это новостной канал, играющий значительную роль в арабских СМИ [10]. Он был запущен в 2007 г. и призван предоставить альтернативный взгляд на глобальные новости и события. Он управляется правительством России и обеспечивает освещение новостей и анализ с позиции российских интересов. Одна из ключевых ролей *RT Arabic* на арабском языке — представить альтернативную версию основным арабским СМИ. Он направлен на то, чтобы бросить вызов доминирующим нарративам и предложить иной взгляд на глобальные события, особенно те, которые связаны с Россией, Ближним Востоком и международной политикой. *RT Arabic* освещает широкий спектр тем, включая политику, экономику, культуру и социальные вопросы. Он предоставляет анализ новостей, интервью с экспертами и комментаторами, а также документальные фильмы и специальные репортажи. Канал также предлагает прямую трансляцию крупных событий, таких как выборы и саммиты. *RT Arabic* приобрел значительное количество поклонников в арабском мире, особенно среди тех, кто ищет альтернативные точки зрения и критический анализ освещения в основных средствах массовой информации. Он широко представлен в Интернете, имеет веб-сайт и различные платформы социальных сетей, которые позволяют зрителям знакомиться с его контентом и выражать свое мнение.

Критики утверждают, что *RT Arabic* часто пропагандирует российско-ориентированную риторику и используется в качестве инструмента для продвижения интересов России в регионе [2]. Они также обвиняют канал в распространении дезинформации и пропаганды. Однако сторонники утверждают, что *RT Arabic* обеспечивает ценное разнообразие в медиа-ландшафте и предлагает платформу для мнений и точек зрения, которые часто маргинализируются или игнорируются основными СМИ [15].

В целом, *RT Arabian* играет важную роль в арабских СМИ, представляя другой взгляд на глобальные события и предлагая зрителям альтернативный источник новостей и анализа. Его влияние на формирование общественного мнения и вклад в дискурс в арабском мире не следует недооценивать.

RT Arabic и «Аль-Джазира» используют различные средства для доставки новостей своей аудитории. У них есть телеканалы, веб-сайты, мобильные приложения и активное присутствие в социальных

сетях. Эти платформы позволяют им охватить широкую аудиторию и взаимодействовать со своими зрителями посредством интерактивных функций, прямых трансляций и контента, создаваемого пользователями.

Таким образом, можно сделать вывод, что *RT Arabian* и «Аль-Джазира» — два влиятельных информационных канала в арабоязычном медиaprостранстве. Оба канала играют значительную роль в формировании общественного мнения и освещении новостей для арабской аудитории. Однако у них разные подходы и взгляды на различные вопросы. Он охватывает широкий спектр тем, включая политику, экономику, культуру и технологии. *RT Arabian* подвергся критике за предполагаемую предвзятость по отношению к российскому правительству и распространение государственной пропаганды. «Аль-Джазира» является известной катарской новостной сетью. Канал приобрел значительную популярность благодаря широкому освещению региональных событий и своей критической позиции в отношении статуса положение дел в арабском мире. Аль-Джазира имеет более широкую сферу охвата, чем *RT Arabian*, освещая международные новости с особым акцентом на арабские проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kamalipour Y., Mowlana H. Mass media in the Middle East, a comprehensive handbook. London. — 1994.
2. Cihat S. A. A study on states use of media tool within the context of propaganda and soft power: TRT Arabic case, Istanbul Bilgi University, Istanbul, 2017.
3. Berti B., Paris J. Beyond Sectarianism: Geopolitics, Fragmentation, and the Syrian Civil War // The Institute for National Security Studies. — 2014. — P. 22–28.
4. Gher L., Amin H. Civic discourse and digital age communications in the Middle East, Albex Publishing Corporation, Stamford, Connecticut, 2000.
5. Corner J., Schlesinger, P., Silverstone R. International Media Research: A Critical Survey. London: Routledge, 1998.
6. Duguid A. Evaluation as Positioning in English Language World News Channels CCTV, France 24, Russia Today, Al Jazeera, Values and Choices in Television Discourse. — London, 2015.
7. Pierce T. An Overview of the Cultivation Theory // Quoted in LeAnn Greunke, «The Cultivation Theory», Cited in Media Influence on the Creation of the Iraqi Stereotype. Meghan Blake (2004). Retrieved 4 August 2007. — Режим доступа: www.colostate.edu/Depts/Speech/rccs/theory06.htm (дата обращения 07.12.2023).
8. Bednarek M. News Discourse. H. Caple. London / New York: Bloomsbury Publishing, 2012.
9. Аксенов К. В. Оценка индекса агрессивности по отношению к России во время сирийского кризиса: обобщение результатов контент-анализа по материалам «Аль-Джазира» / К. В. Аксенов // Теории и проблемы политических исследований. — Ногинск, 2016. — № 3. — С. 306–309.
10. Венидиктов С. В. Информационное взаимодействие в интеграционных формированиях: структурно-функциональная характеристика пространства медиакommunikации: монография. — Минск: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019.
11. Грабельников А. А. Дерхами А. Освещение событий «Арабской весны» телеканалов «Ал-Джазира» / А. А. Грабельников, А. Дерхами // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, 2015. — № 2. — С. 75–80.
12. Blumler J., Gurevitch M. The crisis of public communication. London. Routledge, 1995. 451 p.
13. Droz-Vincent P. State of Barbary: From the Arab Spring to the Return of Violence in Syria. The Middle East Journal. 2014. — 36 p.
14. Kraidy M. M. Satellite Broadcasting from Lebanon: Prospects and Perils, Transnational Broadcasting Studies, 1998.
15. Humud C. E., Blanchard C. M., Nikitin, M. B. Armed Conflict in Syria: Overview and US Response. Congressional Research Service Washington United States. 2017.

Российский университет дружбы народов
Шахуд Аула, аспирант
E-mail: aula8shahod@gmail.com

Peoples' Friendship University of Russia
Shahud Aula, Postgraduate Student
E-mail: aula8shahod@gmail.com

БРЕНД-КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КРЫМСКИХ ВИНОДЕЛЕН

Д. О. Балихина, Ю. М. Ершов

*Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
в г. Севастополе*

Поступила в редакцию 14 января 2024 г.

Аннотация: крымское виноделие перестраивается на производство более легких и понятных по ароматике вин, которые должны нравиться молодежной аудитории. Винодельческие хозяйства пытаются через бренд-коммуникации сконструировать образ своих марок и дружелюбное отношение к ним потребителей. Для этого используются социальные медиа, вовлечение пользовательских групп в винные фестивали, сетевые дегустации и энogaстрономический туризм, а также создание в соцсетях сообществ или объединяющих площадок, где эксперты и любители могут вести общение подобно клубу по интересам.

Ключевые слова: бренд-коммуникации, социальные сети, маркетинг вина, отношение к марке, энogaстрономическая журналистика.

Abstract: *Crimean winemaking is being restructured to produce lighter, more aromatic wines that should appeal to the youth audience. Wineries are trying through brand communications to construct the image of their brands and the friendly attitude of consumers towards them. For this purpose, social media is used, involving user groups in wine festivals, tasting sets and wine and enogastronomic tourism, as well as creating communities or unifying platforms on social networks where experts and amateurs can communicate like a club of interests.*

Keywords: *brand communications, social media, wine marketing, brand attitude, enogastronomic journalism.*

Винодельческая отрасль всегда была приоритетна для Крыма и Севастополя. И в прошлую эпоху, когда полуостров называли Всесоюзной здравницей, энотерапия небольшими дозами хорошего крымского вина была популярна не только среди знатоков «Массандры». В последнее десятилетие, однако, наблюдается новая волна виноделия, связанная с изменениями культуры потребления вина. «Люди стали пить сухие вина», — заявляет председатель Крымской ассоциации сомелье Дмитрий Плотников¹. Появилось множество небольших виноделен, ориентированных на создание сухих натуральных вин высокого качества. Но и старые всем известные заводы начали переформатировать производство в создание более легких и понятных по вкусовым ощущениям и ароматике вин.

Переход к новой модели винопития произошёл как бы сам по себе, потому что люди стали, наконец, заботиться о своем здоровье и пьют вино больше для собственного удовольствия, чем для опьянения. На самом деле в трансформации потребительских привычек немалую роль играет медиадискурс,

а в нём первую партию ведут теперь не телевидение, не радио и не другие традиционные СМИ, а бренд-коммуникации, инициированные самими виноделами. Расширенное за счёт интернета медиапространство дало возможность представителям виноделия обращаться напрямую к своим потребителям, создавать сообщества любителей своих марок, вовлекать аудиторию в винные фестивали, сетевые дегустации и винный туризм.

Новая роль виноделен как инициаторов и субъектов медиакommunikаций определяет актуальность данной темы исследования, которая представляется нам малоизученной, поскольку виноделие и журналистика кажутся далекими и несвязанными друг с другом видами деятельности. Исследовательскую проблему мы обозначили бы как трансформацию корпоративных СМИ в бренд-коммуникации и сетевые сообщества. Это вполне практическая проблема, которая требует перестройки всей системы распространения внутренней и внешней информации, адресуемой целевой аудитории и ключевым партнёрам. Разумеется, эта проблема имеет и теоретическое, и экономико-хозяйственное значение. Она важна не только в плане рассмотрения адаптации конкретных предприятий к изменившимся условиям общения с потребителями, меняющимся моделям потребления, но и как пример медиатизации, который можно экстраполировать и на другие сегменты

¹ Эксперт сообщил о перестраивании работы крымских виноделов // <https://tass.ru/ekonomika/16733649?yclid=lozwol6n4e231933284>

медийного пространства (к примеру, крайне важную для Крыма туристическую отрасль).

Основными методами исследования стал контент-анализ и веб-аналитика. Контент-анализ массива публикаций был проведен за 4 месяца: сентябрь и октябрь 2022 года, март и февраль 2023 года. В выборку виноделен попали два наиболее известных и старых винзавода («Массандра» и «Новый свет») и две новых винодельни («Бурлюк» и «Усадьба Мангуп»). Анализировались публикации четырех медиаплощадок: публичные страницы виноделен в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм»² и «Телеграм». Всего анализу были подвергнуты 232 отобранные публикации. Категориями анализа стали тема (содержание) публикации и вовлечение аудитории (количество просмотров, лайки, комментарии, репосты). Периоды мониторинга были выбраны в соответствии с цикловой активностью винодельческих предприятий (осень — сбор урожая и производство вина, весна — «мёртвый сезон» для винного туризма и штиль в продажах).

Для веб-аналитики сайтов использовались открытые данные статистического сервиса *SpyMetrics* и данные медиаизмерительного сервиса *BE1*, который предоставляет возможность комплексной оценки эффективности сайта.

Основные результаты проведенного исследования можно изложить в следующих тезисах. Распространение правильной культуры потребления вина приводит к тому, что покупатели потребляют меньше по объему, но приобретают при этом более качественный и дорогой напиток. Следствие этой тенденции — появление небольших хозяйств, которые стремятся выпускать высококачественный продукт с уникальными свойствами. Такой процесс сейчас активно происходит в Севастополе, в селе Родном, где один за другим появляются небольшие винодельческие хозяйства на месте старых фруктовых садов. Среди таких «крафтовых» виноделен можно отметить: *UPPA Winery*, Усадьба «Родное гнездо», Усадьба *Mangup Estate*, *Le K2 Winery & Village*, *AYA — Organic Wine & Vineyards* и др. Органическое виноделие и экологичность в производстве сухих вин (обусловлено возможностями терруара) — вот что их объединяет.

Исследование собственных медиаресурсов выбранных нами виноделен показало следующие результаты. Винзавод «Массандра» представляет себя на 3-х площадках: официальный сайт, «ВКонтакте», «Телеграм», имея самое большое количество подписчиков. При этом активность самого предприятия несравнимо низкая — у «Массандры» самое маленькое количество представленных публикаций (максимальное число 7), при этом контент на всех ресурсах

одинаковый. Наибольшая активность пользователей отмечается в социальной сети «ВКонтакте» — это наиболее удачная площадка для предприятия с числом подписчиков на момент исследования 8636 человек.

Дом шампанских вин «Новый Свет» презентует себя на 4-х площадках: официальный сайт, «ВКонтакте», «Телеграм» и «Одноклассники». Необходимо отметить, что по количеству подписчиков «Новый Свет» на втором месте после «Массандры». Но по количеству публикаций — на первом месте, их 50. Очевидна очень активная и качественная работа с социальными сетями: профессиональные фото с шампанским на разных локациях, продуманные и легкие в восприятии тексты, активная работа с комментариями пользователей. Публикуемый контент достаточно разнообразный — от постов-настроений романтического характера до исторических фотографий и справок. Наиболее удачной площадкой для завода также является социальная сеть «ВКонтакте» с числом подписчиков 3515 человек. Но необходимо отметить, что публикации абсолютно одинаковы во всех социальных сетях. «Новому Свету» не хватает специалистов, чтобы работать параллельно с разными аудиториями. Также стоит обратить внимание на максимальное количество социальных сетей, с помощью которых «Новый Свет» презентует себя в медиaprостранстве.

Винодельня «Бурлюк» представлена в виде официального сайта и публичной страницей «ВКонтакте». Фактически единственной площадкой с обратной связью от подписчиков является сеть «ВКонтакте» с количеством подписчиков 667 человек. В социальной сети «ВКонтакте» присутствовало два негативных комментария о значительном осадке в бутылках вина линейки *Four Colours*. Винодельня принесла извинения и озвучила одну из вероятных причин — неправильное хранение с возможным подмораживанием. В целом, активность подписчиков очень низкая, несмотря на яркие фото и видеоматериалы и разнообразный вовлекающий контент: конкурсы, посты-настроения, интересные факты о вине и пр.

Винодельня «Усадьба Мангуп» представляет себя на 6-ти интернет- площадках: официальный сайт, «ВКонтакте», «Телеграм», «Ютуб», «Яндекс.Дзен» и сеть «Инстаграм», где мы можем видеть самое большое количество подписчиков Усадьбы — 6315 человек, но втором месте «Телеграм» с 273-мя подписчиками. Необходимо отметить, что работа с социальными сетями ведется очень сумбурно. Несколько заброшенных каналов «Глэмпинга Мангуп» в «Телеграме» и «ВКонтакте» характеризуют работу Усадьбы по презентации себя в медиaprостранстве не с наилучшей стороны, причем некоторые каналы по нескольку раз переименовывались. Канал «Яндекс.Дзен» также создан и заброшен, набрав всего 11 подписчиков. Стоит обратить внимание на то, что немногочисленные публикации в разных социальных сетях выкладываются все-таки не одинаковые.

² Организация, деятельность которой запрещена на территории РФ

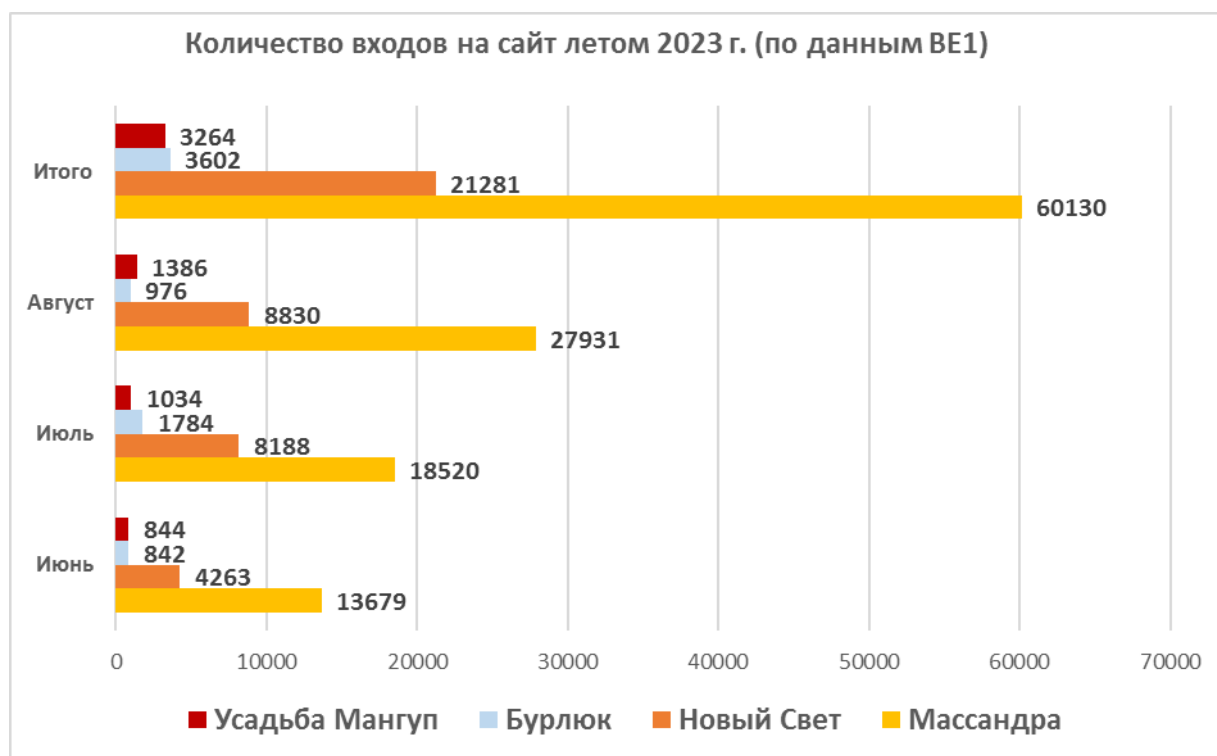
Хотя контент достаточно однообразный — только анонсы предстоящих мероприятий: выставки, гастроужины и розыгрыши.

Винодельня «Усадьба Мангуп» обновила сайт, сделав его также в одном дизайне с новыми линейками вин. Проект «Усадьба Мангуп» можно отнести к самому «молодежному», так как количество подписчиков распределилось здесь по социальным сетям классически: максимальное число в сети «Инстаграм», затем идет «Телеграм» и небольшое количество «ВКонтакте». Несмотря на ориентацию на современную молодежную аудиторию, презентация хозяйства в медиапространстве происходит достаточно бессистемно, где-то нелогично. Наличие большого количества «зброшенных» аккаунтов лишь рассеивает потенциальную аудиторию.

Винодельня «Бурлюк» имеет яркий и необычный сайт, сделанный в одном стиле с этикетками на самом вине. Социальная сеть «ВКонтакте», по сути, является единственной площадкой для диалога с подписчиками, за 4 исследуемых месяца было опубликовано 35 постов, обратная связь очень низкая. Нам кажется, что этого недостаточно. Но главным негативным фактором является, наверное, размытый контент,

так как владелец марки Валерий Захарьин не ставит четких границ в медиапространстве между своими проектами, и непосредственно фото с футуристическими винами появлялись лишь пару раз. Также это единственная винодельня, где нам встретились негативные отзывы о качестве продукции.

Винодельни сегодня обладают инструментами и техническими возможностями для самостоятельной презентации себя в медиапространстве, по сути, сами являясь медиа: создавая свои фото и видеоролики, свой собственный контент, распространяя его через выбранные самостоятельно социальные сети и интернет-платформы. Очевидно, что воспользоваться такими возможностями непросто — в целом, винодельческим предприятиям не хватает классных специалистов для качественного ведения страниц сообществ в социальных сетях. От наличия у виноделен профессионалов — журналистов, копирайтеров, SMM-специалистов — для систематичной и вдумчивой работы в сообществах социальных сетей и на других медиаплатформах зависит успех и в продвижении своего продукта, и в удержании уже завоеванных на рынке позиций.

Сравнивая два старейших винных завода («Массандра» и «Новый свет») с двумя молодыми компаниями (винодельня «Бурлюк» и «Усадьба Мангуп»), мы видим, что новым виноделам трудно догнать лидеров рынка по известности марок, посещаемости веб-ресурсов и самопрезентации в медиапространстве в целом (см. рисунок 1 с табличными данными посещаемости веб-ресурсов крымских виноделен).

Вместе с тем над новыми виноделами не довлеет груз ответственности за поддержание авторитета и традиций прошлого — новые могут смело экспериментировать и в производстве, и в продвижении своего вина в расчёте на новых потребителей — на молодежь, прежде всего.

Вино интересно как продукт уникальный и способный быть авторским. Это и есть то общее, что

объединяет журналистику и виноделие как творческие виды деятельности. Талантливые виноделы не повторяют известные до них вкусы, они создают новые сорта и винные тренды. Особую роль в установлении моды или тренд-сеттинга играет Крым как природный заповедник и территория винного туризма. На полуострове 13 климатических зон и 26 видов почв, что дает возможность местным виноделам производить очень разные по стилю вина: от элегантных белых до мощных красных, розовые, оранжевые, игристые, биодинамические, сладкие, футуристические и пр.

Для того чтобы все эти вина защищенного ге-

ографического указания нашли своего любителя и коллекционера, нужно создать им известность в медиaprостранстве и обеспечить эмоциональную поддержку бренда. Как показало наше исследование, сегодня это могут и сами винодельни, являясь по сути самостоятельными медиацентрами. Поэтому качественное и полноценное присутствие виноделен в современном медиaprостранстве необходимо для развития и процветания старинного ремесла этого региона. Винодельни сегодня обладают разнообразными инструментами и богатыми техническими возможностями для самостоятельной презентации себя в медиaprостранстве.

*Филиал Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе
Балихина Д. О., магистрант
E-mail: dinabalikhina@gmail.com*

*Ершов Ю. М., доктор филологических наук, профессор
кафедры журналистики
E-mail: ershovym@my.msu.ru*

*Branch of Moscow State University in Sevastopol
Balikhina D. O., master's student
E-mail: dinabalikhina@gmail.com*

*Ershov Y. M., Doctor of Philology, professor of the Department
of Journalism,
E-mail: ershovym@my.msu.ru*

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА УКРАИНСКИХ СМИ В 2014–2022 ГГ.

С. М. Болдырев

Донецкий государственный университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2023 г.

Аннотация: в статье проанализированы стратегии и тактики речевого воздействия, применяемые в новостном теледискурсе украинских СМИ в период военного конфликта. Определены наиболее распространенные манипулятивные приемы, используемые для формирования устойчивых идеологем в сознании адресата. Исследования проводились на новостных материалах украинского телеканала «Донбасс», вышедших в эфир в 2014–2022 гг.

Ключевые слова: телевизионный новостной дискурс, манипулятивные приемы, информационная война.

Abstract: the article analyzes the strategies and tactics of speech influence used in the news TV discourse of the Ukrainian media during the military conflict. The most common manipulative techniques used to form stable ideologies in the addressee's mind are identified. The research was conducted on the news materials of the Ukrainian TV channel «Donbass», aired in 2014–2022.

Keywords: television news discourse, manipulative techniques, information warfare.

Современные военные конфликты неизбежно предваряются и сопровождаются информационным противодействием в средствах массовой коммуникации. Развитие телекоммуникационных технологий привело к тому, что иногда эффективность информационного воздействия может кардинально повлиять на исход вооруженного противостояния. При этом приоритет в современных информационных войнах отдается имплицитному воздействию на сознание реципиента. Как отмечал Г. Шиллер: «Для достижения наибольшего успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно» [1, 27]. Совокупность указанных факторов определяет актуальность и необходимость исследований манипулятивных технологий, применяемых современными СМИ во время военных конфликтов. Материалом исследования послужили новостные сюжеты украинского телеканала «Донбасс», вышедшие в эфир в 2014–2022 гг.

Телеканал «Донбасс» работал на территории Украины в период 2009–2022 гг. До 2014 г. местом дислокации канала был г. Донецк, после начала военного конфликта на Востоке Украины телеканал несколько раз переезжал. Журналисты телеканала принимали активное участие в освещении военного противостояния ополченцев ЛДНР и украинской армии, а также начальной стадии специальной военной операции на территории Украины.

Анализ телевизионного новостного дискурса телеканала «Донбасс» во время вооруженного проти-

востояния на территории ЛДНР в 2014 г. позволил выявить устойчивый комплекс манипулятивных приемов, применяемых украинскими СМИ во время конфликта. Так, наиболее часто использовались эвфемистические и дисфемистические замены. Самым распространенным манипулятивным приемом в украинском теледискурсе стало именование, или навешивание ярлыков. В частности, когда речь шла о представителях ЛДНР, вместо фактически правильного термина «ополченцы» в обиход корреспондентов вошли слова «боевики», «сепаратисты», «террористы», «диверсанты», «наемники», что является типичным примером дисфемистической замены номината для создания отрицательной эмоционально-оценочной реакции и формирования образа врага. Начиная с апреля 2014 г. наиболее часто использовалась лексема «боевики». В каждом выпуске новостей это слово употреблялось от 7 до 15 раз. При этом по отношению к ВСУ использовались лексемы с нейтральной или положительной семантикой: «спецподразделения», «силовики», «силы антитеррора». Само название «антитеррористическая операция» является классическим примером военного эвфемизма, поскольку смягчает впечатление от проведения незаконных военных действий вооруженными силами Украины на территории своей страны. В информационных материалах телеканала «Донбасс» постоянно противопоставлялись словосочетания с положительной и отрицательной семантикой: «украинские военные», «спецподразделения нацгвардии», «силы антитеррора» против «боевиков» и «вооруженных террористов». Данная языковая игра использовалась для формирования оппозиции «свой — чужой»

с внедрением в сознание адресата позитивного отношения к «своим» и негативного — к «чужим» [2].

Уже на начальной стадии конфликта украинская армия постоянно обстреливала мирные города Донбасса, что приводило к многочисленным жертвам среди гражданского населения. Для сглаживания негативного впечатления от военных преступлений ВСУ журналисты ТК «Донбасс» использовали комплекс манипулятивных приемов: умолчание, варьирование на синтаксическом уровне (использование пассивных конструкций), переворачивание и «переинтерпретация» цитат. «Умолчание» заключалось в том, что ни в одном из новостных материалов военные Украины не назывались как виновники обстрелов жилых кварталов и гибели мирных граждан. Избежать упоминания ответственных за военные преступления удавалось с помощью использования пассивных синтаксических конструкций, в первую очередь — страдательного залога. Применение варьирования на синтаксическом уровне позволяло избежать упоминания агенса (инициатора действия) и оставить лишь пациенса (объект, подвергающийся действию). В частности, в репортажах утверждалось, что «жилые дома **попали** под обстрел», «**пострадали** мирные жители». Плюс к этому периодически применялся прием «переворачивание»: журналисты, ссылаясь на спикеров АТО, утверждали, что это ополченцы обстреливают жилые кварталы, которые они же и защищают. Версия «самообстрелов» для прикрытия военных преступлений украинской армии активно использовалась на протяжении всего конфликта.

Помимо этого, в текстах журналистов телеканала использовались такие приемы имплицитного речевого воздействия, как «апелляция к высшим ценностям» (вмонтирование в текст высоких и низких мотивов), «поиск поводов к драматизации» и «ссылка на несуществующие основания и ложная увязка». В частности, постоянно использовались тезисы о «**защите** мирного населения», «**заботе** о детях» и др. Подобные тезисы служили основанием для тех или иных действий украинской армии (наступления, отступления и т.п.). В мае 2014 г. в телевизионном дискурсе ТК «Донбасс» появляются полностью сконструированные журналистами материалы, которые можно отнести к категории фейк-ньюс (полная дезинформация, явная ложь).

Несмотря на снижение активности боестолкновений в период 2015–2022 гг. (до начала СВО), все вышеуказанные приемы продолжали использоваться журналистами «Донбасса» в информационных сообщениях. Исследования показали, что после начала специальной военной операции спектр применяемых манипулятивных технологий мало изменился, однако произошли качественные изменения в практике применения стратегий и тактик речевого воздействия. Так, по-прежнему наиболее распространенным приемом имплицитного воздействия осталось навешивание ярлыков. Изменились формулировки: если

в 2014 г. чаще всего использовались лексемы негативной семантики «боевики» и «террористы», то в 2022 г. в новостном дискурсе чаще стали применять лексемы «агрессоры» и «оккупанты». Отдельно следует отметить активное использование в украинском теледискурсе неологизма «рашизм» и его производных. Термин, используемый для демонизации России, применялся и в 2014 г., однако тогда он чаще встречался в разговорной речи и блогосфере. Закрепление данной номинации в дискурсе официальных традиционных СМИ свидетельствует о попытках украинской пропаганды внедрить в сознание аудитории идеологему сходства действий России с фашизмом. Главной задачей украинских журналистов в 2022 г. становится расчеловечивание россиян, причем не только военных, но и всех, кто поддерживает идеи Русского мира.

При этом в дискурсе украинского телеканала появляются ранее не используемые экспрессивные этнонимы («москаль», «кацапы»). Так, информационный материал от 05.07.2022 вышел под названием «НІМАРС працюють та їх стає більше, а москалів менше / ХАЙМАРС працюють і їх стає більше, а москалей менше» [3]. Современные исследователи отмечают, что подобные наименования представителей другого этноса скорее распространены в жаргонах, аргументации, разговорной речи и служат одной из примет языка вражды: «Уничжительные номинации лиц другой национальности отражают нетерпимость говорящих, тяготеющую над ними власть предрассудков, суеверий, этнокультурных стереотипов» [4]. Соответственно, свободное использование подобных экспрессивных этнонимов в дискурсе телеканала может свидетельствовать не только о применении методик имплицитного убеждения, но и об определенной деградации украинских СМИ.

После начала СВО резко увеличилось использование эмоционально-оценочных прилагательных («**подлое** нападение», «**циничные** обстрелы»). Если в 2014 г. применение адъективной лексики было выявлено лишь эпизодически и только в комментариях респондентов, то в 2022 г. журналисты уже использовали оценочные эпитеты на постоянной основе. Активное применение эмоционально окрашенной лексики является одним из эффективных способов ведения информационной войны, однако наглядно демонстрирует отход от норм современной журналистики в сторону военной пропаганды.

Еще одним характерным примером использования имплицитных технологий убеждения становится использование ироничных метафор с оценочным подтекстом. Так, в материале ТК «Донбасс» от 06.06.2022 журналист утверждает: «ЗСУ успішно перетворюють на добрива росіян / ВСУ успішно превращают россиян в удобрения» [5]. Помимо того, что само утверждение об «успехах» украинской армии является ложным, автор прибегает к еще одному манипулятивному приему: использует иронично-оценочную метафору,

при этом отходя от общепринятых стандартов нравственности и журналистской этики, которые должны соблюдаться даже в условиях военного конфликта. Как утверждает Н. И. Клушина: «...метафора выполняет четкую прагматическую функцию — функцию убеждения, каузации адресата через яркие образы, оценочный подтекст, так как именно в метафоре, нередко становящейся символом, концентрируется основной смысл текста» [6, 44]. Использование в дискурсе украинских СМИ оценочных метафор, эпитетов и экспрессивных этнонимов позволяет сделать вывод об активном применении манипулятивных приемов «тактика оскорбления» и «тактика угрозы».

В 2022 г. значительно изменились подходы к освещению обстрелов украинской армией гражданских объектов и мирного населения. Из дискурса украинского канала почти исчезли попытки выдать преступления ВСУ за самообстрелы. Вместо этого применялся прием «умолчание»: обо всех многочисленных атаках гражданской инфраструктуры Донецкой агломерации и гибели мирных жителей в украинских СМИ практически ничего не сообщалось.

Еще одной отличительной чертой телевизионного новостного дискурса телеканала «Донбасс» стало более активное использование полностью «сконструированных» материалов, которые можно отнести к разряду фейковых новостей. Как отмечалось выше, применение приема «полная дезинформация (явная ложь)» было выявлено уже на начальной стадии конфликта в 2014 г. Однако тогда подобные материалы появлялись достаточно редко. В 2022 г. уже можно говорить о постоянном дезинформировании аудитории украинскими СМИ. Тематически охват касался любых направлений жизнедеятельности: от положения на линии соприкосновения до состояния экономики. Можно привести несколько названий подобных «фейковых» информационных материалов: «Окупанты крадут зерно / Оккупанты крадут зерно», «Чи бути дефолту в росії? / Будет ли дефолт в России?», «Чи є холера у Маріуполі / Есть ли холера в Мариуполе» «російську економіку штормить / Российскую экономику штормит» [7]. Изучение данных материалов показывает, что часть из них была создана на основе сообщений различных органов власти Украины, а другая часть придумана журналистами самостоятельно. Следует отметить, что все слова, однокоренные слову «Россия», в названиях сюжетов написаны с маленькой буквы, даже там, где это противоречит нормам правописания. Подобное отклонение от нормы также широко распространилось в украинских СМИ в 2022 г., однако на данный

момент сложно судить об эффективности этого приема в информационной войне.

На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов:

— уже на начальной стадии конфликта на востоке Украины в 2014 г. украинские СМИ применяли широкий спектр манипулятивных приемов, которые были направлены на формирование определенного общественного мнения внутри страны;

— после начала СВО в 2022 г. произошла значительная интенсификация использования имплицитных технологий воздействия, также качественные изменения коснулись практики применения манипулятивных приемов;

— применение в новостном дискурсе адъективной лексики, оценочных метафор и экспрессивных этнонимов, а также появление значительного количества «фейковых» материалов позволяет сделать вывод не только о переходе к «жесткой» военной пропаганде, но и об определенной деградации украинских СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. — М.: Мысль, 1980. — 326 с.
2. Болдырев С. М. Номинация как основной манипулятивный прием теледискурса при освещении начальной стадии военного конфликта / С. М. Болдырев // Актуальные проблемы медиаисследований — 2022. XII Международная научно-практическая конференция НАММИ: сб. мат. конф. — М., 2022. — С. 27–28.
3. НІМАРС працюють та їх стає більше, а москалів менше / Видео / Телеканал Донбас 24 / YouTube. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ACYo7fMIFIM> (дата обращения: 20.10.2023).
4. Грищенко А. И. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / А. И. Грищенко, Н. А. Николина // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Труды Уральского МИОНА. Вып. 20. — Екатеринбург, 2006. — С. 175–187.
5. Гроші та людські ресурси. Наскільки вистачить окупантів? / Видео / Телеканал Донбас 24 / YouTube. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=b1VsTTVFKQo> (дата обращения: 20.10.2023).
6. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Клушина — М., 2008. — 58 с.
7. Видео / Телеканал Донбас 24 / YouTube. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/@ochevidecdonbass/videos> (дата обращения: 20.10.2023).

Донецкий государственный университет
Болдырев С. М., соискатель, старший преподаватель
кафедры журналистики
E-mail: s.boldyrev@donnu.ru

Donetsk State University
Boldyrev S. M., Candidate, Senior Lecturer of the Journalism Department
E-mail: s.boldyrev@donnu.ru

МЕТАФОРА ОБ ЭПИДЕМИИ COVID-19 В КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ СМИ

Ван Фанфан

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 13 декабря 2023 г.

Аннотация: цель данного исследования — сравнить использование метафор в китайских и русских сообщениях об эпидемии COVID-19, чтобы изучить различия в понимании и характеристике эпидемии в разных языковых и культурных контекстах.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, COVID-19, метафора, сравнительное исследование.

Abstract: the purpose of this study is to compare the use of metaphors in Chinese and Russian reports on the COVID-19 epidemic in order to explore the differences in understanding and expressing the epidemic in different linguistic and cultural contexts.

Keywords: Chinese, Russian, COVID-19, metaphor, comparative study.

Введение и постановка проблемы. Новая эпидемия COVID-19 находится в центре мирового внимания, и освещение ее в СМИ стало важным инструментом для того, чтобы люди знали о ней и могли с ней справиться. Анализ метафор в контексте различных языковых культурных кодов в медиатекстах способствует более углубленному знанию о новых вспышках ковида, когнитивных процессах и аффективных состояниях людей. Сопоставительный анализ позволяет выявить общие черты и различия метафор в китайских и русских сообщениях об эпидемии COVID-19.

Теория метафоры в основном основана на лингвистических и стилистических исследованиях, направленных на понимание использования и влияния метафор в новостных сообщениях. Язык — это не только инструмент для выражения фактов, но и способ познания и мышления. Д. Лакофф и М. Джонсон в своей книге «Метафоры, которыми мы живем» классифицировали метафоры на три категории: ориентационные, структурные и онтологические.

Метафора — это не просто сравнение атрибутов и характеристик двух предметов или явлений, она больше сосредоточена на сходстве между составными элементами вещей и их структурой или отношениями [1]. Ее важнейшая функция — сопоставление моделей рассуждений исходной области (например, войны) с целевой областью (например, эпидемией). Это сопоставление помогает людям рассуждать о целевой области так, как иначе рассуждать о ней было бы невозможно [2].

Теория метафор подчеркивает их роль в передаче смысла. Метафора — это форма передачи смысла, в которой участвуют как минимум два слова или предмета [3]. Переноса признаки или свойства од-

ного понятия на другое, метафора передает подразумеваемое значение.

В то же время метафоры предполагают связь между идеями, а не перенос или замену одних слов другими. Взаимодействие между предметом и метафорой может быть реализовано только тогда, когда между ними есть некоторое сходство [4].

Метафоры помогают людям понимать и описывать сложные понятия и явления с помощью подобию или аналогий. Метафора — это не только стилистическое средство языка, но и способ построения и передачи смысла.

В новостных сообщениях метафоры помогают аудитории лучше понять и запомнить то, о чем сообщается. Метафоры могут усилить выразительность и привлекательность новостного сообщения, заставляя аудиторию больше вовлекаться и сопереживать. В то же время метафоры могут вводить в заблуждение или быть неправильно понятыми, поэтому их нужно использовать в сообщениях с осторожностью.

Теория метафор позволяет понять построение смысла и стилистические эффекты в новостных сообщениях, а также повысить их эффективность и качество.

Результаты исследования. Метафоры об эпидемии COVID-19 на русском языке

1. Метафоры войны

Борьба с вирусом. Эта метафора сравнивает борьбу с вирусом с битвой, описывая действия и меры, предпринимаемые для борьбы с эпидемией так, как если бы это была война. Она подчеркивает необходимость мобилизации всех людей, концентрации усилий, единства командования и решительных мер для победы в войне («Пандемия открыла огромные возможности для индустрии высоких технологий. Машины используются для борьбы с вирусом на всех фронтах: от скрининга и диагностики

до сдерживания его распространения и разработки лекарств») [5].

Фронт борьбы. Эта метафора сравнивает работу по профилактике и борьбе с эпидемиями с борьбой на фронте. Имеются в виду люди, которые борются с эпидемией. Подчеркивается храбрость и самоотверженность персонала, работающего на фронте, а также необходимость поддерживать и защищать их работу («Ученый назвал три фронта борьбы с коронавирусом», — об этом сообщает «Рамблер») [6].

Замаскированная война. Метафора подчеркивает коварный и пагубный характер эпидемий, противопоставляя их войне; особый характер эпидемий и необходимость активных мер профилактики и контроля для защиты жизни людей («Замаскированная война. Почему пандемия коронавируса разразилась именно в 2020-м», — об этом сообщает «Рамблер») [7].

Враг. Новую эпидемию коронавируса можно сравнить с невидимым врагом, представляющим серьезную угрозу для человеческого общества. Эта аналогия подчеркивает опасность эпидемии и срочность борьбы с ней («Эпидемии: безжалостный враг всего человечества») [8].

Победа. В новостных сообщениях победа над COVID-19 также будет приравниваться к победе над врагом. Такая аналогия помогает подчеркнуть важность объединения усилий и преодоления трудностей, чтобы одержать победу над пандемией («Эксперт назвал вакцинацию одним из быстрых способов победить коронавирус») [9].

Кроме того, в русском языке для описания эпидемии используются следующие слова, связанные с войной, например: «передняя линия», «бой», «битва», «защитник» и т.д. Это означает, что концепт «война» имеет очень важное значение в русской культуре.

2. Метафоры стихийных бедствий

Волна. Это слово может быть использовано для описания распространения эпидемии. Подобно волнам в океане, эпидемия может рассматриваться как распространяющаяся сила. Слово ассоциируется также с такими явлениями, как радиоволны или электромагнитные волны, что означает их распространение или усиление с особой частотой. В метафоре подразумевается быстрое распространение и неконтролируемость эпидемии, новый приход явления, его повторение («В России начинается вторая осенняя волна коронавируса») [10].

Вспышка. Это слово может использоваться для описания быстрого возникновения и распространения эпидемии. Подобно извержению вулкана или вспышке молнии, вспышка эпидемии также характеризуется внезапностью и интенсивностью. В то же время метафора сравнивает вспышку и распространение эпидемии с началом и расширением войны и подчеркивает распространение эпидемии и необходимость принятия срочных мер по сдерживанию ее распространения, подобно необходимости

быстро остановить экспансию противника в войне («В России выявили случаи инфекции, вспышка которой произошла в Китае») [11].

Взрыв. Это слово является синонимом слова «вспышка» и используется для описания быстрого возникновения и распространения эпидемии. Подобно силе взрыва, распространение эпидемии можно описать как взрывную силу («Как вспышка вируса в Москве стала взрывом») [12].

Буря. Это слово может использоваться для описания опустошительной и разрушительной силы эпидемии. Подобно буре во время стихийного бедствия, последствия эпидемии можно рассматривать как масштабную катастрофу («Ковидная буря в Индии вызвана коронавирусом с самыми разными мутациями — рассказ врача, который живет в этой стране 11 лет») [13].

3. Другие метафоры

Новый коронавирус, также известный как COVID-19, и грипп — два разных вируса, хотя они имеют схожие симптомы. Сравнение может приобретать такие формы, как в заголовке «Несмотря на то, что пандемия бушует в мире уже почти год, до сих пор многие считают COVID-19 “не страшнее гриппа”» [14].

В русском языке также встречаются экономические метафоры, связанные с COVID-19, что означает, что экономическому развитию в русской культуре уделяется большое внимание («Как китайский коронавирус “заразит” экономику» [15]; «Коронавирус “заразил” нефть: ценовая реакция энергоресурса на эпидемию в Китае» [16]; «Экономика, чума, коронавирус: как эпидемии разорвали человечество» [17]).

Метафоры об эпидемии COVID-19 на китайском языке

В китайском языке существуют следующие метафоры, связанные с эпидемией COVID-19.

1. Метафоры войны

Война как борьба с эпидемией. Аналогия эпидемии с войной описывает действия и меры, предпринимаемые для борьбы с эпидемией, как если бы это была война; подчеркивает необходимость бороться с эпидемией, мобилизуя всех людей, концентрируя их усилия, объединяя командование и принимая решительные меры для победы в войне.

Фронт и тыл. Работа по профилактике и борьбе с эпидемиями проводится на «фронте» и в «тылу». «Фронт» относится к районам, где эпидемия носит серьезный характер, и к людям, которые непосредственно борются с эпидемией, например к медицинским работникам, а «тыл» — к тем, кто поддерживает и защищает работу фронта. Подчеркивается: у людей, занимающих разные должности, есть свои роли, и все вместе они вносят вклад в борьбу с эпидемией.

Вспышка и распространение эпидемии. Распространение эпидемии аналогично вспышке и распространению войны. Метафора свидетельствует о не-

обходимости принятия срочных мер по сдерживанию распространения эпидемии, подобно необходимости быстро остановить экспансию противника на войне.

Тихая война. Сравнение эпидемии с войной подчеркивает коварный и вредоносный характер эпидемии, ее особую природу и необходимость принятия активных мер профилактики и контроля для защиты жизни людей.

Эти военные метафоры широко используются в китайском языке для описания и выражения серьезности эпидемии и срочности ответных мер, помогают людям лучше понять и выразить свои взгляды и эмоции по поводу эпидемии.

2. Метафоры стихийных бедствий

В Китае эпидемии часто сравнивают со стихийными бедствиями: «эпидемия подобна наводнению», «эпидемия подобна горению огня», «эпидемия подобна надвигающемуся шторму», «эпидемия подобна толчкам землетрясения».

Все эти метафоры на обоих языках используются для того, чтобы подчеркнуть быстрое распространение, неконтролируемый и разрушительный характер эпидемий, которые наносят большой урон человечеству. Такие метафоры помогают людям понять и описать серьезность и срочность защиты от эпидемии в более наглядной форме.

Вместе с тем следует отметить, что использование метафор может привести и к определенным негативным последствиям, например к чрезмерному нагнетанию паники или подчеркиванию конфронтации в ущерб сотрудничеству, поэтому при использовании метафор нужно быть осторожным, оценивать и применять их в соответствии с конкретными контекстами и целями.

3. Культурные метафоры

Сильный воин ломает себе запястье. Эта метафора берет начало в древней китайской истории о воине, который ломает себе запястье, чтобы защитить свою страну. Во время вспышки эпидемии история о храбром воине, ломающем себе запястье, используется для описания принятия трудных, но необходимых мер по борьбе со вспышкой, даже если эти меры наносят некоторый личный и экономический ущерб.

Тот, кто идет против течения. Метафора возникла из-за поведения некоторых медицинских работников и волонтеров во время эпидемии, которые, невзирая на личную безопасность, бросились на передовую и внесли огромный вклад в борьбу с эпидемией. Метафора используется для описания тех, кто самоотвержен и храбр перед лицом эпидемии.

Стрела Вулкана. Эта метафора берет начало в древнекитайском мифе о боге огня, который мог выпускать стрелу огня, чтобы наказать нечестивцев. Во время эпидемий «стрела Вулкана» используется для описания различных решительных мер и действий, предпринимаемых для быстрой и эффективной борьбы с эпидемиями.

Волк и другие животные. В китайских сообщениях для описания вспышек часто используются подобные метафоры, например «вирус затаился, как волк» или «вспышка похожа на поцелуй тигра и волка». Это связано с символизмом животных в китайской культуре, где волки и тигры часто воспринимаются как свирепые и опасные.

Эти культурные метафоры широко используются в китайском языке, чтобы помочь людям лучше понять и выразить свои взгляды и эмоции по поводу эпидемии.

4. Метафоры соревнования

В китайском языке эпидемии часто сравнивают с соревнованиями, например: «гонка по предотвращению эпидемии и борьбе с ней», «этап спринта», «скорость и выносливость», «битва за золотую медаль».

В китайской метафоре этап профилактики и борьбы с эпидемией уподобляется заключительному этапу спринтерского забега, когда возникает необходимость наращивать усилия и действовать быстро, чтобы ликвидировать эпидемию после того, как она была взята под контроль. Сравнивают профилактику и борьбу с эпидемией с гонкой на скорость и выносливость, что означает необходимость быстрой реакции и оперативных действий в профилактике и борьбе с эпидемией, а также необходимость длительной борьбы и терпения.

Обсуждение. В китайском языке военные метафоры об эпидемии часто сосредоточены на борьбе с болезнью, борьбе и профилактике, и такие метафоры, как «борьба с болезнью», «воин в победе над вирусом» и «победа над вирусом», используются, чтобы указать на серьезность проблемы и срочность борьбы с вирусом.

В русском языке существуют сходные метафоры («борьба с вирусом» или «борьба с пандемией») для описания действий в борьбе с эпидемией.

Таким образом, военные метафоры в китайском и русском языках, касающиеся эпидемии, могут иметь некоторое сходство в способах выражения и подчеркивать срочность и необходимость борьбы с ней.

Метафора стихийного бедствия в китайском языке обычно относится к чуме, катастрофам и эпидемиям. Чтобы указать на тяжесть и распространение эпидемии, используются выражения: «опустошительная вспышка», «вспышка подобна наводнению».

Метафоры стихийного бедствия («волна эпидемии», «взрыв пандемии») может иметь большее отношение к России, исторически, культурно и географически связанной с окружающей средой. Следовательно, метафоры стихийного бедствия в китайском и русском языках в отношении эпидемии COVID-19, возникающей в сообщениях, могут различаться по выражениям и культурным коннотациям.

В то же время в ходе сопоставительного анализа были выявлены некоторые различия в использовании метафор в китайском и русском языках. На-

пример, метафоры животных, часто используемые в китайских сообщениях для описания эпидемий, связаны с символическим значением животных в китайской культуре, где волк и тигр часто считаются символами жестокости и опасности. В отличие от этого, в русском языке чаще встречаются военные метафоры («борьба с вирусом», «победить вирус»). Это отражает то значение, которое придается войне в русской культуре. В то же время в русскоязычных сообщениях часто используются экономические метафоры, такие как «вирусный шок», «экономические эпидемии». Это отражает то значение и внимание, которое русская культура придает экономике. Китайская метафора, напротив, подчеркивает значение, которое придается социальной стабильности.

Заключение. Сравнительное исследование метафор в китайских и русских сообщениях об эпидемии COVID-19 позволяет сделать вывод о том, что существуют определенные различия в понимании и выражении эпидемии в разных языковых и культурных контекстах. Это связано с грамматическими структурами, культурными традициями двух языков. Данное исследование может послужить справочным материалом для межкультурной коммуникации и взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lakoff G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Jjnsn. — Chicago: University of Chicago Press, 1980.
2. Lakoff G. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought* / G. Lakoff, M. Jjnsn. — New York: Basic Books, 1999.
3. Цуй Вэй. Введение в контрастивную лингвистику / Цуй Вэй, Лю Гэ. — Харбин, 2000.
4. Сюй Минь. Экспериментальное исследование порождения и характеристик метафорической семантики / Сюй Минь. — Журнал Аньхойского ун-та. — 2007. — (04): 97–99+69.
5. Как наука борется с коронавирусом: 12 инновационных идей // РБК Тренды. — Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5e9d69719a7947408c286181?from=sory> (дата обращения: 04.12.2023).
6. Ученый назвал три фронта борьбы с коронавирусом // Рамблер. — Режим доступа: https://news.rambler.ru/science/46884964/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 04.12.2023).
7. Замаскированная война. Почему пандемия коронавируса разразилась именно в 2020-м. Об этом сообщает «Рамблер» // Рамблер. — Режим доступа: https://finance.rambler.ru/other/43973028/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 06.12.2023).
8. Эпидемии: безжалостный враг всего человечества. — Режим доступа: <https://s-t-o-l.com/material/47379-epidemii-bezzhalostnyu-vrag-vsego-chelovechestva/?ysclid=lpu7t6ij6e957263415> (дата обращения: 06.12.2023).
9. Эксперт назвал вакцинацию одним из быстрых способов победить коронавирус // ИТАР-ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/moskva/9376595> (дата обращения: 04.12.2023).
10. В России начинается вторая осенняя волна коронавируса // Ведомости. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/11/08/1004781-nachinaetsya-vtoraya-volna?ysclid=lprr0kbzco823544598> (дата обращения: 05.12.2023).
11. В России выявили случаи инфекции, вспышка которой произошла в Китае // РБК. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/05/12/2023/656f3de59a7947541044e07a?ysclid=lpqrqb2wwn949825254&from=sory> (дата обращения: 04.12.2023).
12. Как вспышка вируса в Москве стала взрывом // BFM.RU. — Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/474649?ysclid=lprr49dgc427205862> (дата обращения: 02.12.2023).
13. Ковидная буря в Индии вызвана коронавирусом с самыми разными мутациями — рассказ врача, который живет в этой стране 11 лет. — Режим доступа: <https://doctorpiter.ru/zdorove/kovidnaya-burya-v-indii-vy-zvana-koronavirusom-s-samy-mi-razny-mi-mutaciyami-rasskaz-vraca-kotory-i-zivet-v-e-toi-strane-11-let29044-id649998/?ysclid=lprr6t80h3705366964> (дата обращения: 03.12.2023).
14. Ученые пришли к страшным выводам, сравнил коронавирус с гриппом // МК.ru — Режим доступа: <https://www.mk.ru/science/2020/12/26/uchenye-vuyasnili-chem-covid19-strashnee-grippa.html> (дата обращения: 01.12.2023).
15. Как китайский коронавирус «заразит» экономику // Frank Media. — Режим доступа: <https://frankmedia.ru/11003?ysclid=lpv3lzel224031668> (дата обращения: 01.12.2023).
16. Коронавирус «заразил» нефть: ценовая реакция энергоресурса на эпидемию в Китае // Рамблер. Финансы. — Режим доступа: <https://finance.rambler.ru/markets/43657856-koronavirus-zarazil-neft-tsenovaya-reaktsiya-energoresursa-na-epidemiyu-v-kitae/?ysclid=lpv7vtdn9811735013> (дата обращения: 06.12.2023).
17. Экономика, чума, коронавирус: как эпидемии разоряли человечество // МК.ru — Режим доступа: <https://www.mk.ru/economics/2020/03/25/ekonomika-chuma-koronavirus-kak-epidemii-razoryali-chelovechestvo.html?ysclid=lpv7x75m7q78392190> (дата обращения: 03.12.2023).

Санкт-Петербургский государственный университет
Ван Фанфан, аспирант кафедры цифровых медиакоммуникаций
E-mail: st080695@student.spbu.ru

St. Petersburg State University
Wang Fangfang, Postgraduate Student of the Digital Media Communications Department
E-mail: st080695@student.spbu.ru

СОВЕТСКИЙ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВЫ ПРОШЛОГО В МЕДИЙНЫХ ПРАКТИКАХ

О. В. Дегтярева

Херсонский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 13 декабря 2023 г.

Аннотация: *Медиа выступают основным форумом, где происходит утверждение и состязание между различными версиями прошлого. На Украине сформировались два подхода, которые и получили названия советский и националистический нарративы и были реализованы с помощью медиа-практик разных СМИ, о которых и идет речь в статье.*

Ключевые слова: *медийные практики, восточнославянская идентичность, национальная идентичность, нарратив.*

Abstract: *media are the main forum where we have confirmation and competition between different versions of the past. Two approaches were formed in Ukraine, which were named Soviet and nationalist narratives and were implemented with the help of media, which is the subject of the article.*

Keywords: *media practices, East-Slavic identity, national identity, narrative.*

Актуальность. Важным идеологическим эффектом медийного дискурса Украины выступает его роль в создании национальной идентичности граждан. Украинский дискурс имеет свою специфику, обусловленную как молодостью новообразованного государства, так и радикальным делением взглядов внутри общества, политической сферы и самого журналистского сообщества. Следует отметить характерную тенденцию в развитии и самих СМИ — период их зависимости от российского телевизионного рынка, идеологические приоритеты которого украинцы таким образом наследовали. Так, перечень газетных и телевизионных СМИ, в частности новостных, утверждая приоритет национальной идентичности, направленной именно на Украину как страну и сообщество, при этом был связан с Россией. Отсюда берет начало критический подход ряда исследователей Украины о том, что украинская идентичность буд-то бы растворяется в российской или восточнославянской/постсоветской идентичности [1]. Более того, спорным является также «историческое наполнение» национальной идентичности, то есть иерархизация исторических событий прошлого в соответствии с критерием их важности для современного украинского общества, часть которого сегодня требует пересмотра устоявшихся в историографии подходов. Таким образом, медийный дискурс стал площадкой соревнования советского и наднационалистического нарративов украинской истории. Приходится констатировать, что внутри медиа часто доминируют разные образы прошло-

го. До 2022 г. важную роль играли импортируемые из России или рассчитанные на российский рынок продукты, которые заполняли значительную часть украинского эфира. Эти медиапродукты явно или неявно апеллировали к такой истории Украины, которая проистекала из общего с Россией культурного и политического пространства.

Медийные практики представления прошлого вносят большой вклад в поддержание и обновление национального нарратива — нарративной конвенции дискурса о судьбе и сущности нации, которая связывает разные героические и трагические события как вехи на пути к современному сообществу, которую он благодаря этому идентифицирует.

В современной Украине такое центральное место в историческом нарративе занимает отношение к советскому прошлому. Хронологически, с первых годов получения независимости ее легитимность выстраивалась на осуждении советского режима. Со временем независимость превратилась в совместную платформу практически всех политических сил, однако это не привело к единогласному отрицанию советского наследия. Не только левые, но и пропрезидентские «центристские» партии стремились примирить период независимости и период советского прошлого, представляя его как славную и не бесславную страницу истории. В соответствии с оценками советского периода разные политические силы имеют разную интерпретацию периодов прошлого: от Киевской Руси до УПА. Так, апологеты советского строя сохраняют традиционное прочтение, а противники — изменяют на противоположное [2].

Производство и демонстрация медийных проектов на Украине часто становилась ответом на акту-

ализацию проблем благодаря обсуждению в других дискурсах, прежде всего политическом. Ярким примером выступает период президентства В. Ющенко, когда темами ток-шоу общенациональных телеканалов часто становились вопросы Второй мировой войны и Голодомора. Таким образом стремились пересмотреть трактовку истории, провоцируя столкновение с оппозицией, ориентированной на консервативную/пророссийскую часть населения. Однако для массовой аудитории такие практики не несли серьезной нагрузки. Главный вклад в конструирование идентичности вносили другие медиапродукты, которые будто бы информировали, но при этом внедряли сомнения и допущения.

Наиболее заметными стали материалы, посвященные историческим событиям или деятелям. Они были призваны информировать, развеивая аудиторию, но не предназначались для ведения дискуссий. Читатель мог осознавать проблематичность предлагаемого нарратива только в том случае, если имел доступ к другим дискурсам, в которых представлена другая трактовка. Например, попытка журналиста «Сегодня» Олеся Бузины в еженедельной рубрике «Субботних историй для взрослых» поставить под сомнение взгляд на «Хмельнитчину как национально-освободительную войну украинского народа» [3]. Или, например, размещение на «календарной» странице газеты «Сегодня» биографий к годовщинам дней рождения известных фигур: «одной из главных муз Пушкина» Анны Керн и «нашей великой Леси Украинки». Автор текста делал акцент на «украинскости» первой и «связи с Киевом» второй [4]. Эти материалы могли быть восприняты аудиторией как неизвестные факты из жизни известных людей. Подобные тексты ранее встречались и в других «качественных» изданиях, таких как газеты «День» и «Зеркало недели».

Еще одним примером такой неочевидной медийной практикой выступала непосредственная подборка событий и фигур. Указывая события или участников этих событий, о которых членам аудитории надлежит помнить, редакторы, одновременно, определяли приоритет исторического периода и даже границы национальной истории. Чтобы продемонстрировать отличия внедряемых в разных изданиях границ, сравним подборку, посвященную истории двух массовых украинских газет — «Сегодня» и «Газета по-українски», дискурсы которых придерживались разных идеологических стратегий. Первая из них имела рубрику «Хронограф», которая содержала несколько статей о событиях календарной недели в разные исторические периоды. Тексты носили ироничный характер («Внебрачные связи Льва Ландау» [5, 38]). В «Газете по-українски» трижды в неделю выходила страница «История», которая иначе подавала материал. Авторы акцентировали внимание не на ироничных аспектах, а на проблемах

и достижениях. Эта газета часто размещала истории о культурных и политических деятелях, особенно тех, которые боролись против советского режима или подверглись преследованиям. Например, поэт Владимир Сосюра и публикация «Сосюра дважды женился на Марии Даниловой» [4]. Главный редактор В. Рубан объяснял такое совмещение нового и привычного, с одной стороны, требованием баланса между разными темами и вкусами, а с другой стороны, желанием «идти за читателем» и «идти немного впереди» в направлении идеологических приоритетов руководства редакции.

В «ГПУ» больше половины текстов были посвящены Украине, а остальные публикации составляли тексты о странах Запада, третью часть — о периоде СССР. Таким образом, представленные издания предлагают аудитории понятный образ национальной и всемирной истории. Как показал анализ, главными же отличиями между изданиями выступает не форма представления событий, а содержание того, что предлагается считать историей.

Кроме того, образы прошлого актуализируются и хронологически — журналисты часто акцентируют внимание аудитории на разных периодах, которые становятся определяющими эпохами соответствующих версий национальной истории и идентичности. Это касается, например, материалов, локализирующих украинскую историю на периодах царской или советской власти. Репрезентация страны в таком случае предстает не только как легитимная, но и как главная часть национального прошлого. В некоторых материалах СМИ связь с Украиной предстает лишь как факт биографии в его культурной и политической реальности (например, история певца А. Вертинского),

Востребованной медийной практикой служат материалы, формирующие определенный образ прошлого, которые раскрывают не столько сами исторические события, сколько судьбы простых людей на фоне этих событий. В этом случае важна форма и характер подачи. Именно передача рассказов как части личной или коллективной памяти, а не официального знания, можно считать критерием, согласно которому следует различать тексты «о людях» и «об истории». Соответственно, авторы предлагают относиться к герою с уважением, перенося сопереживание и на эпоху, во время которого происходили события. Легитимация советского строя через стимулирование памяти об известных деятелях часто сосуществует и с критической подачей материала. Это, в конечном счете, служит взаимодействию в одном СМИ и, соответственно, в подсознании аудитории, двух нарративов прошлого — советского и националистического («Зеркало недели»). Взаимодействие двух нарративов дает надежду полагать, что поиск компромиссной трактовки, на котором бы основывалась идентичность большей части общества, возможен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Портнов А. Упражнение с историей по-украински. Заметки об исторических сюжетах общественно-политических дебатов в постсоветской Украине / А. Портнов // *Ab Imperio*, 2007. — № 3. — С. 93–138.
2. Гриневич В. Міт війни та війна мітів / В. Гриневич // *Критика*. — 2005. — № 5. — С. 2–8.
3. Бузина О. Хмельнитчина по приказу короля /

Херсонский государственный педагогический университет

Дегтярева О. В., кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций
E-mail: olgaspb2008@mail.ru

О. Бузина // *Сегодня. Люди и время. Субботние истории для взрослых от Олеся Бузины*. — 01.03.2008. — С. 12–13.

4. Жежера В. Сосюра двічі женився на Марії Данилової / В. Жежера // *Газета по-українськи*. — 2008. — № 1 (325). — С. 2–8.

5. Гук О. 100 лет великому физику и «развратнику» Ландау // *Хронограф*, 17.01.2008. — С. 38.

Kherson State Pedagogical University

Degtyareva O. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Journalism and Media Communications

E-mail: olgaspb2008@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ РАДИОПУБЛИЦИСТИКИ ЯНУША КОРЧАКА

Е. С. Зубаркина

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 2 ноября 2023 г.

Аннотация: в данной статье исследуются особенности радиотекста Януша Корчака, его жанровое и стилистическое своеобразие. Автор выявляет новаторские приемы коммуникации с детской аудиторией, которые применялись в первой трети 20-го века и до сих пор остаются актуальными для радиовещания. В эмпирическую базу статьи интегрированы в том числе тексты передач, которые впервые переведены на русский язык.

Ключевые слова: радиопублицистика, Януш Корчак, радио, Польское радио, детские радиопрограммы, радиотекст.

Abstract: this article examines the features of Janusz Korczak's radio text, its genre and stylistic originality. The author identifies innovative methods of communication with a children's audience, which were used in the first third of the 20th century and still remain relevant for radio broadcasting. The empirical base of the article includes, among other things, the texts of the broadcasts that were translated into Russian for the first time.

Keywords: radio journalism, Janusz Korczak, radio, Polish radio, children's radio programs, radio text

Тема детства в радиожурналистике Польши 30–40-х годов XX века неразрывно связана с именем Януша Корчака (настоящее имя — Генрих Гольдшмидт).

Созданное в 1923 г. Польское радио в начале 1930-х гг. вплотную приступило к освещению темы детства и организации радиовещания для детской аудитории. Для консультаций и выступлений в эфире руководители привлекали в качестве экспертов педагогов, специалистов в области психологии, педиатрии, детских писателей, общественных деятелей. Эксперты принимали участие в программах-лекциях о воспитании и образовании, а вне эфира давали рекомендации по стратегии развития детского сегмента Польского радио. Одним из таких привлеченных специалистов, которому впоследствии было суждено стать буквально символом польского детского радио, был Януш Корчак.

К началу работы на Польском радио в 1934 г. Януш Корчак имел солидный опыт написания не только произведений детской художественной литературы и трудов по педагогике, но и журналистских материалов, предназначенных для различных возрастных и социальных групп. К середине 1930-х годов он опубликовал более тысячи статей в разных изданиях [1, 34].

Корчак был одним из первых польских общественных деятелей, кто предложил использовать возможности радиовещания для коммуникации с детско-юношеской аудиторией и решения актуальных вопросов в области детства. Он называл радио новой социальной средой, с появлением которой можно устранить проблемы низкого уровня образования

детей младшего и среднего возраста и преодолеть кризис поколений. «Радио может решить своим словом проблему детского интеллекта», — писал Корчак своему другу и коллеге Эдвину Маркузе [2, 226].

Чтобы понять, в чем заключался феномен радиопублицистики Януша Корчака, следует рассмотреть как жанровое и стилистическое своеобразие его программ, так и особенности авторской подачи материала.

Наиболее часто Корчак обращался к жанру очерка. Кроме того, сохранившиеся радиотексты дают основания заключить, что нередко автор в рамках одной передачи синтезировал элементы очерка, эссе, зарисовки, репортажа.

Для разных этапов сотрудничества с Польским радио (а таковых было три: с 1934 г. по 1939 г.) характерны программы в различных жанрах. Так, например, в 1934 г. Януш Корчак читал сказки и делал репортажи, на протяжении 1936-го выходил в эфир с циклами очерков, в 1939 г. обращался к слушателям с философскими монологами-рассуждениями о политической и социальной жизни Польши. Все программы Корчака выходили в прямом эфире.

Радиотекст Я. Корчака обладал рядом специфических стилистических черт. Ян Пиотровский, редактор журнала «Антенна», выходившего при Польском радио, писал, что стиль программ Януша Корчака отличался от «привычного радиостиля»: «Старый доктор (прим. Старый доктор — псевдоним Я. Корчака, под которым он работал в радиоэфире) не торопится. В его размышлениях могут быть паузы, когда он обдумывает ответ, в чем-то сомневается или не уверен. Все это делает его радиоречь естественной, искренней, слушатель верит, что его мысли рождаются

прямо сейчас, в студии, хотя сам Корчак не раз говорил о том, как тщательно он готовится к программам и как тяжело ему дается эта «болтовня» [3, 23].

Пиотровский также отмечает отсутствие у Корчака заискивающих, преувеличенно ласковых или снисходительных интонаций при общении с детьми, поскольку «педагог считал, что ребенок — кандидат во взрослого, с кем сегодня можно общаться в соответствии с действующими правилами жизни» [3, 23]. «Добрые, доброжелательные, отеческие слова — резкие, точные, глубокие слова — слова, указывающие, открывающие, напоминающие, увещевающие — слова, которые помогают распутать внутренний хаос, который подобен пламени фонаря в темноте... Слова образуют компактную мысль, пульсируют чувством, горят внутренней правдой» [3, 23].

Когда Януш Корчак начал работать на Польском радио, опыт трансляции публицистических передач в прямом эфире в целом составлял более десяти лет. Безусловно, в тот период еще не были сформулированы представления теоретиков и практиков о наиболее эффективных методах радиокommunikации — руководство и сотрудники Польского радиополучали знания о приемах взаимодействия с аудиторией и влияния на нее экспериментальным путем.

Изучая сегодня радиотексты Януша Корчака, его письма и другие документальные источники, можно заключить, что журналиста уже тогда волновал вопрос психологического восприятия аудиособщений и он стремился вывести собственную формулу хорошей программы. В частности, успех ведущего Корчак связывал с умением подбирать правильные интонации, особенно когда речь шла о коммуникации с детской аудиторией: «Скажите своей собаке приятным теплым тоном: «Плохо. Собака, плохая собака, я злюсь на собаку» — она обязательно обрадуется и начнет вилять хвостом. Однако, когда она слышит: «Любимая собака, хорошая собака, вежливая собака» тоном голоса злым и грубым, она поджимает хвост. Тоже самое и с младенцами. Ты можешь их усыпить или заставить плакать с помощью одной и той же песни, но изменяя голос и его модуляцию» [4, 6].

Многие представления Корчака об эффективной радиокommunikации совпадают с суждениями современных практиков и теоретиков в сфере медиа. Так, исследователь Ю. Ключев пишет, что «вымышленной искусственной интонацией и неискренностью поведения у микрофона обмануть слушателя нельзя. Динамики радиоприемника всегда раскроют фальшивость настроения неискреннего человека, его раздражительность, досаду, обиду, злость, ненависть. Радио со всей откровенностью передает слушателю психологическое состояние участников программы, включенных в диалог, — с помощью отражения их культуры речи, этики поведения у микрофона, интонации, темпа и тембра речи» [5].

Характерная черта всех передач Я. Корчака — их диалогичность. Как таковой интерактивный эфир не был возможен в 30-е годы 20-го века, необходимые для этого техника и оборудование еще не появились. Диалогичность достигалась за счет множества используемых Корчаком новаторских для того времени приемов. Прежде всего, диалог выступал основой самих текстов автора, прочитанных в эфире. Например, все программы цикла «Шутливая педагогика» построены на разговорах Старого доктора с его воспитанниками, родителями, пациентами (по образованию Я. Корчак был педиатром). Диалогичен по своему содержанию и другой, более поздний радиоцикл, — «Триптих об одиночестве». Кроме того, выступая в качестве радиоведущего, Корчак постоянно обращался к слушателям, задавал им вопросы, подчас риторические, побуждая тем самым к размышлениям на предложенную тему. Это подтверждает, в частности, исследователь его творчества Анна Быстрицкая: «То, что Корчак говорил по Польскому радио, всегда было диалогом. Только на первый взгляд это могло показаться монологом. На самом же деле Старый доктор вел постоянный диалог со слушателем. Он направлял его с помощью слова таким образом, чтобы слушатель мог легко почувствовать сцену, в которой это происходило. Корчак был мастером создания атмосферы доверия» [6, 16].

Примечательно, что диалогичность свойственна Корчаку не только как радиоведущему, но и как детскому прозаику. Например, в повести-сказке «Кайтусь-чародей» текст несколько раз прерывается длинным многоточием, порой занимающим треть или даже половину страницы (в зависимости от варианта книжного издания). После таких фрагментов автор дает краткий пересказ удаленных эпизодов, не вошедших в сказку, и комментарии к ним. В одном из этих комментариев Корчак пишет, что еще до публикации произведения зачитывал книгу детям: «Когда я прочитал эту 18-ую главу о Кайтусе, один мальчик сказал: — Это ужасно! ... Мальчику было страшно. Ночью я вычеркнул все, что ему снилось. И снова прочел. Он сказал: «Теперь хорошо!» [7].

Еще одна особенность радиопрограмм Корчака — адресность. Автор прибегает к некоторым речевым техникам, помогающим убедить слушателя в том, что ведущий обращается именно к нему. Это достигается с помощью частого использования местоимений *ты*, *вы* и вопросительных конструкций — они помогают заинтересовать ребенка, подвести его к размышлениям на ту или иную тему, побуждают к поиску ответа, например: «А что есть на самом деле зло, грех, а что недопустимо и что нехорошо?»; «А почему мы убиваем комаров и цыпят едим? А мужчина топит щенков, хотя собака хорошая и верная?»; «Газеты пишут только правду?» [8, 176].

Ведущий Корчак не «отгораживается» от слушателей, конструируя дихотомию «я-они», «я-вы», «я-

ты»; напротив, он отождествляет себя с аудиторией, используя конструкции «и я тоже», «мы вместе»: «и мы говорим...»; «мы даже не знаем, является ли наше научное общество научным обществом»; «мы замолчали, мы думали»; «уверяю вас, ничего из этого не выйдет, и мы проиграем» [8, 176].

Публицистическую речь Корчака отличает образность, метафоричность, эмоциональность. Метафоры в радиоречи Корчак использовал повсеместно, в том числе в текстах, обращенных к детям: «Пальма пальмой, но у нее **выражение лица** чужое»; «В моей, так сказать, **педагогической аптеке** различные средства, от спокойного ворчания через строгое слово до сильнодействующего отчитывания»; «Ты нескончаемое испытание моего терпения, **некролог драгоценного моего покоя и свободы**»; «Но иногда надо обратиться к **баночке с крепкими выражениями и оборотами**» [8, 176].

Метафорично говорит Корчак и со взрослыми: «На **коре (дерева) есть шрамы** — их много — пережитки ее веков и приключений»; «Как вы распределили **капитал сил и сердец**, которыми поклялись?» [9]. Метафоры Корчака не только делают радиотексты высокохудожественными, но и, что наиболее важно, придают им наглядность.

Использует Корчак и стилистическое сравнение, то есть вид тропа, при котором сопоставляются предметы или явления, различные по своей природе: «Потому что лето без единой бури было бы несоленым, бесплодным. Как возвращение из-за границы без «неприятностей» в таможенной палате, как поездка со скидкой без боя за место в фургоне, как святой вегетарианец, матч без аплодисментов и ура» [8, 176].

Кроме индивидуальных, авторских, Корчак употребляет и общепринятые, устойчивые сравнения: «Не то как ветряная мельница, не то как сумасшедший, размахиваешь ты руками, молотишь кулаками... Надутый, как индюк» [8, 176].

В любом случае, автор применяет эти и другие стилистические приемы, которые дают возможность приблизить слушателя к мироощущению ведущего и позволяют сделать контакт более тесным, а диалог — откровенным.

В цикле «Шутливая педагогика» Корчак использует иронию, юмор и другие приемы комического. Как педагог и медик, понимающий психофизиологические особенности детей разных возрастных категорий, он допускает добрую иронию, которая может рассмешить ребенка. Например: «Спрашиваю: «Сколько раз в неделю деретесь?» Не знают, не считали. Неправильно! Считать надо обязательно, считать и засчитывать очки! Небольшая драка — одно очко, средняя — два очка, отчаянная — три. Сколько раз вам надо подраться от воскресенья до воскресенья? Записывайте и считайте, считайте. Допустим, ты имеешь право на десять очков, это пять средних драк. Тебе охота драться тут же, сейчас. Но ты ду-

маешь: «Не стоит, неделя только началась, сберегу очко, оставлю про черный день». Ты сам себе твердишь: «Не сегодня — завтра отлуплю его». Словом, ты рассчитываешь, как не выйти из рамок бюджета» // «Или говорят: «Упрямец». Нет лучше: «Ах ты, негативист, ты вотум сепаратум, ты либерум вето»» [8, 176] // «Не думай, что любому доверят самолет. Если у кого-то заболел живот оттого, что он объелся вишен, это неважно его характеризует как летчика. Самолет, видишь ли, дорогое сооружение, его не доверят такому оболтусу» [8, 176]. «Великий мастер юмора» — так назвал Старого доктора в статье его современник — Ян Улатовски, характеризуя радиопередачи [10, 6].

В радиовыпусках Корчака обращает на себя внимание регулярное употребление заимствованных иностранных слов, чаще всего из латыни. Например, в «Шутливой педагогике» автор пересказывает свой диалог с ребенком: «Перед тем, как ударить в первый раз, произнесите латинское заклинание «*Concordiarparguescrescunt, discordiamaximaedilabuntur*», вы также можете сказать по-польски: согласие строит, раздор разрушает» [11, 91]. И далее Корчак иронически замечает: «Мальчики говорят, что латынь лучше работает» [11, 91]. Если это выражение кажется ребенку сложным, то Корчак предлагает повторить его: «только три раза с сахаром после еды — закройте глаза и — медленно или быстро: *concordiarparguescrescunt*» [11, 91].

Заметим, что не все латинские слова и выражения автор считает необходимым переводить. К примеру, в одном из эфиров он произносит **primumnonnocere** [11, 95] (не навреди) и **utaliquidfierivideatur** [11, 95] (чтобы казалось, что что-то делается), но при этом оставляет сочетания без пояснений.

Интересен пример с фразой **magisterelegantiarum**. Крылатое выражение на латыни звучит как — **arbiterelegantiarum** — арбитр изящества. В русском аналоге — законодатель мод. Данное выражение в мировой культуре зафиксировано впервые в тексте Тацита и применяется в контексте характеристики личности писателя Петрония, написавшего знаменитый роман «Сатирикон». Среди прочего к выражению обращается и Оскар Уайльд в «Портрете Дориана Грея», и Генрик Сенкевич в «Камо грядеши». Но в приведенных текстах авторы используют версию **arbitere**. Возможно, Корчак применяет вариант **magisterelegantiarum** вслед за Виктором Гюго, назвавшим так своего героя, лорда Дэвида, и целую главу «Человека, который смеется». Гюго был одним из самых любимых писателей Януша Корчака, он неоднократно цитировал его в произведениях: «Для меня Гюго, возможно, меньше писатель, чем проповедник святых истин» [12, 475].

Есть множество других примеров использования Корчаком латинских слов и крылатых выражений в радиоэфире. Среди них **repetitio est mater**

studiorum — повторение — мать учения; **pro publico bono** — для восполнения добра, на общественное благо; **mortuus** — служитель при больных карантинными заболеваниями, в том числе чумой; **parcjalnie** — частично; **mentecaptus** — сумасшедший.

Такое частое обращение автора к латыни в радиовыпусках исследователи творчества Корчака трактуют как специфический образовательный прием. В частности, И. Д. Демакова, специалист по педагогике Я. Корчака, отмечает, что латынь была для него «родным» языком; вероятно, рассуждает исследователь, использование ее было связано с желанием «образовывать», поскольку автор программ был романтиком в видении и оценке детей и мечтателем, как любой хороший педагог. Той же точки зрения придерживается специалист по педагогическому наследию Корчака Р. А. Валеева, которая полагает, что Корчак старался расширить кругозор детей, в том числе и с помощью латыни в радиотекстах.

С одной стороны, действительно, интеграция латыни в тексты выпусков может объясняться медицинским образованием автора — в этом смысле разговор врача на «рабочем» языке видится логичным. С другой стороны, если учитывать, что текст передач Корчаком тщательно прорабатывался и готовился заранее, применение крылатых выражений на латыни в обращениях к детской аудитории случайным можно назвать с весьма низкой долей вероятности. По утверждению самого Корчака, в диалоге с детьми он взвешивал каждое слово: «На одних действуют длинные слова, на других — короткие. Наибольший эффект, если в слове есть буква «р». Немецкое «доннерветтер» [13] действует весьма и весьма сильно. Или историко-политическая брань — варвар, вандал, инквизитор, диктатор, Гит... (нет-нет!), Наполеон этакий — иногда помогает. Для большей силы хорошо добавить приставку «экстра» или «архи»» [8, 176].

Сегодня в исследованиях по теории медиа повышенное внимание уделяется формату сторителлинга (сторителлинг — умение рассказывать истории [14]). О его сущности, причинах популярности роли, в частности, в радиодискурсе развернулась серьезная научная дискуссия. Стоит отметить, что именно история является концептуальным ядром практически каждого эфирного выступления Я. Корчака. Рассказывая какую-либо историю, он в доступной форме доносит до детской или взрослой аудитории гуманистические и этические принципы взаимодействия человека с человеком. В качестве примеров можно привести историю из выпуска «Тур» (Wycieczka) о путешествии на лодке, повествование о споре доктора с дошкольником в «Дошкольнике» (Przedszkolak), историю о том, как «Старый доктор пытался стать более общительным» в выпуске «Город-деревня» (Wieś — miasto) и т.д. Таким образом, циклы «Шутливая педагогика», «Беседы Старого

доктора» и др. можно назвать первыми попытками использования сторителлинга в детской польской радиожурналистике.

Специфичен синтаксис в эфирных текстах Корчака. Как правило, он использует короткие предложения, где количество слов не превышает семи. На лаконичность изложения обращали внимание и редакторы «Антенны»: «Эти слова стоят перед вами, и сначала каждое кажется вам отраженным от других, исключительным, одиноким, уединенным. Пока вдруг три, четыре или пять из них соберутся (редко в большем количестве)» [3, 23]. Приведем примеры: «Я не говорю: «лентяй», «осел». Считаю, что это уже обида. «Нюня» — тоже не годится. Ведь когда ребенок плачет (не кричит, не скандалит), он нуждается в сочувствии и помощи» [8, 176]; «Вспоминается мне один случай. Давно это было. Электричества тогда еще не было» [8, 176].

Оценивая модель корчаковского текста с точки зрения современных подходов к подготовке радиоматериала, следует подчеркнуть ее современность. Правило говорить в эфире короткими фразами обусловлено тем, что радиослушатель, лишенный визуального ряда, априори находится в иных условиях восприятия медиатекста, нежели, например, читатель или зритель. Еще более сложным процесс декодирования радиотекста выглядит для детей. Отметим, что при формировании навыков радиокommunikации автор не имел возможности опереться на более раннюю практику профессионального сообщества — сколь-либо значимый опыт в этой сфере еще не был накоплен. Автор действовал в значительной степени интуитивно, полагаясь на собственные представления об эффективных журналистских приемах коммуникации с детской аудиторией. Фактически в этом вопросе польский радиоведущий и создатель детских программ Януш Корчак опередил свое время.

Тем не менее нами обнаружены примеры критики стилистики корчаковского текста. Так, в номере 5 журнала «Антенна» за 1936 г. автор М. Грегорчук высказывает опасение: ««Антенна» уже писала о Старом докторе — и это правильно — много похвал. Но есть замечание, взятое из другой бочки: является ли способ рассказа иногда даже слишком телеграфным, а иногда непонятным для детей — и может ли он способствовать развитию у них стиля? Все, что льстит нашей лени, имитируется очень охотно, и самый простой способ — упростить стиль, опуская слова. При всей моей признательности за педагогический энтузиазм Старого доктора и его способность адаптироваться к детям, это размышление приходит на ум автоматически» [15, 8]

Изобилие в радиоречи Корчака номинативных предложений действительно создает эффект намеренного пропуска слов. Однако такие цепочки из слов в текстах ведущего представляют собой на редкость

емкое образное описание личности, предмета, явления или качества, например: «Он, видите ли, центр вселенной, архичемпион, небесное светило, олимпийский бог, спортивное совершенство!»; «Я знаю, как это бывает: какое-то происшествие, столкновение, короткое замыкание, словесная вспышка — драка»; «Холодное, сухое одиночество — пустое, ревнивое, мстительное — надменное — деспотическое»; «Одиночество беспомощности — профессия — бегство — обида — потеря — неудача?» [8, 176].

Такая стилистика Корчака дает простор для слушательского воображения, позволяя домысливать и «дорисовывать» картину происходящего. Примечательно, что сегодня номинативы не просто активно используются, но и приветствуются в радиопрограммах, особенно в очерках и репортажах.

Высокой эмоциональности радиотекста автор добивался за счет частого применения междометий. В лингвистике эту часть речи часто называют звуковым жестом [16, 93]. Ф. Дельсарт утверждал, что междометия по богатству интонации принадлежат первое место среди всех частей речи. Корчак использует междометия как способ выражения эмоционально-волевой реакции как в процессе диалога с собеседником, так и в монологах.

Наиболее часто автор обращался к группе эмоциональных междометий. В качестве примера приведем эпизоды из «Шутливой педагогики» в оригинальном варианте: «**Mmm... Lekkomyslnyjesteś chłopak—Mmm. Tak? Dołożył jeszczeimneokularyizgniecioną piłeczkę pingpongową (myślałeś, żemożnawyprostować w ciepłej wodzie, ale była pęknięta)**»; «**Oh, dobrzepamamiętam, choć baaardzodawno... — Już biorą się zaręce (obowiązkowyrzynał) — okrążają drzewo — ooo!**»; «**Śliczna. — „Itakaprastara”. — Uhm. — „Imponująca”. — Ba! — „Sędziwaiczcigodna”**»; «**Onachcebuć pełnymczłowiekiem (Ooo!)**».

Корчак часто использует восклицательные фразы: «Я использовал его сознательно и — один раз!»; «Стыд! — записал»; «И этот человек — король!»; «Отпуск и молодость. Нет. — День отдыха!». Излюбленным приемом автора является пауза, которая в тексте обозначается знаком тире. Он употребляет паузу, как правило, в нескольких случаях:

— когда необходимо достичь эффекта динамичности событий (пр. «Сажусь — подавляю одышку»; «Тишина. — Я остановился. Перед нами поле и луга. — Первый день. — Сельская местность»);

— когда возникает потребность в лаконичном выводе (пр. «Ты промедлил, а больной скончался, и — минус: в статистике возросло число сирот»; «Ты летчик. Опоздал на аэродром, не успел проверить машину перед взлетом. Катастрофа — ты сломал шею, и для обороны страны одним самолетом меньше — минус»);

— с помощью паузы в середине предложения автор фиксирует внимание слушателя на конкрет-

ном слове или фразе, которые следуют за ней (пр. «А я спрашиваю — **соблазнился** — спрашиваю старшую с милой улыбкой»; «Молодежь и школьники отправляются — **шумно отправляются** — за стены, в летние лагеря, лагеря», «Держу, обнял — **удалось** — положил книгу на шезлонг, обе руки у меня свободны» [8, 176]).

На употребление Корчаком пауз обращал внимание и Пиотровский: «Устное слово Корчака с характерными для него паузами было чем-то совершенно отличным от печатного» [3, 23]. В то же время коллега Пиотровского М. Грегорщук писал: «Давайте рассмотрим словесные качества этих уже столь популярных разговоров: разве Старый доктор не добился большого успеха в том, что он говорит? И он говорит с большой (может быть, даже с очень большой) умеренностью, а главное — с отличным чувством значения остановок. И поэтому слушать его — настоящая передышка» [17, 9].

Выводы. Радиожурналистика Я. Корчака — первый в истории мировой радиожурналистики знаковый опыт открытого, содержательного, равноправного; с культурной и философской точки зрения — глубокого диалога с ребенком и о ребенке.

Журналисты Польского радио и ведущий Я. Корчак, несмотря на отсутствие опыта в силу новизны радио как способа коммуникации, сумели выработать собственное представление об аудиторных портретах и их характеристиках.

К созданию передач для детей польские радиовещатели первой половины 20-го века и в их числе автор-Корчак подходили с особенной тщательностью.

Проведенный нами анализ показывает, что корчакский текст исключает пафосность, агрессивность, педагогическую надменность, морализаторство. Главные характерные черты программ Я. Корчака — диалогичность и адресность.

При очевидной простоте и лаконичности тексты Корчака яркие, образны, высокохудожественны, что достигается за счет использования метафор, сравнений, идиоматических выражений и других стилистических приемов.

Авторский текст Корчака, созданный более восьми десятилетий назад, отвечает современным подходам к созданию как радиочерков, так и произведений других форм и жанров. В частности, в его выпусках обнаруживаются черты такого формата журналистики, как сторителлинг, сформировавшегося как коммуникативная технология гораздо позже — в начале 90-х годов XX века.

Все вышеизложенное позволяет говорить о феномене радиожурналистики Януша Корчака и необходимости его дальнейшего глубокого изучения в целях использования этого опыта в деле развития радиожурналистики вообще и прежде всего радиожурналистики, ориентированной на детскую аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левовицкий Т. Януш Корчак (1878–1942) / Т. Левовицкий // Перспективы: Ежеквартальный обзор. — № 1. — 1994 г.
2. Do Edwina Markuze. Janusz Korczak. Pismo rozproszczone. Listy. Muzeum Historycznym. st. Warszawy Instytut Badan Literackich PAN, 2008.
3. Jan Piotrowski. Ojciec cudzych dzieci. Wspomnienie o «Starym doktorze» Janusza Korczaka skreślił Jan Piotrowski. Wydawnictwo «Poligrafika», 1946.
4. Stary Doktor odpowiadał. Jan Piotrowski // Antena. — № 20. — 1938.
5. Ключев Ю. Публицистичность радиоречи / Ю. Ключев // Ученые записки ЗабГУ. — 2015. — № 2 (61). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/publitsistichnost-radiorechi/viewer> (дата обращения: 21.07.2023).
6. Anna Bystrzycka. Janusz Korczak i Polskie radio. Forum Pedagogiczne UKSW 2013/2. — P. 16.
7. Janusz Korczak. Kaitus Czarodziej. Wydawnictwo Siedmiorog / Wrocław, 2017. — S. 188–192.
8. Janusz Korczak. Pedagogika żartobliwa. Moje wakacje Gadaniki radiowe Starego Doktora. Wydawnictwo J. Mortkowicza, 1938.
9. Lydia Waleryszak. Les parlottes du Vieux Docteur » à la radio polonaise. — Режим доступа: <https://www.meirieu.com/PATRIMOINE/korczakradio.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).
10. Dyskutujmy. Jan Ulatowski // Antena. — № 29. — 1935.
11. Janusz Korczak. Senatszeleńców. Prozapoeetycka. Utwory radiowe. Oficyna Wydawnicza «Latona». — Warszawa, 1994.
12. Janusz Korczak. Teoria a praktyka. Artykuły pedagogiczne // Muzeum Warszawy I Instytut Badan Literackich PANS, 2017.
13. Выражение «гром и молния» относится к ругательным по прим. Большого немецко-русского словаря. — Режим доступа: https://gufo.me/dict/deru_full/Donnerwetter (дата обращения: 20.09.2023).
14. Фадеева О. А. Сторителлинг как символическая информационно-коммуникативная технология / О. А. Фадеева // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/storitelling-kak-simvolicheskaya-informatsionno-kommunikativnaya-tehnologiya/viewer> (дата обращения: 20.07.2023).
15. czem mówić w Polskim Radjo... Marjan Grzegorzcyk // Antena. — № 5. — 1936.
16. Прудникова А. В. Междометие как объект лингвистического описания / А. В. Прудникова // Вестник СФУ. — 2011. — С. 91–94.
17. Krytykujemy. Marjan Grzegorzcyk // Antena. — № 42. — 1935.

Московский педагогический государственный университет

Зубаркина Е. С., кандидат филологических наук, и. о. заведующей кафедрой журналистики и медиакоммуникаций им. В. А. Славиной Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования

E-mail: famzub@yandex.ru

Moscow Pedagogical State University
Zubarkina E. S., Candidate of Philological Sciences, Acting Head of the Department of Journalism and Media Communications named after V. A. Slavina Institute of Journalism, Communications and Media Education
E-mail: famzub@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЖУРНАЛИСТСКИХ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ

Д. В. Зубко

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Поступила в редакцию 23 октября 2023 г.

Аннотация: в статье исследуются социально ориентированные журналистские семантически осложненные материалы федеральных СМИ России, опубликованные в период 2014–2023 г. Для анализа специально отобраны технически сложные полисемантические интерактивные публикации глубокого погружения: мультимедийные лонгриды, сноуфоллы, интерактивные истории игрового формата. Определены тематические доминанты таких материалов. Выявлено, что представление социально значимой проблематики в поликодовом формате способно значительно расширить воздействующий потенциал публикаций, усилить пробуждаемые ими эффекты: присутствия, сопереживания, созидания, достоверности, консолидации.

Ключевые слова: журналистика, социальная проблематика, цифровизация, поликодовый текст, интерактивность, лонгрид, сноуфолл, мультимедийная история.

Abstract: the article examines socially oriented journalistic semantically complicated materials of the federal mass media of Russia published in the period 2014–2023. Technically complex polysemantic interactive publications of deep immersion were specially selected for analysis: multimedia longreads, snowfalls, interactive stories of game format. The thematic dominants of such materials are determined. It is revealed that the presentation of socially significant issues in a polycode format can significantly expand the impact potential of publications, strengthen the effects they awaken: presence, empathy, creativity, credibility, consolidation.

Keywords: journalism, social issues, digitalization, polycode text, interactivity, longread, snowfall, multimedia history.

Социальная проблематика в контексте цифровизации массмедиа. Тематическая ориентация публикаций на социальное направление традиционно является доминантной в массмедиа наряду с политической и экономической проблематикой. Содержание социальной журналистики многопланово, в силу социального характера самой журналистской деятельности. Задачи социальной журналистики обусловлены необходимостью «предоставления аудитории полной информации о состоянии социальной сферы, согласования интересов и отслеживания человеческих реакций на происходящие социальные изменения, выработки социальных технологий и нравственной оценки событий, а также <...> организации действий, предполагающих непосредственное вмешательство в социальную практику» [1, 155]. В этой связи можно заключить: в широком смысле социальная журналистика сосредоточивается на противоречиях личного и общественного, трудностях бытия «маленького человека», проблемах взаимоотношений личности и определенной социальной группы, личности и государства, личности и общества.

Вот только отдельные вопросы, находящиеся в фокусе внимания социальной журналистики: права человека; толерантность и нетерпимость; пре-

ступность и причины ее распространения на определенной территории; вопросы образования, семьи, материнства и детства; проблема безработицы; вопросы своевременной и достойной оплаты труда, бездомности, бедности, поддержки малоимущих категорий граждан; последствия войны и вопросы достижения мира; проблематика трудовой миграции; вопросы экологии; физического и психического здоровья населения; безопасности граждан; состояние социально-бытовой сферы, инфраструктуры.

Иными словами, фокус социальной журналистики сосредоточен на человеке, его проблемах, а не на вопросах функционирования государственных или экономических систем и деятельности политических элит, состоянии международных отношений или других дилеммах глобального и, как следствие, в ряде случаев, обезличенного характера. Репрезентация социальных проблем в СМИ значима в той мере, что — так или иначе — касается каждого гражданина.

Продолжая разговор о социальной проблематике в контексте цифровизации массмедиа, невозможно игнорировать как тенденции восприятия и потребления информации аудиторией, так и специфику медиаконтента последних десятилетий. В России наблюдается преобладание развлекательного контента над социальным, познавательным, информирующим: «развлекательность низкого уровня все

больше претендует на лидерство, на основной фактор формирования человеческих вкусов, чувств, мышления» [2, 19]. Существенно расширился информационный поток: усиление процессов цифровизации привело к тому, что в десятки, а то и в сотни раз, возросло производство медиаконтента, он создается теперь не только профессиональными журналистами, но и пользователями сети. Усугубляют ситуацию так называемые информационные пузыри или пузыри фильтров — искусственно созданные алгоритмами поисковых систем и социальных сетей персонализированные интернет-вселенные, ограничивающие пользовательское внимание на той части контента, которая соответствует его мнениям, интересам, мировоззренческим установкам. Информационные пузыри провоцируют интеллектуальную изоляцию аудитории [3]. Указанные события и обстоятельства приводят к необходимости поиска редакциями способов вернуть аудиторию, удержать ее внимание.

Поликодовый журналистский текст: репрезентация социальной проблематики. Один из инструментов привлечения читателя — подготовкой редакциями интерактивных поликодовых материалов. В общем смысле такие публикации представляют собой сложные поликодовые (креолизованные / семиотически осложненные / гибридные) цифровые медиатексты. Это тексты, «фактура которых состоит из двух неомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [4, 180]. Цифровое функционирование медиатекстов предполагает усиление их воздействующего потенциала через совокупность знаков разнородных семиотических систем: текста, информационной графики, фотографий, графических иллюстраций, слайд-шоу, видеозаписей, аудиовставок, 3D-панорам, интерактивных карт, анимации, мультимедийных тестов, таймлайнов, элементов дизайна (фон-подложка, текстовый дизайн и т.д.).

Условно такие тексты можно характеризовать как интерактивные материалы глубокого погружения. Поликодовость форсирует традиционные иммерсивные эффекты качественных журналистских публикаций: эффект присутствия, сопереживания, созидания, достоверности, консолидации. Особенно это касается материалов глубокого погружения, в которых реализуются принципы интерактивности (прямого взаимодействия с контентом) и нелинейности (влияния на ход истории). Сочетание нескольких знаковых систем способствует усилению смысловосодержания, активизирует эмоциональный отклик читателя и способствует эмоциональному заражению аудитории.

Цифровые, качественно выполненные полисемантические публикации глубокого погружения, актуализирующие социальные вопросы, появились в отечественных сетевых СМИ в 2010-е гг. В форматном

отношении это поликодовые лонгриды, материалы сноуфолл-формата, интерактивные истории-игры и истории-мультфильмы. В отдельных изданиях (например, «Лента.ру», «Коммерсантъ», «ТАСС», «Такие дела») подобные материалы, в связи с терминологической неоднозначностью понимания цифровых форматов, маркируются редакциями как «спецпроект» или «мультимедийные материалы».

В связи с универсальностью понятия «поликодовость» и с тем, что поликодовыми в сущности являются все материалы, в которых происходит сочетание двух и более знаковых систем, необходимо уточнить, что в контексте данной статьи фокус внимания сосредоточен на цифровых интерактивных поликодовых материалах, т.е. на технически сложных мультимедийных журналистских публикациях, предполагающих интерактивное взаимодействие читателя с ними, характеризующихся нелинейностью повествования и включающих в себя не менее трех знаковых систем. Мониторинг публикаций охватил период 2012–2023 гг., поиск материалов в федеральных изданиях производился с помощью ключевых слов: «сноуфолл», «спецпроект», «лонгрид», «мультимедийный материал».

Тематический и жанрово-форматный профиль социально ориентированных поликодовых журналистских публикаций. Под лонгридом понимается журналистский материал, в основе которого лежит длинный текст, сопровождаемый визуальным или аудиальным контентом. Интерес вызывает точка зрения С. И. Симаковой, которая утверждает, что лонгрид — в форматно-жанровом представлении о нем — не в полной мере является продуктом цифровизации [5]. Лонгриды, т.е. длинные тексты, обстоятельные аналитические или публицистические материалы (статьи-передовицы, очерки, корреспонденции) существовали задолго до появления интернета. Вместе с тем освоение редакциями возможностей гипертекста, интерактивности, мультимедийных инструментов привело к переходу характеристики текста (длинный текст) в сетевой формат — мультимедийный лонгрид.

Под лонгридом предлагаем понимать содержание глубоко, относительно длинный журналистский поликодовый текст, обладающий признаками интерактивности, гипертекстовости. Невербальные элементы в таких публикациях статичны, интерактивное взаимодействие с контентом ограничено для читателя перелистыванием слайд-шоу, самостоятельной активацией аудио или видеовставок и, как следствие, более слабым эффектом погружения в материал. Такие материалы, если использовать терминологию А. А. Бернацкой [6], умеренно креолизованы — т.е. их невербальные элементы хоть и значительно дополняют текст, тем не менее являются факультативными, вербальная часть таких публикаций относительно самостоятельна. В сущности,

к таким публикациям можно отнести значительную долю объемных текстовых материалов, сопровождаемых мультимедийным содержимым.

В российском медиаполе это, например, социальный направленный поликодовый медиапроект издания «Аргументы и факты» — «Сталинград. Лето 42-го». Лонгрид содержит выдержки из газетных публикаций времен Великой Отечественной войны, объявления, воспоминания, письма, дневниковые записи Первого секретаря Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) в 1938–1946 гг. А. С. Чуюнова, жителей Сталинграда, защитников города и фашистских захватчиков о начале Сталинградской битвы, ставшей переломной в Великой Отечественной войне. Эмоциональная глубина материала достигается через истории простых людей, описание их быта. Логика построения лонгрида носит хроникальный характер: довоенная жизнь города и Сталинградской области в 1939–1941 гг., Сталинград — глубокий тыл, бои в Сталинградской области и подготовка к обороне Сталинграда, начало Сталинградской битвы 23 августа 1942 г. Материал содержит фото, графические вставки, статичную инфографику, сканированные копии документов, газетных публикаций, короткие мультимедийные заметки, активируемые нажатием кнопки мыши. Наряду с этим ключевую воздействующую функцию в материале «Сталинград. Лето 42-го» выполняет текст.

Сноуфолл-материалы — это публикации, уникальность которых заключается в полной креолизации содержимого. Такие материалы не обязательно дополняются длинным текстом, визуальная и аудиальная составляющие выходят в них на первый план. Публикации такого рода нестатичны: посредством скроллинга пользователь активирует мультимедийный контент — «оживляет» страницу: начинает играть музыка, происходит переключение таймлайна, активируется анимация, включаются видеозаписи. Сноуфоллы могут быть нелинейны: погружение в контент возможно в том порядке и в той мере, в которой это необходимо пользователю. Восприятие вербального элемента таких публикаций (собственно текста) осложнено без невербальной части. Текст, как правило, несет вспомогательную функцию, текстовые вставки не обязательно объемны.

Иллюстрирует своеобразие формата «сноуфолл» материал социальной направленности от редакции «Первого канала» — «Всем миром. Год спустя». Это спецпроект о последствиях разрушительного наводнения на Дальнем Востоке в 2013 г. и о результатах благотворительного марафона в поддержку пострадавших и потерявших кров жителей региона. Логика построения материала подчинена хроникальному принципу. В публикации используются карты, в том числе интерактивные, инфографика, слайдшоу с фотографиями последствий наводнения. Таймлайн в верхней части экрана показывает, как росло чис-

ло разрушенных домов и пострадавших, приводятся гиперссылки на финансовую документацию. Эффекты присутствия, сопереживания, достоверности порождают видео- и аудиовставки (документальные шумы: пение птиц — в титульном кадре публикации; шум воды, звуки спасательной операции — в части, посвященной затоплению региона и спасению жителей пострадавших поселений; звуки работающей техники и пение птиц — в заключительной части материала, где приводится информация о восстановлении региона и расходовании средств, которые удалось собрать с помощью государства и благотворителей). Текст в данном материале представлен в минимальном информирующем объеме. Опубликованный в 2014 г. сноуфолл «Всем миром. Год спустя» — один из первых журналистских проектов интерактивного формата в России.

Другой проект формата сноуфолл — материал «ОПГ 90-х» издания «Лента.ру». Данная публикация имеет яркий иммерсивный характер: в беспокойную и опасную атмосферу 1990-х гг. погружают тревожная музыка, сопровождающая читателя на протяжении всего повествования, и шумы — вой ветра, как символ опасности, безнадежности. Курсор компьютерной мыши меняется на прицел, который становится красным при наведении его на элементы, с которыми возможно интерактивное взаимодействие. В целом, красный цвет является доминирующим в материале: при перелистывании карточек с описанием ключевых организованных преступных группировок 1990-х гг. на странице «На заре криминала» происходит их окрашивание в красный (кровавый) цвет. В красном и черном цветах представлены эмблемы, обозначающие доминантные образы каждой истории: графические изображения красных папок — отсылка к 30 томам уголовного дела, заведенного на ОПГ «Тяп-Ляп»; иконическое изображение собаки в красном цвете — отсылка к собачьим боям, которые организовали лидеры преступной группировки «Хади Такташ»; красные и черно-белые пули, черные автоматические винтовки, черные мишени и т.д. — отсылка к преступлениям ОПГ, в числе которых многочисленные и массовые убийства. Уникален дизайн спецпроекта, начиная от фона-подложки, заканчивая иконическими элементами, которые сопровождают текст. Публикация имеет нелинейный характер, возможно обращение читателя к историям только отдельных ОПГ. Вербальный элемент публикации — текст — имеет высокое значение для восприятия информации, наряду с этим атмосфера, создаваемая музыкой, логика построения материала, проработка дизайна, в т.ч. анимация, фотовставки позволяют оценить весь масштаб и социальные последствия преступности 1990-х гг. в России.

В отдельную категорию выделим интерактивные истории игрового формата. Такие материалы характеризуются полным погружением пользователя

в происходящее на экране, напоминают компьютерные игры или интерактивные мультфильмы. Редакции могут разрабатывать геймплей для вовлечения аудитории в игровой процесс, удержания ее интереса, создания мотивации на достижение результата. Текст в таких материалах выполняет вспомогательную функцию, дополняет «игровой процесс» или содержание «мультфильма». Истории игрового или анимационного комикс-формата характеризуются серьезным вовлекающим эффектом.

Наиболее полно формату игры соответствует проект издания «Такие дела» — «Выход. Игра о том, как мигранты переживали пандемию». Проект представляет собой игровой материал, цель которого показать, как тяжело в период пандемии пришлось трудовым мигрантам в России. Материал выполнен в формате пиксельной анимации, сопровождается музыкой. Герой игры — трудовой мигрант, которому необходимо в разгар пандемии выйти на работу, его задача — пройти несколько уровней, не нарушив закон: помочь группе врачей улететь в Бишкек, помочь трудовому мигранту вернуться из Казахстана на работу в Россию, самому выйти на работу. Материал качественно и интересно выполнен, сопровождается комическими элементами, вместе с тем эксплуатирует стереотипные суждения о злоупотреблениях отдельными полицейскими своим положением.

Другой материал игрового характера — интерактивный мультфильм «Откат. Какой была Россия 20 лет назад» издания «Лента.ру». Игра предлагает читателю «откатить себя в 2000 год», ответив на несколько вопросов теста, а после получения результата напоминает в формате анимированных комиксов о быте и социальных проблемах 1990-х — начале 2000-х гг.: преступности, бедности, невозможности приобрести жилье, утрате ценностных ориентиров и деморализации населения и т.д. Антураж поддерживается фоновыми музыкальными вставками из песен 1990-х гг., шумами (милицейская сирена, щебет птиц, звон разбитого стекла), аудиодитами из сериалов и фильмов конца 1990-х — начала 2000-х гг.: «Улицы разбитых фонарей», «Брат», «ДМБ», «Бригада». В данном материале текстовые вставки практически отсутствуют, представлены в формате коротких спич-бабблов (текстовых облаков) анимированных героев.

Тематическая палитра социально направленных лонгридов, сноуфоллов и интерактивных историй-игр в отечественном медиапространстве обширна. В качестве ведущих тем определим темы войны и мира: материалы о Великой Отечественной войне («День, когда началась война», «Великое сражение великой войны» («КоммерсантЪ»); «900 дней жизни» («ТАСС»); «Великая победа», «Чума фашизма» («Лента.ру»); «У Победы девичье лицо» (Mash); «Сталинград. Лето 42-го» («Аргументы и факты»)), специальная военная операция России на Украине, героизм рос-

сийских военных, преступления украинских боевиков («РИА Новости»: «“Раненые — они как дети”. Кто вытягивает российских бойцов с того света»; «“То, чему вас учили, здесь не спасет”. Что происходит под Донецком»; Mash: «Путь добровольца: честные рассказы парней, уехавших на СВО», «“Смысл нашей жизни — это любовь”»: интервью с матерями российских солдат»), иные войны и их социальные последствия («Опиум и смерть», «Война в Сирии: от бомбардировок к патрулированию» («КоммерсантЪ»); «История субкоманданте Маркоса: четвертая мировая уже началась» (Mash)).

Поликодовый текст о толерантности и дискриминации по национальному признаку, проблемах трудовой миграции: «Выход. Игра о том, как мигранты переживали пандемию» («Такие дела»). Материалы о последствиях стихийных бедствий и техногенных катастроф: «Всем миром. Год спустя» («Первый канал»); «Земля отчуждения» («КоммерсантЪ»). Поликодовые публикации о социальных катастрофах: «Откат 2000. Какой была Россия 20 лет назад», «1917. Столетие ужаса», «ОПГ 90-х» («Лента.ру»). Материалы о бездомности и поддержке социально незащищенных категорий граждан: «Жили|были. Пять историй реальных людей», «Карта памяти. Продолжение проекта «Жили|были»» («Такие дела»). Наркозависимости: сноуфолл «Россия под наркотиками» («Лента.ру»)

Публикации о проблемах физического и психического здоровья населения: сноуфолл «Что делать» («Лента.ру») о том, как в условиях современного мира справляться со стрессом и сохранить здоровье; «Алгоритм. Кто тобой управляет» («Лента.ру») — материал о негативном воздействии социальных сетей на психическое благополучие людей, о противодействии «информационным пузырям»; интерактивный тест об опасностях сетевой коммуникации — «Попробуй выжить в интернете!» («Лента.ру»); «Чистые страницы. Живые истории победы над хроническим гепатитом С в России» («Такие дела»).

Исследованные показали, что поликодовые журналистские материалы социального характера, в целом, характеризуются высоким качеством исполнения, обладают образовательным и гуманистическим потенциалом. Предложена авторская классификация поликодовых текстов глубокого погружения, представленных в российских СМИ в период 2014–2023 гг.: лонгриды, сноуфоллы, интерактивные истории игрового и анимационного формата. Определено, что тематическое пространство социально ориентированных поликодовых материалов глубокого погружения обширно, включает в себя материалы на следующие темы: войны и мира, толерантности и дискриминации, психического и физического здоровья граждан, наркозависимости,

бедности, помощи социально незащищённым категориям граждан, последствий социальных, техногенных катастроф, стихийных бедствий. Отмечается, что материалы социальной направленности в наибольшей степени нуждаются в поликодовом представлении, в силу их высокого общественного значения, в том числе для молодежи, тяжело, вследствие усиления процессов цифровизации, воспринимающей традиционные аналитические и публицистические тексты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролова Т. И. Предметно-функциональные особенности социальной журналистики / Т. И. Фролова // Известия БГУ. — 2014. — № 2. — С. 150–155.
2. Ключев Ю. В. Радиовещание Ленинграда-Петербурга: организационная структура, проблематика, эволюция

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Зубко Д. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью, Гуманитарный институт

E-mail: zubko_dv@spbstu.ru

форм и жанров (1980–2000 гг.): дис. ... кандидат филол. наук: 10.01.10 / Ю. В. Ключев. — Санкт-Петербург, 2004. — 281 с.

3. Тесленко А. Н. «Информационные пузыри» молодежного сознания / А. Н. Тесленко // Северный регион: наука, образование, культура. — 2023. — № 2 (54). — С. 54–62.

4. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — М., 1990. — С. 180–186.

5. Симакова С. И. Сноуфолл как синтез вербального и визуального компонентов в журналистских материалах / С. И. Симакова // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. — 2017. — № 5. — С. 80–89.

6. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник. — Вып. 3 (11). — Красноярск, 2000. — С. 104–110.

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Zubko D. V., Candidate of Philological Sciences, senior lecturer, Higher School of Media Communications and Public Relations, Institute of Humanities
E-mail: zubko_dv@spbstu.ru*

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭФИРА «ДЕТСКОГО РАДИО»

А. Р. Игнатъева, Л. А. Круглова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 31 октября 2023 г.

Аннотация: в статье рассматривается интерактивная составляющая эфира «Детского радио». Авторами был проведен анализ, в том числе с помощью включенного наблюдения, как полностью интерактивных программ (игры, акции, конкурсы), так и интерактивной составляющей эфира в период с сентября 2022 г. по сентябрь 2023 г.

Ключевые слова: радиовещание, интерактивность, детское вещание, аудитория, рейтинг.

Abstract: the article examines the interactive component of the Children's Radio broadcast. The authors carried out an analysis, including through participant observation, of both fully interactive programs and the interactive component of the broadcast in the period from September 2022 to September 2023.

Keywords: radio broadcasting, interactivity, children's broadcasting, audience, rating.

Введение. Радиовещание сегодня — единственное традиционное СМИ, не только практикующее, но и поощряющее активное участие аудитории в ежедневной эфирной деятельности. Классики радиовещания отмечали, что «среди всех каналов массовой коммуникации радиовещание обладает самой высокой *проникающей способностью*» [1, 154]. И взаимодействие радиоведущего и слушателя в той или иной степени происходила на протяжении всего развития радиовещания [2]. Однако интерактивной такая связь стала называться лишь во второй половине 1990-х гг., когда российские медиа стали заимствовать зарубежный опыт. До этого времени подобные программы назывались контактными или диалоговыми [1]. Прототипом сегодняшней интерактивности можно считать программы по письмам слушателей [3, 139]. «Под «интерактивностью» подразумевается свойство, характеризующее современную модель массового общения с активизацией обратных связей» [2, 103]. Медиаисследователи М. М. Лукина и И. Д. Фомичева полагают, что интерактивные программы в СМИ позволяют редакциям: расширить не только объемы информации, но и ее содержание; выразить смысл послания с помощью разных кодов общения; использовать для «работы» с аудиторией разнообразные формы общения, предоставить ей более полные возможности для реагирования и участия в информационном обмене [4, 87].

«Детское радио» — единственная в России радиостанция, вещание которой целиком посвящено детям [5]. Аудитория «Детского радио» — дети до 12 лет. 25 декабря 2022 г. станции исполнилось 15 лет. И все это время «Детское радио» играет со своими юными слушателями.

Актуальность. Интерактивные программы и рубрики на радио необходимы для приобретения и поддержания активной лояльной аудитории, привлечения рекламодателей и повышение рейтинговых показателей [6, 241].

Исследователи выделяют три степени интерактивности: низкую (передача приветов или заказ песен), среднюю (вопрос эксперту в студии; мнение), высокую (личное мнение, суждение слушателя с указанием его имени) [7; 8, 150]. Однако подобная классификация на практике не связана со степенью эмоциональной вовлеченностью. Так, можно сравнить политическое шоу на разговорном радио со средней или высокой степенью интерактивности, по указанным параметрам, где слушатель может задать вопрос или высказать свое мнение и финал масштабного проекта, в ходе которого разыгрываются не только крупные денежные суммы, но и дорогостоящие призы, такие как квартира или автомобиль, в сопровождении пятичасового радиомарафона с участием известных артистов. Степень его интерактивности определяется как низкая, однако ее никак нельзя назвать таковой. Кроме того, исследователи не уделяют должного внимания одному из важных элементов эфирного взаимодействия — «радиоигре». Следуя логике степеней интерактивности, радиоигре нужно отнести к низкой. Однако в практике радиовещания радиоигра — прием, вызывающий качественный аудиторный отклик, необходимый для грамотного позиционирования и успешного продвижения. Это одна из ключевых точек соприкосновения, способная поддержать лояльную активную аудиторию.

Радиоигра — это эфирная механика взаимодействия с аудиторией. Задаются сроки (год/месяц/следующий час/после музыкальной паузы), условия участия (дозвонись — и угадай/ответь/предположи/сыграй, зарегистрируйся на сайте, поставь гимн стан-

ции на звонок. В зависимости от заданных условий предусматривается вознаграждение победителю и/или участникам (если иное не предусмотрено условиями акции). Для грамотного функционирования такого рода эфирных интерактивов условия проведения и условия участия закрепляются юридически. Таким образом, радиоигра — совершенно самостоятельная эфирная механика, которой активно пользуются станции сегодня. Разновидностями радиоигры можно назвать акции и конкурсы.

Для того чтобы провести эфирный интерактив, в частности радиоигру, нужны следующие составляющие:

1. Проработанные игровые механики (как участвовать, в какие сроки, кто побеждает, предусмотрены ли призы).
2. Подготовленное эфирное оформление.
3. Настроенные каналы коммуникации (телефон студии/мессенджеры/социальные сети/электронная почта).
4. Ведущие, готовые гибко взаимодействовать, быстро реагировать на непредвиденные ситуации [9].
5. Призы (по возможности).

Слушать во время интерактивных программ получает следующие возможности:

1. Что-то выиграть, тем самым завершив игру.
2. Ускорить выявление победителя.
3. Выразить мнение/задать вопрос с помощью мессенджера/звонка в эфир — и получить на него ответ ведущего/эксперта.
4. Заказать песню/ «передать привет» — также посредством сообщения в мессенджере/звонка в эфир.

Методология исследования. Целью данного исследования было выделить интерактивную составляющую эфира «Детского радио» и классифицировать как самостоятельные интерактивные программы, так и рубрики и интерактивные элементы. Авторами был проведен анализ, в том числе с помощью включенного наблюдения, как полностью интерактивных программ (игры, акции, конкурсы), так и интерактивной составляющей эфира в период с сентября 2022 г. по сентябрь 2023 г. Рассматривался буквальный интерактив в эфире — не анализировались интернет-механики, анонсы ведущих, «устники» с призывом поучаствовать в конкурсах на интернет-площадках etc.

Результаты авторского исследования (осень 2023 г.).

Таблица 1.

Классификация интерактивных программ и рубрики на «Детском радио»

Интерактивные программы — линейный эфир	Интерактивные шоу: составные форматы	Игровые рубрики в шоу
«Музыкальный привет» «Час без правил» «Сундучок с секретом»	«ХРУМ. Клуб юных детективов» «Гонки за лайками»	Утреннее шоу (Утро с Веснушкой и Кипятошей) «Я играю на расческе» «Удивили» Дневное шоу «Развивайка» «Пора знакомиться» «Музыкальный шифр»

Интерактивные программы — линейный эфир.

«Музыкальный привет».

Программа в традиционном формате. Слушатель может дозвониться, заказать песню и «передать привет». Важно, что на подавляющем большинстве «взрослых» станций такой практики уже не существует, слушатели не могут попросить поставить музыкальную композицию.

«Час без правил».

Каждый дозвонившийся ребенок выполняет задание — и оставляет задание для следующего дозвонившегося. Например, сыграть на музыкальном инструменте, спеть песню, рассказать стихотворение, быстро прочитать скороговорку, перечислить семь морских животных, сыграть с ведущим в «слова». Сама программа молодая, однако сам формат возник давно. «Ярмарка талантов» была предшественником, дозвонившийся ребенок демонстрировал свои таланты. Также у слушателей есть возможность присылать фотографии своих поделок в мессенджеры

«Детского радио».

«Сундучок с секретом».

«Скрыт подарок в сундучке. Сундучок тот на замке. Чтоб открыть его секрет — нужен правильный ответ!». В студии стоит сундучок, внутри которого загадочным образом появляется приз. Ведущий зачитывает загадку. Слушателям предлагаем дозвониться и задать ведущему три вопроса о призе, начинающихся со слова «это». Например: это зеленое? это умеет петь? это пригодится в школе? Ведущий же может ответить «да», «нет» или «не знаю». Дети звонят друг за другом. Отгадавший получает приз. Программа является одной из самых популярных эфирных программ «Детского радио».

Игровые рубрики в шоу.

Утреннее шоу («Утро с Веснушкой и Кипятошей»).
«Я играю на расческе».

Ведущие загадывают известную песню и исполняют ее с помощью неожиданных предметов. Участник предполагается один, ребенок отгадывает песню.

«Удивили».

Слушатели присылают свои удивительные истории из жизни. Дети пишут о себе, родители о детях, истории зачитываются в эфире. После ведущие объявляют голосование. Тот, чья история набрала больше голосов, становится победителем.

Дневное шоу «Развивайка».

«Пора знакомиться».

Ребенок дозванивается в прямой эфир и за минуту рассказывает о себе все, что хочет или успеет. Простые игры такого рода, во-первых, имеют цель разбавить разговорный блок, во-вторых, задать темп последующему шоу и, наконец, подтолкнуть детей активно участвовать в дальнейшем. Опять же, возвращаемся к тому, что любой интерактив начинается с приглашения к диалогу.

«Музыкальный шифр».

Ребенок дозванивается, ведущие предлагают прослушать фрагмент известной песни, но в виде измененного состояния. Нужно догадаться, что это за песня.

Интерактивные шоу: составные форматы.

«Детское радио» постоянно находится в поиске новых форматов программ, то есть в поиске новых способов взаимодействия с аудиторией. Только так радио может оставаться конкурентоспособным. На «Детском радио» есть шоу, аналогов которым не существует в современном российском радиопространстве.

«ХРУМ. Клуб юных детективов».

Выросло из серии радиоспектаклей (подкастов) «ХРУМ или сказочный детектив». Главные герои — детективы агентства «ХРУМ»: хитрейшие расследования умнейших мыслителей. Мария Петровна — учитель математики и глава детективного агентства, школьник Максим и Добрыня — сказочный богатырь и начальник сказочной полиции — наводят порядок в сказках. То скатерть самобранка дает исключительно полезную еду, то Пиноккио с Буратино местами поменяются, то Тараканище из стихотворения Чуковского присвоит себе теремок из русской народной сказки. Теперь помочь сказочным сыщикам в расследовании может любой ребенок. К расследованию приглашаются юные детективы. Шоу выходит в прямом эфире. История радиоспектакля готовится заранее. Ведущий — Добрыня. Сначала вместе с ребенком, используя «яблочко на блюдечке», выбирается сказка, в которую сегодня предстоит отправиться и провести расследование. Потом в эфире звучат поочередно эпизоды спектакля, в каждом из которых герои общаются с новым подозреваемым и обнаруживают улики. А слушателям предлагается предположить, виновен ли тот или иной сказочный герой. Дети дозваниваются в прямой эфир, делятся идеями, обсуждают сказочные конфликты, книги, авторов, по косвенным уликам пробуют догадаться, кто же

виновник. Все это дублируется в социальных сетях и на странице шоу на сайте «Детского радио». В последнем эпизоде спектакля преступник раскрывается, отгадавшие — принимаются в Клуб юных детективов и награждаются призами.

«ХРУМ» — это пример того, как интерактивность служит инструментом развития проекта. Редакция понимает, что каждый слушатель сам хочет участвовать в создании сказки, соприкоснуться с героями. И дает им такую возможность. Вместе с этим радиостанция выполняет и образовательную миссию: говорит о книгах, разбирает мотивы, линии поведения персонажей, характеры, детали. Авторы модернизируют историю, делают сюжет интерактивным и динамичным.

Отдельно отметить, что для создания масштабного шоу такого плана необходимо затратить массу редакционных усилий. Нужны: сценаристы, артисты, режиссеры, продюсер шоу, ведущий, звукорежиссер прямого эфира, модераторы сайта и социальных сетей, и даже иллюстраторы, бюджет. И здесь «Детское радио» конкурирует не с другими станциями, а с играми, игрушками, гаджетами, когда ребенок вечером по пятницам ждет не выход видео блогера, а шоу на радио.

«Гонки за лайками».

«Баттл» сказочных персонажей. На сказочном ринге друг против друга встречаются Золотая рыбка и Барон Мюнхгаузен, Лихо Одноглазое и Пантера Багира, Три поросенка и Кот Базилио, Чеширский кот и ПеппиДлинныйчулок, Незнайка и Русалочка. Юные слушатели решают, кто лучше, голосуют лайками. В прямом эфире ведущий — известный герой «Детского радио» — говорящий чайник Кипятоша. Чтобы помочь любимому сказочному персонажу победить, нужно дозвониться и отгадать загадки, проголосовать за героя на сайте. Для каждой программы команда радиостанции пишет и записывает песни, которые становятся настоящими хитами. Программа стала лауреатом премии «Радиомания» и была отдельно отмечена членами РАР.

Необходимо отметить, что в эфире «Детского радио» присутствуют и другие формы интерактивности. Так в эфир радиостанции регулярно приходят в гости эксперты. Эксперты самые разные: дрессировщик енотов с живым енотом, повар, детский писатель, детский музыкальный коллектив, врач-офтальмолог, космонавт, дирижер и многие другие. И юные слушатели с удовольствием вступают в диалог. Ведущий просит «задавать гостю вопросы» — дети задают. Гости часто приносят с собой и специальные призы, которые вручаются автору самого интересного вопроса. На «взрослых» станциях такое встречается чаще — формат обмена мнениями, дискуссия между слушателями и экспертами. И этот процесс модерировается, ведущие не зачитывают «все подряд». В случае «Детского радио» модерация осу-

ществляется наиболее тщательно. За эфиром продюсер общается с каждым ребенком, выясняет вопрос, «репетирует» процесс его задавания, порой даже предупреждает гостя о теме вопроса — и только потом выпускает ребенка в эфир. Любой бесконтрольный интерактив влечет за собой бессистемность, ломаются тематические и временные рамки. У программы есть задумка и цель: рассказать/прояснить/описать/выявить, а на «Детском радио» еще и надо сделать «познавательно, увлекательно и развлекательно». Диалог может все это дополнить или расширить. Если же цель — выслушать всех и со всеми поговорить — то реализация ее возможна только в социальных медиа.

Диалог без рамок возможен (например, на станции «101.ru»), но он больше похож на общение блогеров и их виртуальных подписчиков и ничего общего с радиовещанием не имеет, а потому быстро прекращает свое существование.

Выводы. Некоторые исследователи утверждают, что интерактив — это когда слушатель может влиять на ход эфира и управлять им [10]. Однако практика радиовещания показывает, что слушатель никогда не должен ни на что глобально влиять в прямом эфире, это недопустимо. Влияние — слишком громкое определение для того, что существует на самом деле.

Любое взаимодействие со слушателями:

— Заранее предусмотрено (приветы в программе для приветов, вопросы тогда, когда ведущий говорит «звоните, задавайте вопрос»).

— Заранее срежиссировано (за эфиром всегда есть план действий во время интерактива, часто поминутный и с заранее сформулированными репликами).

— Четко контролируется и модерируется.

В этом и заключается магия радио. Слушателю хочется быть причастным к эфиру. И радио им эту возможность дает. Иногда кажется, что грань между

редакцией и слушателем стирается. Но она всегда есть, и радиоредакция должна оставлять ее четкой. А влияние слушателя на эфир — иллюзия.

ЛИТЕРАТУРА

5. Радиожурналистика: учебник / Под ред. А. А. Шереля. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 480 с.
6. Круглова Л. А. Интерактивные программы на развлекательных российских радиостанциях: становление, аудитория и каналы связи / Л. А. Круглова, Ю. В. Насонова // Известия Саратовского университета. Филология. Журналистика. — 2019. — Т. 19. — № 1. — С. 103–106.
7. Смирнов В. В. Жанры радиожурналистики / В. В. Смирнов. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 288 с.
8. Лукина М. СМИ в пространстве Интернета: учеб. пособие / М. Лукина, И. Фомичева. — М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. — 87 с.
9. Гаг Н. А. Детский радиотеатр: история и современность / Н. А. Гаг // Актуальные проблемы аудиовизуальных СМИ. — Воронеж, 2016. — С. 14–32.
10. Особенности функционирования современных аудиовизуальных медиа. — Воронеж, 2018. — 254 с.
11. Арсентьева Г. Л. Интерактивные программы: опыт российского радиовещания (на примере информационных и музыкальных радиостанций в 2019–2020 гг.) / Г. Л. Арсентьева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2020. — № 10–2 (100). — С. 134–137.
12. Арсентьева Г. Л. Российская практика интерактивного радиовещания: от прямых эфиров до интернета / Г. Л. Арсентьева // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия. — М., 2020. — С. 150.
13. Пинчук О. В. Личность ведущего детской радиопередачи как основа успешной коммуникации между СМИ и детской аудиторией / О. В. Пинчук // Актуальные проблемы аудиовизуальных СМИ: сборник статей. — Воронеж, 2016. — С. 180–190.
14. Радиоходлинг Арт радио. — Режим доступа: <https://aradio-nn.ru/artradio/3/4/> (дата обращения: 9.11.2023).

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Игнатьева А. Р., магистрант факультета журналистики

E-mail: ignatevaar@my.msu.ru

Круглова Л. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания

E-mail: abiljo@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Ignatieva A. R., Master's Student of the Journalism Faculty

E-mail: ignatevaar@my.msu.ru

Kruglova L. A., Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Television and Radio Broadcasting

E-mail: abiljo@mail.ru

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ВЕДУЩЕГО

М. В. Калинина

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

Е. В. Тишина

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Поступила в редакцию 2 ноября 2023 г.

Аннотация: актуальность исследования определяется важностью изучения языка конкретных языковых личностей. Анализируется речевое поведение В. Соловьева в авторской телевизионной программе «Вечер с Владимиром Соловьевым» с точки зрения использования различных приемов коммуникативно-прагматического воздействия. Доминантными чертами речевого портрета ведущего являются твердость, уверенность в собственной позиции, яркое личностное начало, крайность оценок, что выражается в употреблении эмоционально окрашенной и оценочной лексики, активном использовании выразительных ресурсов языка.

Ключевые слова: медиалингвистика, лингвоперсонология, речевое поведение журналиста, словесные ярлыки, инвективная лексика.

Abstract: the relevance of the study is determined by the importance of learning the language of specific linguistic personalities. The speech behavior of V. Solovyov in the author's television program «Evening with Vladimir Solovyov» is analyzed from the point of view of using various methods of communicative and pragmatic influence. The dominant features of the speech portrait of the presenter are firmness, confidence in their own position, a bright personal beginning, extreme assessments, which is expressed in the use of emotionally colored and evaluative vocabulary, the active use of expressive language resources.

Keywords: media linguistics, linguopersonology, speech behavior of a journalist, verbal labels, invective vocabulary.

Изучение речевого поведения авторитетных представителей массмедиа актуально ввиду антропоцентризма современной лингвистики. Особый интерес вызывают языковые личности, реализующие разные социальные, коммуникативные и профессиональные роли. К таким личностям, на наш взгляд, принадлежит Владимир Соловьев — автор целого ряда программ («Вечер с Владимиром Соловьевым», «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Москва. Кремль. Путин» и др.). В этих передачах ярко проявляются его индивидуальные особенности, изучение которых позволяет создать коммуникативно-прагматический портрет современного ведущего политических ток-шоу, использующего в речи определенные метафорические модели, речевые тактики и стратегии.

Основой для статьи стали отечественные исследования в области лингвистической персонологии [1–4] и коммуникативно-прагматических особенностей современной медиаречи [5–8].

Материалом исследования стала авторская картотека высказываний, принадлежащих В. Соловьеву. Источником формирования картотеки послужи-

ли материалы 15 эфиров телевизионного ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» (август — сентябрь 2023 г.). Анализу подвергалась речь ведущего, звучащая в начале каждого выпуска (10–15 минут, общая продолжительность просмотренных видео составила 3 часа) и представляющая собой комментарий с введением (освещается информационный повод), основным текстом (В. Соловьев рассуждает о событии) и заключением (актуализируется представленная информация).

Роль ведущего состоит в создании коммуникативного пространства, в котором осуществляется речевое взаимодействие между ним, гостями студии и зрительской аудиторией. Главной стратегией ток-шоу становится воздействие на интеллектуальное и физическое поведение реципиента, на его ментальную сферу и коммуникативное поведение. Выступая в роли ведущего, В. Соловьев выбирает факты и события, которые волнуют не только его, но и все общество. Он эмоционален, но умело расставляет смысловые акценты. Его высказывания сопровождаются яркими и запоминающимися обращениями и резкими эпитетами (*наркоманская морда, побирушка кокаинская, бездарная кокаиновая девка* (о В. Зеленском); *британская помойка Би-би-си, кор-*

румпируемый режим Байдена; террористическая сущность бандеровцев), острыми сравнениями (его (речь о В. Зеленском) слушали больше, чем ливерную колбасу Шольца, 21.09). Критикуя противников России, ведущий использует «нагнетающие» вопросы: *Похоже, что у этой нацистской сволочи что-то выскользнуло? Она не понимает, что она говорит? Она пре-крас-но понимает, ЧТО она говорит* (о высказывании немецкой журналистки, которая называет людей, проживающих на территориях ЛНР и ДНР, недолюдьми, 16.09); *Почему здания в Киеве еще стоят? Их цель — руководство ДНР. Мы чего ждем? Почему до сих пор существует здание Рады? Почему они до сих пор там торчат?* (18.09); *Сколько можно врать? То, что ты на одной стороне с фашистами, — не удивляет. Чего от тебя еще ждать? Ты же тупо врешь. К тебе же придут европейские налогоплательщики и скажут: «Ты лично, мразь, сколько денег к себе в карман положила? И что ты на это ответишь?»* (о Столтенберге — генеральном секретаре НАТО, 21.09) и т.д. Вопросы, которые задает В. Соловьев, помогают привлечь внимание к ключевым моментам, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон высказывания, реализовывают принцип диалогичности, на котором будет строиться последующее обсуждение в студии.

Нельзя не отметить, что в результате все более усиливающегося противостояния Запада и России тон выступлений В. Соловьева в последнее время становится еще более негативным по отношению к киевской власти и Западу, что объясняется «тенденцией к засорению речи инвективами» как следствие радикализации общественных отношений» [9, 164]. Действительно, вербальные модели и схемы эмоционального поведения В. Соловьева отличаются невероятной экспрессивностью и свободой в способах выражения, использования сниженной лексики и фразеологии инвективной семантики. Включение инвективы дает возможность ведущему выразить большой спектр чувств и смыслов при ограниченном выборе лексических средств [10, 352]. Самая преобладающая в начальных высказываниях ведущего группа лексики — это инвективная лексика, сопровождающаяся агрессивной интонацией: *Вся сволота возвращается. Даня Милохин. Срочно призвать и на службу эту тварь! Эта мразь, которая с радостью пела гимн Украины. В армию, быдло, щенки!* (о Д. Милохине, сбежавшем из России во время СВО, 10.09); *Педерастическое чудовище вдруг разразилось текстом* (о выступлении американской журналистки С. Эштон-Чирилло с критикой русских, 14.09); *Лживая ты скотина, Столтенберг* (21.09.23); *Такого кретина, если бы его не было, его нужно было бы придумать* (об Арестовиче, 21.09); *Бездарное ничтожество* (о канадском министре Д. Трюдо, пригласившем в парламент бывшего члена карательного подразделения СС «Галичина»,

98-летнего Ярослава Хунки, 26.09). Отметим, что эти высказывания сопровождаются интонационной грубостью, использованием пренебрежительного тона, пародированием языка отдельных личностей, пародированием немецкой и украинской речи, искажением ее.

В своих комментариях для выражения личной позиции В. Соловьев активно использует не только оценочную, но и жаргонную, просторечную лексику (*Голливуд умеет жечь* (10.09), *что вы там по зерну квакнули?* (14.09), *премьер Польши тут же долбанул* (20.09). Подобные высказывания, содержащие разговорно-просторечную лексику в сочетании с сарказмом, представляют собой особый стиль речи, используемый ведущим для воздействия на целевую аудиторию.

Характеризуя действия американских и украинских властей, В. Соловьев применяет коммуникативную тактику дискредитации. Стратегия дискредитации политических противников реализуется при помощи приема иронии (*А теперь Писториус (министр обороны Германии) тоже случайно пукнул в эфир?* (Калининград министр назвал Кёнигсбергом, 16.09); *вообще пора им разучивать барыню, или в крайнем случае казачка; тупая скотина Столтенберг и то случайно сказал правду* (17.09). *Всё, мы больше не услышим человека-пидора, ой, простите, человека-трансгендера, мы не услышим больше, простите, Чирилло. Ей придется сдать на хранение парик, снять накладную грудь, перестать утягивать напрасно данные богом гениталии, побежать обратно мужиком служить в одну из армий, где возьмут это чудовище* (21.09). Еще один прием в рамках стратегии дискредитации — это прием навешивания ярлыков, который часто использует журналист (*нацистские недобитки, преступный киевский режим, двойные стандарты*), при этом некоторые ярлыки, употребляемые с целью унижения русских, принимаются В. Соловьевым, что приводит к трансформации негативных смыслов, заложенных в высказывании. Принятие ярлыка с его переосмыслением наблюдаем в высказывании: *Нам же говорили, что мы тупые. Хитрая русня!* (с радостной интонацией о победе русских в зерновой сделке, 14.09).

Частотны в речи В. Соловьева угрожающие высказывания, содержащие указание на какое-либо событие, которое окажет негативное воздействие на политических противников России: *да, давайте ваши таурсы, шмаурсы. Мы просто разбомбим к какой-то матери ваш Берлин, Мюнхен, Нюрнберг и другие города. Вы думаете, мы вам забудем? Мы вам ничего не забудем* (07.08); *уже померла Украина, мужики заканчиваются на Украине, они сейчас женщин готовят* (15.09) и т.д.

Кроме негативных высказываний, направленных против врагов РФ, в речи ведущего встречается противоположная группа лексики, связанная с исполь-

зованием словосочетаний, отражающих в семантике оптимистические настроения: *мы великий русский народ. Мы всегда побеждаем. Зачастую не благодаря, а вопреки* (07.08); *колоссальные успехи российской дипломатии* (о работе С. Лаврова, 10.09); *русского солдата и убить мало, его еще повалить нужно; нас и победить нельзя* (17.09); *я привык, что Владимир Владимирович всегда рядом* (21.09), но таких единиц значительно меньше.

Свобода выражения себя, своих оценок и ценностных установок — вот что составляет типичные черты речевого портрета В. Соловьева. Эта свобода выражается и в намеренном нарушении норм русского языка: *От меня требуют, чтобы я произносил афера. Мы, москвичи, иногда любим ударное «е». Но это не всегда работает. Мы иногда в просторечии, глядя на украинцев, позволяем себе такие простые высказывания* (15.09); *Да нет, твари нацистские, видим вас нас'квозь. Всё запоминаем, ни одному вашему слову не верим* (16.09). Возможно, что подобные ошибки обусловлены желанием журналиста быть ближе к зрителям, ведь большинству слушателей импонирует, что с ними говорят на понятном языке без сдерживания эмоций.

Отметим, что ведущий часто делает паузы, которые служат для выделения ключевых моментов его выступления. Все это сопровождается использованием поз, в которых рука отведена назад или находится в кармане, а другая зажата в кулаке на груди. Внешний образ журналиста отличается преобладанием темных оттенков в одежде, что добавляет ему еще большей строгости. Верхняя часть одежды обычно с высоким воротом, напоминающим покрой военного кителя, но с использованием аксессуаров в виде элементов кроя, строчек и пуговиц.

Речевое поведение В. Соловьева, характеризующееся яркой оценочностью, образностью, специфическим интонированием, является одним из основных факторов формирования его речевого портрета. Раз-

личные приемы коммуникативно-прагматического воздействия, используемые ведущим, формируют общественное мнение на освещаемые в программе «Вечер с В. Соловьевым» события и способны оказывать влияние на аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. — Вып. 426. — 1996. — С. 112–116.
2. Карасик В. И. Дискурсивная персонология / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж, 2007. — Вып. 7. — С. 78–86.
3. Болотнов А. В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Болотнов. — Томск, 2015. — 405 с.
4. Болотнова Н. С. Отражение идиостиля автора в программе «Двенадцать» Сергея Шаргунова / Н. С. Болотнова // *Медиалингвистика*. — 2022. — № 9 (1). — С. 51–63.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: УРСС, 2003. — 284 с.
6. Голев Н. Д. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы / Н. Д. Голев // Вопросы лингвоперсонологии. — Барнаул, 2007. — Ч. 1. — С. 7–12.
7. Кормилицына М. А. Идиостиль журналиста. Статья первая / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротина // *Медиалингвистика*. — 2014. — № 2 (5). — С. 40–48.
8. Савельева И. В. Мистер «Что вы делаете?»: языковая личность как детерминанта текстопорождения / И. В. Савельева // *Филология и человек*. — 2020. — № 2. — С. 29–39.
9. Трофимова Г. Н. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации): моногр. / Г. Н. Трофимова, В. В. Барабаш. — М.: РУДН, 2020. — 273 с.
10. Засыпкин С. Инвектива / С. Засыпкин // *Дискурс-Пи*. — 2010. — № 1–2. — С. 352–353.

Волгоградский государственный институт искусств и культуры

Калинина М. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы
E-mail: kalinina_8181@mail.ru

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Тишина Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
E-mail: lena-tishina@yandex.ru

Volgograd State Institute of Arts and Culture
Kalinina M. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian, Foreign Languages and Literature Department
E-mail: kalinina_8181@mail.ru

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»
Tishina E. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Philology Department
E-mail: lena-tishina@yandex.ru

ИНТЕРНЕТ-СЕЛЕБРИТИ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Е. Ю. Красова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2023 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема восприятия интернет-селебрити молодежной аудиторией. Обобщаются данные социологического исследования представлений студентов ВГУ о знаменитых блогерах и их влиянии.

Ключевые слова: культура селебрити, интернет-селебрити, цифровое поколение, медийный ландшафт.

Abstract: the paper considers the problem of perception of internet celebrities by the youth audience. The results of a sociological investigation of the representations of VSU students of ideas about famous bloggers and their influence have been summarized.

Keywords: celebrity culture, internet-celebrity, digital native, media landscape.

Интернет-селебрити — новый тип лидеров мнений, которые приобретают популярность благодаря интернету и социальным сетям. Разработка концепции культуры знаменитостей, импульс которой придала цифровизация как глобальная характеристика информационного пространства, началась с 2000-х гг. В Великобритании издается рецензируемый научный журнал *Celebrity Studies*, в котором основное внимание уделяется «критическому исследованию знаменитостей, звездного статуса и известности» [1]. В российском авторитетном научном журнале «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» имеется рубрика «Celebrity studies: теоретические подходы и методология анализа». Российские ученые анализируют теоретические идеи о культуре селебрити, проблемы информационной социализации молодежи, селебрити-идентичности, практики потребления аудиторией контента селебрити, а также знаменитостей в качестве персонажей массмедийного нарратива [2].

Так, В. Н. Мерзлякова рассматривает влияние изменившегося медийного ландшафта не только на способы взаимодействия публичных персон с аудиторией, но и на сами границы культурного поля [3, 51]. Роль играет не степень известности, а набор действий, стиль общения с аудиторией, способы репрезентации собственного образа и чередование определенных рубрик [3, 62]. Коммуникативные характеристики блога включают, помимо специфических сетевых жанров, признаки литературных и эпистолярных [4, 452]. В инфополе растет количество материалов о благотворительности, психологической поддержке, проблеме токсичности в обществе,

появляются новые форматы интегрированных «совместных разговоров» [5].

Очевидно, что социальная значимость явления интернет-селебрити не вызывает сомнений. Отвечая на вопросы, почему знаменитости сохраняют свою привлекательность и что столь значимого для современной культуры они транслируют, австралийский ученый Д. Маршалл пишет о педагогическом инструменте, служащим маяком общественной жизни: они стали символом презентационных медиа [6, 138–139; 157].

С помощью регулярного просмотра новостной ленты в смартфоне или аккаунта в социальной сети молодые люди учатся, работают, вступают в дружеские и любовные отношения, развлекаются. Для того, чтобы стать образцом для подражания поколения digital native, интернет-звездам не нужно отличаться героизмом, высокой нравственностью или выдающимся интеллектом, наоборот, они могут иметь слабости и пороки [7, 56].

В 2023 г. был осуществлен исследовательский проект «Феномен знаменитости: восприятие студентов Воронежского госуниверситета интернет-селебрити», в котором ставились задачи изучения этой части информационного поля современного студента. Использовался метод анкетного опроса (326 респондентов шести факультетов гуманитарного, технического и естественных направлений, младших и старших курсов), а также вторичный анализ данных и контент-анализ открытых вопросов. Обработка опросных данных проводилась с помощью программы SPSS Statistics.

Большинство студентов ВГУ следят за знаменитостями в интернете: читают посты, смотрят видеозаписи в блогах на страницах/каналах блогеров.

Половина из них ориентируется на практическую ценность информации блогеров, а другая часть — на получение положительных эмоций, расслабление, уход от возникающих жизненных трудностей. Привлекает разнообразная информация, освещаемая интернет-селебрити. Среди предпочтений определены два направления, одно из которых связано с проведением свободного времени — 58% (юмористические сообщения и видео, обзор кинофильмов и видео, путешествия), а другое — с полезной для повседневной жизни информацией — 35% (лайфхаки, бьюти-видео, кулинария, здоровый образ жизни, мода и т.д.). Надо заметить, что в первую очередь заинте-

ресованность проявляется по отношению к юмористическому контенту, что активизирует мышление и вдохновляет на решение творческих задач [8, 3]. Это вполне соответствует основной деятельности студентов — познавательной. Что касается политики, то ориентацию на подобные темы, согласно оценкам, проявляют лишь 7% опрошенных.

Менее пятой части респондентов ответили «нет» на вопрос об интересе и внимании к цифровым лидерам мнения. Однако в три раза больше опрошенных все же указали на факторы непривлекательности звезд (см. таблицу 1).

Таблица 1

Причины отсутствия привлекательности интернет-селебрити в глазах студентов ВГУ, %

Фактор	%
Это не приносит никакой пользы	29,5
Не интересен контент	25,4
Не хватает времени	16,9
Блогеры используют много рекламы	15,8
Они вызывают негативные чувства	6,2
Другое («меня интересует только моя жизнь», «не интересует личная жизнь других», «эти люди ничего из себя не представляют», «они все одинаковые и скучные», «есть чем заняться», «они все придурки» и т.д.)	6,2

Отталкивают студентов содержательные и временные факторы, имеющие рациональную основу. Они были расшифрованы благодаря ответам на вопрос, на что обращается внимание прежде, чем студент подписывается на конкретного блогера. Оказалось, что главную роль играет триада «интересный контент — внешний облик / харизматичность — профессионализм в ведении блога». Эпатажное поведение звезды, ее популярность в медиа и рейтинги оценены как незначительные показатели. В графе «Другое» студенты добавляли: «полезный контент для профессиональной деятельности», «правдивая информация», «качество видео (монтаж, подача, стиль)», «демонстрация обычной повседневной обстановки жизни», «личные качества и мировоззрение», «соответствие поведения нормам морали», «талант», «отсутствие мизогинии», «юмор», «хайп», «спокойствие, хорошая дикция», «простой и доступный язык».

У 60% студентов есть любимые знаменитости, за которыми они чаще всего следят. Были представ-

лены их имена и основания, по которым интернет-селебрити интересны. Имена отличались большим разнообразием, а поводы к просмотру проранжированы ниже.

I место занял качественный контент (интересный, познавательный, научный, реалистичный, эстетичный, эксклюзивный, психологический, юмористический, затягивающий, уютный).

II место — личные качества звезды (харизматичность, неординарность, честность, искренность, прямолинейность, ум, сила, доброта, отзывчивость).

III место получил профессионализм в определенной сфере (музыкант, актер, певец, футболист, геймер, психолог, астролог, политолог, киберспортсмен, косплей-блогер, food-блогер, бьюти-блогер).

Блогеры помогают лучше ориентироваться в окружающей жизни 46% опрошенных. Что это за содействие, раскрыто в таблице 2 (ответы были получены от 88% респондентов, в том числе и от тех, кто ответил «нет» на вопрос о помощи).

Таблица 2

Помощь знаменитых блогеров в жизненной ориентировке студентов, %

Сферы помощи	%
В саморазвитии	35,5
В вопросах потребления и выбора товаров	19,1
В личной жизни, взаимоотношениях с близкими	16,4
В совершенствовании внешнего облика	15,4
В политике	13,6

Судя по всему, студенты высоко оценивают ту жизненную поддержку, которую им оказывают интернет-селебрити. Больше половины респондентов прислушиваются к мнению/совету/рекомендации

звезд интернета (см. таблицу 3, в которой приведены примеры советов, сформулированные участниками опроса; они проранжированы по удельному весу).

Таблица 3

Открытый вопрос: «Случалось ли так, что Вы прислушивались к мнению/совету/рекомендации кого-то из звезд интернета? Какой это был совет?», %

Категория рекомендации и оригинальное суждение	Ранг
Психология («насчет самооценки», «о любви к себе», «хвалить себя», «нет такой ситуации, из которой ты не вышел бы победителем», «быть терпимее», «оставаться добрым при любых обстоятельствах», «что нужно делать, чтобы нравиться», «про отношения», «чтобы быть счастливой», «правильно распределять время», «позволить себе быть плохим в глазах других людей», «быть собой и выходить из зоны комфорта», «как поступать в той или иной ситуации»)	1
Внешний облик («обзор косметики», «урок макияжа», «выбор тонального крема», «средства для ухода за проблемной кожей лица», «уход за волосами», «уход за собой», «советы по стилю», «комбинации цветов одежды»)	2
Покупки, услуги («заказ вещей», «отели для проживания, кафе, сервисы бронирования», «чаще всего какой-нибудь продукт», «покупка авто»)	3
Жизненные уроки («проверять лицензии у врачей-косметологов», «не ходить на занятия в одну конкретную франшизу», «моральные советы», «лайфхаки по быту», «об учебе и стремлении», «чтобы в жизнь пришло что-то новое, нужно освободить для этого место», «не утонуть в сложной ситуации», «выражать свое мнение публично», «мое мнение — самое правильное», «какие книги почитать», «любить маму»)	4
Профессиональные уроки («настройка гитары», «музыкальные техники», «методики применения массажа», «техника работы в психологии», «советы в рисовании», «особенности обучения и биомеханика животных», «военная подготовка»)	5
Кулинария («вопросы готовки», «вопросы питания», «рецепты», «как готовить брауни», «чистка овощей и фруктов»)	6
Здоровый образ жизни («ведение здорового образа жизни», «забота о своем здоровье», «соблюдение интуитивного питания», «поддержка ментального здоровья», «улучшение сна», «пить по утрам два стакана горячей воды»)	7

Данные демонстрируют тот факт, что в первую очередь воспринимается и берется на вооружение информация о проблемах психики человека, формировании внешних параметров имиджа, покупательского поведения и уроков повседневной/профессиональной жизни. Были приведены и другие высказывания, порой отличающиеся эпатажем: «не спорить с коммунистами, женщинами и детьми», «не нужно слушать мнение других», «меньше думать», «Вилсаком когда-то выдал что-то полезное: «Не стоит покупать себе вещь, если не сможешь сломать ее в тот же день и позволить купить себе новую»».

Проблемы доверия к интернет-селебрити и их влияния на молодежь являются сенситивными, а потому вызвали неоднозначные реакции испытуемых. Так, по степени доверия/недоверия к звездам студенты разделились практически поровну, к тому же четвертая часть вообще уклонилась от ответа. Мотивы недоверия были названы и теми, кто в принципе доверяет тому, что говорят и показывают блогеры. Приведем смысловой ряд поводов для недоверия: некомпетентность в той сфере, которая освещается (25%), транслирование поверхностной, а зачастую неточной информации (24%), стремление набрать аудиторию и сыграть на актуальной теме (23%), зависимость от заказчика и продаж (22%). Небольшая

часть опрошенных отметила поведение, не соответствующее нормам морали и носящее провокационный характер.

Что касается оценок степени воздействия интернет-селебрити на ближайшее окружение студентов, то более половины участников опроса такое влияние отрицает. Известно, что решающим условием эффективного внушения является эмоционально-волевой авторитет суггестора. В этой связи и те, кто указал на внушающее воздействие, и те, кто его отрицал, отметили, что 42% молодых вдохновляются образом, стилем в одежде, перенимают манеры, поведение и привычки звезды; еще столько же реагируют на отзывы при выборе товаров и услуг и прислушиваются к мнению по поводу различных событий.

Согласно рейтингу влияния интернет-селебрити на ближайшее окружение студентов, места распределились следующим образом:

- Анастасия Ивлева — 23%,
- Дмитрий Пучков (псевдоним Гоблин) — 18%,
- Ксения Собчак — 16%,
- Илья Варламов — 9%,
- Даниил Милохин — 5%,
- Сергей Яковлев (СатьяДас) — 1%,
- Никто — 4%,
- Затрудняюсь ответить — 3%.

Пятая часть респондентов назвала и другие имена популярных блогеров. Среди них И. Стрелков, Дм. Куплинов, А. Левда (Ботанова), Клим Жуков и др. Всех их объединяет актуальность для молодежи повестка, острые инфоповоды, креативность в подаче материала, критичность по отношению к окружающей действительности, озабоченность блогеров своим статусом/репутацией и их увлекательное, а порой кричащее продвижение.

Писательница и журналистка Наталья Нестерова писала о «базовом качестве» современного городского жителя — страхе отстать от общих интересов и тенденций [9, 30]. Действительно, более 60% опрошенных выразили согласие со следующими суждениями о звездных блогерах и их деятельности: «Знаменитости транслируют идеальный образ, не соответствующий реальности»; «Из-за звезд распространяется стереотипное мышление и поведение».

Итак, исследование показало, что блогосфера с яркими звездами стала для студентов Воронежского госуниверситета важной частью жизни. Основанием для постоянного отслеживания интернет-селебрити стали качественный контент, положительные личностные свойства блогера, его способность быть экспертом в определенной области. Студенты одновременно и критикуют интернет-селебрити, и поддаются их влиянию. Широко используется лексика, характерная для интернет-сленга и дискурса гламура. Интересы студентов сосредоточены в большей мере на проблемах проведения свободного времени и развлечений. В то же время блогеры помогают лучше ориентироваться в вопросах личностного совершенствования, в потребительских практиках, в формировании близких отношений и привлекательной внешности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Celebrity Studies.— Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/journals/rcel20?cookieSet=1> (дата обращения: 30.10.2023).

*Воронежский государственный университет
Красова Е. Ю., кандидат исторических наук, доцент
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: kelan20042004@mail.ru*

2. Логунова О. С. Digital-селебрити: трансформация теоретических подходов / О. С. Логунова, П. А. Лебедев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.— 2021.— № 5.— С. 12–31; Они же. Я-Ты-Он-Она — мы селебрити страна! // Там же.— С. 4–1; Кузнецова Е. А. Психологические аспекты определения и изучения лидеров мнений в цифровой среде / Е. А. Кузнецова, Е. В. Зиновьева // Мир науки. Педагогика и психология.— 2020.— Т. 8.— № 5.— Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/97PSMN520.pdf> (дата обращения: 30.10.2023); Милостивая А. И. Селебрити как персонаж массмедийного нарратива (на материале статей о Ким Кардашьян) / А. И. Милостивая // Научный диалог.— 2017.— № 8.— С. 84–103.

3. Мерзлякова В. Н. Celebrity culture в системе современных культурных индустрий: особенности производства публичности в структуре новых медиа / В. Н. Мерзлякова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.— 2021.— № 5.— С. 47–63.

4. Богдановская И. М. Психологические факторы доверия к популярным видеоблогерам у современной молодежи / И. М. Богдановская, А. Б. Углова, Н. Н. Королева // Психология. Журнал Высшей школы экономики.— 2021.— Т. 18.— № 3.— С. 451–467.

5. Медиаландшафт в 2023 году: аудитория, контент и генераторы повестки.— Режим доступа: <https://scaninterfax.ru/blog/medialandshaft-v-2023-godu-auditoriya-kontent-i-generatory-povestki/> (дата обращения: 30.10.2023).

6. Маршалл Д. Продвижение и предъявление себя: селебрити как символ презентационных медиа / Д. Маршалл // Логос.— 2016.— Т. 26.— № 6.— С. 137–160.

7. Крылов А. Н. Селебрити-идентичность как элемент самоидентификации молодежи в условиях постиндустриального общества / А. Н. Крылов // Ценности и смыслы.— 2011.— № 4 (13).— С. 54–62.

8. Горбунов С. А. С. Юмор как составная часть эмоционального интеллекта / С. А. Горбунов // Интернет-журнал «Мир науки».— 2015.— № 3.— С. 1–7.— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yumor-kak-sostavnaya-chast-emotsionalnogo-intellekta/viewer> (дата обращения: 30.10.2023).

9. Нестерова Н. Сделайте погромче / Н. Нестерова.— М., 2008.

*Voronezh State University
Krasova E. Yu., Candidate of History, Associate Professor of
the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: kelan20042004@mail.ru*

НЕЙРОСЕТИ В КОРПОРАТИВНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ: ВРЕМЕННЫЙ ТРЕНД ИЛИ НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Е. Б. Курганова

Воронежский государственный университет

А. С. Шерне

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 2 ноября 2023 г.

Аннотация: статья подготовлена по результатам обучения авторов на курсе платформы «Россия — страна возможностей» и Мастерской управления «Сенеж» «ИИ: как нейросети упрощают жизнь» и опыта разработки продукта по использованию инструментов ИИ в сфере коммуникаций. В статье представлен авторский проект «PRoBot: виртуальный помощник будущего пиарщика», который стал победителем конкурса проектов указанной образовательной программы. Авторы задаются вопросом: активное внедрение ИИ в сферу корпоративных коммуникаций — временный тренд или новая реальность, к которой специалистам нужно адаптироваться, развивая при этом необходимые компетенции. В поисках ответов на него они обращаются к результатам проведенных тематических исследований и комментариям вовлеченных в ИИ-повестку экспертов и практиков.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект (ИИ), нейросеть, корпоративные коммуникации, PR, HR.

Abstract: the article is based on the results of the authors' training at the "Russia — Land of Opportunities" platform course and the Senezh Management Workshop "AI: How Neural Networks Make Life Simplify" and experience in developing a product on the use of AI tools in the field of communications. The article presents the author's project "PRoBot: a virtual assistant for a future PR specialist," which became the winner of the project competition of the specified educational program. The authors ask the question: is the active implementation of AI in the field of corporate communications a temporary trend or a new reality to which specialists need to adapt, while developing the necessary competencies. In search of answers, they turn to the results of case studies and comments from experts and practitioners involved in the AI agenda.

Keywords: digitization, artificial intelligence (AI), neural network, corporate communications, PR, HR.

В настоящее время цифровизация стремительно набирает обороты. Динамичное развитие технологий обязывает бренды не просто оперативно адаптироваться к активно меняющейся среде, используя высокотехнологичные продукты, которые находят отклик у технически подкованной аудитории, но и самостоятельно разрабатывать ИИ-платформы для решения профессиональных задач. Инновации чаще всего носят технологический характер. XX век изобилует примерами технологических решений, которые легли в основу крупнейших инновационных проектов — изобретения электричества, запуска человека в космос, создания компьютера и глобальной сети Интернет. Современная инновация, которая обладает потенциалом внести кардинальные изменения в нашу жизнь, — нейросети.

Существенный прорыв в цифровых технологиях привел к расширению digital-инструментария специалистов в сфере корпоративных коммуникаций, пре-

жде всего PR- и HR-менеджера. Представители этих профессий все чаще используют инструменты ИИ для решения различных задач: оперативного проведения исследований, генерации оригинального контента и даже анализа поведенческих моделей потребителей и сотрудников. Это позволяет переложить ответственность за многие рутинные задачи на искусственный интеллект.

По оценкам экспертов, объем мирового рынка HR-tech в 2022 г. варьировался в пределах от \$25 до \$31,5 млрд. Прогнозируемый темп его роста на период 2023–2028 гг. составляет 9,08% в год. Согласно результатам исследований *Future Market Insight*, опубликованных в ноябрьском отчете 2022 г., 90% американских руководителей планируют увеличить инвестиции в развитие HR-технологий в условиях перехода к найму персонала версии *Web.3.0*, при котором уже в ближайшем будущем начнут взаимодействовать с кандидатами через метавселенную, проверять данные с помощью технологий блокчейн и выплачивать вознаграждение криптовалютой [1].

Что касается сектора *PR-Tech*, то объем мирового рынка PR-инструментов (прежде всего цифровых) в 2022 г. достиг 10,4 млрд. \$. По прогнозам *IMARC Group*, рынок достигнет 20 млрд. \$ к 2028 г., демонстрируя темпы роста в 11% в течение 2023–2028 гг. [2].

В России ситуация несколько иная, она осложняется снижением объема инвестиций в технологические решения в связи с кризисной экономической ситуацией и необходимостью оптимизации издержек. Но, согласно прогнозам экспертов, уже в ближайшие годы ожидается восстановление отечественного технологического рынка на фоне тенденций к импортозамещению и консолидации, прежде всего в сферах обучения, эффективности и оценки персонала [3].

Согласно данным исследования от сервиса *Muck Ruck Thestate of PR2023*, 28% пиарщиков по всему миру уже используют в своей работе генеративные нейросети, еще 33% планируют это сделать в ближайшее время. Что касается специалистов в области *HR*, то количество активных пользователей нейросетей оценивается экспертами в 30%, примерно столько же собираются освоить этот ИИ-инструмент. Умение работать с нейросетями входит в топ-5 самых важных навыков, на развитии которых коммуникаторам следует сосредоточиться, чтобы добиться успеха в будущем [4].

Следовательно, уже сегодня в ходе обучения будущих коммуникаторов необходимо развивать компетенции в области ИИ. Именно для этого был разработан авторский проект «*PRoBot*: виртуальный помощник будущего пиарщика».

Цель: создание виртуального ассистента для студентов направления «Реклама и связи с общественностью» по генерации и оформлению PR-текстов (пресс-релизов).

Задачи: выявление текстовой нейросети, эффективно справляющейся с задачей генерации PR-текста на основе сравнительного тестирования текстовых нейросетей *Gigachat* и *Claude2*; разработка авторского логотипа для фирменного бланка пресс-релиза (нейросети «Кандинский» и *Textify*); подготовка видео с логотипом, например, для сопровождения поста с анонсом события в тематическом сообществе соцсети (нейросеть *Runway*).

Обоснование: текстовая нейросеть может быть использована для генерации идей заголовков пресс-релиза, создания и оформления текстов (выделения ключевых слов, заголовков), размещения текста на фирменном бланке. Нейросеть по генерации изображений может помочь с генерацией логотипа для фирменного бланка мероприятия или его организатора. Нейросеть по генерации видео поможет подготовить видеоряд для сопровождения поста в соцсети, подготовленного на основе пресс-релиза.

Описание процесса.

1. Студент формулирует промпт для текстовых нейросетей (рекомендуемая механика — поведенческая роль сотрудника пресс-службы компании/организации/вуза. Примерный текст запроса для нейросети выглядит так: «Представь, что ты — сотрудник пресс-службы вуза. Сгенерируй пресс-релиз ко Дню открытых дверей на основе представленной фактуры»).

2. Параллельно загружает фактуру для создания релиза (когда, где произошло событие, его цель, программа и т.д.).

3. Размещает запрос и фактуру для пресс-релиза, в случае необходимости уточняет запрос, используя механику последовательного уточнения (например, просит выделить заголовок, добавить справочную информацию, поменять местами абзацы и т.д.).

4. Для разработки логотипа для фирменного бланка составляет промпт в нейросети «Кандинский» и меняет нечитаемую текстовую надпись на желаемую в *Textify*.

5. Для сопровождения поста в тематическом сообществе в соцсети создает короткое видео с логотипом мероприятия/организации в *Runway*.

В результате мы пришли к следующим *выводам*:

1) Из текстовых нейросетей *Gigachat* и *Claude2* последняя более эффективно справляется с задачей по генерации пресс-релиза. *Claude2* четко следует структуре текста, хорошо справляется с генерацией заголовка (может предложить несколько вариантов), сопровождает релиз справочной информацией (самостоятельно способен выделить ее из предоставленной фактуры), контактными блоком; выделяет ключевые слова; из подгруженного PDF-файла (фирменный бланк), добавляет реквизиты в текст. *Gigachat* допускает ошибки в подготовке пресс-релиза (например, заканчивает текст пожеланием, что не характерно для этого PR-текста), путает факты. Подготовленный ею релиз нуждается в фактчекинге (в частности, в подготовленном в рамках исследования тексте было перепутано количество мест, выделенных на направления обучения, в конце название вуза ВГУ было изменено на МГУ) и серьезном редактировании.

2) Тем не менее нейросети (*Gigachat*, *Claude*, «Кандинский», *Textify*, *Runway*) могут стать эффективными виртуальными помощниками студента направления «Реклама и связи с общественностью» (будущего сотрудника пресс-службы) в генерации и оформлении PR-текстов, разработке логотипа (с вербальной частью) и подготовке видео.

Современные текстовые нейросети также качественно справляются с HR-задачами: например, подготовкой описаний вакансий. При составлении запроса рекомендуется также воспользоваться механикой поведенческой роли, а промпт сформулировать так: «Представь, что ты — рекрутер в компании [название], которая занимается [описание профиля].»

Тебе необходимо подготовить описание вакансии [название позиции], ключевой функционал которой состоит в [описание функциональных обязанностей]». Как показывает практика, текстовые нейросети, получая подобный запрос, создают описание вакансий с указанием не только обязанностей сотрудника, но и желаемых навыков, качеств, требований к наличию образования и опыта работы у соискателя.

Как мы уже упомянули, современным специалистам необходимы навыки работы с нейросетями. Об этом также свидетельствуют результаты исследования, опубликованного в 2023 г. в аналитическом отчете Всемирного Экономического Форума о будущем рабочих мест. Отвечая на вопрос, как социально-экономические и технологические тенденции будут формировать рабочее место в будущем, респонденты (803 компании, в которых в совокупности занято более 11,3 миллиона человек, в 27 отраслевых кластерах из 45 стран) отметили, что внедрение технологий — не мимолетный тренд, он сохранит свои позиции в трансформации бизнеса как минимум ближайшие пять лет. 85% опрошенных считают более активное внедрение передовых технологий и расширение цифрового доступа тенденциями, которые приведут к преобразованиям в их организации, в том числе в сфере трудовых ресурсов, причем 81% компаний планируют внедрить их уже к 2027 г. Среди самых востребованных в ближайшие пять лет навыков, которые будут необходимы сотрудникам, опрошенные отметили на третьем месте навыки работы с ИИ и *BigData*, а на седьмом — технологическую грамотность, именно на их развитие компании делают ставку в своих корпоративных стратегиях повышения квалификации на ближайшие годы [5]. Результаты актуального исследования *Microsoft*, лидера по внедрению ИИ, подтверждают выводы, представленные в отчете Всемирного Экономического Форума: 82% опрошенных руководителей отмечают, что их сотрудникам потребуются новые навыки (от практики оперативного проектирования до фактчекинга контента, сгенерированного ИИ), чтобы подготовиться к наступающей, а, возможно, уже наступившей эпохе развития нейросетей. И самое главное: развить эти навыки нужно уже даже не сегодня, а вчера [6].

Требование наличия навыков работы с нейросетями становится одним из ключевых для многих соискателей в России в 2023 г.: за текущий год число таких вакансий увеличилось более, чем в 10 раз, по статистике платформы онлайн-рекрутинга *hh.ru* и IT-компании *EvApps*. Кроме того, это преимущественно вакансии в сфере коммуникаций: треть из них приходится на отрасль услуг для бизнеса (маркетинговые, рекламные агентства и подрядчиков), а 5,5% — на направление «СМИ, маркетинг и реклама, PR, дизайн и продюсирование». **Около 22%** российских работодателей ищут сотрудников, которые

имеют навыки работы с *ChatGPT*. Об этом заявили 1700 руководителей компаний и начальников отделов по результатам опроса исследовательского центра «Зарплаты.ру» [7]. И хотя на такой спрос оказал влияние эффект низкого предложения, эксперты убеждены: в ближайшее время умение использовать инструменты ИИ станет таким же обязательным навыком, как когда-то уверенное владение ПК [8].

Как же относятся к развитию ИИ бизнес-лидеры и обычные сотрудники? Участники упоминавшегося ранее исследования *Microsoft* дали неоднозначную оценку развитию ИИ: они меньше опасаются того, что нейросеть заменит их на рабочем месте (49% респондентов), чем надеются, что ИИ спасет их от непомерной нагрузки и эмоционального выгорания (70%). Каждый третий опрошенный бизнес-лидер (31%) считает, что активное внедрение ИИ может привести к повышению производительности труда и только 16% отмечают, что к сокращению численности персонала. Также топ-менеджеры ожидают, что развитие ИИ поможет сотрудникам с выполнением повторяющихся задач, улучшит благосостояние, сократит время на менее значимые виды деятельности, расширит возможности сотрудников и ускорит их темп работы [6]. Обычные россияне по вопросу развития ИИ также настроены по-разному: 64% респондентов, участников тематического онлайн-опроса «Авито» в марте 2023 г., считают нейросети рывком в развитии технологий, а также с интересом наблюдают за этим процессом. Тем не менее 25% опрошенных признались в своих опасениях, что в будущем ИИ способен стать не только помощником, но и конкурентом, со временем заменить человека и тем самым осложнить ситуацию на рынке труда [9]. Как считают участники исследования «Зарплаты.ру» (при ответе доступен множественный выбор), в будущем нейросеть сможет в первую очередь заменить дизайнеров (53%), маркетологов (46%), копирайтеров (45%) [7].

Использование инструментов ИИ — новая реальность. Вытеснят ли в ней нейросети с рынка труда пиарщиков и HR-менеджеров? Скорее всего, в ближайшее время нет. Авторы считают, что взаимодействие с искусственным интеллектом будет проходить в формате *coopetition* — сотрудничество в конкуренции; а выиграют в конкурентной борьбе те специалисты, которые научатся находить с ИИ общие точки роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. HRTechMarketSize, Share, Trends, Growth&Forecast |2032. — Режим доступа: <https://www.futuremarketinsights.com/reports/hr-tech-market> (дата обращения: 20.10.2023).
2. Public Relations (PR) Tools Market: Global Industry Trends, Share, Size, Growth, Opportunity and Forecast 2023–2028. — Режим доступа: <https://www.imarcgroup.com/public-relations-tools-market> (дата обращения: 30.10.2023).

3. Ежегодное исследование индустрии HR-tech на развивающихся рынках: итоги 2022 года.— Режим доступа: <https://hredtech.vc/research2022> (дата обращения: 29.10.2023).

4. StateofPR2023.— Режим доступа: <https://info.muckrack.com/state-of-pr-2023> (дата обращения: 02.11.2023).

5. The Future of Jobs Report 2023 / WorldEconomicForum.— 2023.— April 30.— Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2023/digest> (дата обращения: 21.10.2023).

6. WorkTrendIndex / WillAIFixWork? — 2023.— May 9.— Режим доступа: <https://www.microsoft.com/en-us/worklab/work-trend-index/will-ai-fix-work> (дата обращения: 26.05.2023).

7. Опрос показал, каких специалистов работодатели

готовы заменить на нейросети.— 2023.— 22 марта.— Режим доступа: https://1prime.ru/telecommunications_and_technologies/20230322/840151172.html (дата обращения: 26.05.2023).

8. Рожков Р. Бизнес ловит кадры в нейросети: как растет число вакансий с опытом работы в ИИ / Р. Рожков, Л. Липанова //Forbes.— 2023.— 26 сент.—Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tehnologii/497061-biznes-lovit-kadry-v-nejroseti-kak-rastet-cislo-vakansij-s-opytom-raboty-s-ii> (дата обращения: 30.10.2023).

9. Будущее и нейросети: 64% людей считают развитие искусственного интеллекта рывком в развитии технологий.—Режим доступа: https://www.avito.ru/company/press/avito_rabota_artificial_intelligence (дата обращения: 28.10.2023).

Воронежский государственный университет

*Курганова Е. Б., кандидат филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна,
E-mail: kurganova1979@mail.ru*

Санкт-Петербургский государственный университет

*Шерне А. С., магистрант 1 курса программы «Управление развитием организаций»
E-mail: sherne2001@mail.ru*

Voronezh State University

*Kurganova E. B., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of PR, Advertising and Design
E-mail: kurganova1979@mail.ru*

St. Petersburg State University

*Sherne A. S., 1st year master's student of the program
"Management of Organizational Development"
E-mail: sherne2001@mail.ru*

ЭТИКА ЖУРНАЛИСТА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

К. В. Марчан

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 21 сентября 2023 г.

Аннотация: статья посвящена вопросам современного состояния и перспективам развития профессиональной этики журналистов, в ней обозначены ключевые болевые точки и предложен вектор в разрешении проблем медиаэтики на современном этапе посредством активизации потенциала медиаобразования массовой аудитории и новых акторов процесса коммуникации.

Ключевые слова: журналистика, профессиональная этика и стандарты, медиа, медиаэтика, миссия журналистики, профессиональный долг, деонтология, блогосфера, медиакомпетентность, медиаобразование, медиаграмотность.

Abstract: the article is about the key issues, problems and prospects of modern media ethics; the author offers vector in solving the problems of media ethics at present stage by activating the potential of media education of the mass audience and new actors in the communication process.

Keywords: journalism, professional ethics of a journalist, media, media ethics, mission of journalism, professional judgement, deontology, blogosphere, media competence, media education, media literacy.

Ключевым этическим понятием любой социально ориентированной деятельности, к которым, без сомнения, относится журналистика, является категория «миссии». Миссия журналистики — это не только четкое следование цели в соответствии с возложенными на нее со стороны общества обязательствами — добывать и предоставлять аудитории правдивую, достоверную информацию, но и, прежде всего, осознание ответственности за результаты профессиональной деятельности.

Вот лишь две дополняющие друг друга дефиниции понятия миссии: «предназначение к чему-либо важному, высокому, ответственная роль» [1] и «жизненная, историческая роль какого-н. деятеля или общественной группы» [2]. То есть данная категория всегда несет определенный аксиологический смысл, поэтому и употребляется чаще в отношении тех профессий, которые в высшей степени «обременены» социальной нагрузкой. Например, в дипломатии, где особенно остро стоит вопрос об ответственности представителей профессии за судьбу взаимоотношений между государствами. Миссионерская деятельность также предполагает высокую моральную планку для тех, кто этим занимается. Таким образом, миссия — это категория в первую очередь деонтологическая, представляющая собой квинтэссенцию профессионального долга.

Д. С. Авраамов пишет об общесоциальном происхождении профессионального долга журналистов и определяет его как основное понятие в профессиональной морали [3, 46]. В том же ключе осмысливает категорию профессионального долга и исследователь

Г. В. Лазутина — это «выработанное содружеством журналистов представление об обязательствах перед обществом, которые содружество добровольно берет на себя, сообразуясь с местом и ролью своей профессии в общественной жизни» [4, 108]. Расшифровку этих обязательств демонстрируют *Международные принципы журналистской этики* (1983 г. — Париж, Прага): «Первейшая задача журналиста — гарантировать людям получение правдивой и достоверной информации посредством честного отражения объективной реальности» [5].

Похожее понимание находим и у Е. П. Прохорова: «Журналистский долг следует рассматривать, по видимому, как совокупность обязанностей по всему спектру профессиональных отношений, система которых задана законами функционирования журналистики как особого социального института, действующего в интересах всего общества. Отсюда берет начало и проблема ответственности как принятия “к исполнению” долга журналиста перед обществом». «Самое главное для журналиста, честно выполняющего профессиональный долг — четкое осознание роли СМИ в информационном обеспечении демократии через достижение информированности общества» [6, 13].

Конечно, журналистика, будучи «четвертой ветвью власти», должна оставаться одним из главных инструментов в установлении и поддержании демократии. Но сегодня привычное представление о профессиональном долге и миссии журналистики модифицируется, так как кардинально изменяются условия профессиональной деятельности. Стремительное развитие коммуникаций за последние 10–20 лет вывело медиа за пределы традиционной

системы СМИ, аудитория стала пользователем — полноценным участником интерактивного процесса потребления и создания информации, автором новых социальных медиа. В этой связи возникает потребность и в переработке профессиональных стандартов журналистики, в частности этических. Сами журналисты являются сегодня блогерами, ведут аккаунты в социальных сетях, и редакции уже устанавливают внутренние правила, оговаривающие вопросы возможного репутационного ущерба для СМИ в связи с частными твитами сотрудников (Би-би-си, «Эхо Москвы»).

Трансформация средств массовой коммуникации в условиях становления информационного общества влечет за собой серьезную перестройку системы функций журналистики как особой сферы деятельности, следовательно, необходимо переосмысление ее роли в жизни современного социума.

На данном этапе необходимо не только самому журналистскому сообществу тщательнее изучать и охранять деонтологию профессии, но и активно включать в этот процесс реципиентов. Ведь сегодняшняя медиааудитория наряду с журналистами владеет навыками сбора информации, то есть техническим инструментарием профессии, и часто представители СМИ активно привлекают ее к созданию оперативного контента. Однако ключевая проблема здесь заключается в том, что технология обработки (в первую очередь верификации информации) зачастую не учитывается участниками коммуникации, так как просто не воспринимается на должном уровне осознания ответственности за ее достоверность, что приводит к широкому распространению фейков, в том числе и непреднамеренных.

Еще в 2014 г. была предпринята первая попытка регулирования деятельности блогеров со стороны государства: были приняты поправки в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые положили начало правовому регулированию блогосферы. Данный факт свидетельствовал о проблемах в указанном сегменте, однако эти поправки утратили силу в связи с введением новых требований к ответственности за публикацию информации в социальных сетях. Однако это правовое поле, мы же касаемся только профессионально-корпоративной стороны вопроса. Со временем о блогах заговорили уже как о новых медиа, значит, общество напрямую ассоциирует блогеров с журналистами, и, видимо, уже пришло время включить этот сегмент в сообщество через принятие этических и профессиональных стандартов. Это будет первой ступенькой их медиакомпетентности.

Сегодня объективно назрела необходимость и в модификации этических стандартов медиадеятельности, в которой активное участие принимают блогеры. Однако для того, чтобы подключить их

к процессу медиаэтического регулирования, сначала необходимо определиться с их статусом: до сих пор ведутся споры, являются ли блогеры профессионалами или любителями, а значит, возникает вопрос: возможно ли предъявлять к ним такие же требования, как и к журналистам? Также не определено их положение и с правовой точки зрения. Но массовая аудитория зачастую не видит различий между блогерами и журналистами, и, возможно, пришло время включить их в профессиональное сообщество через принятие ключевых этических стандартов медиа.

В отечественной практике первый шаг в этом направлении сделала Общественная коллегия по жалобам на прессу — независимая структура гражданского общества, осуществляющая саморегулирование и сорегулирование в сфере массовой информации в России. В мае 2020 г. ее эксперты разработали документ «Новомедийный стандарт», где сформулировали рекомендации для блогеров: «Выражая озабоченность отсутствием установленных “правил игры” в пространстве новых медиа и признавая необходимость реагировать на обнаруженную ситуацию доступными ей средствами, Коллегия считала оправданной попытку выработать собственные критерии и ориентиры, позволяющие минимизировать ошибки и угрозы гражданину и обществу при распространении новыми медиа информации, представляющей общественный интерес» [7].

Причем в данном проекте авторами было учтено, что многие представители новых медиа имеют отделенные знания о специфике нашей профессии и не требуют «невозможного»: «Вводя понятие *новомедийного стандарта*, Коллегия исходит из того, что актер новых медиа — не профессиональный журналист, а потому и требует от него следования нормам и правилам профессионального поведения журналиста, этическим стандартам, выработанным журналистами и для журналистов, и неправомерно, и нереалистично». Так, в первом пункте «Быть правдивым» дается следующее объяснение принципу: «Актер новых медиа не обязан соблюдать таких строгих требований к верификации публикуемой информации, как профессиональный журналист, но должен проводить проверку распространяемой информации в рамках доступных ему возможностей» [7]. Вопрос, останется ли разработка подобных рекомендаций в пределах юрисдикции этики.

Постепенно к этому процессу подключилась и Национальная ассоциация блогеров (НАБ), со стороны которой поступил запрос о выработке совместно с Коллегией нормативного документа, позволяющего ей рассматривать жалобы на контент, созданный блогерами. Впервые это было озвучено председателем совета Национальной ассоциации блогеров *Марией Терентьевой-Галицких* в интервью эксперту Коллегии *Карине Назаретян*: «Есть понятие репутации: если

ты хочешь продавать впоследствии какие-то свои продукты онлайн или хочешь развиваться и чтобы тебя уважали, тебе нужна репутация. Репутация подтверждается разного рода премиями (их не так много у блогеров) и какими-то отзывами. Прийти бы в Коллегию и получить бумажку о том, что блогер прошел проверку Коллегии и Коллегия сказала, что блогер придерживается этических норм, — вот это классно для блогера» [8].

А в июле 2021 г. при участии ОКЖП и НАБ прошла онлайн-конференция «Этика блогера: свобода, ответственность и саморегулирование», где обсуждались проблемы и перспективы регулирования и саморегулирования блогосферы [9]. В ходе встречи участниками, среди которых были блогеры, юристы и медиаэксперты, были высказаны различные тезисы и предложения по решению данного вопроса. Приведем наиболее значимые, на наш взгляд.

Ольга Берек, президент Национальной ассоциации блогеров, высказала особую заинтересованность в сотрудничестве с Коллегией и обозначила, что формирование системы саморегулирования — одна из важнейших задач Ассоциации: «Нам не хочется выступать в качестве моралиста или становиться надзорным органом; мы выбираем роль модератора, т.е. посредника в разрешении неоднозначных ситуаций». Выступающие следом представители сообщества, как члены Ассоциации, так и не входящие в организацию блогеры, поддержали идею о создании единых правил поведения в медиапространстве, причем несколько участников сделали акцент на необходимости таким образом защитить блогеров от недобросовестных «коллег» [10].

Эксперты, в свою очередь, положительно отнеслись к идее включения «блогерской повестки» в компетенцию Коллегии по этике, тем более что в правовом контексте регулирования здесь есть серьезный пробел.

Так, *Михаил Федотов*, журналист, доктор юридических наук, профессор, сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу отметил, что правового регулирования деятельности блогеров как такового нет или оно не работает, поэтому нужно искать методы регулирования в другой сфере, а именно этической: «Я возлагаю большие надежды на саморегулирование в блогерском сообществе, но его масштабы ограничены человеческой совестью». Далее эксперт заключил, что правильной является идея создания этического кодекса для блогеров, и предложил рассматривать жалобы на блогеров в рамках работы Коллегии.

Евгений Абов, вице-президент Союза предпринимательской печати и индустрии: «Есть блогеры, называющие себя журналистами, аудитория воспринимает их как журналистов, поэтому целесообразно чтобы в компетенции ОКЖП было рассмотрение жалоб на их деятельность» [10].

Виктор Монахов, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции I класса, ассоциированный член кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам НИУ ВШЭ, также согласился, что формулирование этического кодекса — разумная и работоспособная идея; он сослался на английский опыт, где еще в 2007 г. сформулировали первый кодекс этики блогеров. При этом В. Монахов указал на необходимость создания саморегулирования, чтобы прежде всего таким образом предотвратить возможное регулирование извне.

Юрий Казаков, эксперт по проблемам профессиональной этики журналиста и медиаэтики (выдвинут Творческим центром ЮНЕСКО) обозначил ряд проблем. Во-первых, к блогерам нельзя предъявлять требования как к журналистам, потому что, по его мнению, журналист — это профессионал, а блогер — любитель. В этой связи «пока нужно говорить не об этике блогеров, а о морали блогеров, этика только для ассоциации, до которой еще нужно дорасти. У журналиста другая личная ответственность, есть обязательные нормы: критичность по отношению к власти, разграничение факта и мнения, — никто не требует этого от блогеров». Во-вторых, процесс выработки нормы — это культура, а не система запретов, а значит, нужно отталкиваться от прецедентов и пока выработать рекомендации. Но вывод эксперта был однозначным: «Сейчас необходимо сближение деятельности Коллегии и Национальной ассоциации блогеров» [10].

Таким образом, растущая роль блогеров в современном информационном поле диктует новые требования и подходы к сфере саморегулирования медиа, и в первую очередь — это повышение медиакомпетентности блогеров.

Актуальность обозначенной проблемы усугубляется и тем фактом, что отечественные СМИ дискредитировали себя безответственным отношением к нормам профессиональной этики, чем и вызвано резкое падение уровня доверия к профессии в целом. Все это способствует оттоку аудитории из традиционных СМИ в сторону социальных медиа, что не всегда идет на пользу как журналистам, так и самой аудитории. Именно поэтому меняется представление о профессии в среде молодежи, соответственно, происходит и трансформация взглядов на журналистику как таковую, ее предназначение и в целом восприятие в социуме (в частности, это проявляется в стереотипном представлении о том, что журналистское образование, сертифицированная квалификация — это фикция и что каждый желающий может легко овладеть навыками профессии).

Современная модель российской журналистики остается несформированной. Несмотря на действующие законодательные и этические кодексы, как национальные, так и международные, в про-

фессиональном сообществе нет четкого осознания целостности существующих норм и принципов, нет необходимой профессиональной «корпоративности» [11, 220–225]. Это связано с отсутствием четкого понимания миссии журналистики как в обществе в целом, так и в кругу представителей профессии. На практике это выражается в намеренном сужении информационной повестки дня, а именно — в ограниченном подборе тем, ориентированных, скорее, на удовлетворение общественного любопытства, нежели на обеспечение реальных информационных потребностей населения; а также в дублировании и муссировании ведущими СМИ одних и тех же фактов, а порой и мнений; в навязывании, продавливании позиций; в невнятном комментировании, нацеленном не на разъяснение ситуаций, конфликтов и проблем, а на нивелирование истинных выводов, что в итоге приводит к вымыванию сути социально важных фактов и проч.

Конечно же, подобный подход к подаче информации объясняется не только непрофессионализмом или зависимостью журналистов от их владельцев, но и широким распространением социальных сетей, развитие которых влияет на стиль работы традиционных СМИ: преобладание субъективного комментария над объективным фактом; пониженный градус ответственности за высказывание; использование непроверенной информации или полученной из сомнительных источников.

Не зря в последнее время актуализировался вопрос о деонтологических основах профессии журналиста, о ее социально-ценностных установках. Именно поэтому срочно требуют модификации и доработки профессиональные и этические стандарты российской журналистики. И такие попытки продолжает осуществлять Общественная коллегия по жалобам на прессу, которая с учетом опыта своей работы в 2015 г. приняла «Медиаэтический стандарт Коллегии» [12] (с 2021 г. данный документ существует в обновленной редакции «Медиаэтический стандарт Коллегии 2.0») и опирается на него при разборе жалоб на работу СМИ.

Жаль, что именно отсутствие того самого корпоративного духа, о котором писал Е. П. Прохоров, не дает в полной мере запустить механизм саморегулирования российской журналистики. Так, даже авторитетные СМИ порой не реагируют должным образом на решения Коллегии и оставляют без внимания их решения не в свою пользу, да и просто не признают профессионально-этической юрисдикции Коллегии. В то же время в западноевропейских государствах к деятельности таких органов само- и саморегулирования, как советы по прессе (см. Коллегия), профессиональное сообщество относится с должным уважением, что позволяет медиасистеме работать более эффективно, не переводя конфликты в рамки правового поля.

В последние годы с сожалением приходится отмечать, что институт журналистской этики в России находится в состоянии кризиса. Причин для этого предостаточно:

— во-первых, сегодня в отечественной журналистской среде либо ослаблен, либо отсутствует дух истинной корпоративности, о котором в своих работах по деонтологии профессии писал Е. П. Прохоров [11, 214–242], это негативно сказывается на всей системе саморегулирования СМИ;

— во-вторых, в настоящее время аудитория активно включена в процессы производства информации через гражданскую журналистику и блогосферу, соответственно, качественно изменяется конечный продукт коммуникации;

— в-третьих, в корне меняется процесс взаимодействия СМИ и массовой аудитории в связи с усилением социальных медиа, что, в свою очередь, приводит к трансформации функций СМИ в сторону активации медиаобразовательной составляющей;

— в-четвертых, геополитические события ключевым образом преобразуют цели журналистики как социального института, а это непосредственно влияет на подходы к работе с социально значимой информацией, зачастую напрямую касается и мировоззренческой составляющей как в содержании медиатекстов, так и в самих подходах обработки фактов и мнений.

Обозначенный круг проблем отнюдь не полный и требует новых путей к решению, но начнем по порядку.

Проблема 1. Профессиональное сообщество журналистов за тридцать лет новейшей истории нашей страны не смогло сформировать корпоративную культуру, в рамках которой успешно могла бы функционировать полноценная система саморегулирования деятельности СМИ. Для подтверждения истинности данного тезиса достаточно сослаться на результаты работы Общественной коллегии по жалобам на прессу. Возьмем показательную выборку за период с 2005 г. по 2019 г., когда на рассмотрение Коллегии поступила 91 жалоба на деятельность девяти ведущих федеральных СМИ, при этом только в 27 случаях, т.е. меньше трети, их представители как-то отреагировали и приняли участие в процессе разбирательств [13]. Это говорит о том, что сами журналисты в большинстве случаев не воспринимают всерьез обращения граждан и не считают для себя возможным и обязательным реагировать на подобные жалобы. Хотя один из ключевых принципов профессиональной этики предполагает эту реакцию — именно так необходимо понимать категорию социальной ответственности [14]. Выходит, что многие журналисты просто-напросто не признают юрисдикции Коллегии в части ее деятельности по разбору жалоб аудитории на СМИ. А тем временем Коллегия наряду

с Союзом журналистов России почти двадцать лет по сути являлась главным органом саморегулирования в области СМИ, активно занималась разработкой и усовершенствованием профессиональных стандартов. Однако ее работа для многих, кто считает себя профессионалом, остается незаметной, а сегодня вообще стоит вопрос о продолжении ее деятельности.

Усугубляет ситуацию и обесценивание такого важного для профессии понятия, как репутация. Многие журналисты, в соответствии с веяниями моды, пренебрегают им. Такой оксюморон как «черный PR» стал нормальным явлением, хотя в основе природы PR лежит исключительно стратегия выстраивания и поддержания положительной репутации. Но об этом уже никто не вспомнит. И журналисты даже не задумываются о том, что, отказываясь от ответа на жалобы, они тем самым подрывают свою репутацию. Можно ли в таких условиях говорить о состоятельности наших СМИ как социального института?

Проблема 2. В связи с активным развитием новых медиа в системе современной массовой коммуникации возрастает роль блогеров, что также требует новых подходов в сфере саморегулирования, так как они автоматически становятся частью медиасреды. Все еще не определено их положение ни с правовой, ни с этической точек зрения. Камень преткновения заключается в том, что массовая аудитория зачастую не видит различий между блогерами и журналистами, более того — молодежь в большинстве своем в принципе отдает предпочтение первым. Между тем в медиaprостранстве появляется много недостоверной информации, намеренных и непреднамеренных фейков. Связано это напрямую с отсутствием у некоторых блогеров культуры качественной работы с поиском, отбором, обработкой и верификацией фактов, экспертизой мнений и проч. Общественная коллегия по жалобам на прессу совместно с Национальной ассоциацией блогеров разработала «Новомедийный стандарт» (7 правил работы с информацией), и на сегодня это чуть ли не единственная попытка навести порядок в блогосфере [7]. В этом смысле, думается, целесообразнее использовать более широкое понятие «медиаэтика», чтобы хотя бы обозначить начало процесса единения журналистов и блогеров в рамках общего информационного поля.

Проблема 3. Мы являемся свидетелями процесса изменения формата массовой коммуникации и расширения возможностей. Теперь и аудитория владеет первичными навыками сбора и распространения информации, хотя бы за счет технической возможности мобильных устройств, и часто сами СМИ активно привлекают ее к созданию оперативного контента. При этом, как и в ситуации с блогерами, встает вопрос достоверности предоставляемого материала. Еще острее в этом контексте выглядит дилемма оперативности и достоверности информации, а в конечном итоге и отмены/удаления недостоверных

сообщений без каких-либо оговорок, а значит последствий. Так, пользователь не считает зазорным удалить то или иное сообщение, которое содержало ошибочные, недостоверные факты, при этом никак это не обозначив, не акцентировав внимание аудитории. Таким образом, ложная или не до конца верная информация просто стирается, без какого-либо комментария, не оставив и следа, что является нонсенсом с точки зрения профессиональной журналистики: ведь цепочка информационного воздействия была запущена и пошла по неверному пути, картина реальности в сознании кого-то из аудитории искажена. И такой вариант поведения в медиaprостранстве становится нормой, особенно это актуально для отдельных телеграм-каналов, ставших наряду с традиционными СМИ частью системы оперативного информирования. Иначе в этой ситуации должны себя вести профессиональные журналисты, которые обязаны довести до целевой аудитории информацию об исправлении ошибки. По этой причине сегодня важно смещать фокус медиаэтики в сторону работы с аудиторией, что частично уже реализуется благодаря активному внедрению программ медиаобразования, направленных на повышение медиаграмотности массовой аудитории, обучение их качественному потреблению информации. Сегодня это новый вектор, на наш взгляд, пока единственно эффективный и действенный метод для разрешения накопившихся проблем в этой сфере. Через знакомство широкой аудитории с профессиональными стандартами журналистики медиаэтика может стать неотъемлемой частью медиаобразовательного процесса.

Проблема 4. И самый сложный аспект медиаэтики связан с воздействием на общественное мнение и выстраиванием картины мира у массовой аудитории. Особенно актуально это сегодня в тяжелый исторический период для страны и мира. Понимание профессиональной ответственности и осознание последствий за свою деятельность для журналиста является ключевым. Именно в этом кроется коренной деонтологический смысл журналистики, отличающий профессионала от любителя. Это означает недопустимость преобладания субъективного комментария над объективным фактом, пониженного градуса ответственности за высказывание, использования непроверенной или полученной из сомнительных источников информации и тому подобных проявлений, наносящих невосполнимый урон репутации профессионального журналиста.

Еще одной значимой вехой для современного состояния медиаэтики становится смещение ее фокуса в сторону работы с аудиторией, что реализуется через активное и повсеместное внедрение программ медиаобразования, направленных на повышение медиаграмотности потребителей информации, обучение их качественному и адекватному медиапотреблению. Об этом пишет *Ирма Кулмыганова*, кандидат

филологических наук, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ: «В последние годы актуальной тенденцией развития институтов саморегулирования, особенно медиасоветов, стали проекты по медиаобразованию. Подчеркну, сегодня механизмы саморегулирования все чаще ориентируются не только на профессионалов — работа современного медиасовета характеризуется смещением фокуса в сторону работы с аудиторией» [15]. К данному процессу сегодня подключены не только представители профессионального медиасообщества, но и, что особенно важно, учреждения среднего и высшего уровней образования.

Сегодня в условиях «кризиса профессионализма» остро стоит вопрос о необходимости возродить репутацию отечественных медиа, особенно среди молодого поколения, что можно назвать новой сверхзадачей журналистики, которая должна решаться в рамках медиаобразования. Для разрешения этих вопросов важно также обращаться к теории социальной ответственности СМИ, в рамках которой и сформировались первые кодексы профессиональной этики. И хотя все чаще звучат голоса о том, что цифровая среда требует новых этических правил, нам кажется, что базовые ценности профессии, как десять заповедей, остаются незыблемыми в любой форме медиа. Поэтому не имеет смысла говорить об инновационных формах саморегулирования СМИ — важнее зеркально изменить ракурс в отношении аудитории, повышая уровень ее медиаграмотности. Думается, новая этика в современных условиях — это медиаобразование для аудитории и медиавоспитание для журналистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка. — М., 1999. — Т. 2.
2. Толковый словарь русского языка. — М., 1940. — Т. 4.
3. Авраамов Д. С. Профессиональная этика журналиста / Д. С. Авраамов. — М., 2003.
4. Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста / Г. В. Лазутина. — М., 1999.
5. Международные принципы журналистской этики. — Режим доступа: <http://pravovrns.ru/?p=721> (дата обращения: 11.06.2023).

Московский педагогический государственный университет

Марчан К. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций

E-mail: kv.marchan@mpgu.su

6. Прохоров Е. П. Структура и проблемы деонтологии журналистики / Е. П. Прохоров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2002. — № 4. — С. 4–24.

7. Новомедийный стандарт Коллегии по жалобам на прессу. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/6267-novomediynj-standart-kollegii-po-zhalobam-na-pressu> (дата обращения: 11.06.2023).

8. Назаретян К. Мария Терентьева-Галицких: «Если ты проверяешь факты, никто не будет называть тебя “недоблогером”» / К. Назаретян. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/novosti/novosti-iz-mira-mediaetiki/6312-mariya-terenteva-galitskikh-esli-ty-proveryaesh-fakty-nikto-ne-budet-nazyvat-tebya-nedoblogerom> (дата обращения: 11.06.2023).

9. Итоги конференции «Этика блогера». — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/novosti/novosti-kollegii/6346-itogi-konferentsii-etika-blogera> (дата обращения: 11.06.2023).

10. Итоги конференции «Этика блогера» — видеозапись конференции. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/novosti/novosti-kollegii/6346-itogi-konferentsii-etika-blogera?start=1> (дата обращения: 11.06.2023).

11. Прохоров Е. П. Журналистика и демократия / Е. П. Прохоров. — М., 2001.

12. Медиаэтический стандарт Коллегии 2.0. — Режим доступа: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/6369-mediaeticheskij-standart-kollegii-2-0> (дата обращения: 11.06.23).

13. Количество жалоб на СМИ в Общественную коллегия по жалобам на прессу (2005–2019) // МедиаТренды: Экспертный взгляд факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова на события в СМИ. — № 4 (76). — Режим доступа: http://www.journ.msu.ru/downloads/2020/MediaTrendi_76.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

14. Международные принципы журналистской этики // Международные стандарты профессиональной этики журналистов. — СПб., 2012. — Режим доступа: https://jf.spbu.ru/upload/files/file_1412239663_9146.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

15. Кулмыганова И. Журналистское саморегулирование в России и мире: работа на опережение / И. Кулмыганова // Журналист. — 2021. — № 4. — Режим доступа: <https://jrnst.ru/self-regulation> (дата обращения: 11.06.2023).

*Moscow Pedagogical State University;
Marchan X. V., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Journalism and Mediacommunications Department
E-mail: kv.marchan@mpgu.su*

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ФИЛЬМ-ПОРТРЕТ В ДОЦИФРОВУЮ И ЦИФРОВУЮ ЭПОХИ

О. В. Маякова

Институт кино и телевидения

Поступила в редакцию 8 января 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается трансформация жанра «телевизионный фильм-портрет» в контексте наступления цифровой эпохи. Автор делает исторический экскурс на тему, а также размышляет, как распространение личных блогов и социальных сетей изменило внимание зрительской аудитории к телепродуктам портретного жанра, какую нишу занимает сегодня классический документальный портрет в телеэфире и как меняются его содержание, структура и визуальное воплощение.

Ключевые слова: телевизионный фильм-портрет, телепортрет, цифровая культура, блог, социальная сеть, документалистика, телепублицистика.

Abstract: the article examines the transformation of the «Television film-portrait» genre in the context of the advent of the digital era. The author makes a historical excursion on the topic, and also reflects on how the spread of personal blogs and social networks has changed the attention of the audience to television products of the portrait genre, what niche the classic documentary portrait occupies on television today, and how its content, structure and visual embodiment are changing.

Keywords: television portrait film, television portrait, digital culture, blog, social network, documentary, television journalism.

Документальный фильм-портрет, или телепортрет, — самый распространенный тип очерка, который прошел долгий путь эволюции в кино и на телевидении. Предметом исследования здесь всегда была личность человека, вписанная в контекст времени и проявляющая себя так или иначе в предлагаемых обстоятельствах. Как и вся очерковая группа жанров телепортрет вырос из тесной связи с литературой и стал ее наследницей в деле выявления типажей эпохи, которые классики выписывали в своих знаменитых произведениях.

Но кроме литературы на становление жанра фильма-портрета повлияли театр, печать, радио и кино. «Диалог, действие, актерскую игру телевидение унаследовало от театра; экран и его изобразительно-выразительные средства телевидение заимствовало у кино, способность проникать в дом людей, вездесущность и одновременность телевидение получило от радио» [1, 74].

На первом этапе становления жанра документального портрета, еще за долго до появления телевидения, он был очень близок к литературному очерку. Так его видели первые советские кинопублицисты Дзига Вертов и Роман Кармен.

В 1920–1930 гг. Кармен работал фотокорреспондентом, а затем и кинооператором. В этот период он обнаружил интерес к показу реального человека. «Используя резко рисующую оптику, я делал портретные

снимки, на которых была вычерчена каждая пора кожи, ощутимы были влажность вспотевшего лица рабочего человека, резкость волос, ресниц, зубов» [2, 26].

Парадоксально, что век назад, имея ограниченные технические средства, документалисты стремились в изображении человека к максимальной правде, а сейчас, используя совершенную аппаратуру, делают все, чтобы ее замаскировать. Изобилие техническое привело к скудности визуальной, потому что все герои, да и сами авторы (за редким исключением) стремятся к гляцевому изображению персонажа в документальном кино. Рабочий Кармена сейчас должен быть похож на молодого Алена Делона. Можно предположить, что это возвращение к идеям классицизма в живописи — когда люди виделись переодетыми богами, но скорее всего общество изобилия просто не хочет видеть жизнь не такой, какой она демонстрируется в профилях соцсетей и на экранах кинотеатров.

Дзига Вертов с его знаменитым «Киноглазом» (1924 г.) заявлял, что документалистика, эта правда, которую видит и фиксирует камера, и в то же время он «был первым документалистом, решительно восставшим против утвердившегося в старом кинематографе понимания съемочного аппарата как простого фиксатора действительности и монтажа [3, 15]. Даже в кадрах «киноглаза» чувствовалось творческое начало автора.

В течение всей последующей кино- и телеэпохи создатели документальных портретных жанров

искали наиболее удачной симбиоз творческого начала с реальностью и до поры до времени находили его без искажения подлинного бытия героя. Однако неизменным правилом, которое выполняли все советские документалисты, было изображение героев идеальными гражданами своей страны — строителями коммунизма. Человеческий портрет вписывался в идеологические рамки и героизировался. Сомневающийся, а тем более идущий против системы человек не мог стать героем портретного очерка. Поэтому авторы, чтобы подчеркнуть цельность и идеологическую правильность своих персонажей, часто снимали их в местах трудовых, научных или жизненных свершений. Это часто уводило телепортрет в хроникальность и лишало личность ее собственных красок. Психология приносилась в жертву идеологии.

В 60-е годы прошлого века происходит расцвет документальной публицистики: акценты смещаются с кинохроники на человека, а «кинопортрет становится ведущей формой освоения действительности» [4, 297]. Телепортрету оставалось только взять у «старшего брата» язык и выразительные средства, что он и сделал с учетом своих специфических особенностей. Важно отметить, что в создании телепортрета на первый план сразу же выдвинулся авторский подход в изложении биографических фактов. В период оттепели интерес к подлинной человеческой судьбе выходит на передний план: еще совсем свежи героические военные биографии, кроме того происходит процесс реабилитации жертв репрессий.

У теледокументалистов появляются и темы для фильмов, и технические средства для их реализации. Надо ли говорить, что все герои портретных очерков предстают, что называется, без прикрас, в привычной атмосфере жизни и работы. Для этого периода характерно полное доверие героя к автору в создании собственного телепортрета и достаточная степень свободы документалиста в выстраивании произведения.

Эпоха застоя, хотя и сильно ограничила автора цензурными рамками, но тем не менее обогатила документалистику новыми видами фильмов: репортажем (о прошедшем событии), научно-познавательным — сейчас он известен, как научно-популярный, а также рекламно-пропагандистским жанрами. Отдельно стоит сказать о распространении фильма-портрета и фильма-путешествия (популярный сейчас тревел-формат).

Перестройка стала периодом расцвета телепортрета: жанр стал более экспрессивным, наметилось стремление к сенсационности. Ксения Шергова отмечает, что большинство лент конца 80-х годов снято об «униженных и оскорбленных» и основная их цель — показать необходимость смены строя и исчерпавшего себя мироустройства [5, 191] Автор отмечает, что на том этапе стал популярен термин «проблемное кино». Портретные очерки также строились

на показе героев, решающих глобальные вопросы как в своей жизни, так и в жизни страны.

После распада СССР изменения в российском обществе происходили с такой быстротой, что традиционно рефлекслирующая и ищущая смыслы портретная теледокументалистика не успевала за переменами. Начались изменения и на отечественном телевидении — на первый план выдвинулись репортажные и информационные программы. Революционность «Взгляда» и «600 секунд» неизменно привлекали аудиторию.

К. Шергова выдвигает версию о том, что в этот период само существование теледокументалистики оказалось под вопросом. Очевидно, что в доцифровую эпоху это был самый серьезный кризис жанра. Однако в отличие от сегодняшнего дня он был вызван не избытком псевдодокументальных и неомифических сетевых портретов, а именно темпоритмом времени и обилием хлынувшей на телеэкраны информации со всего мира. Тогда жанр устоял и прежде всего потому, что драматургия, необходимая для создания фильма-телепортрета, была заложена в самом времени: рушились судьбы, карьеры, представления, идеалы, рождались новые типажи, которые жили в невероятных обстоятельствах разгула тотальной свободы, если не сказать анархии. Как только зритель несколько адаптировался в новых информационных условиях, ему снова захотелось рефлексии и ответа на вопрос: «Кто мы теперь?»

Отдельно надо отметить, что именно в этот период резко меняется подход к выбору героя документального фильма. От идеальных граждан фокус уходит в сторону «показать то, что скрыто», и телепортреты стали отличаться маргинальностью героев: наркоманов, преступников, проституток, бомжей и т.п. В конце девяностых именно они заполнили теле- и киноэкраны.

«Лихие 90-е» — эпоха поиска «героев» не только в документалистике, но, прежде всего, в жизни. Создатели телепортретов делают ставку на сенсационность, опасаясь, что судьба человека без шпионских страстей, «дна» и преступлений не будет никому интересна. Камера вслед за автором подглядывает, прячется, чрезмерно двигается — телепортрет максимально уходит от статичности. Уже в этот период, еще далекий от цифровой культуры и засилья социальных сетей, заметна тенденция к уходу от классического фильма-портрета к динамичному наблюдению, смысл приносится в жертву динамике.

В начале 2000-х гг. телепортрет вновь укрепляется в программах передач за счет форматности, то есть стремления производителей делать не разовый, а серийный, коммерчески выгодный продукт. И телевизионный фильм-портрет их запросам соответствует.

К 2005 г. происходит резкое увеличение объема документального кино на российском телевидении. Случилось это как раз за счет появления регулярных

документальных циклов. Безусловно, конвейер мешает глубокому анализу каждой выбранной для портретного исследования личности: ищутся быстрые и рабочие подходы к производству. Это приводит к некой клишированности биографий. Особенно это заметно на РЕН ТВ и НТВ, которые стремились и сейчас стремятся к преобладанию развлекательного контента с уклоном в сенсационность.

В эти годы возможности техники уже позволяют создателям телепортретов прибегать к художественным реконструкциям; появляются анимация и компьютерная графика, совершенствуется звуковое и музыкальное сопровождение. Сохранение авторского подхода внутри формата с той или иной долей успешности, остается сферой ответственности самих создателей. Герои пока еще не в состоянии творить мифы о себе, хотя интернет потихоньку приходит в каждый дом, но доминирование телевидения еще неоспоримо. В. А. Бабенко в статье «Портретный очерк в документальной телепублицистике: этапы развития и причины трансформации жанра», резюмируя состояние телепортрета в первое десятилетие двухтысячных годов, выделяет как тенденции «унификацию выпускаемых телепередач, псевдодокументальность, мифологизацию, тенденциозное изложение материала и выборку исключительно медийных персон в качестве героев портретной теледокументалистики» [6, 57–62].

Следует заметить, что мифологизацией занимаются сами авторы телепортретов: их цель привлечь аудиторию и бороться за рейтинг со своими конкурентами на других каналах. Но пройдет еще несколько лет и конкурентами станут уже не только телепроизводители, но и создатели виртуального контента.

На протяжении первых двух десятилетий нового века производители телевизионного контента приучали зрителя к игровой подаче информации, очарованию визуальных образов и некой вымышленной реальности, которая проникла в телепортрет из шоу-программ, дающих неизменный рейтинг. Интерактивность и стремление вызвать эмоциональный отклик у аудитории привели к тому, что авторы сознательно или нет стали отступать от реального образа героя и его обычной жизни и делать ставку на вымышленные обстоятельства. Например, придумывать поездку, на которую сам бы герой никогда не отважился, или организовывать встречу, которой никогда бы не случилось. Если же получалось так, что герой «не дотянул» до заданной автором (или заказчиком) планки, ему «дорисовывались» черты характера или даже внешности.

И если раньше профессиональный автор фильма-портрета представлял границы, за которые не мог выйти в поисках героя мечты, то теперь, в условиях, когда и сам герой активно работает над созданием своего визуального образа на экране (прежде всего, соцсетей), планку документальности удерживать

все труднее. «Очевидными преимуществами виртуальных профилей и дневников героя являются их откровенность и доступность личной информации в любое время. Даже опытный автор документального кино всегда сомневается в том, насколько искренним был его герой, а тут зрители получают рассказ о себе от первого лица. Такая откровенность смартфон-портрета подкупает» [7, 117]. Зрителю кажется, что посмотреть документальный фильм нет смысла, потому что про любимого персонажа можно узнать все в любое время дня и ночи из его профиля. И рейтинги неизменно отражают такой ход мыслей.

Напрашивается вывод о том, что жанр «телепортрет» трансформируется под влиянием мифотворчества самого героя и стремления автора к игровой подаче материала, без которой зритель уже не готов потреблять эфирный продукт. Он не вникает в специфику создания сетевых ресурсов и, конечно, не представляет, какая армия специалистов (стилистов, визажистов, имиджмейкеров, PR-менеджеров, психологов и др.) стоит за созданием профиля медийного персонажа. Он, пребывая в мире виртуальных образов, не чувствует разницы между искусно созданной и реальной жизнью. И тогда в свои права вступает автор, стремящийся к объективности, проверяющий факты, выясняющий причинно-следственные связи. Его по-прежнему интересует не внешний лоск, а история характера, победы и поражения, любовь и ненависть, смех и слезы. Скомпоновать биографию в единую сюжетную линию (сделать фабулу сюжетом) может только документалист-профессионал. Именно авторство и объективность, на которые еще рассчитывают зрители, а также недоступность смартфонов для части населения держит на плаву классический телевизионный фильм-портрет.

И все же, борясь за молодого, «цифрового» зрителя, авторы концептуально меняют телепортрет: «внедряют в него сетевые “сторис” или “рилс”, используют информацию из профилей героев и экспертов и максимально погружают ведущего, в случае его наличия в проекте, в антураж и картинку существования персонажа (то есть в личное пространство жизни героя)» [8, 139–143].

Кроме того, в современные телевизионные документальные фильмы и программы прочно вошли приемы игрового кино: реконструкции с участием нескольких камер, где актеры изображают героя в разные моменты его жизни; съемки субъективной камерой — поглядывающей за героем — и даже элементы мокьюментари (имитация документальной съемки), то есть воссоздание реальности, в которой живет и действует персонаж.

Все это помогает классическому фильму переживать время кризиса, сохраняя традиции доцифровой эпохи, и бороться за свое место в эфирной сетке телеканалов и электронных платформ в эру цифровизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юровский А. Я. Место телевидения в системе средств массовой коммуникации // Телевизионная журналистика / А. Я. Юровский. — Режим доступа: https://studopedia.ru/19_41569_mesto-televideniya-v-sisteme.html?ysclid=lizmqrzco402190166 (дата обращения: 17.12.2023).
2. Кармен Р. Л. Под пулеметным огнем: записки фронтového оператора / Р. Л. Кармен. — М.: Алгоритм, 2017. — 270 с.
3. Вертов Д. Статьи, дневники, замыслы / Д. Вертов. — М.: Искусство, 1966. — 320 с.
4. Прожико Г. С. Концепция реальности в экранном документе / Г. С. Прожико. — М.: ВГИК, 2004. — 454 с.
5. Шергова К. А. Эволюция жанров в документальном телевизионном кино: дис...канд. искусствовед. наук

*Институт кино и телевидения
Маякова О. В., старший преподаватель факультета
журналистики
E-mail: olga.strug@mail.ru*

/ К. А. Шергова. — М, 2010. — 191 с.

6. Бабенко В. А. Портретный очерк в документальной телепублицистике: этапы развития и причины трансформации жанра / В. А. Бабенко // Знак: Проблемное поле медиаобразования. — СПб, 2018. — С. 57–62.
7. Маякова О. В. Телепортрет в контексте цифровой культуры / О. В. Маякова // Актуальные вопросы развития сферы кино, телевидения и медиа: сб. статей участников межфакультетского научного семинара Института кино и телевидения (ГИТР). — М.: Русайнс, 2022. — С. 115–119.
8. Маякова О. В. Особенности воздействия аудитории на контент эфирных телеканалов в контексте цифровой культуры / О. В. Маякова // Организационно-экономические аспекты деятельности продюсера и журналиста: сб. статей. — М.: Русайнс, 2021. — С. 139–143.

*Institute of Film and Television
Mayakova O. V., Senior Lecturer of the Journalism Faculty
E-mail: olga.strug@mail.ru*

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ МИССИЯ ЖУРНАЛА «АПОЛЛОН» (1909–1917): ОТ СИМВОЛИЗМА К АКМЕИЗМУ

Н. Д. Мельник

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Поступила в редакцию 10 января 2024 г.

Аннотация: целью данного исследования является анализ редакционно-издательской деятельности С. Маковского (1877–1962) — создателя и редактора журнала «Аполлон» (1909–1917), одного из лучших просветительских изданий по вопросам искусства своего времени. Автор повествует о формировании редакционной политики, тематике и оформлении «Аполлона», его роли в отечественной публицистике и культуре.

Ключевые слова: журнал «Аполлон», редактор С. Маковский, эстетическая позиция, литературный манифест, культурная деятельность.

Abstract: the purpose of this study is to analyze the editorial and publishing activities of S. Makovsky (1877–1962) — the creator and editor of the «Apollo» magazine, one of the best educational publications on art of its time. The author explores the formation of the editorial policy, the theme and design of «Apollo», its role in Russian journalism and culture.

Keywords: «Apollo» magazine, editor S. Makovsky, aesthetic position, literary manifesto, cultural activity.

В конце XIX — начале XX вв. в Российской империи было создано множество великолепных образцов художественного и литературного творчества. Недаром это время вошло в историю как Серебряный век русской культуры.

В значительной степени этому способствовали кардинальные изменения в общественной жизни страны, вызванные, прежде всего, поступательным развитием капиталистических отношений. Благодаря этому ощутимо расширился информационный рынок, что привело к росту и влиянию на читающую публику не только официальных изданий, но и частных. При этом кардинально изменилась их типология: если в XIX веке в отечественной периодической печати главенствовал «толстый» журнал, ориентированный, прежде всего, на поддержание литературного процесса (наиболее популярными среди образованной публики были такие журналы, как «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир божий»), то в начале XX в. наблюдалось «увеличение числа газет и тонких, массовых, обычно иллюстрированных журналов, за счет которых журнал как тип издания продолжал конкурировать на информационном рынке с газетой» [1, 97]. Именно доминирование тонкого, иллюстрированного журнала способствовало, с одной стороны, обособлению журналистики от литературного процесса, а с другой — неустанным творческим поискам сотрудников этих изданий, что привело, по меткому выражению советского ученого-литературоведа Ю. М. Лотмана, наряду с достижениями ряда отечественных деятелей искусства, творивших в его смежных областях, к культурному «взрыву» [2].

Фундаментом для его реализации послужили усилия крупнейших деятелей русской культуры рассматриваемого периода — таких как С. Дягилев, А. Бенуа, Л. Бакст, В. Брюсов, А. Белый, Д. Философов, П. Вейнер, С. Маковский и других, а также литературно-художественные журналы модернистской направленности, созданные ими. Первым из них стал «Мир искусства» (1899–1904), проложивший путь таким изданиям, как «Новый путь» (1902–1904), «Весы» (1904–1909), «Перевал» (1906–1907), «Золотое руно» (1906–1909), «Труды и дни» (1912–1916), «ежемесячник для любителей искусства и старины» «Старые годы» (1907–1916) и некоторым другим. Замыкал же этот ряд просветительских изданий, направленных на пропаганду лучших образцов русского и западноевропейского искусства среди интеллигентной, читающей публики журнал «Аполлон», выходивший в 1909–1917 гг. в Санкт-Петербурге¹. Именно ему в лице основателя и бессменного редактора С. Маковского², а также его сотрудников было суждено стать последним оплотом периодических изданий

Последний номер журнала «Аполлон» обозначен как № 8–10 за 1917 г. Но, согласно событиям, описываемым в нем, вышел в июле-августе 1918 г., т.е. спустя довольно продолжительное время после даты, поставленной на обложке.

¹ Последний номер журнала «Аполлон» обозначен как № 8–10 за 1917 г. Но, согласно событиям, описываемым в нем, вышел в июле-августе 1918 г., т.е. спустя довольно продолжительное время после даты, поставленной на обложке.

² В 1911 г. «Аполлон» вместе с С. Маковским редактировал известный искусствовед барон Н. Врангель. Финансировал журнал М. Ушков, ставший в 1911–1917 гг. соиздателем С. Маковского.

русского символизма³, а впоследствии — выразителем идей акмеизма⁴.

Изначально мысль о создании журнала (хотя и под другим названием) возникла у Сергея Маковского в 1908 г. К этому времени у него уже был опыт сотрудничества с периодическим изданием: в 1907 г. он стал одним из основателей и членом редакционного комитета журнала «Старые годы». «Работа в этом издании помогла Маковскому расширить проблематику своих художественно-критических статей, укрепиться в необходимости создания собственного журнала, а также зарекомендовать себя как талантливого организатора выставок» [3, 6–7].

Наибольшую известность в то время Маковскому принесла выставка живописи, графики, скульптуры и архитектуры «Салон», проведенная им в январе 1909 г. в Первом кадетском корпусе, на которой, благодаря стараниям ее организатора, экспонировалось более шестисот работ мастеров различных направлений. Именно она стала своеобразной «предысторией» самого «Аполлона», т.к. их цели были идентичными: «Цель Салона — дать общую картину современного творчества в России, представив всех лучших мастеров современности — живописцев, скульпторов и архитекторов — независимо от их принадлежности к той или иной художественной группе» [7, 236].

Удачей молодого искусствоведа стало также то, что во время проведения экспозиции он познакомился с М. К. Ушковым (1881–?) — будущим издателем «Аполлона», оказавшим неоценимую помощь в создании и выпуске номеров журнала. Помимо этого, именно благодаря «Салону» продолжилось формирование ближайшего круга сотрудников будущего издания. По признанию самого С. Маковского, его «родоначальниками» стали «не столько живописцы, сколько поэты-новаторы» [4, 205], но это обстоятельство ни в коей мере не умаляло роли ряда

³ Символизм (фр. Symbolisme) — одно из крупнейших течений в искусстве (литературе, музыке и живописи), характеризующееся экспериментаторством, стремлением к новаторству, использованием символики, недосказанности, намеков, таинственных и загадочных образов. Символизм возник во Франции в 1800–1880-х гг. и достиг наибольшего развития на рубеже XIX–XX веков, прежде всего в самой Франции, а также в Германии, Бельгии и России. Символисты радикально изменили не только содержание и формы в различных видах искусства, но и само отношение к смыслу художественного творчества.

⁴ Акмеизм — поэтическое направление в русской поэзии 1910-х гг. Акмеисты провозглашали материальность, предметность тематики и образов, точность слова. Акмеизм — это культ конкретности, «вещественности» образа, «искусство точно вымеренных и взвешенных слов». Его программа была впервые публично оглашена 19 декабря 1912 г. в кабаре «Бродячая собака» в Санкт-Петербурге.

художников, историков искусства, критиков и театральных деятелей, игравших значительную роль в создании и издании журнала на протяжении всех лет его существования.

С самого начала ближайшими сотрудниками С. Маковского стали поэт Н. С. Гумилев (1886–1921), чьи произведения регулярно публиковались на страницах «Аполлона»⁵, а также поэт, драматург и переводчик И. Ф. Анненский (1855–1909). Последний, в течение ряда лет возглавлявший Императорскую Николаевскую царскосельскую гимназию, стал для С. Маковского опытным советчиком и другом. Именно он предложил композиционный проект издания, включавший три отдела с четкой рубрикацией [5, 232]. Настроенный оптимистично, на торжественном обеде, посвященном выходу в свет первого номера журнала, Анненский говорил о собравшейся под его сенью новой интеллигенции, соединившей в себе культурный традиционализм и прогрессивность [6, 231–232]. К сожалению, это сотрудничество продлилось недолго: 30 ноября / 13 декабря 1909 г. Анненский умер от «сердечной болезни, которой он страдал давно» [4, 224].

Маковский же, с уважением относясь к концепции журнала, выдвинутой старшим товарищем, все же, задумываясь о его структуре, пришел к выводу о необходимости существования восьми отделов. Первостепенная роль отводилась им «Художественному отделу», состоящему из иллюстративного материала, дополнявшего тексты. За ним следовали отделы: «Общие вопросы литературы и литературная критика», «Вопросы искусства и художественная критика», «Музыка», «Театр» (в них, как правило, предполагалась публикация аналитических статей об искусстве, а также монографических статей о творчестве художников, музыкантов, театральных деятелей), «Пчелы и осы Аполлона» (особенностью контента этого отдела должны были стать юмор и полемика), а также «Хроника», в которой предполагалось публиковать обзоры художественной жизни России во всем ее многообразии, и «Литературный альманах», призванный включать стихи, прозу и художественные переводы с иностранных языков.

Однако первоначальный план С. Маковского скорее походил на определение круга тем, чем на четкую структуру издания, что в дальнейшем привело к ее неоднократным изменениям. Следует отметить, что окончательно она сформировалась лишь к 1914 г.

Первое же организационное собрание «Аполлона» состоялось 9 мая 1909 г. К этому времени сформировался, помимо упомянутых выше, круг единомышленников и ближайших сотрудников создателя журнала, в который вошли: поэт и критик Вяч. И. Иванов (1866–1949), историк балета А. Л. Вольнский

⁵ В 1913–1917 гг. Н. С. Гумилев возглавлял литературный отдел «Аполлона».

(1861–1926), вскоре, однако, покинувший редакцию, художник и историк искусства А. Н. Бенуа (1870–1960), поэты В. Я. Брюсов (1873–1924), К. Д. Бальмонт (1867–1942), М. А. Волошин (1877–1932), несколько позже — искусствовед барон Н. Н. Врангель (1880–1915) и другие. Помимо уже известных деятелей искусства была также сформирована, по выражению секретаря редакции с 1909 г. до осени 1912 г. Е. А. Зноско-Боровского (1884–1954), «молодая редакция». Ее представляли, кроме Н. С. Гумилева, поэт М. А. Кузмин (1875–1936), писатель А. Н. Толстой (1882/1883–1945) и театральный критик С. А. Ауслендер (1886–1943). Именно этим деятелям культуры предстояло занять не только информационную нишу, освободившуюся в связи с закрытием в 1909 г. журналов «Весы» и «Золотое руно», но и обозначить, по мнению исследователя И. В. Корецкой, «новый этап художественно-эстетических исканий внутри русского модернизма» [7, 312].

С начала своего существования «Аполлон» позиционировался как «художественно-литературный ежемесячник» объемом 80–150 страниц с многочисленными черно-белыми и цветными иллюстрациями, а также с графическими зарисовками, помещенными непосредственно в тексте (их авторы — Л. С. Бакст, А. Н. Бенуа, Б. М. Кустодиев, К. А. Сомов, Д. И. Митрохин, С. В. Чехонин и др.). Журнал украшала обложка, выполненная М. В. Добужинским. Оформление издания в целом отличалось строгостью, заявленная цена издания — около рубля.

Первый номер журнала вышел в свет 25 октября 1909 г. Многие современники посчитали, что свою родословную «Аполлон» возводит к «Миру искусства». И это мнение в некоторой степени можно считать справедливым. С. Маковский, как и за несколько лет до него С. Дягилев, решил не ограничивать свою просветительскую деятельность только выпуском литературно-художественного журнала, но вести пропаганду искусства разнообразными способами, включающими проведение выставок. Правда, в отличие от «мирискусников», у сотрудников «Аполлона» они в большинстве своем были не столь масштабными, что тем не менее не умаляет их значимости.

Так, в октябре 1909 г., параллельно с выходом в свет первого номера журнала, в помещении редакции (наб. реки Мойки, д. 24) открылась и первая из задуманных редактором небольшая экспозиция — выставка работ графика, акварелиста, историка архитектуры Г. К. Лукомского (1884–1952), на которой были представлены его акварели, рисунки и гуаши на архитектурные темы. Спустя два месяца, в декабре, там же открылась выставка карикатур и рисунков художников журнала «Сатирикон». В следующем же, 1910 г., ее провели также в Харькове, Киеве, Одессе и Москве. Кроме этих экспозиций, ставших важным дополнением к литературно-художественному содержанию ежемесячника, в первые полтора года его

существования редакцией были организованы и проведены выставки работ К. С. Петрова-Водкина (1878–1939), современных русских женских портретов, современной французской графики, выставка работ учеников Л. С. Бакста (1866–1924) и М. В. Добужинского (1875–1957) по школе Е. Н. Званцевой⁶ (1864–1921), работ Н. А. Тархова (1871–1930) и Д. С. Стеллецкого (1875–1947) [8, 227, 239, 241].

Однако в ежемесячнике «Аполлон» сразу же наметилось и серьезное отличие от уже прекратившего выход в свет журнала «Мир искусства». «По сравнению с ранними “мирискусническими” лозунгами “возрождения” культуры “аполлоновские” призывы к “новой правде”... выглядели более отвлеченными, заключающими в своем проповедническом тоне некий кодифицирующий оттенок» [8, 163].

Уже в редакционном «Вступлении» С. Маковского, поясняющем читателям задачи нового издания, четко обозначена позиция «Аполлона»: «В самом заглавии — избранный нами путь». Происхождение же этого заглавия, как отмечает И. В. Корецкая, следует из ранней работы Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» [7, 327], в которой утверждается, что «поступательное движение искусства связано с двойственностью *аполлонического* и *дионисийского* начал, подобным же образом, как рождение стоит в зависимости от двойственности полов» [9, 59].

Однако далее в редакционном «Вступлении» следовало пояснение: «Аполлон — только символ, далекий зов из еще не построенных храмов, возвещающий нам, что для искусства современности наступает эпоха устремлений — всех искренних и сильных — к новой правде, к глубоко сознательному и стройному творчеству от разрозненных опытов — к закономерному мастерству, от расплывчатых эффектов — к стилю, к прекрасной форме и к животворящей мечте». Определялась также и «боевая задача журнала»: «во имя будущего необходимо ограждать культурное наследие». Поэтому редактор и его сотрудники обещали читателям вести непримиримую борьбу «с нечестностью во всех областях творчества... со всяким обманом — будь то выдуманное ощущение, фальшивый эффект, притязательная поза или иное злоупотребление личинами искусства» [10, 3–4].

В этом же, первом номере журнала была опубликована статья А. Н. Бенуа «В ожидании гимна Аполлону», в которой содержался призыв к современным художникам «выйти из “душного эстетства” и сделать красоту в искусстве снова живой и общей» [11, 5–11].

Идеи, выдвинутые в редакционном «Вступлении» и статье А. Н. Бенуа, были восприняты далеко не всеми

⁶ Школа живописи и рисования Званцевой в Санкт-Петербурге (1906–1916) — частная художественная мастерская, в которой проходили занятия для начинающих художников. Школа была основана художницей Е. Н. Званцевой.

критиками и любителями искусства положительно. Как только первый номер журнала увидел свет, они стали предметом многочисленных осуждающих выступлений в периодической печати, причем не только столичной, но и провинциальной. Так, рецензент газеты «Новая копейка» из Екатеринослава высказал мысль о том, что призывать русского человека, «который закружился в вихре проклятых вопросов, от которых народ ждет разрешения ряда мучительных социальных и политических проблем», призывать его, как это делает редакционный коллектив нового издания, «к стилю, к прекрасной форме» — по крайней мере несерьезно. Далее рецензент утверждал, что «Русь, обвеянную метелями», столь же странно приглашать, как это делает Бенуа, «воспеть гимны, зажечь алтари, учредить обетные шествия и плясы» [12].

Против «аполлоновской» декларации А. Н. Бенуа выступил в газете «Русское слово» и его бывший соратник по «Миру искусства», а в дальнейшем оппонент Д. В. Философов (1872–1940): «По-видимому, у нас образовалась новая секта, возродился старый языческий культ Аполлона. Один из пророков этого культа обнародовал свое воззвание: “В ожидании гимна Аполлону”... Читая это воззвание, я сначала подумал, что оно написано где-нибудь далеко в провинции... Но каково было мое удивление, когда под пророческим возванием я увидел давно знакомое имя... Явно, что время литургии красоты, истерических попыток сделать театр храмом, а балет — пляской Давида перед ковчегом, вообще время дешевого угара и всяческих декадентских “швыркулей” (так называли русские рабочие XVIII века штукатурные завитки) прошло безвозвратно...» [13].

Более спокойно, без явного негатива, оценил программные манифесты нового журнала известный критик П. П. Муратов (1881–1950). Но даже он сомневался в серьезности того «безмерного и завидного оптимизма», с которым Бенуа призывал «воспеть гимны». Муратов писал в газете «Утро России»: «...отчего эта вера мало зажигает, отчего таким холодом, почти отчаянием, нарочно заглушенным, веет от слов А. Н. Бенуа? Отчего его “гимн Аполлону” кажется только риторической фигурой в сравнении с другими его прежними исканиями, которые никогда не назывались, но всегда были “гимнами Аполлону”?» [14].

Появление нового литературно-художественного издания на информационном рынке, хотя и подвергнутого критическим стрелам в ряде периодических изданий, все же свидетельствовало о поисках его редактором и сотрудниками собственной эстетической позиции. Об этом свидетельствует уже упомянутая попытка А. Бенуа выразить манифест журнала, а также статья Л. Бакста «Пути классицизма в искусстве», написанная на материале изобразительного искусства [15, № 2, 63–78; № 3, 46–61]. Следует отметить, что редакция нового журнала, публикуя как крити-

ческие заметки, так и графические зарисовки Л. Бакста, продемонстрировала заинтересованность в нем как в критике, так и в художнике. Таким образом, руководство «Аполлона» в очередной раз подчеркивало двойную связь своей программы с многовековым мировым культурным наследием. Наиболее же точно и полно, на наш взгляд, «аполлинические» тенденции в искусстве выражены в статье М. Кузмина «О прекрасной ясности: Заметки о прозе» [16, 5–10].

Автор начинает повествование с описания мифологической картины мира, постепенно подводя читателя к мысли о формообразовании, которое является, по его мнению, главной задачей нового искусства. Современный ему этап видится публицисту как «аполлинический», иными словами — формосозидающий, «стремящийся к ясности». Именно в ней он видит новую идеологию искусства, выраженную «в замысле, в постройке произведения, в синтаксисе... в форме» [16, 6]. Таким образом, он выступает в начале своей статьи как символист. Но несмотря на то, что публицист обращается к минувшим эпохам, пытаясь найти в них «аполлинический» подход к разрешению различных проблем искусства, в итоге становится ясно, что своей статьей он формирует и утверждает эстетику именно нового русского искусства. Этот манифест Кузмина ценен еще и потому, что он «обозначил и закрепил смену эпохи символизма... другой художественной эпохой (одним из наиболее ярких выразителей которой стал журнал “Аполлон”» [17, 29] — акмеизма.

Подтверждением этого служат публикации в № 1 журнала за 1913 г. выступлений акмеистов — Н. С. Гумилева и С. Городецкого (1884–1967) с собственными литературными манифестами. Характерно, что история журнала, как наиболее яркого органа акмеистов, заканчивается также публикацией их манифестов.

Разнообразие позиций, высказанных авторами ряда статей, вызывали порой негативную реакцию не только критиков других периодических изданий, но и некоторых сотрудников «Аполлона». Так, постоянные «укоры» в адрес как журнала, так и его редактора, высказывал поэт-символист и литературный критик В. И. Иванов (1866–1949), редактировавший раздел «Борозды и межи», посвященный современной русской литературе. Он считал, что журнал пренебрег «завоеваниями модернизма», у него нет общей идеи и поэтому вскоре прекратил сотрудничество с изданием. Маковского же такая постановка вопроса возмущала. В одном из писем Е. А. Зноско-Боровскому он вопрошал: «Разве искусство, хорошее подлинное искусство, само по себе недостаточно объединяющая идея для журнала?» И далее: «...вкус, выбор, общий тон — вот что создает “физиономию”, о которой так беспокоится Вяч. Иванов. И эта “физиономия” у “Аполлона” есть, и... может быть, именно за нее нас и не любят... Я прекрасно знаю, куда веду журнал... моя “идея” для меня совершенно ясна» [18, л. 3].

Ею было, прежде всего, просвещение русского общества в области искусства и литературы. Но к реализации этой идеи редактор журнала привлекал не только уже известных и авторитетных деятелей отечественной культуры, но и молодых талантливых художников, писателей, поэтов, критиков, поиском которых он постоянно занимался. Это дало основание художнику, писателю, театральному критику и поэту Ю. П. Анненкову (1889–1974) утверждать, что альтруизм С. Маковского «был нескрываем» [19, 232]. Именно поэтому практически все отделы «Аполлона» были представлены не только мэтрами, но и молодыми деятелями разных видов искусства. Произведения многих из них, а также критические статьи об их творчестве впервые были опубликованы именно на страницах журнала «Аполлон».

Структура журнала состояла из основного контента, включавшего статьи по искусству и литературе, и раздела «Хроника». Последний в 1913 г. был переименован в «Русскую художественную летопись», а в 1914 г. раздел стал называться «Художественная летопись». Окончательное название оказалось наиболее верным, поскольку в нем публиковался обзор художественных и литературных событий не только Российской империи, но и стран Западной Европы. С 1912 г. содержание данного раздела (независимо от изменения названия) выпускалось отдельными брошюрами, которые рассылались по подписке.

Как уже упоминалось, в первоначальный период издания «Аполлона» (1909–1910) в нем, по мысли редактора, предполагалось наличие «Литературного альманаха». Но стремление С. Маковского привлечь к сотрудничеству известных писателей и поэтов требовало достойной оплаты их труда, что со временем, как выяснилось, оказалось слишком накладным для редакции. Кроме того, подобно флагману модернистских изданий, «Миру искусства», «Аполлон» со временем (в 1914–1917 гг.) все больше тяготел к концепции искусствоведческого журнала нового типа, в котором регулярно поднимались такие темы, как эстетическое образование, современная художественная жизнь России и Западной Европы, охрана памятников культуры, техника живописи и графики, проблемы музеев, коллекции и аукционы и др. Литературный же отдел большого объема, таким образом, оказался не востребованным как читателями, так и членами редакции. Попытка же издавать «Литературный альманах» отдельным изданием в 1911 г. (в 1914 г. вышло его второе издание) оказалась единичной удачей подобного типа. Впоследствии в журнале публиковались лишь подборки стихотворений.

Однако публикация «Литературного альманаха» стала отнюдь не единственным опытом в издательской деятельности «Аполлона», начавшейся с первого же года его выхода в свет. Наряду с выпуском буклетов художественных выставок, проводившихся большей частью в помещении редакции, здесь пу-

бликовались сборники статей своих же сотрудников и внештатных авторов, ранее напечатанных на страницах журнала. В качестве примеров можно привести книги князя С. Волконского «Художественные отклики» и «Человек на сцене» (1912), исследование С. Маковского «Страницы художественной критики» (1913), сборник статей Я. Тугендхольда «Проблемы и характеристики» (1915). Следуя практике «Мира искусства», С. Маковский также зачастую издавал отдельными оттисками монографические статьи и очерки, посвященные творчеству того или иного деятеля искусства или определенной художественной проблеме, ранее опубликованные в «Аполлоне».

Помимо упомянутых уже выставок, бывших значимой частью культурной деятельности журнала, начатой буквально с первых дней его существования, общекультурная политика издания находила выражение и в музыкальных концертах и вечерах, регулярно устраивавшихся в течение всей истории «Аполлона». Эти вечера были посвящены творчеству конкретного композитора (исполнялись произведения М. Мусоргского, А. Бородина, А. Скрябина, С. Прокофьева, И. Стравинского, К. Дебюсси, М. Рegera и др.) или крупному явлению в музыкальной культуре. Несколько собраний были посвящены проблемам развития русского театра. В ходе этих встреч обсуждались как тексты конкретных пьес, так и основные тенденции современного членам редакции театрального процесса. Каждые из этих собраний, концертов, встреч находили отражение в периодической печати, в том числе и в «Аполлоне», а также в разнообразной печатной продукции, издававшейся журналом.

Пропагандируя лучшие образцы не только русского, но и западноевропейского искусства, коллектив журнала «Аполлон» опирался, несомненно, на зарубежные модели лучших в конце XIX — начале XX вв. искусствоведческих журналов, таких как британский *The Studio*, немецкие *Die Kunst* и *Der Cicerone*, французские *Gazette des Beaux-Arts*, *La Revue de l'art ancien et moderne* и некоторых других. Однако это не было слепым копированием достижений западноевропейских коллег, напротив, «аполлоновцы» расширяли тематические рамки журнала, публикуя на его страницах широкий обзор всех сфер искусства, а не ограничиваясь лишь изобразительным искусством, как это было, в большинстве случаев, в указанных выше зарубежных изданиях. Именно широта и разнообразие поднимаемых тем и позволяет поставить «Аполлон» в один ряд с этими изданиями.

Позиционируя себя как журнал «современного искусства», «Аполлон» стремился, с одной стороны, компетентно откликаться на новые веяния в западном искусстве, с другой — писать о лучших достижениях отечественных мастеров. Была и еще одна цель — пропагандировать русское искусство на Западе, оценивать, насколько оно там «принято» любителями и специалистами.

После начала Первой мировой войны, обострившей у людей чувство любви к России, в редакции несколько изменился подбор материалов, предназначенных к прочтению. Все чаще на страницах журнала стала подниматься тема Родины, во многих публикациях описывались те регионы страны, где шли бои с врагом. О любви к Отчизне свидетельствовали очерки В. Дмитриева о К. Петрове-Водкине «Купание красного коня» [20, 13–20] и Я. Тугендхольда «Марк Шагал» [21, 11–20], статья Ф. Китцнера «Национализм и музыка» [22, 21–25] и многие другие публицистические и информационные произведения в разных отделах журнала.

Тема «искусство и война» стала главной в это время в творчестве создателей «Аполлона». Ее они развивали как на страницах журнала, так и в других периодических и книжных изданиях. Наиболее же заметен, как нам представляется, вклад Я. Тугендхольда, выпустившего в начале 1916 г. книгу «Проблема войны в мировом искусстве», в которой автор подводит читателя к мысли о том, что «сами объективные условия военного дела изменились настолько, что война не может более служить источником художнического “упоения” и заставляет замолкнуть музу живописи, как раньше заставляла она замолкнуть музу ваения» [23, 160].

Военные трудности, а затем и ужасы Великой русской революции (1917) привели к окончанию почти девятилетней истории журнала «Аполлон», в начале своего пути бывшего *символистским* изданием, а впоследствии выражавшего идеи *акмеизма*. Но, несмотря на эти непреодолимые препятствия, он оставил — благодаря широкой просветительской деятельности, включавшей как издание самого журнала, книг, так и проведение художественных экспозиций, музыкальных вечеров и обсуждение театральных новинок — заметный след в истории русской и европейской публицистики и культуры, задав вектор развития журналам по вопросам искусства уже в советский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирков Г. В. Золотой век журналистики России: история русской журналистики 1900–1914 годов / Г. В. Жирков. — СПб., 2011.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. — СПб.,

анкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Мельник Н. Д., кандидат филологических наук, доцент кафедры искусствознания

E-mail: melnik.natalija2017@yandex.ru

2000. — С. 12–149.

3. «Аполлон»: хронологическая роспись содержания. 1909–1917. — СПб., 2014.
4. Маковский С. К. Портреты современников / С. К. Маковский. — Нью-Йорк, 1955.
5. Лавров А. В. И. Ф. Анненский. Письма к С. К. Маковскому / А. В. Лавров, Р. Д. Тименчик. — Л., 1978.
6. Анненский И. Ф. Письма к С. К. Маковскому / И. Ф. Анненский. — Л., 1978.
7. Корецкая И. В. «Аполлон». Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания / И. В. Корецкая. — М., 1984.
8. Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х годов / Г. Ю. Стернин. — М., 1988.
9. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше // Соч. в 2-х тт. — М., 1990. — Т. I.
10. Маковский С. К. Вступление / С. К. Маковский // Аполлон. — 1909. № 1. — Окт. — С. 3–4.
11. Бенуа А. Н. В ожидании гимна Аполлону / А. Н. Бенуа // Аполлон. — 1909. — № 1. — Окт. — С. 5–11.
12. Г. Н. «Аполлон». Кн. 1 / Г. Н. // Новая копейка. — 1909. — 20 ноября.
13. Философов Д. Швыркули / Д. Философов // Русское слово. — 1909. — 29 окт.
14. Муратов П. Искусство в «Аполлоне» / П. Муратов // Утро России. — 1909. — 19 ноября.
15. Бакст Л. Пути классицизма в искусстве / Л. Бакст // Аполлон. — 1909. — № 2. — С. 63–78; № 3. — С. 46–61.
16. Кузмин М. О прекрасной ясности: заметки о прозе / М. Кузмин // Аполлон. — 1910. — № 4. — Отд. 1. — С. 5–10.
17. Дмитриев П. В. Литературно-художественный ежемесячник «Аполлон» (1909–1918): очерки истории и эстетики / П. В. Дмитриев. — СПб.: Реноме, 1918. — 544 с.
18. Письмо С. К. Маковского Е. А. Зноско-Боровскому от 2 февр. 1910 г. / ОР РНБ. Ф. 124. Д. 2645. Л. 3.
19. Анненков Ю. Дневник моих встреч: в 2-х т. / Ю. Анненков. — Нью-Йорк, 1955. — Т. 2.
20. Дмитриев В. Купание красного коня / В. Дмитриев // Аполлон. — 1915. — № 3. — С. 13–20.
21. Тугендхольд Я. Марк Шагал / Я. Тугендхольд // Аполлон. 1916. — № 2. — С. 11–20.
22. Китцнер Ф. Национализм и музыка / Ф. Китцнер // Аполлон. — 1916. — № 2. — С. 21–25.
23. Тугендхольд Я. Проблема войны в мировом искусстве / Я. Тугендхольд. — М., 1916.

*St.-Petersburg State Institute of Cinema and Television
Melnik N. D., Candidate of Philology, Associate Professor of
the Art History Department
E-mail: melnik.natalija2017@yandex.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕДИАТЕХНОЛОГИИ ИНТЕРАКТИВНОСТИ

М. Н. Мишункина

Академия медиаиндустрии

Поступила в редакцию 11 января 2024 г.

Аннотация: Цифровая реальность изменила способы восприятия информации и коммуникации людей. Интерактивность — один из эффективных методов взаимодействия медиа с аудиторией, способность информационно-коммуникационной системы активно и адекватно реагировать на действия пользователей. В статье на основе примеров и статистических данных выявляются формы и методы взаимодействия медиаканалов с целевой аудиторией, рассматриваются особенности применения технологий интерактивности в разных сегментах медиа индустрии.

Ключевые слова: коммуникации, интерактивность, взаимодействие с читателем. медиа, структура рынка СМИ, цифровые решения, аудитория, скроллинг, социальные сети.

Abstract: digital reality has changed the way people perceive information and communicate. Interactivity is one of the ways to interact with the audience, the ability of an information and communication system to actively and adequately respond to the actions of the user. Based on examples and statistical data, the article identifies forms and methods of interaction between media channels and target audience, and examines the features of the use of interactivity technologies in different segments of the media industry.

Keywords: communication, interactivity, interaction with the reader. media, media market structure, digital solutions, audience, scrolling, social networks.

Основные этапы становления технологии интерактивности в медиакommunikации и журналистике. Одним из первых шагов в становлении и развитии взаимодействия с аудиторией и налаживании «обратной связи» стало «интерактивное» радио в первой половине XX в., когда радиостанции инициировали участие слушателей в телефонных опросах, в обсуждении актуальных проблем и голосовании на различных конкурсах.

Новый этап взаимодействия медиаканалов с аудиторией открыло в пятидесятые годы появление игровых шоу на телевизионных экранах. Принципиальное отличие от предыдущих практик интерактивности заключалось в том, что зрителям была предоставлена возможность не только пассивно смотреть телепередачи, но и активно участвовать в телевизионном действии с использованием телефонных каналов связи. Появление телетекста и видеотекста в семидесятых годах прошлого столетия позволило аудитории отправлять в телестудию текстовые сообщения, вопросы и комментарии, что придавало новое качество развития реального взаимодействия телевидения с аудиторией.

Позже, в восьмидесятые и девяностые годы прошлого века, начались эксперименты с интерактивным телевидением — зрители получили возможность влиять на ход телепередач или выбирать контент с помощью пульта дистанционного управления. Это был поистине революцион-

ный шаг в развитии технологии интерактивности в электронных СМИ.

Однако настоящий прорыв произошел благодаря появлению новых информационно-коммуникативных технологий с помощью глобальной сети интернета в 1990-х гг., когда интерактивность в СМИ достигла совершенно нового уровня. Появление онлайн-новостных платформ, блогов, форумов и социальных сетей позволило пользователям не только потреблять контент, но и активно участвовать в его создании и обсуждении. Эти ранние примеры интерактивности в СМИ заложили основу современных интерактивных платформ и технологий, которые сегодня играют ключевую роль в способах взаимодействия людей с информацией и развлечениями, открывая новые горизонты для взаимодействия и обмена информацией.

Взаимодействие медиа с аудиторией — фундаментальная характеристика коммуникативных моделей. До появления интернета одним из наиболее распространенных способов взаимодействия печатных СМИ с аудиторией были читательские письма. Читательская почта была едва ли не единственным показателем эффективности работы газеты. Продолжительное время «обратная связь» с аудиторией существовала в рамках следующего алгоритма: читатели отправляли по почте свои отклики на газетные публикации, которые становились также предметом дискуссий, в которых читатели не только выражали свои мысли, но и влияли на характер обсуждаемых проблем и на решение различных со-

циальных вопросов. Печатные издания стимулировали активное участие аудитории в делах общества с помощью организации различных конкурсов, проведения социальных акций и пропагандистских компаний. Эти действенные формы «обратной связи», различных методов и технологий интерактивности в печатных СМИ способствовали созданию глубоких и устойчивых связей с аудиторией. Хотя газеты не могли предложить такой же мгновенный и широкий отклик аудитории, какой стал возможен с появлением интернета, это был важный этап в развитии взаимодействия между СМИ и аудиторией.

Диалоговая модель «читатель–редакция–читатель». Модульная верстка газеты «Аргументы и Факты» в рамках интерактивной системы «читатель–редакция–читатель» позволила наладить систематическую публикацию читательских мнений и обстоятельные ответы компетентных специалистов на страницах издания. Так, например, отдел писем «АиФ» в 1980-х гг. еженедельно отвечал на более, чем 2,5 тысячи обращений и запросов своих читателей [1].

Фактически воплощением принципа интерактивности стала четко работающая модель диалоговой коммуникации, чем объясняется невероятная известность и популярность издания, за короткое время получившего признание «народной» газеты. В 1990 г. «Аргументам и Фактам» удалось завоевать небывалый уровень читательского доверия, недоступный ранее ни одной газете и достичь рекордного тиража 33,5 млн. экз., что и было засвидетельствовано как абсолютное мировое достижение в книге рекордов Гиннеса [2]. Традиции интерактивности, тесное взаимодействие с читательской аудиторией давно стали фундаментальными принципами современной работы редакционного коллектива издания. Благодаря последовательному развитию интерактивных технологий в еженедельнике миллионы людей читают «Аргументы и факты». Во многих семьях любовь к газете передается по наследству [3].

Интерактивность в борьбе за внимание аудитории. Компьютерные игры, интерактивный телетекст и интерактивные диски стали привлекать внимание аудитории всего мира. Люди получили возможность не только наблюдать, но и влиять на развитие сюжета, выбирать направление повествования и даже создавать собственный контент. С развитием интернета произошел настоящий бум интерактивных технологий. В 2000-х годах появились первые интерактивные новостные сайты [4], где пользователи могли оставлять свои комментарии под статьями и обсуждать их с другими читателями. Это стало настоящим прорывом в мире коммуникаций и позволило СМИ сблизиться с аудиторией еще теснее.

С ростом популярности социальных сетей и мобильных приложений аудитория получает все больше инструментов для взаимодействия с медиа. Возника-

ют новые форматы контента, такие как виртуальная реальность и дополненная реальность, которые существенно расширили возможности использования интерактивных технологий в медиакommunikации и журналистике.

Результаты ежегодного исследования *Digital 2022 Global Overview Report* показали, что типичный пользователь YouTube проводит в мобильном приложении 23,7 часа в месяц [5]. По данным исследования DemandGen аудитория интересуется интерактивным контентом вдвое больше, чем текстом одновекторной направленности [6]. При этом 69% респондентов предпочитают файлы в формате GIF, 65% выбирает видео, а 82% привлекает интерактивность в любой форме. А аудитория Facebook¹ проводит за просмотром Live-видео в четыре раза больше времени [7], чем за просмотром записанных заранее роликов. Интересным и увлекательным контентом пользователи делятся на 28% [8] чаще, чем статическим [9] (см. рис. № 1). Благодаря использованию технологий интерактивности значительно увеличивается охват аудитории и растет рейтинг издания.

Рис. 1. Рост трафика при использовании интерактивности

В условиях жесткой конкуренции каждая компания стремится осваивать все новые приемы и технологии, помогающие занять лидирующие позиции. Судя по материалам исследования, проведенного агентством *Mindstorm*, преуспеть в конкурентной борьбе помогает интерактивный контент — таково мнение 88% маркетологов-участников проекта. Примечательно, что интерактивные технологии регулярно используют 53% опрошенных. И что особенно любопытно — 93% из них применяют различные формы взаимодействия с аудиторией в целях обучения своих клиентов [10].

История интерактивности демонстрирует непрерывное развитие и постоянное стремление медиаканалов к более активному взаимодействию

¹ Meta признана в России экстремистской организацией.

с аудиторией. Это процесс, который непрерывно эволюционирует и приносит новые возможности для самовыражения и творчества. Интерактивность стала органичной частью информационно-коммуникативного мира. Интерактивность имеет огромный потенциал для будущего развития информационно-коммуникативных медиасистем [11].

Цифровая эра интерактивных технологий.

Компьютерные технологии кардинальным образом изменили способ коммуникации людей. Передача новостей, сообщений и идей происходит мгновенно [12]. Доступ к цифровым коммуникационным технологиям, таким как интернет, стал настолько важным для повседневной жизни, что случаи препятствования ему на правительственном уровне осуждается Советом ООН по правам человека.

Популярность интерактивных форм коммуникации не была бы столь масштабной, если бы не опирались на материалы обстоятельных исследований. Достаточно назвать имена исследователей — первооткрывателей теории информационно-цифровых коммуникативных технологий, человеко-машинного интерфейса, таких как Алан Кей [13] и Дуглас Энгельбарт [14]². Оба ученых работали над созданием технологий, которые способствовали улучшению когнитивных способностей людей и расширили коммуникативные возможности взаимодействия аудитории с различными медиаканалами. Далеко не случайно, что именно эти специалисты стояли у истоков цифровой медиакommunikации. Несмотря на изобретенные ими интерактивные подходы, многие продвинутые модели опередили свое время и остались не освоенными до сегодняшнего дня. Вместе с тем, такие технологии как гипертекст получили широкое распространение.

В то время как технология распространения цифровых идей развивалась семимильными шагами, интерфейсы преимущественно остались прежними. Этому есть объяснение. Наиболее популярные издательские платформы, такие как *WordPress* и *Medium* стремясь упростить пользование технологиями, ограничивали возможности авторов по взаимодействию с каналами медиа с помощью интернета.

О дальнейшем развитии технологий интерактивности. Следующим этапом развития компьютерных когнитивных технологий стало появление ново-

го типа средств цифровой коммуникации, который использует популярные методы активного чтения [15]. Это дало возможность обобщать большие массивы данных и придавать им вид, доступный для широкого круга людей. Такого рода интерактивные статьи основаны на исследовании продолжительной истории, начиная от Платона, до РИТ (технологии образования по физике, проект предлагает бесплатные интерактивные симуляции для обучения естественным наукам и математике).

В отличие от традиционных носителей информации, таких как книги, фильмы и анимация, интерактивные публикации представляют собой новое средство коммуникации, которое использует информационно-цифровую среду для оперативного реагирования на новые данные, которые сами читатели могут вводить по ходу развития сюжетов. Для публикаций подобного типа характерно чередование текста и интерактивных виджетов, широкое использование анимации, визуализации данных и создание коммуникативных моделей. Немаловажно, что все эти приемы и способы визуализации создают непосредственно читатели, телезрители и пользователи сетей [16].

Интерактивные технологии приобретают все большую популярность в Интернете: наиболее востребованные медиа мира начинают размещать на своих сайтах материалы, включающие динамическую графику и различные формы визуализации. Преподаватели и специалисты по техническим коммуникациям обогащают тексты интерактивными элементами и мультимедиа, стремясь придать своим лекциям и выступлениям наглядность и большую убедительность и, соответственно, вызвать интерес аудитории. Интерактивный и иммерсивный [17] контент привлекает массовую аудиторию. Используя богатые возможности информационно-цифровых технологий, медиакomпании расширяют аудиторию, что в конечном итоге, сказывается на росте доходов газет, телевидения, радио и медиа.

Современный интерактивный контент предоставляет пользователям уникальные возможности, помогающие усваивать сложные идеи и взаимодействовать с ними, чего не хватает традиционным средствам массовой информации [18]. Например, благодаря информационно-цифровым технологиям, пользователь может дополнять публикаций и видеоматериалы специальными аннотациями, ссылками на другие видеоролики, и, таким образом, повышать информационную насыщенность медиатекста лично окрашенными мнениями и собственным видением ситуации. Недостаток данного метода заключается в том, что контент-мейкеру приходится ограничиваться лишь одной площадкой [19].

Одним из первых изданий, которая начала экспериментировать с виртуальной реальностью, была

² Алан Кей — американский ученый в области теории вычислительных систем. Один из пионеров объектно-ориентированного программирования и графического интерфейса. Также известен благодаря крылатому высказыванию «Лучший способ спрогнозировать будущее — изобрести его». Дуглас Энгельбарт — один из первых исследователей человеко-машинного интерфейса и изобретатель компьютерной мыши, графического пользовательского интерфейса, гипертекста, текстового редактора, групповых онлайн-конференций.

газета The New York Times. В 2016 г. редакционный коллектив предложил читателям иммерсивные технологии и дополненную реальность в презентации видеопродукции [20]. Это позволило известной газете привлечь новые группы аудитории, благодаря чему удалось значительно повысить уровень взаимодействия читателей с мультимедийным изданием. Два года спустя другая газета The Guardian трансформировалась в мультимедийный формат с помощью серии игр-головоломок под названием *Keep It in the Ground*, опубликованных с целью помочь аудитории лучше понять проблемы изменения климата [21]. Размещенные на веб-сайте газеты, эти интерактивные игры в увлекательной форме содействовали тому, чтобы массовый читатель стал активным участником экологических преобразований региона.

Ранее в 2012 г. канал BBC создал серию интерактивных расследований, объединенных под названием «Панорама», которые способствовали различным группам аудитории самостоятельно проводить расследования, анализировать различные доводы и в реальном времени разоблачать виртуальных преступников, выносить им судебные обвинения и приговоры. Интерактивный подход предоставил реальную возможность зрительского участия в журналистских расследованиях и таким образом, повышать уровень правовой культуры в обществе.

Интерактивные технологии все активнее используются отечественными медиа. Так, «Комсомольская правда» (КП) включает в свои публикации интерактивные элементы, такие как опросы, моделируемые графики и анимацию, которые помогают привлечь внимание подписчиков. Мультимедийные подходы помогли «КП» стать одним из самых популярных российских новостных источников в интернете.

Газета «Известия» также внедрила интерактивный формат в свое приложение. Мультимедийный формат издания обогащает изобразительно-выразительные возможности издания за счет размещения видеороликов, фотографий и других способов визуализации контента, что делает выпуски интересными для массового читателя.

Интерактивные технологии уже не находятся в зачаточном состоянии, но развивается недостаточно активно из-за психологические, ментальных, социально-демографических ограничений. При реализации интерактивных форматов важно учитывать предпочтения аудитории. Известен эксперимент создания интерактивной обложки журнала *Newsweek*, которая активировалась при помощи приложения на смартфоне [22]. Читателям предлагалось сфотографировать обложку и таким образом получить дополнительную информацию. Однако, в результате обложка не стала популярной из-за того, что сам способ интерактивности не получил особого внимания аудитории. Очевидно, что для эффективности

интерактивных технологий необходимо учитывать не только социально — демографические характеристики аудитории, но и предпочтения и интересы, культурные коды населения и огромное количество других факторов.

Выводы. Интерактивные методы работы с аудиторией набирают все большую популярность в современном мире медиакоммуникации и журналистики.

Во-первых, интерактивность позволяет обеспечить более глубокую и значимую связь между медиа и аудиторией. Читатели получают возможность стать активными участниками процесса, а не просто пассивными наблюдателями, делиться своими мнениями, вносить творческий вклад в создание контента. Такое участие стимулирует различные группы аудитории к более активному взаимодействию со СМИ, а также позволяет им почувствовать себя более близкими к коммуникативным сообществам и массовой аудитории. Современные редакторы, выбирая тему номера и формулируя творческие задания журналистам, обращают внимание на прочтения (показатель вовлеченности) ранее опубликованных статей, чтобы понять, что приоритетно для читателя в режиме реального времени. Таким образом, аудитория влияет на контент издания, что несколько лет назад сложно было себе представить.

Во-вторых, интерактивные методы создания контента содействуют вовлеченности аудитории. Например, проведение опросов, голосований или конкурсов может способствовать участию читателей в процессе принятия решений или в создании нового контента, что помимо выражения общественного мнения, создает ощущение собственной значимости. А значит велика вероятность того, что читатели будут возвращаться на сайт или продолжать знакомство с публикациями издания.

Кроме того, интерактивные методы позволяют СМИ налаживать «обратную связь» с читателями и адаптировать свой контент под потребности и предпочтения различных слоев населения. Отслеживание аналитики, участие в обсуждениях или прослушивание мнения аудитории помогает медиаканалам определить, какие темы или форматы наиболее интересны для аудитории и что следует изменить или улучшить.

Интерактивные методы работы с читателями могут значительно увеличить аудиторию медиа и имеют все шансы стать повсеместными. Сфера применения интерактивных технологий безгранична. Кинематограф, реклама, ролики в социальных сетях, образование — все эти сферы все в большей мере приобретают качества интерактивности. Благодаря новым компьютерным технологиям, например, управление развитием сюжетов теперь можно с помощью жестов и голоса, а в будущем — даже взглядом. И если контент — это произведение, то пользователь всё больше становится его главным героем.

ЛИТЕРАТУРА

1. История газеты «Аргументы и факты» // РИА Новости — Режим доступа: <https://ria.ru/20140311/999046720.html> (дата обращения: 17.12.2023).
2. Завражин К. Аргументы и факты — про «АиФ» / К. Завражин // Российская газета. — Режим доступа: <https://rg.ru/2023/01/23/argumenty-i-fakty-pro-aif.html> (дата обращения: 17.12.2023).
3. Зайцев С. Лидер по аудитории. «АиФ» стал лучшим среди печатных изданий / С. Зайцев // Аи Ф. — Режим доступа: https://aif.ru/society/media/lider_po_auditorii_aif_stal_luchshim_sredi_pечатnyh_izdaniy (дата обращения: 17.12.2023).
4. Калмыков А. А. Интернет-журналистика. Часть II / А. А. Калмыков, Л. А. Коханова, // evartist.narod.ru. — Режим доступа: <https://evartist.narod.ru/text16/026.htm> (дата обращения: 17.12.2023).
5. Kemp S. Digital 2022: Global overview report / S. Kemp // DataReportal. — Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (дата обращения: 17.12.2023).
6. 2019 State Of Interactive Content Marketing // www.demandgenreport.com. — Режим доступа: <https://www.demandgenreport.com/resources/reports/2019-state-of-interactive-content-marketing/> (дата обращения: 17.12.2023).
7. Zote J. 26 Facebook statistics marketers should know in 2023 / J. Zote // Sprout Social. — Режим доступа: <https://sproutsocial.com/insights/facebook-stats-for-marketers/> (дата обращения: 17.12.2023).
8. Pokornyik R. 7 Types of Interactive Content—Why and How to Use Them / R. Pokornyik // Single Grain. — Режим доступа: <https://www.singlegrain.com/blog-posts/content-marketing/7-types-of-interactive-content-why-and-how-to-use-them/> (дата обращения: 17.12.2023).
9. Interactive vs. Static Content: which one is better? // Rock Content. — Режим доступа: <https://rockcontent.com/blog/interactive-and-static-content/> (дата обращения: 17.12.2023).
10. Dsouza A. Top 6 Digital Marketing Trends for Festive Season 2021 / A. Dsouza // Mindstorm — Digital Marketing Agency in Mumbai. — Режим доступа: <https://mindstorm.in/blog/top-6-digital-marketing-trends-for-festive-season-2021> (дата обращения: 17.12.2023).
11. Почему будущее за интерактивным контентом? — Будущее на vc.ru // vc.ru. — Режим доступа: <https://vc.ru/future/416247-pochemu-budushchee-za-interaktivnym-kontentom> (дата обращения: 17.12.2023).
12. Цифровая революция: как она изменила современную культуру и что это значит для нас // nauchniestati.ru. — Режим доступа: <https://nauchniestati.ru/spravka/czifrovaya-revolucziya-i-ee-vliyanie-na-sovremennuyu-kulturu/> (дата обращения: 17.12.2023).
13. Черняк Л. Изобретатель будущего и его Dynabook / Л. Черняк // Издательство «Открытые системы». — Режим доступа: <https://www.osp.ru/os/2008/09/5724842> (дата обращения: 17.12.2023).
14. Сабиров Р. «Мать всех демонстраций»: как Дуглас Энгельбарт показал людям будущее // skillbox.ru. — Режим доступа: <https://skillbox.ru/media/code/matvsekh-demonstratsiy-kak-duglas-engelbart-pokazal-lyudyam-budushchee/> (дата обращения: 17.12.2023).
15. Мотурняк А. Г. Активные методы обучения на уроках чтения / А. Г. Мотурняк // Инфоурок. — Режим доступа: <https://infourok.ru/aktivnie-metodi-obucheniya-na-urokah-chteniya-2925944.html> (дата обращения: 17.12.2023).
16. Hohman F. [и др.]. Communicating with Interactive Articles / F. Hohman // Distill. 2020. № 9(5). — Режим доступа: <https://distill.pub/2020/communicating-with-interactive-articles/> (дата обращения: 17.12.2023).
17. Lee B. Deimos: A Grammar of Dynamic Embodied Immersive Visualisation Morphs and Transitions / Lee B. и др. // arXiv (Cornell University). 2023. — Режим доступа: <https://doi.org/10.1145/3544548.3580754> (дата обращения: 17.12.2023).
18. Yang L. Understanding 3D Data Videos: From Screens to Virtual Reality / Yang L., Wu A., Tong W., Xu X. // 2023 IEEE 16th Pacific Visualization Symposium (PacificVis), Seoul, Korea, Republic. 2023. pp. 197–206. — Режим доступа: <https://ieeexplore.ieee.org/document/10148393/> (дата обращения: 17.12.2023).
19. Почему будущее за интерактивным контентом? — Будущее на vc.ru // vc.ru. — Режим доступа: <https://vc.ru/future/416247-pochemu-budushchee-za-interaktivnym-kontentom> (дата обращения: 17.12.2023).
20. Вискалин В. New York Times впервые опубликовала материал с дополненной реальностью / В. Вискалин // rb.ru. — Режим доступа: <https://rb.ru/story/nyt-ar/> (дата обращения: 17.12.2023).
21. The biggest story in the world // the Guardian. — Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/series/the-biggest-story-in-the-world/2015/mar/12/all> (дата обращения: 17.12.2023).
22. Warzel C. Newsweek Unveils Its First Animated Cover / C. Warzel // www.adweek.com. — Режим доступа: <https://www.adweek.com/performance-marketing/newsweek-unveils-its-first-animated-cover-146460/> (дата обращения: 17.12.2023).

Академия медиаиндустрии
Мишункина М. Н., соискатель кафедры телевидения
и радиовещания
E-mail: mishunkina@aif.ru

Academy of Media Industry
Mishunkina M. N., Applicant, Department of Television and
Radio Broadcasting
E-mail: mishunkina@aif.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ

И. Э. Найговзин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 января 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются теоретико-методологические подходы к обоснованию концепции общественного телевидения Российской Федерации. На основе анализа предлагается авторская модель доверительного диалогового взаимодействия телевизионного канала с различными группами аудитории.

Ключевые слова: теории, методология медиакоммуникации, цифровые трансформации медиа, диалоговая модель медиакоммуникации.

Abstract: the article discusses theoretical and methodological approaches to substantiating the concept of Public Television of the Russian Federation. Based on analysis, authors model of trustful dialogue interaction between a television channel and various audience groups is proposed.

Keywords: theories, media communication methodology, digital transformations of media, dialogue model of media communication channels.

Постановка вопроса. Первые попытки создания общественного телевидения в России принято относить к началу девяностых годов XX в., после выхода в эфир 1 апреля 1995 г. Однако по ряду обстоятельств и не в последнюю очередь из-за необоснованной теоретической концепции замысел телевидения как института гражданского, демократического общества был отложен на семнадцать лет. И только после президентского Указа № 455 от 17 апреля 2012 г. «Об общественном телевидении в Российской Федерации» идея создания специального телевизионного общественного канала стала воплощаться в жизнь.

Поиски концепции общественного телевизионного канала. За эти годы сменилось несколько концепций, а точнее сказать, попыток осмыслить цель и задачи телевизионного канала. Его первые разработчики брали за основу опыт развития общественного телевидения за рубежом. Аналитический доклад «Перспективы создания общественного телерадиовещания в Российской Федерации» был подготовлен при финансовой помощи ЮНЕСКО и на материалах, предоставленных различными зарубежными фондами и информационными агентствами.

При подготовке доклада преобладал распространенный методологический просчет, точно отмеченный известным экономистом А. А. Аузаном: «Ведь как мы раньше пытались осуществлять инновационное движение? Брали полный набор институтов, механизмов, которые действуют в передовых странах, имеющих хорошие инновационные результаты, переписывали в российские законы, создавали

набор организаций, намечали пути развития и получали не очень хороший результат» [1, 86]. Нечто подобное проделали авторы доклада «Перспективы создания общественного телерадиовещания в Российской Федерации», в котором представлен обзор телерадиокомпаний, осуществляющих в разных странах общественные функции, не учитывая того, что за рубежом иные социально-политические, экономические условия, отличный от российского культурный код, социокультурные, духовно-нравственные ценности, стиль и образ жизни населения. Поэтому сценарий развития общественного телерадиовещания, заложенный в докладе, не получил поддержки в обществе и в структурах власти и управления и дальнейшего развития.

Примечательно, что опыт создания и развития общественного телевидения, представленный в многостраничном докладе, изложен как достижение передовой научно-экспертной мысли, несмотря на то, что ни одна страна в мире не имеет общественного телевизионного канала, соответствующего идеальной модели. В идеальной модели агрегированы следующие компоненты: нормативно-правовая, законодательная база; источники и способы финансирования; особенности организации и управления; программная политика; система лицензирования и т.п. Основу концепции общественного телевидения составляет совокупность типологических характеристик содержания передач, целей и задач вещания, программной политики канала, способов финансирования и другие характеристики. Содержание этих основополагающих элементов может меняться в различных странах в зависимости от государственного устройства,

способа хозяйствования, форм собственности и т.д. Однако цели и задачи общественного телевидения, как правило, закрепленные в виде нормативно-законодательных актов, во многом сходные в различных странах.

Так, например, в Законе об общественном вещании США (*Public Broadcasting Act*) цель вещания сформулирована следующим образом: удовлетворение потребностей радиослушателей и телезрителей в целом ряде программ, таких как образовательные, просветительские, фольклорные, программы для глухих с сурдопереводом, программы для инвалидов, программы со специальным звуковым сопровождением для слепых — и т.д. [2]. Как видим, целеполагания вполне общегуманистические, пригодные для любой другой страны. Другое дело — практическое воплощение этих продекларированных целей.

Главное отличие функционирования каналов общественного телевидения заключаются в способах и источниках финансирования. Мировой опыт свидетельствует о том, что финансовое обеспечение общественного телерадиовещания осуществляется за счет абонентской платы, подписки, общественных фондов, частных пожертвований и других способов вспомоществования со стороны аудитории. Но и государство не остается в стороне от функционирования общественного канала телерадиовещания. Модель общественного телевидения в различных странах, за редким исключением, функционирует в качестве государственного или переходного типа государственно-общественного телевидения. В отличие от коммерческих телекомпаний, общественное телерадиовещание воспринимается как совокупность передач, в которых преобладает ориентация на реализацию социальных функций, на системное взаимодействие с аудиторией. И в этом смысле под «общественным» подразумевается не некое противопоставление государству или принадлежность определенной общественной организации, а телерадиоканал, имеющий целью служение всему обществу, ориентированный на удовлетворение информационных, коммуникативных, культурно-просветительных, духовно-нравственных потребностей различных слоев населения.

Опыт создания общественного телерадиовещания в России. Что касается опыта создания общественного телерадиовещания в Российской Федерации, то попытки преобразования государственного канала телевидения в общественное берут свое начало в марте 1993 г. на основании Указа Президента РФ «О гарантиях информационной стабильности и требованиях к телерадиовещанию» и Постановления IX Съезда народных депутатов «О мерах по обеспечению свободы слова на государственном телерадиовещании и в службах информации» [3]. И хотя оба этих документа фактически не вступили в силу, идеи, изложенные в них, могут оказаться полезны-

ми при выработке и совершенствовании концепции общественного телерадиовещания.

В своем становлении и развитии российское общественное телевидение (ОТР) прошло несколько этапов, которые с известной долей подробности описаны в литературе, однако за редким исключением предметом специального научного исследования оно практически не было. Проблематика общественного телевидения в отечественной научной литературе преимущественно ограничивалась описанием зарубежного опыта [4; 5; 6]. Попытки анализа предпосылок и практики деятельности российского общественного телевидения проводятся в отдельных статьях научного и популярного характера [7; 8; 9].

Размышляя о концепции общественного телевидения, его первый генеральный директор Анатолий Лысенко заявлял: «Я представляю себе общественное телевидение (или другое) ТВ вещание, в котором часть времени выделяется на обсуждение важнейших проблем людей... Обсуждать темы, которые затрагивают всех, можно начать с бытовых проблем, с ЖКХ, пенсионных вопросов, образования... Обсуждать темы, которые затрагивают всех. Их легко определить методом опроса и изучения того же интернета. Другое ТВ должно быть организовано как телевидение дебатов, общественных слушаний» [10]. Основные положения абриса этой концепции продолжают свое развитие в эфире современного телеканала.

Поиски концепции телевизионного канала до сих пор лишены научной рефлексии и продолжают ограничиваться мнениями различных публицистов, журналистов, общественных и политических деятелей. Однако научное осмысление, поиск концепции ОТР, системный анализ коммуникативных стратегий его деятельности, форм и методов работы фактически не проводится, несмотря на актуальность научного обоснования деятельности общественного телевидения. О сложности поиска компании, которой было бы интересно заниматься социологическими исследованиями общественного телевидения, сетовал первый руководитель канала А. Лысенко, объясняя это тем, что медиаизмерители ориентируются на получение дохода и созидание рейтинга для заказчиков рекламы. Это по меньшей мере странно, так как телевизионный канал изначально замыслился в качестве народного телевидения, «площадки для свободных дискуссий по важнейшим вопросам жизни страны», и механизма «обратной связи» в системе «власть-общество».

Камнем преткновения для создания и развития общественного вещания продолжительное время является проблема финансирования, забывая при этом, что значительная доля бюджетных денег составляют налоги, которые исправно платят законопослушные граждане страны. Сейчас *актуализировалась проблема единства, консолидации общества*, которую только проведением затратных фестивалей, концертов,

выступлениями пародистов и клоунов не решить. Здесь нужна системная, тщательно продуманная, каждодневная работа по воссозданию и приумножению культурного кода многонационального народа, упрочению доверия населения к власти и в целом доверительные отношения в нашей стране. По данным исследований, в том числе международных, уровень доверия в обществе определяет рост национального продукта и развитие государства, один из ключевых факторов экономического роста.

Доверие как фактор экономического роста страны. Согласно исследованиям, «рост доверия населения, социальных групп друг другу, рост так называемого человеческого, социального капитала может дать колоссальный эффект, который приведет к увеличению валового продукта государства» [11, 61]. В качестве иллюстрации значимости индекса доверия для развития страны ученые приводят пример «экономического чуда» послевоенной Германии, где проблема доверия была решена всего за шесть лет: от восьми процентов доверия страна перешла к показателю в 60 процентов, что обеспечило мощный социально-экономический подъем государства [11, 62].

Наибольший индекс доверия в мире достигнут в Швеции, который выступает в качестве эталона, что превышает данный показатель в России в два раза, где примерно четвертая часть респондентов положительно отвечают на вопрос о том, можно ли доверять большинству людей. Тем не менее эксперты оценивают значительный потенциал роста доверия в нашей стране. Россияне «больше всего доверяют семье — 82% респондентов, а готовы были бы доверять при определенных условиях 97%. Соседям доверяет 21% респондентов, но готовы были бы доверять 76%. Людям, с которыми лично знакомы, сейчас доверяют 27%, а готовы — 88%. И даже впервые встреченным людям сейчас доверяют всего 2%, а готовы доверять до 30%» [1, 149]. Но самое любопытное — какие выводы делают эксперты, основываясь на данных показателях доверия. Главный вывод, который делают эксперты-экономисты, довольно оптимистичный для нашего общества. Выявленные в исследованиях индикаторы свидетельствуют о готовности российского общества «к повороту, к росту социального капитала, норм честности и доверия есть, и потенциал очень высок — доверительные отношения в стране могут вырасти в два-три раза» [1, 149]. Что будет означать существенное приближение к индексу доверия стран с высокоразвитой экономикой и социально-политической структурой.

Идея доверительного взаимодействия телеканала с обществом. И в решении этой жизненно важной цели развития российского общества могло бы и должно было бы сыграть патриотическо-просветительские коммуникативные стратегии медиаканалов, в числе которых приоритетное место

должны занимать государственно-общественные каналы информации, к которым в полной мере принадлежит именно общественное телевидение России. Уже сама концепция канала построена на идее доверительного взаимодействия с различными слоями населения, проживающими в регионах страны и знающих не понаслышке социально-экономические проблемы, которые волнуют людей, их ценностные ориентации, ожидания, информационно-коммуникативные, культурные, духовные потребности общества. Примечательно, что из всей совокупности ключевых социальных институтов, оказывающих влияние на формирование общественного доверия, таких как органы власти и управления, наибольшим уважением пользуется президент и правительство. Индекс доверия к ним выше, чем губернаторам, полиции и судам, о чем свидетельствует почти половина опрошенных (49%). Вместе с тем этот показатель выше у цифровых платформ (50%) [1, 150].

Отсюда немаловажный вывод, имеющий серьезное значение для развития страны с помощью медиасистемы. Поддержка цифровых платформ и государственно-общественных каналов коммуникации, таких, например, как ОТР, уже имеющих довольно высокий уровень доверия, обещает хорошие перспективы для роста национального продукта, консолидации общества, упрочения общения с другими культурами, усвоения и обобщения иного социального опыта. «Доверие растет и будет расти благодаря шеринговым цифровым платформам, причем это будет давать экономический эффект, потому что доказано: снижение издержек общения (а рост доверия — это именно снижение издержек общения) приводит к росту объема рынка. Скоро будем подсчитывать результаты роста товарооборота на шеринговых платформах — уже сейчас этот рост заметен» [1, 150–151]. Использование цифровых платформ, сетевого менеджмента оптимизирует коммуникацию между участниками рынка, что позволит посредством роста производительности труда и доверия запустить механизм экономического развития.

Выводы. За минувшее десятилетие к каналу ОТР уже сформирован существенный потенциал общественного доверия, что в той или иной мере присутствует в имеющихся в науке и практике определениях и типологиях канала: «народное телевидение», «канал для всех», «телевизионный форум» и т.п. Однако исходя из современной практики и концепции ОТР, его формата и коммуникативных стратегий наиболее подходящим может быть типологическое определение **«канал общественного доверия»**.

Для данного типа вещания есть, пожалуй, все составляющие элементы: *целевая предназначенность, которая заключается в «служении общественному благу», устойчивое многообразие каналов «обратной связи», система взаимодействия с цифровыми платформами коммуникативными сообществами*

в регионах страны, коммуникативные стратегии, направленные на внимание к социально значимым проблемам, наиболее близких целевой аудитории, формат вещания с его жанровой определенностью, временем выхода в эфир, темпо-ритмовой подачей материала, определенной драматургической, тематико-жанровой структурой выпусков и т.п.

Вся совокупность этих и других типформирующих характеристик общественного телевидения придает ОТР отличные от других вещателей черты, которые в системной совокупности направлены на достижение главной цели — «служения обществу» посредством повышения индекса доверия аудитории.

Существенный недостаток дискуссий, ведущихся на общественном телевидении заключается в недостаточной «обратной связи». Имеющиеся попытки наладить взаимодействие со зрителем не получают настоящего развития из-за слабой разработки заключительного этапа дискуссии, конечного результата, решения поставленных обществом проблем. В диалоге, ведущемся на телевидении при «обратной связи» с различными каналами коммуникации, как правило, отсутствуют аккумулирующие элементы **диало-**

говой модели взаимодействия с обществом, которая может выстраиваться с помощью регулярно проводимых социологических, социально-психологических исследований.

В качестве одного из вариантов формирования аккумулирующего элемента диалоговой модели медиакоммуникации общественного телевидения можно предложить создание печатных специальных изданий, журналов, сопутствующих телевизионному каналу. Это может быть бюллетень, в котором публикуются вопросы телезрителей, имеющие социально-политическую значимость. Там же целесообразно размещать ответы специалистов, ученых, предприятий, законодателей, юристов, экономистов, руководителей отраслей народного хозяйства, в чью компетенцию входит решение проблем, обсуждаемых в обществе. В сопутствующем телевизионному каналу печатном издании проблемы, получившие общественный резонанс, аккумулируются и становятся основанием дальнейшего обсуждения на другом, более качественном уровне или для решения проблем усилиями институтов исполнительной и законодательной власти, соответствующих структур управления.

*Воронежский государственный университет
Найговзин И. Э., соискатель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: igornaygovzin@mail.ru*

*Voronezh State University
Naigovzin I. E., Graduate student of Department of Public Relations, Advertising and Design
E-mail: igornaygovzin@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ИНОЯЗЫЧНЫМИ СЛОВАМИ

М. Е. Новичихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 ноября 2023 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме трудных случаев лингвистической экспертизы. На примере конкретной экспертизы обсуждаются некоторые пути исследования сходства до степени смешения товарных знаков, представленных иноязычными словами.*

Ключевые слова: *товарный знак, лингвистическая экспертиза, иноязычное слово, сходство до степени смешения.*

Abstract: *the article is devoted to the problem of difficult cases of linguistic expert examination. On the example of a specific expert examination, possible ways to study the confusing similarity of trademarks containing a foreign words are discussed.*

Keywords: *trademark, linguistic expert examination, foreign word, confusing similarity.*

В соответствии с Гражданским кодексом РФ под товарным знаком понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей [1]. Совершенно очевидно, что основную долю в общей системе современных товарных знаков занимают так называемые словесные товарные знаки (например: Rihek, «Мальва», Flare, SalvaDali и др.).

Как видим из приведенных примеров, словесный товарный знак вполне может представлять собой иноязычное слово, выполненное шрифтом языка-оригинала.

Такие обозначения нередко становятся объектом лингвистической экспертизы; причиной экспертного исследования в большинстве случаев становится регламентированный законом запрет на регистрацию и функционирование обозначений, сходных до степени смешения с ранее зарегистрированными в качестве товарных знаков. В итоге достаточно часто приходится устанавливать звуковое сходство/несходство обозначений, одно из которых (или оба) является иностранным словом со своим специфическим произношением и написанием в языке-оригинале.

Трудность подобного исследования, на первый взгляд, неочевидна (см. подробнее в: [2, 212–213]). С одной стороны, существует методика, согласно которой в условиях функционирования обозначения в среде потребителей-носителей русского языка, следует подвергать анализу соответствующие русские звуковые аналоги [3, 214].

С другой стороны, представляется весьма спорным используемый способ выявления соответствующего

русского звукового аналога, базирующийся на анализе исключительно транскрипции анализируемого иноязычного слова.

Поясним сказанное.

Действительно, передачу элементов звучащей речи осуществляет так называемая транскрипция (максимально приближенная передача звучания слова). Конечно же, в тех случаях, когда иноязычное слово распознаваемо, широко известно и понятно российскому потребителю (например, *love, money, drink, well, sorry* и т.п. — как правило, это лексемы английского языка) подобная методика вполне правомочна.

Если же для адресата (в нашем случае — носителя русского языка) исследуемое иноязычное обозначение нераспознаваемо, то такое обозначение сливается в восприятии адресата с фантазийным обозначением, становится неким звукосочетанием, а его звучание в устах потребителя отличается от предписываемого правилами транскрибирования.

Проведенный пилотный эксперимент показал, что такие, например, иноязычные обозначения как Danage, Biocartilagines и т.п. произносятся российскими потребителями товаров и услуг аналогично вариантам «Данаге», «Биокартилагинес» и т.п., т.е. «познаково».

В первую очередь это относится не столько к англоязычным заимствованиям, сколько к немецкоязычным, франкоязычным и т.п., что вполне объяснимо: например, по данным Росстата, по состоянию на 2020 г. в России немецким языком владели 1 063 037, что составило 0,72% населения РФ [4]. Более того, по данным того же Росстата, с периода переписи населения 2010 г. число лиц, владеющих немецким языком, уменьшилось вдвое (1,5% в 2010 г.

[5]), что свидетельствует о сформировавшейся тенденции к уменьшению доли российского населения, владеющего немецким языком. Похожая картина наблюдается и в связи с другими, отличными от английского, языками.

Это значит, что при анализе восприятия подобных обозначений среди российских потребителей для получения объективного результата необходима транслитерация соответствующих звукосочетаний с латиницы на кириллицу и лишь затем — транскрибирование в соответствии с правилами русской транскрипции.

Транслитерация — это точная передача знаков одной письменности знаками другой письменности, при которой каждый знак одной системы письма передается знаком другой системы письма. При этом принципиальным оказывается не язык, на котором написано слово, а алфавит, которым оно выполнено. В современных условиях, как правило, осуществляется транслитерация с кириллицы на латиницу и, наоборот, с латиницы на кириллицу.

Транслитерация принципиально отличается от транскрипции: в противоположность транскрипции, предназначенной для точной передачи звуков языка, транслитерация касается письменной формы языка, служит для передачи букв средствами иного национального алфавита. Иными словами, **транслитерация** — это воспроизведение *буквенного состава* иностранного слова на языке перевода, что нам и необходимо для осуществления последующего транскрибирования.

В настоящее время в процессе транслитерации руководствуются ГОСТ 7.79–2000 (система Б) (является адаптацией стандарта ISO 9 и принят в России 22 июня 2000 г.). Транслитерация по ГОСТ представлена, например, на сайтах: <https://www.translit.site/ru/type/gost-7.79-system-b>, <https://iksweb.ru/tools/translit> и др.

Транскрибирование, необходимое для дальнейшего сопоставления исследуемых обозначений, возможно лишь на базе результатов транслитерации.

Продemonстрируем предложенную методику на примере исследования обозначений *Doppelherz* и *Gross Hertz* (при этом сошлемся на проводимую нами в 2023 г. экспертизу названных обозначений).

В данном случае предметом сопоставления являются звуковые оболочки сопоставляемых обозначений, а именно *doppelherz* и *gross hertz*.

Обозначение *Doppelherz*.

Выявляем, что в соответствии с ГОСТ, *doppelherz* транслитерируется как *донпелхерц* (см.: <https://iksweb.ru/tools/translit/>).

Теперь, опираясь на результаты транслитерации, осуществляем транскрибирование исследуемого обозначения.

Doppelherz (доппелхерц): [дап': илх'эрс]

д [д] — согласный, звонкий парный, твердый (пар-

ный)

о [а] — гласный, безударный

п [п':] — согласный, глухой парный, мягкий (парный), долгий звук п не образует звука в данном слове е [у] — гласный, безударный

л [л] — согласный, звонкий непарный, сонорный (всегда звонкий), твердый (парный)

х [х'] — согласный, глухой непарный, мягкий (парный) е [э] — гласный, ударный

р [р] — согласный, звонкий непарный, сонорный (всегда звонкий), твердый (парный)

з [з] — согласный, глухой парный, твердый (парный)

(см.: <https://phoneticonline.ru/%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%BF%D0%B5%D0%BB%D1%85%D0%B5%D1%80%D0%B7>).

На основе выполненного разбора делаем вывод, что в слове присутствует 9 звуков: 3 гласных, 6 согласных, из них 2 мягких согласных и 4 твердых согласных, 3 звонких и 3 глухих. Одна буква не образует звука.

В целом в звукосочетании *doppelherz* 3 слога, обозначаемых 9 звуками.

2. Обозначение *Gross Hertz*.

Поскольку обозначение представляет собой объединение двух отдельных элементов, рассмотрим их по отдельности. При этом используем описанный выше алгоритм: транслитерирование → транскрибирование.

Первый элемент — *gross*: в соответствии с ГОСТ, он транслитерируется как *гросс* (см.: <https://iksweb.ru/tools/translit/>).

Теперь, опираясь на результаты транслитерации, осуществим транскрибирование:

gross (*гросс*): [грос:]

г [г] — согласный, звонкий парный, твердый (парный)

р [р] — согласный, звонкий непарный, сонорный (всегда звонкий), твердый (парный)

о [о] — гласный, ударный

с [с:] — согласный, глухой парный, твердый (парный), долгий звук с не образует звука в данном слове

На основе выполненного разбора делаем вывод о том, что в слове присутствует 4 звука: 1 гласный звук, 3 согласных звука, из них 3 твердых согласных (мягкие отсутствуют), 2 звонких и 1 глухой. Одна буква не образует звука.

В целом в звукосочетании *gross* один слог, обозначаемый 4 звуками.

Второй элемент обозначения *Gross Hertz* — *hertz*, в соответствии с ГОСТ, он транслитерируется как *хертз* (см.: <https://iksweb.ru/tools/translit/>).

Теперь, опираясь на результаты транслитерации, осуществим транскрибирование этого элемента:

hertz (*хертз*):

х [х'] — согласный, глухой непарный, мягкий (пар-

ный) *e* [э] — гласный, ударный

r [р] — согласный, звонкий непарный, сонорный (всегда звонкий), твердый (парный)

t [т] — согласный, глухой парный, твердый (парный)

z [з] — согласный, глухой парный, твердый (парный)

(см.: <https://phoneticonline.ru/%D1%85%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B7>).

На основе сделанного разбора делаем вывод о том, что в слове 5 звуков: 1 гласный звук, 4 согласных звуков. Из них 1 мягкий согласный и 3 твердых согласных, 2 звонких и 2 глухих согласных. Слово состоит из 1 слога.

Таким образом, видим, что суммарно в звукоочетании *gross hertz* 2 слога, образуемых 8 звуками (из них 6 твердых и 1 мягкий согласный, 4 звонких и 3 глухих).

В целом фонетический разбор показал, что звуко-ряд *doppelherz* и звуко-ряд *gross hertz* различаются как количеством слогов (3 и 2 соответственно), так и количеством составляющих их звуков (9 и 8 соответственно).

В качественном отношении звуко-ряд *doppelherz* и звуко-ряд *gross hertz* также различаются — количеством твердых согласных (4 и 6 соответственно), количеством мягких согласных (2 и 1 соответственно), количеством звонких согласных (3 и 4 соответственно).

Фонетические оболочки сопоставляемых обозначений не являются входящими друг в друга, они соотносятся как пересекающиеся, при этом общий фонетический объем пересечения составляет 3 звука — [x'], [э], [с].

Для того, чтобы объективизировать результаты проведенного исследования, необходимо далее рассчитать так называемый коэффициент звукового сходства сопоставляемых звукоочетаний (КЗС). Для единиц, имеющих нетождественное количество звуков, коэффициент звукового сходства определяется как удвоенное отношение числа совпадающих звуков к общему числу звуков в обоих сопоставляемых элементах, выраженное в процентах (см. подробнее в: [6]).

В результате были рассчитаны следующие значения коэффициента звукового сходства:

$$K_{ЗС}^{doppelherz, gross hertz} = (2 \times 3 / (9 + 8)) \times 100\% = 35,2\%$$
 (количество звуков в анализируемых элементах не со-

падает; общее количество звуков в первом обозначении = 9; общее количество звуков во втором обозначении = 8; количество совпадающих звуков = 3 ([x'], [э], [с]).

Выносить заключение о звуковом сходстве до степени смешения можно лишь в тех случаях, когда коэффициент звукового сходства существенно превышает 50%.

Именно по этой причине есть все основания утверждать, что обозначения *Doppelherz* и *Gross Hertz* среди российских потребителей медицинских препаратов не сходны в звуковом отношении.

Сформулированное заключение было благосклонно принято сторонами судебного процесса и, насколько нам известно, не подвергалось оспариванию.

Между тем следует непременно констатировать, что методика исследования сходства до степени смешения товарных знаков, представленных иноязычными словами, требует научного осмысления и дальнейшей практической апробации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 30.09.2023).
2. Новичихина М. Е. Дискуссионные вопросы лингвистической экспертизы товарных знаков / М. Е. Новичихина // Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов. — М., 2022. — С. 210–214.
3. Новичихина М. Е. О нерешенных вопросах лингвистической экспертизы товарных знаков и путях объективизации ее результатов / М. Е. Новичихина // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы. — М., 2019. — С. 212–220.
4. Информационные материалы об итогах Всероссийской переписи населения 2020 года. Владение языками и использование языков населением. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 01.11.2023).
5. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. Население Российской Федерации по владению языками. — Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.11.2023).
6. Новичихина М. Е. О некоторых спорных моментах в исследовании звукового сходства товарных знаков / М. Е. Новичихина // X Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. — Севастополь, 2016. — С. 78–83.

Воронежский государственный университет
Новичихина М. Е., доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: novichihiname@mail.ru

Voronezh State University
Novichihina M. E., Doctor of Philology, Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: novichihiname@mail.ru

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: РЕСПУБЛИКА САХА (ЯКУТИЯ)

У. В. Охлопкова

Северо-Восточный федеральный университет

Поступила в редакцию 7 декабря 2024 г.

Аннотация: региональное телевидение Республики Саха (Якутия) в постсоветский этап развития рассмотрено с точки зрения государственной политики, а также формирования информационной политики на опыте телеканала «Саха» с 1992 г. по 2002 г.

Ключевые слова: постсоветское телевидение, региональное телевидение, телевидение Якутии, медиасистема региона

Abstract: the regional television of the Republic of Sakha (Yakutia) in the post-Soviet stage of development is considered from the point of view of state policy, as well as the formation of information policy based on the experience of the Sakha TV channel from 1992 to 2002.

Keywords: post-Soviet television, regional television, Yakutia television, media system of the region

Более тридцати лет назад изучение регионального телевидения попало в фокус внимания исследователей. Это было связано не только с академическим интересом, но и с изменениями отечественного телевидения. Теоретические взгляды на периодизацию регионального телевидения России постоянно трансформировались. На начальном этапе внимание уделялось факторам, влияющим на формирование программ местного телевидения. Первым из таких исследователей считается В. Л. Цвик, который указывал на две группы факторов: общие (осуществление функции вещания, направленной на проведение государственной идеологии и политики, необходимость координации местных передач с программами ЦТ и др.) и специфические (своеобразие местной аудитории — ее социально-демографический, национальный, религиозный состав, географические, исторические, социокультурные особенности региона и др.) [1]. Одну из первых попыток обобщить и создать оптимальную модель региональных программ предпринял Е. Я. Дугин, который комплексно подошел к изучению программ местных студий телевидения, их типологии, факторов и условий формирования [2]. Особую ценность для получения общей картины представляет его классификация по приоритетной функции местных студий телевидения (далее ТВ) того периода — информационно-пропагандистские, художественно-воспитательные, информационно-развлекательные, познавательные, информационно-художественные.

Постепенно региональное телевидение стало восприниматься исследователями как самостоятельный сегмент в общей медиасистеме. Так, изучая

основные тренды постсоветского развития регионального телевидения, Ю. М. Ершов выделяет в качестве основных характеристик этапов развития — доминирующие тенденции, которые сменяют друг друга. Среди них: регионализация телевизионного пространства, приватизация и коммерциализация телекоммуникаций, институализация негосударственных вещателей, сетевизация телевизионного пространства регионов [3]. Также исследователи рассматривают не только содержательную часть телевидения, но и структуру, типологические особенности, экономику региональных телевещателей. Современные же исследования сместили внимание на актуальную для многих сфер тенденцию — цифровую трансформацию регионального ТВ [4].

При всем многообразии научных исследований, изучение отдельно взятых регионов в составе Российской Федерации даст возможность в дальнейшем провести более глубокий сравнительный анализ федеральных округов по уровню развития медиасистемы в целом, в том числе и телевидения. Актуальным и необходимым для создания общей картины развития регионального телевидения и расширения ее географии остается изучение опыта конкретных регионов. Если говорить конкретно о Республике Саха (Якутия), в научных публикациях О. Д. Якимова [5] и Н. А. Аргылова [6], посвященных медиасистеме Якутии, косвенно затронуты вопросы функционирования телевидения, однако системные исследования процесса становления и развития якутского телевидения до сих пор отсутствуют. Если опыт становления телевидения в регионах в советские годы был основан, в большинстве случаев, на едином сценарии создания «дочерних» студий Центрального телевидения [7], то постсоветский период у регионов

немного отличается, можно выделить некоторые особенности. В связи с этим цель статьи — изучение переходного периода якутского телевидения после распада СССР. Хронологические рамки исследования обусловлены следующими факторами: 1992 г. — реорганизация Центрального телевидения, начало формирования системы национального вещателя в Якутии, 2002 г. — открытие самостоятельного республиканского канала телевизионного вещания.

Государственная политика как фактор. Периодизация трансформации СМИ постсоветской России вызывает некоторые сложности в связи с несколькими методологическими трудностями. Е. Л. Вартанова выделяет «выявление некоторых системных, адекватных времени, значимых критериев, на основании которых можно было бы выделить стадии развития, а также идентифицировать основные отличия этих стадий друг от друга». По ее мнению, сложность также представляет и то, что «рассматриваемый период исторически весьма краток, ограничен всего лишь двадцатилетием с начала 1990 г. до конца 2010 г., при этом характер перемен неоднороден». Но в основе любой периодизации СМИ, чаще всего лежит характер взаимодействия СМИ и общества, в первую очередь политической власти, а также природа и масштаб изменений в них [7]. Для Якутии, в том числе, этот подход, также видится более верным, ведь в условиях региона именно эти отношения всегда выступали основными факторами изменений в медиасистеме [8], и в том числе в кинематографии [9].

Так, ведущим фактором развития якутского телевидения в период с 1992 г. по 2002 г. становится государственная политика, направленная, в первую очередь, на формирование инфраструктуры телевидения — обновление материально-технической базы, создание условий увеличения охвата аудитории национального телеканала, а также подготовку кадров для отрасли. Многие принципиальные решения, изменения, в том числе и кадровые, напрямую согласовывались с правительством — телекомпания работала в плотную с органами власти, представителями госучреждений. По сути решения республиканской власти в поддержку развития регионального телевидения были продиктованы временем, так как повсеместно после распада СССР выработывалась государственно-монополистическая система функционирования медиаотрасли [10].

Первые переходные годы регионального телевидения совпали с периодом «расцвета якутской государственности», когда в апреле 1992 г. Якутия приняла собственную конституцию, определяющую республику «суверенным, демократическим и правовым государством, основанным на праве народа на самоопределение» [11]. Это коснулось не только информационной политики якутского телевидения, но и формирования инфраструктуры сегментов телевидения. Так как документ также определил право

Якутии на долю в созданном общесоюзном и федеративном богатстве, алмазном, валютном, золотом запасах, что во многом ускорило решение финансовых вопросов регионального телевидения. Так, в 1992 г. за счет выделения валюты Валютного фонда Республики Саха (Якутия) приобреталось новое зарубежное телевизионное оборудование, а компания освобождалась от части налогов до 1995 г. — средства от этого направлялись на укрепление материально-технической базы. В эти годы по сравнению с советским периодом развития повышалась зарплата журналистов телевидения, увеличивался размер гонораров, а также решались вопросы социального характера — жилья, субсидий. Указ «О средствах массовой информации Республики Саха (Якутия)», принятый в 1993 году, подкрепил дальнейшее развитие новыми преобразованиями в сфере телевидения — расширялись производственные площади, переоснащались технические средства. С 1995 г. увеличилось распространение сигнала — ввод в эксплуатацию радиотелевизионной станции в городе Якутске (табл. № 1).

Также в изучаемый период региональное телевидение остро нуждается в обновлении кадров — не только технического направления (операторов, монтажеров), но и творческих специалистов. Вопрос в какой-то степени решается в сентябре 1993 г. — открытием отделения журналистики при Якутском государственном университете (ЯГУ). Также постепенно вырабатывались государственные инструменты по поддержке творчества журналистов. Например, впервые в 1997 году объявляется грант президента Якутии для работников редакций [12].

27 июля 1998 г. вышло Постановление Правительства РФ «О формировании единого производственно-технологического комплекса государственных электронных СМИ». Главной целью было заявлено развитие общенационального информационного пространства. Федеральная власть выступала за то, чтобы телевизионное пространство страны оставалось в подчинении одной организации — Всероссийской государственной телерадиокомпания (ВГТРК). Однако в случае с Республикой Саха (Якутия) постановление о преобразовании государственных телевизионных и радиовещательных компаний в дочерние организации ВГТРК противоречило Указу Президента РФ, так как имущество якутской телекомпания находилось в собственности Правительства РС(Я). Вместе с тем, после публикации вышеуказанного документа Федеральная служба телевидения и радиовещания (ФСТР) и ВГТРК самостоятельно разработали, в одностороннем порядке утвердили и направили НВК «Саха» новые уставные документы компании. Тогда правительство Якутии проявило «твердость, не допустив изменения статуса НВК «Саха» [13].

Процесс перехода якутского телеканала в самостоятельное от федерального центра предприятие

длился долго: переговоры двух учредителей – федерального и республиканского правительств — завершились только к 2002 г. Стороны пытались разными способами решить нестыковки интересов. Так, 29 марта 1999 г. был подписан Протокол о сотрудничестве между Правительством РС(Я), НВК «Саха», Федеральной службой по телевидению и радиовещанию РФ и ВГТРК. Все это время финансирование исправно шло из двух источников: федерального (44,6%) и республиканского бюджетов (55,4%), ежедневный объем вещания НВК «Саха» на канале «РТР» составлял 2,5 часа. Небольшая по федеральным меркам компания могла продолжать работать в таком виде, постепенно став филиалом ВГТРК в Якутии, как происходило во многих региональных компаниях, в том числе и в национальных республиках, например, в Татарстане [14], Бурятии [15] и др. Однако, к тому времени, у руководства НВК «Саха» сформировались взгляды на дальнейшее развитие: была поставлена амбициозная задача по созданию собственного национального телеканала, независимого от ВГТРК [16]. Главным фактором, препятствующим выполнению озвученной задачи, было то, что Якутия не имела собственных каналов распространения телесигналов: НВК «Саха» на договорных условиях размещала свою продукцию на канале РТР. Было понятно, что это явление временное и постепенно на второй кнопке останутся только филиалы ВГТРК.

Все эти вопросы обусловили путь развития якутского телевидения. Круг вытекающих друг от друга проблем, заставил еще не состоявшееся якутское телевидение начать работать по-новому. И дальнейшие шаги были посвящены именно этим задачам. Во-первых, нужно было усовершенствовать инфраструктуру телесистемы региона, создав единую систему телерадиовещания. Во-вторых, ускорить процесс технологического перевооружения с переводом его с аналогового формата вещания на цифровой. В-третьих, развивать телеконтент, находя новые творческие форматы и реализуя интересную повестку.

В 1999 г. все районные телестудии вошли в состав НВК «Саха». Это решило одну из главных задач — распространение сигнала НВК «Саха» на всей территории Якутии, развитие технологической базы телевидения и создание единой системы с возможностью быть представленными даже в самых отдаленных территориях региона. Материальная база районных 32 студий-филиалов, где в общей сложности работало порядка 240 сотрудников, была слабой, а основу местных эфиров составляли фильмы и небольшие подборки местных новостей [17]. Также договор о взаимодействии был заключен с ТРК «Алмазный край», который имел собственное вещание в крупных промышленных территориях Западной Якутии — Мирнинском и Ленском районах.

Следующим шагом к созданию канала стало под-

писание Указа Президента Республики Саха (Якутия) от 21 декабря 2001 года «Об открытии республиканского канала телевизионного вещания». Фактически этот указ означал постепенный уход якутского телевидения со второй кнопки. Новый республиканский телеканал был рассчитан на среднегодовой объем вещания на 2190 час. — 6 час. в сутки, что в 2,5 раза больше, чем было до этого. Указ также предполагал расширение зоны приемы телепрограмм республиканского телеканала. Это происходило в два этапа. Первый этап (декабрь 2001 г. — январь 2002 г.) — проведение технических испытаний и начало эфирного вещания на территорию города Якутска и пригородных поселков на 12 телевизионном канале. Второй этап (февраль 2002 г. — январь 2004 г.) — модернизация и расширение системы телевизионного вещания на территории республики через спутниковую систему и радиорелейные линии.

См. табл. 1.

Творческие, технические факторы развития.

Рассматривая СМИ как стратегический ресурс, якутское правительство инвестировало в развитие инфраструктуры телевидения, обеспечивая по тем меркам достойную заработную плату, условия жизни. Все это не могло не отразиться на качестве производства: техническое перевооружение приводило к новым форматам вещания. Так, например, приобретение телевизионных журналистских комплектов (*Betacam-SP, Hi-8, S-VHS*) в 1992 г. означало переход, в основном, от студийного телевидения к внестудийным записям, что также отразилось на качестве телепередачи. Телевидение все больше стало выходить за привычный круг стандартной студии: зритель стал чаще бывать на концертах, спектаклях, разного уровня мероприятиях. Телевидение от стандартного информационного формата становилось ближе к реальной жизни, появлялось больше живых материалов. В период 1992–1994 гг. содержание телепередач изменилось под влиянием процесса так называемого «этнического ренессанса» — еще больше начали снимать про культуру, литературу, героями становились представители указанных сфер, передачи снимались не только на русском и якутском языках, но и на языках коренных народов Севера.

Большое внимание уделялось детям — образованию, их возможностям и талантам. Якутское телевидение было призвано выполнять просветительскую функцию путем усиления образовательного аспекта. В связи с этим в указанный период появились новые познавательные телепередачи с участием самих детей и школьников в роли телеведущих. Одной из популярных была программа «Кырачаан» («Малыш») (1998 г.) — создавалась как познавательная передача на якутском языке для детей дошкольного и младшего школьного возрастов, а первая детская программа «Түннүк» («Окно») (1988 г.) продолжала свое развитие в новом формате.

*Указы, распоряжения по вопросам развития телевидения в Республике Саха (Якутия)
и их влияние на структуру телевидения:*

Дата	Название	Влияние
3 марта 1992 года	Указ № 86 от 03.03. 1992 г. «О создании Государственной национальной телевизионной и радиовещательной компании Республики Саха (Якутия)»	Приобретение нового зарубежного телевизионного и радиовещательного оборудования за счет выделения валюты из Валютного фонда Республики Саха (Якутия). Освобождение на период 1992–1995 гг. от части налогов, эти средства направлены на укрепление материально-технической базы.
8 мая 1992 года	Распоряжение № 65-РП от 08.05.1992 г. «Об оплате труда работников Государственной национальной телевизионной и радиовещательной компании Республики Саха (Якутия)»	Повышение заработной платы журналистов, увеличение соотношения кратности к минимальной зарплате в 1,4 раза. Увеличение авторского гонорара в соответствии с ростом зарплаты. Установление компенсационных выплат в размере 50% от суммы расходов за коммунальные услуги сотрудникам (кроме управленческого персонала), проживающих в неблагоустроенном жилье.
13 ноября 1993 года	Указ № 566 от 10.10.1993 г. «О средствах массовой информации Республики Саха (Якутия)»	Переоснащение техническими средствами, новыми технологиями издательства, типографии, редакции СМИ. Повышение профессиональных компетенций журналистов, а также подготовка новых кадров сферы СМИ. Расширение производственных площадей, строительство жилья работников СМИ. В сельской местности — финансирование строительства индивидуальных и кооперативных домов для работников СМИ за счет капитальных вложений до 75% от стоимости.
1 сентября 1995 года	Указ № 1149 от 01.09.1995 г. «О создании Национальной вещательной корпорации «Саха» Республики Саха (Якутия)»	Окончание строительства радиотелевизионной станции в городе Якутске, создание сети телерадиовещания с арендой телевизионных стволов спутниковых линий связи. Был поддержан также негосударственный сектор радиовещания и телевидения (АТК «Хоту», «СТВ»).
27 марта 1999 года	Указ № 722 от 27. 03.1999 г. «О мерах по поддержке государственной системы телевидения и радиовещания Республики Саха (Якутия)»	Предусмотрено выделение НВК «Саха» 4,5 млрд. рублей на приобретение оборудования и расходных материалов, отчисление 0,5% от поступлений на развитие материально-технической базы местных студий. Главы муниципалитетов стали обеспечивать студии производственными площадями, транспортом, связью. Вместе с тем, финансирование деятельности местных студий из республиканского бюджета не сокращалось.
17 января 1997 года	Указ № 947 от 17.01.200 г. «О грантах Президента Республики Саха (Якутия) в области средств массовой информации»	Предусмотрено выделение субсидии в виде грантовых средств для поддержки талантливых авторов и авторских коллективов.
26 декабря 2000 года	Программа развития сети телевидения и эфирного радиовещания в Республике Саха (Якутия) на 2000–2008 годы	Запуск в 2002 году сети республиканского цифрового телевидения. Охват населения Якутии сигналом НВК «Саха» составил 99,7%.
15 сентября 2002 года	Указ № 865 от 15.09.2002 г. «О создании единой технологической базы республиканского телевидения и радиовещания»	Информационный центр НВК «Саха» оснащен технологическим оборудованием с возможностью монтажа, озвучивания, «перегона» программ и выдачи их в эфир. Компания впервые получила возможность выхода в прямой эфир вне студии — крупных культурных, спортивных объектов Якутска.

Источник: по материалам Музея телевидения Национальной вещательной компании «Саха»

Можно сказать, что в конце девяностых годов была полностью сформирована основа телевизионного производства, состоящая из двух структур — творческой и технической. Так, в 1999 г. «новости» отделились от других передач, создав информационный центра НВК «Саха». Создание такого центра было продиктовано, прежде всего, необходимостью оптимизировать использование производственных и материально-технических ресурсов. Имея единую структуру, можно было организовать принцип работы по-другому: на-

правлять только одну бригаду, переадресовав оставшиеся на другие события. Осваивается цифровая технология обработки и выдачи в эфир звука. Приобретен «телесуфлер», открыт собственный сайт.

В период коммерциализации общей медиасистемы, акцент сместился в сторону развлекательности в противовес культурно-просветительским и познавательным возможностям, как происходило по всей России. В Якутии эта тенденция проявилась в демонстрации кинофильмов республиканской киностудии «Сахафильм», а также в появлении в эфире первого якутского сериала от самой телекомпании «Ыаллылар» («Соседи») в 1998 г. [18]. В 2001 г. на-

чинает формироваться структура телевидения под авторские проекты — созданы редакция спортивных, общественно-политических, культурных программ. Отдельно создается в 2001 г. молодежная телестудия «Сэргэлээх» для «повышения образовательного уровня населения и студенческой молодежи, учебной практики будущих журналистов».

Так, за десять лет (1992–2002 гг.) объем собственного вещания республиканского телевидения увеличился более чем в два раза: в 1992 г. было 440 час. вещания, в 2001 г. — 1000 час. Среднесуточный объем вещания составил 2 часа 20 минут. На якутском телевидении в 2002 г. существовало 33 постоянные программы, а в год в эфир выходило в среднем порядка 1500 передач, большую часть которых занимали информационные, культурные, просветительские и социальные [19].

В заключение необходимо отметить, что в процессе трансформации якутское телевидение в 1992–2002 гг. приобретает новые черты — процессы стандартизации редакционной деятельности, первые признаки коммерциализации телеконтента привели к трансформации журналистских практик, становлению новых ценностей якутского телевидения — стремление соответствовать массовому вкусу потребителя, усилению развлекательного компонента.

Рассмотрев основные моменты становления регионального телевидения в постсоветский период в ракурсе государственных факторов ее развития, важно подчеркнуть, что в вертикальном управлении медиасистемой, и в том числе, телевидением, были положительные стороны. Осознавая необходимость информационного единства населения, которые жили на огромной и неравномерно заселенной территории, руководство Якутии создало и экономически, и административно поддерживало развитие инфраструктуры телевидения. В свою очередь телевидение предоставило географический доступ к информации почти для всех районов Якутии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цвик В. Л. Телевизионная журналистика: история, теория, практика / В. Л. Цвик. — М.: Аспект Пресс, 2021. — 349 с.
2. Дугин Е. Я. Местное телевидение: типология, факторы и условия формирования программ / Е. Я. Дугин. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 103 с.
3. Ершов М. Ю. Телевидение регионов в поиске моделей развития / М. Ю. Ершов. — М., 2012.
4. Вырковский А. В. Региональное телевидение на пороге цифровой эпохи / А. В. Вырковский, М. И. Макеенко. —

М.: МедиаМир, 2014. — 144 с.

5. Якимов О. Д. Периодическая печать Восточной Сибири и ее трансформация / О. Д. Якимов. — Новосибирск, 2020. — 203 с.
6. Аргылов Н. А. Медиapolитика Республики Саха (Якутия) в современных условиях: концепция, направления, способы реализации: дис. канд. полит. наук: 10.01.10 / Н. А. Аргылов. — СПб., 2019.
7. Охлопкова У. В. Этапы развития регионального телевидения в Советском Союзе на примере Республики Саха (Якутия) / У. В. Охлопкова // Медиа как фактор адаптации человека к социальным, экономическим и политическим изменениям: сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Екатеринбург, 2023. — С. 83–89.
8. Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики / Е. Л. Вартанова. — М.: МедиаМир, 2014.
9. Аргылов Н. А. Медиасистема Республики Саха (Якутия) в условиях глобализации / Н. А. Аргылов. — МедиаСкоп. — 2016. — Вып. 3. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2149> (дата обращения: 18.10.2023).
10. Аргылов Н. А. Факторы формирования и развития регионального кино в России: якутский феномен / Н. А. Аргылов, У. В. Охлопкова. — Медиаальманах. — 2022. — № 6(113). — С. 107–117.
11. Вартанова Е. Л. История отечественного телевидения. Взгляд исследователей и практиков / Е. Л. Вартанова, Г. А. Шевелев. — М., 2012.
12. Михаил Ефимович Николаев. Президентский центр М. Е. Николаева (Николаев центр). — Режим доступа: <https://nikolaevcentre.ru/biography> (дата обращения: 18.10.2023).
13. Протождьяконов С. А. Масс-медиа Саха (Якутия) / С. А. Протождьяконов. — Якутск, 2003.
14. Фатыхова М. Х. Особенности регионального вещания в 1990-е годы / М. Х. Фатыхова. — Вестник Чувашского университета. — 2015. — С. 131–134.
15. Бабкина Е. С. Средства массовой информации коренных народов Дальнего Востока: история возникновения и современное состояние / Е. С. Бабкина. — Litera. — Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37450 (дата обращения: 18.10.2023).
16. Дьяконов Х. Якутское телевидение: прошлое настоящее, будущее / Х. Дьяконов // Якутия. — 2003. — 12 октября. — С. 4.
17. Таюрский Г. Именинный пирог для НВК «Саха» / Г. Таюрский // Якутия. — 2006. — 6 апреля. — С. 8.
18. Никин П. Как зарождалось якутское телевидение / П. Никин // Забота Арчы. — 2018. — 22 ноября. — С. 6.
19. Весь мир в твоём доме: 45 лет телевидению в Республике Саха (Якутия). — Якутск, 2008.

Северо-Восточный федеральный университет
Охлопкова У. В., старший преподаватель кафедры журналистики
E-mail: evseeva.uliana@yandex.ru

Northeastern Federal University
Okhlopkoval U. V., Senior Lecturer at the Department of Journalism
E-mail: evseeva.uliana@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СПОРТСМЕН КАК СУБЪЕКТ/ОБЪЕКТ ИНТЕРВЬЮ

А. В. Прохоров

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 29 ноября 2023 г.

Аннотация: статья посвящена вопросу адаптации жанра интервью к новым платформам. В качестве эмпирической базы исследования выступают выпуски программы «Бар “Бандир”», вышедшие в период с июня по сентябрь 2023 г. на ютуб-канале «Скользкий лед».

Ключевые слова: диалоговая коммуникация, интервью, субъект и объект интервью, беседа, профессиональный спортсмен, ютуб.

Abstract: the article is devoted to the issue of adapting the interview genre to new platforms. The empirical basis of the research is the releases of the program «Bandir Bar», released in the period from June to September 2023 on the YouTube channel «Slippery Ice».

Keywords: dialog communication, interview, subject and object of the interview, conversation, professional athlete, YouTube.

В последние годы в контексте появления новых форматов аудиовизуальных произведений трансформируется жанр интервью. Так, суть интервью-конфронтации заключается в опровержении неприемлемой для автора точки зрения, «наступательной тактике ведения беседы» [1, 512]. Традиционно в интервью за журналистом была закреплена роль доминирующего участника диалога, определяющего его содержание и развертывание, а собеседник, как отмечает О. С. Иссерс, «имел весьма ограниченные возможности реализации своей линии поведения в интервью». В современном контексте, в условиях конкуренции за внимание аудитории, интервью нередко строится на конфликте взглядов, диалоге, где «каждый из коммуникантов имеет свою стратегию и право на контроль, в том числе за интерпретацией своих и чужих слов» [2, 779].

Актуальность темы данной статьи определяется интенсивной медиатизацией сферы профессионального и любительского спорта. Медиатизация сферы, с одной стороны, является продолжением интереса аудитории к отдельным видам спорта, с другой — призвана поддерживать и способствовать росту этого интереса. Эмпирическую базу исследования составили 15 выпусков программы «Бар “Бандир”» на ютуб-канале «Скользкий лед», вышедшие в период с июня по сентябрь 2023 г. Ведущие выпусков «Бар “Бандир”» — бывшие профессиональные хоккеисты Андрей Николишин и Сергей Гимаев, а также спортивный комментатор, журналист, капитан любительской хоккейной команды «Российская пресса» Денис Казанский. Герои выпусков — действующие хоккеисты (М. Григоренко, К. Костин, М. Мичков, К. Марченко и др.), тренеры (Л. Тамбиев, А. Ковалев),

ветераны хоккея (Б. Майоров, В. Кошечкин).

В качестве одной из форм интервью может рассматриваться беседа. С. Н. Ильченко отмечает: «Беседой можно назвать непосредственную форму общения двух и более человек, происходящую в конкретное время и в конкретном месте и посвященную обсуждению одной или нескольких проблем, которые вызывают у аудитории СМИ повышенный интерес» [3, 22]. Один из ведущих программы «Бар “Бандир”» А. Николишин в одном из выпусков подчеркивает: «Это неинтервью. Разговор по душам», тем самым обозначая дружескую и доверительную тональность общения с гостем программы.

Говоря о беседе как формате интервью, С. Н. Ильченко также подчеркивает, что о беседе как виде журналистской деятельности можно говорить лишь в случае, если одним из ее участников является профессиональный журналист [3]. В выпусках программы «Бар “Бандир”» такую роль выполняет Денис Казанский: он направляет разговор, обозначает рубрики внутри выпуска.

Интервью в формате беседы характеризуется непринужденным характером, что способствует раскрытию героя беседы. Непринужденность в выпусках «Бар “Бандир”» реализуется за счет нескольких факторов. Это:

- постоянная смены субъекта/объекта интервью;
- выбор локации для интервью;
- профессионализация дискурса, в том числе обсуждение изнанки хоккея, ритуалов и суеверий, получивших распространение в профессиональном хоккее.

Рассмотрим данные факторы подробнее.

Беседа в каждом выпуске строится вокруг одного гостя, которому, на правах ведущих, А. Николишин, С. Гимаев и Д. Казанцев задают вопросы. Несмотря

на это, на часть вопросов, в том числе «неудобные», отвечают сами ведущие как представители хоккейного мира, тем самым происходит постоянная смена субъекта/объекта интервью. В выпусках «Бар “Бандир”» благодаря приему смены ролей создаются более доверительные и комфортные условия для гостя, особенно при обсуждении сложных тем.

Основной локацией для съемок выступает бар, что зафиксировано в названии программы («Бар “Бандир”»), выдерживается «барная» стилистика: участники беседы предлагают коктейли, названия которых обыгрывают бэкграунд каждого участника беседы, нередко носят ситуативный характер («Красный Грига», «Зеленый Гимбо», «Воркутинский Манхэттен», «Башкирский самозванец», «Хоккеист на пляже», «Металлургический коктейль “Трубы горят”» и др.). В выездных выпусках ведущие стараются не уходить от традиции: в Сочи в качестве локации используется зона у бассейна («Шезлонг-пати», по замечанию ведущих), в Челябинск — бар.

Обращает на себя внимание ситуативная титровка участников: Сергей Гимаев-Бабаевский, Денис Казанский-Челябинский, Андрей «Батя» Николишин и т.д., что также направлено на достижение непринужденного характера интервью.

Профессионализация дискурса достигается благодаря обсуждению узкопрофессиональных аспектов хоккея. Например, в выпуске с Матвеем Мичковым Д. Казанский спрашивает: «Клюшка у тебя какая-то особенная? Какой у тебя загиб был?», «Обмотка у тебя какая-то своя? Фирменная?». Сергей Гимаев уточняет: «Какая жесткость у твоей клюшки?» В выпуске с Алексеем Ковалевым обсуждаются нюансы шнуровки коньков, техники катания.

Важным атрибутом доверительного характера беседы выступает обсуждение «изнанки» хоккея. В выпусках обсуждается быт игроков и команды, например формы проведения свободного времени на сборах (игры в карты), ответственные за выбор музыки в раздевалке команды, как проходят командные ужины или ужины новичков, какие названия носят тренировочные упражнения у тех или иных тренеров («злая собака» у тренера В. Тихонова).

Значительная часть выпуска фокусируется на моментах, отражающих закулисы хоккея. Участникам беседы, например, задаются такие вопросы: «Когда ты соврал партнеру или тренеру?», «Самый трешевый случай на спортивных сборах?», «Самый большой испанский стыд в карьере?», «Первая покупка с хоккейного контракта?», «Самая алкогольная хок-

кейная история?», «Самый неловкий момент в карьере», «Когда вы забыли или потеряли экипировку?»

Личные истории героев раскрываются в рубрике «Острый вопрос», в рамках которой герой вытягивает одну из карточек. Ведущие программы также отвечают на вопросы рубрики, что иллюстрирует смену ролей «объект/субъект интервью». Нередко вопросы касаются неудобных тем, которые могут представлять интерес для аудитории, или историй, связанных с неудачами в профессии.

Профессионализация дискурса также достигается благодаря обсуждению суеверий и ритуалов, сложившихся в хоккейном мире. Часть суеверий и ритуалов отражают действия и линии поведения «на фарт», например: «Слепышев в мусорку клюшку ставил», «Кто-то клюшки не дает трогать», «Игрок разговаривал со штангой». Либо же ритуалы могут касаться празднования забитых голов («Как празднуют голы?»).

Хоккеист Александр Никишин рассказывает о том, как он в разных командах выбирал номер. Важное значение для него имеет число 12: «57-й номер, 5+7, Дата рождения 02.10.2001. День рождения отца — 21. № 21 в команде “СКА”».

Таким образом, анализ выпусков программ «Бар “Бандир”» ютуб-канала «Скользкий лед» дает основание для следующих выводов:

- программа строится на интервью-беседе;
- беседа с героем выпуска носит непринужденный, доверительный характер, что способствует раскрытию героя (это достигается благодаря выбору локации, дружественному тону ведущих и юмору);
- интервью характеризуется профессионализацией дискурса, чему способствует обсуждение профессиональных нюансов хоккея, обычно скрытых от аудитории, быта игроков и команд, личных историй, суеверий и ритуалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шестерина А. М. Интервью-конфронтация в структуре современного аудиовизуального произведения / А. М. Шестерина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2019. — Т. 24. — № 3. — С. 511–520.
2. Иссерс О. С. Диалогические стратегии в интервью: контроль над интерпретацией / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 770–785.
3. Ильченко С. Н. Интервью в журналистике: как это делается: учебное пособие / С. Н. Ильченко. — СПб.: СПбГУ, 2016. — 236 с.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

*Прохоров А. В., доктор филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью
E-mail: proh_and@rambler.ru*

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Prokhorov A. V., Doctor of Philology, Associate Professor of the Journalism Department
E-mail: proh_and@rambler.ru*

О СПОРТИВНОЙ ПРЕССЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Е. А. Сафонов

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Поступила в редакцию 24 декабря 2023 г.

Аннотация: в статье рассматриваются основные проблемы, связанные с деятельностью специализированной спортивной прессы Республики Мордовия. Акцентируется внимание на функционировании спортивной периодики в современном медиапространстве.

Ключевые слова: спортивная журналистика, Республика Мордовия, СМИ, аудитория, региональная периодика.

Abstract: the main problems related to the activities of the specialized sports press of the Republic of Mordovia are being considered. Attention is focused on the formation of sports periodicals in modern media space, specialized press of the Republic of Mordovia, its features and prospects.

Keywords: sports journalism, Republic of Mordovia, media, audience, regional periodicals.

Региональная спортивная журналистика в основном направлена на освещение локальных соревнований с преобладанием в публикациях местных СМИ событийности. Пресса концентрирует внимание «главным образом, на профессиональном спорте и спорте высших достижений, поскольку он интересен наибольшему числу людей, зрелищен, сопряжен с невероятным накалом страстей и эмоций» [1, 527]. При этом проблема развития профессионального спорта в регионах стоит остро: ведь создание современной спортивной инфраструктуры, формирование профессиональных клубов напрямую зависят от государственного или частного финансирования. В то же время ощущается все возрастающий интерес местной аудитории к региональным соревнованиям, что оставляет надежду на дальнейшее развитие региональной спортивной журналистики.

Эти и другие вопросы будут рассмотрены в данной статье на примере функционирования спортивной периодики Республики Мордовия. Автором, обратившимся как к современным, так и к архивным материалам печатных СМИ, на основе контент-анализа было проведено исследование более 50 текстов спортивных журналистов Мордовии. Актуальность исследования в настоящее время особенно актуальна, поскольку данная область журналистики в Республике в настоящее время находится в кризисном состоянии.

Совершая экскурс в историю, узнаем, что одним из пионеров республиканской спортивной печати был В. Е. Старцев, выпускавший футбольные справочники. Сначала это были черно-белые листовки с анонсом предстоящей игры, затем стали выпускаться цветные брошюры. Они отличались не только информативностью (составы команд, биографии

игроков, достижения), хорошей иллюстрированностью и простотой изложения, но и публицистичностью: журналисты выступали в роли футбольных экспертов, высказывая собственную точку зрения, используя экспрессивно-выразительные средства, что способствовало эффективной коммуникации («Наиболее востребованными в дискурсе спортивных журналистов являются военная, театральная, артефактная и физиологическая метафоры» [2, 30]). Эта традиция продолжилась: например, в одном из материалов календаря-справочника 1986 г. рассказывалось о первых поклонниках футбола («Успешно постигали премудрости новой игры первые поколения мордовских футболистов»), воспроизводилась атмосфера вечерних футбольных игр, эмоции зрителей, детали («футболисты играли босиком»), что придавало экспрессивно-выразительную окраску материалу.

Составители календарей-справочников В. Е. Старцев и Ю. М. Павлов стремились как можно полнее отражать деятельность футбольного клуба «Светотехника», приводя самые различные статистические данные из истории выступления команды в первенстве страны. В этом им помогало сотрудничество с Республиканской федерацией футбола и администрацией стадиона «Светотехника». Интересно обращение к читательской аудитории: «В 1983 году “Светотехника” в первой для себя зоне — первой. Вот почему будет интересно прочитать о будущих соперниках саранских футболистов, о поединках с ними в прошлые годы. Авторский коллектив приглашает всех, кто любит футбол, высказывать свое мнение о нашем календаре-справочнике». Издания выходили большим тиражом (7000 экземпляров), стоили недорого — 30 копеек.

Особенно значимым для развития спортивной периодики Республики Мордовия стал 1994 г., ког-

да усилиями того же В. Е. Старцева появилась первая ежемесячная газета «Футбол плюс», в которой освещались все виды спорта, развивавшиеся в республике, но, конечно, прежде всего — популярный футбол. Затем газета стала выходить раз в два месяца, но уже в 1996 г., к сожалению, прекратила свое существование.

До сих пор самым популярным в спортивной периодике Республики Мордовия остается формат справочника-календаря, подробно освещающего деятельность команды мастеров «Мордовия». Большое содействие в этом оказывают Министерство спорта, физической культуры и туризма, Федерация футбола Республики Мордовия. Важно, что футбольные справочники стали объемнее, интереснее по содержанию: в них появилось большое количество новых рубрик, активно стали размещаться рекламные тексты. Хорошо, что «Вечерний Саранск» и «Столица С» имеют постоянные спортивные разделы, но печально, что в Мордовии по-прежнему нет специализированного печатного спортивного издания, а ведь спортивная информация является «ключевым моментом, влияющим на степень популярности того или иного вида спорта» [3, 61].

Анализ показал: хотя популярность печатной прессы идет на спад («Это вынуждает издателей, редакторов и журналистов искать внетекстовые пути информирования аудитории» [4, 222]), благодаря интернету, современным компьютерным технологиям региональная спортивная журналистика все же присутствует в медиапространстве (паблики, сетевые издания, интернет-СМИ). Любительский спорт активно обсуждается на региональных телевизионных и радиоканалах, в интернете. Такие события, как чемпионат Мордовии по футболу, возрождение любительского хоккея и баскетбола, активно обсуждаются болельщиками. Но есть внепрофессиональные факторы, тормозящие развитие данного журналистского направления, а именно приостановка профессиональной деятельности футбольных клубов «Мордовия» и «Саранск», приведшая в 2020 г. к прекращению выпусков футбольных справочников. Хотя выпущенный два года спустя тиражом 500 экземпляров справочник Федерации футбола Республики Мордовия вселяет надежду на то, что спор-

тивная печатная периодика Республики Мордовия не канет в Лету.

«Средства массовой информации и коммуникации — и прежде всего спортивной — призваны удовлетворять разнообразные запросы заинтересованной читательской/зрительской/слушательской аудитории в обеспечении их соответствующей информацией, в транслировании спортивных событий самого разного уровня — от местного/регионального до мирового» [5, 11]. Анализ медиапространства Республики Мордовия показал, что здесь пока не создано полноценной спортивной периодики. Справочники не могут удовлетворить потребности массовой аудитории, нуждающейся в постоянном оперативном информировании, а также в регулярном экспертном анализе спортивных процессов. С такими задачами в полной мере вряд ли могут справиться и общественно-политические газеты, местные телеканалы и радиостанции, для которых спорт лишь одна из многих сфер, деятельность которых призваны освещать региональные СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова М. Н. Спорт как медиакommunikационный феномен / М. Н. Данилова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — № 3. — С. 519–538.
2. Войтик Е. А. Спортивная информация как понятие и ее роль в массмедиа / Е. А. Войтик // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 20. — С. 59–62.
3. Батршина Д. Р. Средства языковой выразительности в дискурсе футбольных комментаторов / Д. Р. Батршина // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2016. — № 2. — С. 29–32.
4. Зодоров А. И. Спортивная журналистика: слагаемые мастерства и жанровые особенности / А. И. Зодоров // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. — 2016. — № 14. — С. 221–222.
5. Антонов В. П. Особенности освещения региональной спортивной жизни и ее проблем на примере еженедельной республиканской газеты «Шанс» / В. П. Антонов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. — 2017. — С. 11–18.

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

Сафонов Е. А., аспирант кафедры журналистики
E-mail: evgeny_saf70@mail.ru

Mordovian State University N. P. Ogarev
Safonov E. A., Postgraduate Student of the Journalism
Department
E-mail: evgeny_saf70@mail.ru

РОЛЬ СПУТНИКОВЫХ АРАБСКИХ КАНАЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ МЕДИАОБРАЗА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ AL-MAYADEEN CHANNEL, AL-HADATH CHANNEL, SKY NEWS ARABIA, AL-JAZEERA CHANNEL)

Сулейман Раним Аднан

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2024 г.

Аннотация: Данная статья представляет собой исследование роли арабских спутниковых каналов в формировании медиаобраза России с акцентом на четыре ключевых канала: Al-Mayadeen Channel, Al-Hadath Channel, Sky News Arabia и Al-Jazeera Channel. Анализируется влияние этих каналов на представление арабской аудитории о политических, экономических, культурных и других аспектах российской действительности. В статье освещаются особенности информационных программ, выбор тем, методы подачи материала, а также взаимосвязь медиаобраза России с событиями в регионе, особенно в контексте сирийского кризиса. Полученные результаты позволяют лучше понять воздействие арабских спутниковых каналов на формирование образа России в информационном пространстве.

Ключевые слова: средства массовой информации, СМИ, медиаобраз, Россия, Сирия, российско-сирийские отношения, арабские спутниковые каналы.

Abstract: This article is a study of the role of Arab satellite channels in shaping the media image of Russia with an emphasis on four key channels: Al-Mayadeen Channel, Al-Hadath Channel, Sky News Arabia and Al-Jazeera Channel. The influence of these channels on the Arab audience's perception of the political, economic, cultural and other aspects of Russian reality is analyzed. The article highlights the features of information programs, the choice of topics, methods of presenting material, as well as the relationship of Russia's media image with events in the region, especially in the context of the Syrian crisis. The results obtained allow us to better understand the impact of Arab satellite channels on the formation of the image of Russia in the information space.

Keywords: mass media, mass media, media image, Russia, Syria, Russian-Syrian relations, Arab satellite channels.

Арабский рынок СМИ является одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся в мире [1]. В арабском мире СМИ широко используются для формирования общественного мнения и воздействия на политические процессы, играют ключевую роль в распространении информации о политических событиях и ориентации общественности [2]. Учитывая культурные и религиозные особенности арабского мира, СМИ часто адаптируются под эти контексты, заботясь о соответствии контента местным нормам и ценностям. Важно отметить, что арабские СМИ не ограничиваются развлекательными или информативными функциями. Они активно участвуют в формировании общественного мнения, влияют на социокультурные нормы и предоставляют форум для обсуждения политических вопросов [3]. С адаптацией к новым технологиям, таким как интернет и социальные сети, арабские СМИ обеспечивают более широкий доступ к информации и позволяют взаимодействовать с аудиторией в режиме реального времени. В связи с важной политической

ролью арабских СМИ, их воздействие распространяется и на международные отношения. Они могут влиять на восприятие других стран и формирование образов в глазах арабской аудитории [4].

Особое внимание в данном контексте отводится спутниковым арабским каналам, которые за последние четверть века стали неотъемлемой частью медиапространства, предоставляя новые формы коммуникации и информационного обмена [5; 6; 7]. Во-первых, спутниковые каналы обеспечивают глобальное покрытие и в определенных случаях функционируют независимо от государственного контроля, что предоставляет им возможность более свободно формировать информационный контент и анализировать политические события. Во-вторых, спутниковые каналы более эффективно адаптируются к культурным и языковым особенностям своей аудитории, что очень важно в многонациональных и многокультурных обществах арабского мира. В-третьих, спутниковые каналы предоставляют альтернативу традиционным медийным источникам, что способствует более разностороннему информационному обмену и разнообразию точек зрения. Как справед-

ливо отмечают А. С. Пуя и А. А. Садыхова, «...спутниковое телевидение открыло новую эпоху в истории медиастран Арабского Востока» [8, 11], сделав доступным во всем мире вещание арабских каналов и создав новые условия конкурентного взаимодействия. Таким образом, арабские спутниковые каналы являются важными участниками мировой медиаиндустрии и ключевыми игроками в формировании образа арабского мира для глобальной аудитории.

Основной целью настоящего исследования является изучение роли спутниковых арабских каналов в формировании медиаобраза России, выявление особенностей их подходов и оценка последствий для международных отношений и дипломатических инициатив.

В выборке для исследования представлены ведущие арабские информационно-новостные спутниковые каналы, такие как Al-Mayadeen Channel, Al-Hadath Channel, Sky News Arabia, Al-Jazeera Channel, известные своим особым подходом к освещению мировых событий.

В рамках эмпирического исследования применялся метод когнитивного анализа, ориентированный на концептуальный аспект медиаобраза, фокусирующийся на изучении того, как события и явления в реальном мире интерпретируются и представляются в СМИ. Основной целью этого метода является выявление соотношения между реальной действительностью и её медиапрезентациями.

Одним из важнейших теоретико-методологических аспектов исследуемой проблематики выступает рассмотрение понятия «медиаобраз», которое до сих пор не достигло консенсуса, особенно в контексте страновой идентичности. В рамках нашего исследования рассмотрим некоторые точки зрения относительно определения «медиаобраз», показавшиеся нам наиболее значимыми.

В большинстве современных исследованиях в области медиакоммуникаций и журналистики медиаобраз понимается как «...структурный визуально-эмоциональный компонент виртуальной реальности, представляющий собой медийную модель объективного бытия [9, 35], «...особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [10, 124]; «...совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ» [11, 95]; «...репрезентированный в медиатекстах фрагмент информационной (медийной) картины мира; относительно устойчивая, непрерывно развивающаяся виртуальная модель того или иного объекта / явления действительности» [12, 74], «...конструкт общественного сознания, формирующийся в медиaprостранстве и выстраивающий систему ценностей и оценок с опорой на культурные особенности и традиции» [13, 29].

Приведенные определения подчеркивают многогранность и сложность понятия «медиаобраз», охва-

тывая эмоциональные, визуальные, рациональные, культурные и социальные аспекты, а также роль средств массовой информации в его формировании.

В зарубежных исследованиях (Ю. Гергели, Дж. Китцингер, Г. Мердлок [14], Э. Хьюдес, Л. Виксек [15]) медиаобраз часто ассоциируется с понятием «имидж», которое используется для описания общего восприятия и представления об объекте, будь то страна, компания, политик, или другой субъект. В рамках медиаобраза, «имидж» отражает образ, созданный и распространенный СМИ.

Применительно к медиаобразу страны, определения приобретают специфические нюансы. Медиаобраз страны — это комплексное представление о ней, формируемое средствами массовой информации и воспринимаемое обществом [16]. В контексте страны медиаобраз может включать в себя следующие аспекты:

культурное и историческое измерение: медиаобраз страны насыщен культурными и историческими элементами, которые влияют на восприятие этой страны в мировом сообществе. СМИ выступают в качестве посредников между культурными особенностями страны и ее представлением в глазах мировой аудитории;

экономическая и политическая информация: СМИ формируют медиаобраз страны через освещение экономических и политических аспектов ее жизни;

образ общественности: медиаобраз страны несет в себе образ общества и его людей. Сюда входит представление о стиле жизни, образовании, культурных событиях и характере населения;

имидж в мировых событиях: участие страны в мировых событиях, таких как конфликты, глобальные инициативы, спортивные мероприятия и др., также формирует определенный медиаобраз.

геополитическое положение: медиаобраз страны связан с ее геополитическим положением, влиянием на региональные и мировые процессы.

Таким образом, указанные аспекты объединяются и формируют комплексный образ страны в глазах мировой аудитории.

В нашей работе под «медиаобразом страны» будет пониматься комплексное визуальное, эмоциональное и информационное восприятие страны, формируемое средствами массовой информации в условиях медийного пространства.

Для достижения цели исследования в рамках статьи был осуществлен когнитивный анализ таких арабских спутниковых каналов, как Al-Mayadeen Channel, Al-Hadath Channel, Sky News Arabia и Al-Jazeera Channel, которые играют важную роль в медиaprостранстве и предоставляют разнообразные точки зрения, анализ и новости, касающиеся России. Объектом когнитивного анализа выступают новостные информационные программы арабских спутниковых каналов и их интернет-версии.

Al-Mayadeen Channel — информационный канал, ориентированный на арабскую аудиторию. Известен своим уникальным аналитическим подходом к информационному вещанию и аналитическим программам. Канал акцентирует внимание на анализе текущих событий и новостей. Вместо простого предоставления фактов он стремится предоставлять глубокий анализ и контекст, позволяя зрителям более полно понимать причины и последствия событий. Канал охватывает разнообразные темы, включая политику, экономику, общество и культуру. Al-Mayadeen часто приглашает экспертов и аналитиков для комментариев и участия в дискуссиях.

Al-Hadath Channel — информационный канал, ориентированный на предоставление оперативной информации о текущих событиях в арабском мире. Канал стремится оперативно и подробно освещать события, происходящие в регионе; охватывает широкий спектр арабских стран, ставя своей задачей освещение событий не только в одной стране, но и в регионе в целом. Это придает каналу значение источника информации о политических, социальных и экономических аспектах в арабском мире.

Sky News Arabia — новостной канал, ориентированный на арабскую аудиторию. Канал предлагает разнообразные новостные программы, охватывающие широкий спектр тем — от политики и экономики

до культуры и спорта. Это обеспечивает аудитории всесторонний взгляд на мировые и региональные события. Sky News Arabia предоставляет аналитические программы и обзоры, включая экспертные анализы событий. Канал освещает как мировые, так и региональные события, обеспечивая аудитории комплексное понимание происходящего в мире и в их собственном регионе.

Al-Jazeera Channel — мировой новостной канал, считается одним из лидеров в арабском спутниковом вещании. Канал зарекомендовал себя как ключевой источник новостей и информации для арабской аудитории в регионе и за его пределами. Al-Jazeera предлагает не только новости, но и разнообразные программы, включая документальные фильмы и аналитические передачи, что обогащает контент канала и предоставляет зрителям глубокий анализ важных тем. Канал транслирует свои передачи не только на арабском, но и на других языках, таких как английский. Al-Jazeera был известен своими инновациями в области новостной подачи, включая использование современных технологий и передовых методов журналистики.

Основные характеристики выбранных арабских спутниковых каналов приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Выборка арабских спутниковых каналов и их характеристика

Спутниковый канал	Целевая направленность	Особенности	Ведущие новостные программы
Al-Mayadeen Channel (с 2012 г.)	Информационный канал, ориентированный на арабскую аудиторию	Известен своим подходом к информационному вещанию и аналитическим программам. Часто привлекает внимание к событиям на Ближнем Востоке и других регионах.	«أيديا» (Al-Nashra Al-Ikhbariya) — Новостная лента, «دودح الابل» (Bila Hudud) — Без Границ, «نيدايمل اة في حص» (Sahifat Al-Mayadeen) — Газета Al-Mayadeen
Al-Hadath Channel (с 2012 г.)	Информационный канал	Фокусируется на новостях и текущих событиях в арабском мире. Предоставляет анализ и комментарии экспертов.	«ةح اسلا» (Al-Sahah) — Актуальные события; «ريبللكل احبصلا» (Al-Sabah Al-Kabir) — Утреннее шоу, «اءار او اي اضق» (Qudaya wa Aray)
Sky News Arabia (с 2012 г.)	Новостной канал, ориентированный на арабскую аудиторию	Является совместным проектом Sky News и Abu Dhabi Media. Предлагает широкий спектр новостных программ и аналитики, охватывающих мировые и региональные события.	Sky News Tonight, «ةي برعلا احبص» (Arabia Morning), «ةي برعلا اءاسم» (Arabia Evening)
Al-Jazeera Channel (с 1996 г.)	Мировой новостной канал с арабской перспективой.	Считается лидером арабского спутникового вещания. Предоставляет новости, документальные программы и аналитические передачи на арабском и других языках.	«زوينة زجلال» (Al Jazeera News) — Новости Al Jazeera, «دودح الابل» (Bila Hudud) — Без Границ, «صاخفلم» (Mawsoa Khas) — Специальный репортаж

Когнитивный анализ позволяет понять, как формируется медиаобраз России через призму арабских спутниковых каналов и какие факторы влияют на восприятие этой страны в арабском информационном пространстве.

Когнитивный анализ арабских спутниковых каналов в контексте их отношения с Россией включает

в себя ряд ключевых аспектов:

выбор тем и заголовков: анализ выбора тем, которые появляются в информационных программах. Какие аспекты политики, экономики, культуры и общества в России акцентируют внимание и какие заголовки используются для представления этих тем; стиль и тон презентации: изучение стиля и тона,

с которым представляется информация о России. Например, канал может использовать аналитический подход, акцентировать внимание на позитивных или негативных аспектах, влиять на эмоциональную окраску;

экспертные мнения и комментарии: анализ того, какие экспертные мнения и комментарии предоставляются в отношении российских событий. Какие аналитики и эксперты чаще всего приглашаются для анализа ситуации в России;

визуальные элементы и графика: изучение использования визуальных элементов в информационных программах, таких как фотографии, графика, видео. Какие изображения выбираются для иллюстрации событий в России и как это влияет на восприятие;

частота и глубина освещения: оценка, с какой частотой и в какой глубине канал освещает российские события. Насколько подробно рассматриваются важные темы и какие аспекты уделяются больше внимания;

реакция на мировые события: рассмотрение того, как канал реагирует на мировые события, связанные с Россией, такие как международные конфликты, дипломатические события и другие события мирового значения.

Таким образом, когнитивный анализ арабских спутниковых каналов включает в себя изучение того, как эти каналы формируют медиаобраз России через представление информации, выбор тем и методов подачи материала в информационных программах.

Исследование представлений медиаобраза России в новостных программах арабских спутниковых каналов позволило выявить некоторые общие тенденции.

Политический анализ и события. В новостных программах арабских спутниковых каналов часто акцентируется внимание на политических событиях в России, особенно на решениях и действиях российского правительства в мировых делах. Основными темами являются «Участие России в сирийском конфликте» (Al-Mayadeen Channel), «Крымский кризис и отношения с Украиной» (Al-Jazeera Channel), «Россия и Ближний Восток», «Россия и антитеррористические усилия» (Sky News Arabia), «Россия и международные санкции» (Al-HadathChannel) и др.

Пример: обозреватель Ильяс Фархат Al Mayadeen Channel заявляет, что российская сторона выглядит сильнее в перспективе украинского конфликта. «В общем стратегическом балансе Россия выглядит превосходящей по человеческим ресурсам и стратегической глубине, и у нее есть два опыта западного вторжения: Бонапарта в девятнадцатом веке и Гитлера в двадцатом веке, и она одержала победу над ними благодаря стратегическому превосходству», — пишет журналист.

Экономическая ситуация. Экономические аспек-

ты, такие как торговля, инвестиции, энергетика и финансовые рынки, привлекают внимание арабской аудитории. Основными темами являются «Российская экономика устояла в условиях западных санкций» (Al-Jazeera Channel), «Экономическое процветание: как Россия преодолевает санкции» (Al-Mayadeen Channel), «Санкции и экономика: Россия в глобальной перспективе» (Sky News Arabia), «Экономическое сопротивление: российская экономика под давлением».

Пример: по мнению журналистов Al-Jazeera Channel, «...коллективному Западу не удалось изолировать Россию. Кроме того, он в определенной степени поспособствовал процветанию страны». С позиции Al Mayadeen Channel «...российский президент Владимир Путин умело использовал энергоресурсы, особенно газ, для сохранения экономики РФ и стабильности российской валюты».

Культурные обмены и сотрудничество. Некоторые программы арабских спутниковых каналов подчеркивают культурные аспекты и взаимодействие между Россией и арабским миром.

Пример: программа «Мосты Культур: Россия и Арабский Мир» (Al-Jazeera Channel) создана с целью углубленного изучения и понимания культурных связей между Россией и арабским миром. Это путешествие по истории, искусству, традициям и современной жизни обеих сторон, освещающее богатство и разнообразие культурного наследия. Серия специальных репортажей из России — «Взгляд на Россию» позволили арабскому зрителю взглянуть на российское общество и культуру изнутри, получить более глубокое представление о российской экономической и политической жизни.

Ключевые личности и интервью. Такие спутниковые каналы как Al-Jazeera Channel и Sky News Arabia периодически приглашают ведущих политиков и журналистов двух стран для интервью.

Пример: в эксклюзивном интервью арабским телеканалам Al Arabiya и Sky News Arabia Президент Российской Федерации Владимир Путин делится своими взглядами на роль России в мировых делах и ее ответ на вызовы, включая санкции. Президент обсуждает стратегии по укреплению экономики, геополитические аспекты и перспективы сотрудничества с арабским миром. Интервью проведено в формате прямого эфира с участием опытных политических журналистов. Такой формат предоставляет уникальную возможность политикам выражать свои взгляды напрямую зрительской аудитории, а также предоставляют более глубокий анализ текущих событий и перспектив сотрудничества между странами.

Также стоит отметить, что Россия продолжает играть активную роль в военной ситуации в Сирии, влияя на ход конфликта и участвуя в поисках политического урегулирования. В новостных лентах многократно подчеркивается закрепившийся за Россией имидж «спасительницы» для сирийского народа,

приводятся сводки из интервью населения, политиков, аналитиков, представителей власти и военных, благодарных России, в особенности после освобождения Сальмы, Алеппо и разминирования Пальмиры. Неоднократно подчеркивается, что «Россия — друг

сирийского народа», а Президент России ассоциируется с «силой и мощью».

Содержательная структура медиаобраза России с позиции арабских спутниковых каналов приведена в таблице 2.

Таблица 2.

Содержательная структура медиаобраза России с позиции арабских спутниковых каналов

Тематическая структура	Акцент	Ключевые лексемы
Политическая стабильность и лидерство	Подчеркивание стабильности политической ситуации в России и лидерских качеств российских политиков, в частности, Президента России.	Президент, стабильность, лидерство.
Геополитическая роль России	Анализ и обсуждение геополитической роли России в мировых событиях и международных отношениях.	Мировые отношения, стратегические союзы, дружеские отношения, урегулирование конфликтов.
Экономическая устойчивость и развитие	Подчеркивание экономической устойчивости России и ее роли в мировой экономике.	Экономика, устойчивость, развитие, инвестиции
Культурное разнообразие и национальная идентичность	Подчеркивание культурного богатства России, разнообразия и национальной идентичности.	Культура, традиции, искусство, национальная идентичность.
Научные достижения и технологический прогресс	Подчеркивание научных и технологических достижений в России и их влияния на мировую науку.	Наука, технологии, инновации, космос.
Спортивные достижения и мировая роль в спорте	Информация о спортивных успехах России и ее роли в мировых спортивных мероприятиях.	Спорт, соревнования, спортивные достижения.
Миротворческая и антитеррористическая деятельность	Подчеркивание участия России в миротворческих операциях и борьбе с терроризмом.	Безопасность, миротворчество, борьба с терроризмом.
Образовательные программы и культурный обмен	Просветительские программы культурного обмена и образовательных инициативах между Россией и арабским миром.	Культурные обмены, образование, взаимопонимание.

В целом выделенные аспекты формируют содержательную структуру медиаобраза России с позиции арабских спутниковых каналов, которая влияет на восприятие и представление медиаобраза России в арабском информационном пространстве.

Таким образом, исследование роли арабских спутниковых каналов в формировании медиаобраза России предоставляет уникальное понимание воздействия этих каналов на восприятие России арабской аудиторией. Тематическая структура, охватывающая политические, экономические, культурные и другие сферы, демонстрирует многогранность представления о стране. Акцент на политических событиях в России подчеркивает внимание каналов к ключевым решениям и действиям российского правительства в мировых делах, что создает осведомленность арабской аудитории о глобальной роли России и ее участии в международных событиях. Анализ экономических аспектов, таких как торговля, инвестиции и энергетика, не только привлекает внимание, но и освещает устойчивость российской экономики в условиях санкций, что формирует представление об экономической жизни России в глазах арабской аудитории. Выделение культурных аспектов и сотрудничества подчеркивает важность взаимопонимания между Россией и арабским миром. Програм-

мы, посвященные культурным обменам, туризму и образованию, способствуют созданию позитивного образа России в культурном контексте. Исследование взаимосвязи медиаобраза России с событиями в Сирии подчеркивает важность российской роли в региональной стабильности, что также формирует позитивное отношение к стратегии России в решении международных конфликтов. В целом, создается комплексный и богатый образ России на арабских спутниковых каналах, который влияет на мнение арабской аудитории и обогащает их представление о стране в различных сферах жизни.

Расширение и дальнейшее исследование в этой области может привести к новым открытиям и проложить путь для более глубокого анализа и понимания России в современных арабских СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arab Media Systems. Ed. by Richter, C. & Kozman, C. Open Book Publishers: Cambridge, 2021.
2. Малаховский А. К., Дургам Н. К вопросу об изучении современной сирийской медиасистемы / А. К. Малаховский, Н. К. Дургам Н. К // Litera. — 2022. — № 8. — С. 132–146.
3. Ба Алави М. М. Современные медиа и их влияние на революционный процесс «Арабской весны» / М. М. Ба Алави // Russian Journal of Education and Psychology. —

2014. — № 8 (40). — С. 23–29.

4. Гукасян Г. Л. Аспекты позиции некоторых арабских средств массовой информации по поводу ситуации вокруг Украины и роли России / Г. Л. Гукасян // Восточная аналитика. 2023. — № 14(2). — С. 85–97.

5. Сулейман Р. Становление ведущих телеканалов Сирии и их значение в медиасистеме страны / Р. Сулейман // Медиа-2023: теория и практика: 2023 — год педагога и наставника: материалы III международной научно-практической конференции, Москва, 02 марта 2023 года / Московский педагогический государственный университет. — М., 2023. — С. 337–341.

6. Шафель А. Ш. Х. Историческое развитие арабоязычного спутникового телевидения / А. Ш. Х. Шафель // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2013. — Т. 20. — № 27. — С. 173–178.

7. Телевизионное и радиовещание в Сирии: история, современное состояние и тенденции развития. — Режим доступа: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11617> (дата обращения: 16.05.2023).

8. Пую А. С., Садыхова А. А. Арабское телевидение: от регионализации к глобализации / А. С. Пую, А. А. Садыхова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2012. — № 6. — С. 8–23.

9. Русакова О. Ф. Виртуальная власть массмедиа / О. Ф. Русакова // Дискурс-Пи: Дискурс виртуального мира. — Екатеринбург, 2010. — С. 33–37.

10. Богдан Е. Н. Медиаобраз России как понятие тео-

рии журналистики / Е. Н. Богдан // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. — 2007. — № 4. — С. 122–127.

11. Марущак А. В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве / А. В. Марущак // Журналистский ежегодник. — 2012. — № 1. — С. 93–96.

12. Горбаль Д. Э. Современные подходы к феномену медиаобраза / Д. Э. Горбаль // Наука и образование сегодня. — 2020. — № 11 (58). — С. 72–75.

13. Белоусова Ю. В. Медиаобраз в медийной коммуникации / Ю. В. Белоусова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов. — 2012. — № 12 (26): в 3-х ч. Ч. I. — С. 27–31.

14. Hughes E. Social Contexts and Responses to Risk Network (SCARR) / E. Hughes, J. Kitzing, G. Murdock. — Working Paper 27–2008: Media Discourses and Framing of Risk. Cardiff University, Conterbury, Kant, UK. — Режим доступа: <https://www.kent.ac.uk/scarr/papers/HughesKitzingerWkPpr28.pdf> (дата обращения: 08.12.2023).

15. Vicsek L. Media presentation and public understanding of stem cells and stem cell research in Hungary / L. Vicsek, J. Gergely // New Genetics and Society. — 2011. — № 30 (1). — P. 1–26. — Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14636778.2011.552297> (дата обращения: 09.12.2023).

16. Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации. — Вологда: ВоГУ, 2022. — 329 с.

Московский педагогический государственный университет

Сулейман Раним Аднан, аспирант кафедры журналистики, коммуникации и медиаобразования

E-mail: solemanraneem@gmail.com

Moscow State Pedagogical University
Raneem Adnan Suleiman, Postgraduate Student of the
Department of Journalism, Communication and Media Education
E-mail: solemanraneem@gmail.com

О «КОММУНИКАТИВНОМ ПОВОРОТЕ» В ИССЛЕДОВАНИИ МЕДИАИНДУСТРИИ

И. Э. Найговзин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 февраля 2024 г.

Аннотация: в рецензии рассматривается монография профессора Е. Я. Дугина «Коммуникативный поворот» в исследовании медиаиндустрии», в которой представлена совокупность актуальных проблем становления и развития медиакоммуникации и журналистики.

Ключевые слова: теория медиакоммуникаций и журналистики, медиаиндустрия, «коммуникативный поворот», «лингвистический поворот», «дискурсный подход», медиамодель.

Abstract: the review examines the monograph of Professor E. Ya. Dugin «The communicative turn in the study of the media industry», which presents a set of topical problems of the formation and development of media communication and journalism.

Keywords: theory of media communications and journalism, media industry, «communicative turn», «linguistic turn», «discourse approach», media model.

Деятельность медиакоммуникации и журналистики обусловлена огромной совокупностью факторов и условий. Во-первых, многое определяет социально-политическое, экономическое и социокультурное устройство государственной власти и управления. Во-вторых, значительное влияние оказывают морально-нравственное состояние общества, ценностные ориентации, культурная активность и особенности медиапотребления аудитории медиакоммуникации и журналистики. В-третьих — нельзя сбрасывать со счета качество квалификации кадров, уровень журналистского мастерства, способность публицистов глубоко осмыслить и передать в печати, на телеэкране, в радиоэфире, в социальных сетях интерпретацию фактов и явлений жизни. Что и говорить, порой выполнение этих задач, по выражению классика, — «неподвластно даже обширному разуму».

В дополнение к отмеченным факторам и условиям, а быть может, и более существенную значимость, имеет теоретико-методологическое осмысление, разработанность научно обоснованных концепций медиакоммуникативной деятельности, выверенность коммуникативных стратегий целей и задач информационной работы информационно-коммуникативных и социальных институтов. Вся отмеченная совокупность факторов и условий в той или иной степени оказывает влияние на функционирование медиакоммуникации и журналистики, на состояние и развитие умонастроений населения, на укрепление доверия и консолидации всех общественных сил.

Многие годы медиаисследовательское и эксперт-

ное сообщество, последовательно выдвигая тезис о необходимости теоретического обоснования деятельности медиакоммуникации и журналистики, вынуждено признать, что на сегодняшний день сколько-нибудь общепризнанной отечественной теории журналистики и медиа пока не создано.

Поэтому выход каждой книги с попыткой теоретического осмысления многосложных процессов, происходящих в медиаиндустрии, явление нечастое и в известном смысле смелое для автора и аналитического сообщества. В монографии известного специалиста в сфере медиакоммуникации и журналистики, доктора социологических наук, профессора Е. Я. Дугина «Коммуникативный поворот» в исследовании медиаиндустрии: научное издание (М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2024. 320 с.) предпринята плодотворная попытка обозначить новое теоретико-методологическое явление перехода от «лингвистического поворота» к построению коммуникативных моделей.

В монографии не только содержится констатация современного состояния теоретических изысканий, но и обозначается направление дальнейших научных исследований. Логика развития мысли и структура монографического исследования построены по академическому принципу: от теоретико-методологических обоснований научного исследования медиаиндустрии (в первой части книги) автор переходит к анализу практики журналистики в условиях мультимедийности и цифровых трансформаций (вторая часть) — к исследованию процессов становления цифровой цивилизации, рассматриваемой автором в качестве перехода к качественной медиакоммуникации и журналистике (третья часть).

Следуя авторской логике, теоретические положения современного этапа медиакоммуникации и журналистики в издании тесно взаимосвязаны с анализом практической деятельности печати, телевидения, радио и других информационно-цифровых каналов медиа. Предложенный подход позволяет автору сделать ряд нетривиальных выводов, полезных для дальнейшего развития медиаиндустрии.

В частности, на основании обстоятельного анализа статистических и социологических исследований медиаповедения аудитории и основных тенденций развития медиаиндустрии в условиях цифровых трансформаций автор приходит к выводу о том, что отечественная медиаиндустрия развивается в русле мировых тенденций. Е. Я. Дугин отмечает, что каналы медиа находятся в авангарде цифровой трансформации как новаторское технологическое явление и социально-политический институт, состоящий из совокупности экономических субъектов, занятых производством, технологическим обеспечением распространения информационной продукции, созданием смыслов, ценностей во взаимодействии с коммуникативными сообществами и массовой аудиторией.

Профессор Е. Я. Дугин выдвигает фундаментальное положение о том, что по ее влиянию на жизнь современного общества и государства медиаиндустрию можно рассматривать в качестве нового социально-экономического и социокультурного явления, исследование которого требует новаторских подходов и методов. Изучение сущности и основных параметров отрасли, занятой производством образно-смысловой сферы информационно-духовной жизни, анализ основных механизмов ее функционирования, а также разработка методов анализа являются крупной теоретико-методологической проблемой, которая имеет существенное значение для дальнейшего развития отечественной медиаиндустрии.

В рецензируемой книге автор выделяет принципиально новое явление в исследовании медиаиндустрии, обозначаемое им в качестве «коммуникативного поворота» к формированию медиамodelей, который дополняет и развивает «лингвистический поворот» и «дискурсивную модель», зарекомендовавших себя за полвека в качестве одного из фундаментальных направлений научной гуманитарной мысли.

Приведем отдельные фрагменты концептуальной теории «коммуникативного поворота» в исследовании медиаиндустрии, содержащиеся в монографии.

Автор справедливо и научно обоснованно отмечает кардинальные перемены в медиаиндустрии, которые оказали существенное влияние на коммуникативное поведение аудитории. Например, сервисы общения и просмотра контента в интернете по регулярности пользования заметно опережают вовлеченность в такие повседневные практики, как просмотр телевизора (50%), пешая прогулка (48%), чтение книг (27%) и занятия спортом (15%). Экспер-

ты отмечают существенное снижение интереса населения к просмотру телевизионных передач. Так, если в 2018 г. доля телезрителей составляла 23%, то теперь, пять лет спустя, приверженцев телесмотра оказалось еще меньше — 16%. За это же время группа активных пользователей социальных сетей интернета, (из тех, кто никогда не включает телевизор), выросла в три (!) раза, с 13 до 31%.

Рост значительный. Иными словами, доля россиян, отказавшихся от просмотра передач телевидения, выросла в три раза за пять лет. Это серьезный сигнал для производителей телевизионного контента. Однако справедливости ради стоит заметить, что пользователи интернета, никогда не включающие телевизионный приемник, смотрят на компьютерном экране видеопродукцию, созданную на телевизионных или киностудиях. Так что данные социологических исследований необходимо интерпретировать не только с учетом отмеченной особенности медиаповедения реципиентов, но и места производства контента. Заявлять о небывалом росте «отказников» от телесмотра представляется таким же некорректным, как и продолжающиеся, независимо от реальных процессов в отрасли, высказываний отдельных экспертов о «смерти» печатных изданий. Как видим, научные изыскания могут служить надежным ориентиром для коррекции коммуникативных стратегий медиаканалов и политики управления отраслью.

Обстоятельные рассуждения автора подкрепляются данными научных исследований медиакоммуникации и журналистики. Следует признать, пишет Е. Я. Дугин, что рост пользователей интернета в последние годы стал неоспоримым фактом. Социологи отмечают, что «86% россиян, пользующихся хотя бы одной социальной сетью или мессенджером, проводят в них время практически ежедневно; среди молодежи 18–34 лет доля ежедневных пользователей близка к абсолютной (18–24 лет — 92%, 25–34 лет — 94%), регулярные пользователи социальных сетей и мессенджеров *с коммуникационным функционалом* (выделено нами. — И. Н.) («ВКонтакте», WhatsApp, Telegram, «Одноклассники» и пр.) в среднем тратят на них 272 минуты, или 4,5 часа в день. Показатель ощутимо выше среди молодежи 18–24 лет: на обмен сообщениями, чтение ленты новостей, звонки и другие активности молодые люди в среднем тратят 493 минуты, или более восьми часов в день. Больше всего времени в сети пользователи проводят во «ВКонтакте» — 129 минут в сутки».

Отмеченные особенности и устойчивые привычки в медиапредпочтениях, которые при определенных допущениях можно рассматривать в качестве закономерностей, влияющих на модели поведения аудитории, представляют собой надежные ориентиры для разработки коммуникативных стратегий каналов медиакоммуникации и коррекций практической деятельности журналистов. Так, выявленные

в социологических исследованиях информационные, смысловые предпочтения аудитории, отмечает автор, могут служить ценной рекомендацией, согласно которой необходимо увеличивать долю материалов с коммуникативной составляющей в структуре программ телерадиопередач и в стратегиях взаимодействия с аудиторией печатных изданий. Исходя из растущей популярности интернета, достигнутому благодаря активному многообразию форм коммуникации с целевой аудиторией, газетные публикации и телерадиопередачи должны быть в не меньшей степени, чем социальные сети, ориентированы на коммуникативный функционал с аудиторией, с различными группами коммуникативного сообщества. Редакционная политика этих видов медиа должна предоставлять разнообразные возможности читателям, зрителям, слушателям, пользователям социальных сетей для высказывания личного мнения, для участия в производстве медиaproдукции.

В книге отмечается, что за много лет существования информационно-коммуникативной системы страны, население и производители контента, пожалуй, впервые столкнулись с проблемой переизбытка информационных ресурсов, каналов массовой коммуникации. Оказалось, что эта проблема не менее сложна по сравнению с информационным дефицитом прежних лет. Информационно-коммуникативное изобилие привело к острой конкурентной борьбе медиаканалов за внимание аудитории, за финансово-экономические ресурсы, выделяемые рекламодателями. Отмеченные здесь факторы и условия самым непосредственным образом влияют на деятельность журналистов. Вот почему, делает справедливый вывод автор издания, анализ и научно обоснованные решения проблем деятельности по сбору, подготовке и распространению информации и смыслов в условиях мультимедийности представляется остроактуальной для практики и теории медиакommunikации и журналистики.

В книге подробно рассматриваются основные недостатки, характерные для мультимедийности: *усредненность контента, поток безликих, серых, невыразительных образов и текстов*. По мере нарастания информационного потока и количества источников информации увеличивается и число экспертов, которые говорят о кризисе журналистики, приводя в качестве аргументов статистику сокращения подписчиков традиционных печатных изданий и нарастающую тенденцию увеличения количества «нишевых», адресных каналов информации и, соответственно, «перетекания» рекламного финанси-

рования в интернет, в электронные платформы и каналы медиакommunikации. Отмеченные тенденции в медиапотреблении заставляют издателей, медиамеджеров менять традиционные бизнес-модели, искать новые пути к дифференцированной аудитории.

Автор книги предостерегает редакционные коллективы и отдельных журналистов, которые в своей каждодневной деятельности пренебрегают научно-аналитической составляющей информационно-коммуникативных процессов и не занимаются собственным развитием в условиях динамично меняющейся коммуникативной ситуации. И в итоге они оказываются не всегда готовыми к созданию новых бизнес-моделей и концепций телерадиопрограмм и изданий, отвечающих ожиданиям, ценностным ориентациям и информационно-коммуникативным запросам целевой аудитории.

Нельзя не согласиться с профессором Е. Я. Дугиным в том, что в условиях становления и развития цифровой цивилизации, которая происходит на наших глазах и с нашим участием, концептуальное обоснование медиамодели представляется плодотворным подходом к разработке новой теории коммуникативной деятельности на основе преемственности теоретико-методологических положений, сформированных «лингвистическим поворотом», «дискурсивной моделью» и «коммуникативным поворотом». Формирование моделей медиакommunikации предполагает практическое применение гуманитарных технологий в развитии медиакommunikативной индустрии в условиях цифровых трансформаций.

Знакомство с основными идеями, изложенными в книге Е. Я. Дугина, может быть полезными для научного сообщества, практических работников отрасли, журналистов, студентов и слушателей курсов повышения квалификации и переподготовки кадров отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонова В. ВЦИОМ: доля отказавшихся от телевидения россиян выросла за пять лет в три раза / В. Леонова // [telesputnik.ru](https://telesputnik.ru/materials/tech/news/vciom-dolya-otkazavshih-sya-ot-televideniya-rossiyan-vyroslo-za-pyat-let-v-tri-raza). — Режим доступа: <https://telesputnik.ru/materials/tech/news/vciom-dolya-otkazavshih-sya-ot-televideniya-rossiyan-vyroslo-za-pyat-let-v-tri-raza> (дата обращения: 03.02.24).

2. Чупров Д. ВЦИОМ: 86% россиян пользуются соцсетями и мессенджерами каждый день / Д. Чупров // [telesputnik.ru](https://telesputnik.ru/materials/trends/news/vciom-86-rossiyan-polzuyutsya-socsetyami-i-messenzherami-kazhdyy-den). — Режим доступа: <https://telesputnik.ru/materials/trends/news/vciom-86-rossiyan-polzuyutsya-socsetyami-i-messenzherami-kazhdyy-den> (дата обращения: 03.02.24).

ПРАВИЛА

для авторов серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета»

Серия «Филология. Журналистика» журнала «Вестник ВГУ» включена в список ВАК при Минобрнауки российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Статьи проходят редакционное рецензирование и в случае положительной рецензии — научное и контрольное редактирование. В случае рекомендации статьи к опубликованию автору высылается лицензионный договор (все подписанные страницы договора сканируются и высылаются в редакцию).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал выходит **4 раза в год**

Почтовый адрес: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а, уч. корп. № 6 ВГУ, факультет журналистики, к. 103, редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».

Контактный телефон:

+7 (473) 266-17-50, 274-52-71

Контактный e-mail: tam1008@yandex.ru,

vlvtul@mail.ru

Полные статьи принимаются объемом до 10 страниц формата А4 рукописи. Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr). Информационная графика — черно-белая.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через

запятую дается указание на страницы — [1, 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, 5; 2, 75]).

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавляется **ЛИТЕРАТУРА** (прописные буквы); оформляется в соответствии с *ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись*. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать **сноски**.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru) текст статьи, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, иллюстрации и подписи к ним (бумажный экземпляр, присланный по почте, или файлы текста и иллюстраций, а также сканы каждой из страниц).

Время рассмотрения, рецензирования и опубликования статей зависит от объема редакционного портфеля, формируемого из статей, рекомендованных к печати. Поэтому редакция не отвечает на вопросы типа «Как скоро может быть опубликована статья? Сколько времени занимает рассмотрение и рецензирование статьи? В течение какого срока автор получит номер журнала со статьей после его выхода?»

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром журнала, поэтому **желательна подписка** на журнал. Подписной индекс — 51174 в объединенном каталоге «Пресса России».

Редколлегия

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК ...

(узнать в библиографическом отделе библиотеки)

ОБРАЗЫ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Е. В. Бавыкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 июля 2021 г.

Аннотация: целью данного исследования является представление состава языковых средств, объективирующих космическое пространство в научно-фантастических произведениях, и описание семантики этих единиц. Источниками для исследования послужили произведения русских авторов и немецких фантастов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, космическое пространство, прямые номинации, косвенные номинации, индивидуально-авторские номинации.

Abstract: the aim of this study is to present the composition of language means which objectify outer space in science fiction and to describe the semantics of these units. Works by Russian authors and German science fiction writers constituted the subject for study.

Keywords: cognitive linguistics, the text, science fiction, space, direct nominations, indirect nominations, individually-author's nominations.

Тексты научной фантастики¹ представляют собой практический интерес для исследователей в рамках когнитивной лингвистики как специфическая форма воплощения картины мира. Ключевым образом в текстах научной фантастики является космическое пространство [1, 5–9]. Анализируя языковые средства, объективирующие космическое пространство в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов [2, 4–21].

ЛИТЕРАТУРА

(Список нумеруется в порядке цитирования)

После литературы указываются сведения об авторах на русском и английском языках (12 п., курсив): название университета; фамилия, инициалы; ученая степень, должность; электронный адрес.

Воронежский государственный университет
Бавыкина Е. В., преподаватель кафедры немецкой филологии
E-mail: phil27@mail.ru

Voronezh State University
Bavykina E. V., Lecturer of the German Philology Department
E-mail: phil27@mail.ru

Далее необходимо указать фамилию, инициалы автора и название статьи на английском языке (прописными буквами).

Bavikina E. V. IMAGES OF SPACE IN THE TEXTS OF SCIENCE FICTION

P. S. Рекомендуемые объемы статей (требование издателя)

2 журнальные страницы = не более 9100 знаков с пробелами

3 журнальные страницы = не более 14250 знаков с пробелами

4 журнальные страницы = не более 19500 знаков с пробелами.

P.P.S. Примеры названий ученых степеней, должностей и пр. на английском языке: Candidate/ Doctor of Philology (кандидат/доктор филологических наук); Postgraduate Student (аспирант) / Lecturer (преподаватель) / Senior Lecturer (старший преподаватель) / Associate Professor (доцент) / Professor (профессор) of the Public Relations Department (кафедры связей с общественностью).

¹ Сноска